

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N 12

St. Petersburg

2015

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 12

С.-Петербург
2015

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015. № 12. 240 с.

ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-86007-810-9

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: «DMITRY BULANIN», 2015. N 12. 240 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Рецензенты: доктор исторических наук Ю. Е. Березкин, кандидат исторических наук С. А. Кулаков
Editorial referees: Doctor of Historical Sciences Yu. E. Berezkin, Candidate of Historical Sciences S. A. Kulakov

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 12 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. Проблемы и результаты применения современных методов радиоуглеродного датирования обсуждаются в статье Л. Б. Вишняцкого с соавторами на материалах стоянок эпохи среднего палеолита Русской равнины и работе В. В. Питулько и Е. Ю. Павловой о Жоховской стоянке каменного века – древнейшей в Сибирской Арктике. В заметке В. А. Бурлаку рассмотрены перспективы раскопок среднепалеолитического грота в Молдавии. Новейшие данные о полевых исследованиях энеолитических поселений в Азербайджане и Южном Туркменистане, а также поселения скифского времени в Южной Сибири представлены в статьях В. Б. Бахшалиева, Н. Ф. Соловьевой и А. В. Полякова с соавторами. Л. Б. Кирчо, Р. М. Сатаев и Л. В. Сатаева анализируют материалы эпохи бронзы памятников юго-запада Средней Азии. М. А. Редина-Томас рассмотрела проблемы атрибуции архивов касситского Ниппура. Сравнительная характеристика античных сельских поселений Азиатского Боспора проведена А. В. Батасовой. А. В. Громов, А. А. Казарницкий и М. Ю. Лунёв обобщили результаты палеодемографических исследований меоток Восточного Приазовья и Прикубанья по данным краниологии. А. А. Ковалев продолжает дискуссию о возможностях использования китайских источников для реконструкции ранней истории сюнну. В статье А. Плохова и Я. В. Френкеля подведены итоги археометрических исследований «фризской» керамики Нижнего Поволжья, а в работе А. Ю. Кононович дан анализ иконографии и распространения подвесок с изображением Богоматери Воплощение. Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музееведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 12th issue of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» contains scholarly works reflecting the newest discoveries and studies in archaeology and ancient history. The papers by L. B. Vishnyatsky et al. and V. V. Pitulko and E. Yu. Pavlova deal with the problems of radiocarbon chronology, the former being focused on the Middle Paleolithic sites of the Russian Plain, and the latter on the Mesolithic Zhokhov site in Arctic Siberia. V. A. Burlaku reconsiders the materials of the Middle Paleolithic rock shelter of La Sărături in Moldova, stressing the need for new excavations. The contributions of V. B. Bakhshaliev and N. F. Solovyova present the newest data about the excavations of Eneolithic sites in Azerbaijan and South Turkmenistan, respectively, while A. V. Polyakov et al. do the same for the Scythian settlements of South Siberia. L. B. Kircho and R. M. Sataev with L. V. Sataeva analyze materials of the Bronze Age sites from the southwest of Central Asia. The paper by M. A. Redina-Thomas is devoted to the archives of Kassite Nippur and problems of their attribution. A. V. Batasova provides a comparative characteristic of the Classical period rural settlements on the Asian Bosphorus. The results of craniological and paleodemographic studies of Meotok from the East Azov Sea and Kuban regions are summarized by A. V. Gromov, A. A. Kazarnitsky and M. Yu. Lunev. A. A. Kovalev discusses some problems associated with the use of Chinese written records for the reconstruction of the early history of Xiongnu. A. V. Plokhov's and Ya. V. Frenkel's paper summarizes the results of archaeometric studies of the «Frisian» pottery from the Lower Volkhov region, and A. Yu. Kononovich analyzes the iconography and distribution of pendants bearing the image of Our Lady of Incarnation.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

ISBN ISBN 978-5-86007-810-9

© Институт истории материальной культуры РАН, 2015

© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015

© Авторы статей, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Л. Б. Вишняцкий, А. К. Очередной, Дж. Ф. Хоффекер, Е. В. Воскресенская, П. Е. Нехорошев, В. В. Питулько, В. Т. Холлидэй. Возраст стоянок Хотылево I и Бетово в свете результатов радиоуглеродного датирования (предварительное сообщение).....</i>	<i>9</i>
<i>В. А. Бурлаку. Среднепалеолитические материалы грота Ла Сэрэтурь, Молдавия.....</i>	<i>19</i>
<i>В. В. Питулько, Е. Ю. Павлова. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) .....</i>	<i>27</i>
<i>В. Б. Бахшалиев. Археологические исследования поселения Овчулартепеси в 2006–2013 гг. ....</i>	<i>56</i>
<i>Н. Ф. Соловьева. Специализированная мастерская эпохи раннего энеолита в Каракумах.....</i>	<i>76</i>
<i>Л. Б. Кирчо. Поселения периода ранней бронзы Южного Туркменистана: стратиграфия и проблемы хронологии.....</i>	<i>90</i>
<i>Р. М. Сатаев, Л. В. Сатаева. Анималистическая композиция на кубке из клада в царском некрополе Гонур-депе .....</i>	<i>106</i>
<i>М. А. Редина-Томас. Археологические исследования Древней Месопотамии: клинописные архивы из касситского Ниппура и проблемы их атрибуции.....</i>	<i>121</i>
<i>П. Б. Амзараков, О. В. Ковалева, И. П. Лазаретов, А. В. Поляков. Поселение скифского времени Старая Копь-1 на восточной окраине Минусинских степей .....</i>	<i>130</i>
<i>А. В. Батасова. Сравнительная характеристика сельских поселений Азиатского Боспора (на примере памятников Артющенко-1 и Артющенко-2).....</i>	<i>146</i>
<i>А. В. Громов, А. А. Казарницкий, М. Ю. Лунёв. Меотские могильники: палеодемография и краниология .....</i>	<i>156</i>
<i>А. А. Ковалев. О возможностях использования китайских письменных источников для реконструкции ранней истории сюнну .....</i>	<i>176</i>
<i>А. В. Плохов, Я. В. Френкель. «Татингские» сосуды Нижнего Поволховья (датировка и результаты археометрических исследований) .....</i>	<i>188</i>
<i>А. Ю. Кононович. Подвески-образки с изображением Богоматери Воплощение .....</i>	<i>210</i>

ХРОНИКА

<i>С. А. Васильев. Вручение В. П. Любину государственной награды Республики Ингушетия .....</i>	<i>223</i>

AD MEMORIA

<i>С. А. Васильев. Памяти Владимира Михайловича Лозовского</i> (28.05.1968–31.07.2015)	225
Список сокращений	227
Список авторов статей, опубликованных в «Записках ИИМК РАН», № 12	230
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»	233

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>L. B. Vishnyatsky, A. K. Ocheredno, J. F. Hoffecker, E. V. Voskresenskaya, P. E. Nehoroshev, V. V. Pitulko, V. T. Holliday.</i> The age of the Khotylevo I and Betovo sites in the light of newly obtained radiocarbon date (preliminary report).....	9
<i>V. A. Burlaku.</i> Middle Paleolithic materials from La Säräturi rock shelter	19
<i>V. V. Pitulko, E. Yu. Pavlova.</i> Radiocarbon dating of culture-bearing deposits of the Zhokhov site (New Siberia archipelago, Siberian Arctic).....	27
<i>V. B. Bakhshaliev.</i> Archaeological explorations at the Ovçular Tepesi settlement in 2006–2013.....	56
<i>N. F. Solovyova.</i> Specialized Early Eneolithic workshop in the Karakum Desert.....	76
<i>L. B. Kircho.</i> Early Bronze Age settlements of South Turkmenistan: stratigraphy and problems of chronology	90
<i>R. M. Sataev, L. V. Sataeva.</i> Animalistic composition on a beaker from the hoard in the royal necropolis of Gonur-depe	106
<i>M. Redina-Thomas.</i> Archaeological explorations of Ancient Mesopotamia: Cuneiform archives from Kassite Nippur and problems of their attribution.....	121
<i>P. B. Amzarakov, O. V. Kovaleva, I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov.</i> Scythian period settlement of Staraya Kop'-1 on the eastern periphery of the Minusinsk steppes	130
<i>A. V. Batasova.</i> Comparative characteristic of rural settlements of the Asian Bosphorus (with special reference to the Artyushchenko-1 and Artyushchenko-2 sites).....	146
<i>V. Gromov, A. A. Kazarnitsky, M. Yu. Lunev.</i> Meotic cemeteries: Paleodemography and craniology	156
<i>A. A. Kovalev.</i> On the possibilities to use Chinese written sources for reconstructing the early history of Xiongnu	176
<i>A. V. Plokhov, Ya. V. Frenkel.</i> Tating-type vessels from the Lower Volkhov region (their dating and the results of archaeometric studies)	188
<i>A. Yu. Kononovich.</i> Pendants-icons bearing the image of Our Lady of Incarnation	210

CHRONICLE

<i>S. A. Vasiliev.</i> Awarding V. P. Liubin with the state decoration of the Republic of Ingushetia.....	223

AD MEMORIA

<i>S. A. Vasiliev. To the memory of Vladimir Mikhailovich Lozovsky</i> (28.05.1968–31.07.2015).....	225
List of abbreviations.....	227
List of authors	230
Instructions to contributors.....	233

СТАТЬИ

ВОЗРАСТ СТОЯНОК ХОТЫЛЕВО I И БЕТОВО В СВЕТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)¹

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ, А. К. ОЧЕРЕДНОЙ, ДЖ. Ф. ХОФФЕКЕР,
Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, П. Е. НЕХОРОШЕВ, В. В. ПИТУЛЬКО,
В. Т. ХОЛЛИДЭЙ

Ключевые слова: *средний палеолит, Русская равнина, Хотылево I, Бетово, радиоуглеродные даты.*

Keywords: *Middle Paleolithic, Russian Plain, Khotylevo I, Betovo, radiocarbon dates.*

Стоянки Хотылево I и Бетово находятся в долине р. Десны, на правом ее берегу, на территории одноименных сел Брянского р-на Брянской обл. Первый из этих памятников исследовался Ф. М. Заверняевым в 1960-е гг. (Заверняев 1978), а второй – Л. М. Тарасовым в 1970-е и первой половине 1980-х гг. (Тарасов 1977; 1991). В Хотылево I шестью раскопами было выявлено несколько разновременных комплексов среднего палеолита, которые до недавнего времени датировали микулинским межледниковьем и/или ранним валдаем. В Бетово археологические находки происходили из одного слоя, имевшего, однако, значительную мощность (до 1 м) и разделенного на четыре условных горизонта. Для них тоже предполагался ранневалдайский (калининский) возраст (в том числе на основании изучения эволюции зубов копытных леммингов – см. Гуслицер, Исайчев 1983: 70–71), но Л. М. Тарасов, первоначально разделявший эту точку зрения (Тарасов 1977: 29), затем отошел от нее и стал датировать бетовские материалы средним валдаем (Тарасов 1989: 174). В сводной хронологической таблице в его диссертации на соискание степени доктора ист. наук они помещены в начало среднего валдая (Тарасов 1991: 315).

Новый цикл изучения обоих памятников связан с работами Верхнедеснинской экспедиции ИИМК РАН, начавшимися в 2009 г. Анализ полученных

---

¹ Исследования проводились при поддержке РФФИ (проекты № 14-06-00139 и № 15-06-06840) и Leakey Foundation.

в результате этих работ стратиграфических, литологических и палеомагнитных данных вскоре привел к предположению, что как отложения, вмещающие культурные остатки Хотылево I, так и единственный культурный слой Бетово относятся не к раннему валдаю, а к первой половине средневалдайского мегаинтерстадиала, тождественного кислородно-изотопной стадии 3 (Воскресенская, Очередной 2012: 76). Первые радиоуглеродные определения, сделанные по образцам гумуса и древесного угля из двух среднепалеолитических горизонтов, вскрытых на участке Хотылево I-6-2 (прирезка к 6-му раскопу Ф. М. Заверняева), стали важным дополнительным аргументом в пользу более поздней датировки (Воскресенская и др. 2011; Вишняцкий и др. 2014; Ocherednoi et al. 2014a; 2014b; Hoffecker et al. 2015). Для верхнего горизонта 1 в радиоуглеродной лаборатории университета Колорадо в Боулдере (США) в 2013 г. по древесному углю была получена УМС дата $49\,780 \pm 3710$ л. н., а для горизонта 2.2 УМС дата $47\,160 \pm 2680$ л. н. Ранее, в 2011 г., по щелочной вытяжке из гумуса, взятого в горизонте 2.2, в радиоуглеродной лаборатории ГИН РАН была получена дата $42\,270 \pm 3300$ л. н. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Хотылево I, раскоп 6-2, радиоуглеродные даты, полученные до 2013 г. включительно и уже публиковавшиеся ранее

Лабораторный номер	Культурный горизонт	Литологический слой	Материал	Дата (^{14}C л. н.)	Дата (IntCal13)
CURL-17368	1	9	древесный уголь	$49\,780 \pm 3710$	$54\,110 \pm 6\,430$
CURL-17369	2.2	12	древесный уголь	$47\,160 \pm 2680$	$49\,090 \pm 3\,860$
ГИН-14414	2.2	12	гумус	$42\,270 \pm 3300$	$46\,140 \pm 2\,110$

Всего на участке Хотылево I-6-2 раскопом площадью 24 м^2 выявлено 4 горизонта залегания каменных изделий среднего палеолита, один из которых (горизонт 2) включает 4 подгоризонта. Горизонты 1–3 приурочены к погребенным почвам и педоседиментам различного генезиса и разной степени сохранности. Педоседименты верхней погребенной почвы, содержащие горизонт 1, нарушены и смещены склоновыми процессами. Комплекс погребенных аллювиальных луговых пойменных почв, вмещающих горизонты 2 и 3, на вскрытом участке памятника залегает субгоризонтально, и находки фиксируются в состоянии, близком *in situ*. Нижний горизонт 4 в пределах раскопа Хотылево I-6-2 изучен пока только на площади 2 м^2 и какие-либо заключения об условиях его залегания преждевременны. Возможно, этот горизонт является частью культурного слоя, исследовавшегося Ф. М. Заверняевым во всех 6 раскопах. Он связан с базальным горизонтом погребенного комплекса аллювиальных отложений, перекрывающих коренные глауконитовые пески сеноман-альбского яруса верхнего мела.

В 2014 г. в лаборатории университета Колорадо в Боулдере были получены новые даты для Хотылево I, а в лабораториях университета Калифорнии в Ирвине (США) и Орхусского университета (Дания) впервые были сделаны определения возраста образцов кости из культурного слоя Бетово. Если в первом

случае результаты радиоуглеродного датирования в целом вполне соответствуют сложившимся у нас представлениям о древности памятника, то во втором они выглядят довольно неожиданно. Публикация этих результатов, а также обсуждение возникающих в связи с их появлением вопросов и являются основной целью данного сообщения.

Новые датировки для Хотылево I приведены в таблице 2. Всего для этого памятника в настоящее время имеется 8 дат, из которых 4 являются конечными, а 4 открытыми. Семь из них сделаны по образцам из культурных горизонтов 1 и 2, вскрытых на участке Хотылево I-6-2, а еще одна (CURL-18760) по образцу из культурного горизонта 2, выявленного в 50 м восточнее в шурфе № 3. Этот горизонт стратиграфически сопоставим с горизонтом 2 участка 6-2. Если учесть значительное стандартное отклонение, то все конечные даты, несмотря на частичную реверсию, можно признать совместимыми и реалистичными. Они позволяют считать, что отложения, вмещающие культурные горизонты 1 и 2, сформировались, вероятнее всего, в интервале от 40 до 50 тыс. радиоуглеродных л. н. Калиброванные значения в среднем на 4–5 тыс. лет древнее, но и они не выходят за рамки первой половины кислородно-изотопной стадии 3. Возраст горизонтов 3 и 4 Хотылево I-6-2, как и возраст материалов, выявленных раскопами Ф. М. Заверняева на других участках памятника (некоторые из них находятся в сотнях метров выше по течению Десны), остается пока под вопросом.

Т а б л и ц а 2

Хотылево I, раскоп 6-2 и шурф № 3, новые радиоуглеродные УМС даты

Лабораторный номер	Участок	Культурный горизонт	Литологический слой	Материал	Дата (^{14}C л. н.)	Дата (IntCal13)
CURL-18727	раскоп 6-2	1	9	древесный уголь	$37\,910 \pm 1030$	$42\,280 \pm 860$
CURL-18746	раскоп 6-2	1	9	древесный уголь	$>45\,650$	–
CURL-18772	раскоп 6-2	1	9	древесный уголь	$>45\,650$	–
CURL-18760	шурф № 3	2	11	древесный уголь	$>45\,650$	–
CURL-18766	раскоп 6-2	2.1	12	древесный уголь	$>45\,650$	–

Даты, полученные для Бетово, суммированы в таблице 3. В качестве образцов послужили обломки костей млекопитающих из раскопок Л. М. Тарасова. Все они были найдены в толще, рассматривавшейся им как культурный слой, и почти для всех указан год находки и обозначен горизонт взятия (за двумя исключениями). Во избежание дублирования результатов датированием останков одной и той же особи в качестве образцов использовались либо идентичные части скелета (например, правая большая берцовая кость зайца), либо кости,

явно принадлежавшие различавшимся по размеру животным. Подготовка образцов к анализу велась с использованием метода ультрафильтрации, позволяющего отсеять из коллагена значительную часть контаминантов и хорошо зарекомендовавшего себя при датировании археологических материалов начала верхнего и конца среднего палеолита. Тем загадочнее итоговые результаты.

Т а б л и ц а 3

Бетово, радиоуглеродные УМС даты²

Лабораторный номер	Год взятия и уровень залегания образца	Материал	Дата (¹⁴ C л. н.)	Дата (IntCal13)
UCIAMS-143878	1979-I	берцовая кость зайца	28 300 ± 240	32 210 ± 380
UCIAMS-143879	1973-II	берцовая кость зайца	23 960 ± 140	28 020 ± 170
UCIAMS-143880	1981-III	берцовая кость зайца	28 330 ± 240	32 240 ± 390
UCIAMS-143881	1973-II	бедренная кость зайца	28 120 ± 230	32 000 ± 360
UCIAMS-143882	1979-I	берцовая кость лошади	24 610 ± 150	28 650 ± 170
UCIAMS-143883	1981-III	бедренная кость лошади	24 490 ± 150	28 520 ± 170
UCIAMS-143884	1981-?	фаланга бизона	26 490 ± 210	30 740 ± 190
UCIAMS-143885	1979-II	рог северного оленя	32 170 ± 380	36 120 ± 470
AAR-21012	1977-?	ребро мамонта	25 600 ± 230	29 800 ± 330

Как видно из таблицы, калиброванные значения всех дат, кроме двух крайних,³ попадают в интервал примерно от 28,5 до 32,5 тыс. л. н. Этот период известен как 5-й гренландский стадиал или 3-й эпизод Хайнриха. Он характеризуется значительным похолоданием и предшествует переходу от относительно теплого средневалдайского мегаинтерстадиала к последнему ледниковому максимуму. Палеозоологические и палинологические данные прекрасно согласуются с такой хронологией: преобладание среди фаунистических остатков костей копытного лемминга и доминирование в споро-пыльцевом спектре пыльцы травяно-кустарничковых растений свидетельствуют о том, что отложения, вмещающие культурный слой, формировались в условиях перигляциальной лесотундростепи (Тарасов 1991). Если бы еще этот слой содержал граветтскую индустрию, то и обсуждать было бы нечего. В этом случае все датировки смотрелись бы совершенно естественно. Для среднепалеолитического же памятника даже калиброванные значения наиболее древних из них кажутся чрезмерно поздни-

² Определения костного материала, кроме образца AAR-21012, принадлежат А. К. Каспарову.

³ Явно из общего ряда выбивается только самая ранняя дата, полученная по образцу оленьего рога. Возможно, ее большое отличие от всех остальных объясняется природой материала: рога северных оленей, как и бивни мамонтов, в определенных условиях являлись объектом целенаправленного поиска и сбора. При этом людям в руки могли попадать и весьма древние рога. Подобное поведение практиковалось, например, обитателями Жоховской стоянки (Питулько 1998), что нашло отражение в коллекции дат для этого памятника (Питулько, Павлова 2015).

ми. Вероятность лабораторной ошибки в данном случае, видимо, всерьез рассматривать не приходится, поскольку подготовительные работы и все измерения проводились независимо в двух разных лабораториях, и результаты оказались похожими. Отметим также, что если средние значения дат, полученных по образцам из разных условных горизонтов, почти не различаются, то образцы костей животных разных видов образуют четкую хронологическую последовательность: лошадь (две идентичные даты)—мамонт—бизон—заяц (четыре даты, из которых три идентичные)—северный олень.

Как можно объяснить столь поздние даты? Если исключить версию о лабораторной ошибке, то остаются три теоретически допустимых предположения.

Предположение 1: даты отражают реальный возраст памятника, но индустрия Бегово до сих пор оценивалась неверно, и на самом деле она является не средне-, а верхнепалеолитической. Кроме результатов датирования в пользу такой переоценки можно было бы привести следующие аргументы: 1) памятник находится близ выходов кремня, здесь в числе прочих видов деятельности осуществлялось и первичное раскалывание каменного сырья (примерно у половины сколов дорсальная поверхность полностью или частично покрыта коркой), что неизбежно «архаизирует» облик материала; 2) среди орудий преобладают так называемые ситуационные (*expedient tools*), т. е. орудия *ad hoc* (изготавливаемые непосредственно тогда, когда в них возникает необходимость, обслуживающие сиюминутные нужды и выбрасываемые после применения), а они мало изменились с переходом к верхнему палеолиту; 3) скребки, скребковидные орудия и изделия с резцовым сколом составляют почти четверть всех вещей со вторичной обработкой; 4) в коллекции есть фрагмент орудия, которое небезосновательно было реконструировано Л. М. Тарасовым как «плоский наконечник с вогнутым основанием», являющийся «полной аналогией треугольным листовидным наконечникам с вогнутым основанием позднепалеолитических костёнок-стрелецких стоянок» (Тарасов 1991: 91).

Случай радикального пересмотра археологического возраста каменных индустрий в результате появления противоречащих прежним представлениям абсолютных дат известны. Одним из последних и наиболее показательных примеров является история с гротом Агу (*Abric Agut*) в Каталонии, раскапывавшимся в начале, в середине и затем в конце прошлого века. На протяжении почти 100 лет индустрия всех его четырех культурных слоев считалась мустьерской, причем среди исследователей памятника, разделявших это мнение, были такие опытные и высококвалифицированные специалисты, как А. де Люмлей, Л. Фримэн и другие. А. де Люмлей даже определил человеческие зубы (моляры плохой сохранности), найденные в гроте, как предположительно неандертальские. Однако 7 урановых и 5 радиоуглеродных дат, полученных в самом начале нынешнего столетия и отлично согласующихся между собой, показали, что вся толща вмещающих отложений сформировалась на рубеже плейстоцена и голоцена, в период от 7 до 12 тыс. л. н. В это время в Каталонии и соседних регионах наблюдается упадок технологий обработки камня: происходит возврат к плоскостному радиальному расщеплению (дисковидные нуклеусы), в коллекциях преобладают отщепы и зубчатые изделия. Такие комплексы иногда определяют как макролитический эпипалеолит. К этой стадии или просто к мезолиту теперь и относят индустрию грота Агу (Vaquero et al. 2002; 2006).

В Бетово, однако, ситуация иная. Коллекция этого памятника, в отличие от сравнительно небольшой (578 экз.) и состоящей в основном из отщепов и их обломков коллекции грота Агу (Vaquero et al. 2006: 119, 123), включает свыше 10 000 артефактов. Помимо упомянутых выше первичных сколов и ситуационных орудий здесь есть множество выразительных нуклеусов, заготовок и изделий со вторичной обработкой, технические и типологические характеристики которых выходят за рамки вариабельности, свойственной индустриям верхнего палеолита. Нуклеусы свидетельствуют об абсолютном господстве плоскостного расщепления, ударные площадки отщепов (толстые, иногда тонкофасетированные) – о таком же господстве среднепалеолитической техники скола (некраевое скалывание), среди заготовок почти нет пластин, среди изделий со вторичной обработкой типологически наиболее выразительны скребла, а также обломки и заготовки крупных бифасиальных наконечников. Что касается скребков и иных орудий, формально относящихся к верхнепалеолитической группе, то они представлены почти исключительно атипичными формами, обычными для среднего палеолита, и могут быть отнесены к разряду ситуационных. В целом индустрия Бетово выглядит намного архаичней любой верхнепалеолитической индустрии Восточной Европы, включая и так называемые симбиотические или переходные (стрелецкая культура). Все это заставляет скептически относиться к первому предположению, хотя полностью сбрасывать его со счета все же, видимо, пока не стоит.

Предположение 2: даты отражают реальный возраст памятника и свидетельствуют о длительном сохранении в бассейне Десны среднепалеолитических традиций и, возможно, их главных носителей – неандертальцев. Похожие гипотезы не раз выдвигались и для некоторых других районов Европы (Крым, Гибралтар), причем основанием для этого тоже служили неправдоподобно поздние (иногда еще более поздние, чем в нашем случае) абсолютные датировки среднепалеолитических культурных слоев (см., например: Степанчук 2006: 203–204; Finlayson et al. 2008). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все памятники, дававшие повод для подобных подозрений, включая и Бетово, находятся на окраинах неандертальского ареала, причем это такие окраины, где массовые свидетельства существования верхнего палеолита появляются несколько позже, чем на соседних территориях. На юге Пиренейского п-ова, как и в Подесенье, нет достоверных следов ориньяка (по крайней мере раннего), а в Крыму такие следы представлены всего на одном памятнике. Создается впечатление, что по-настоящему верхний палеолит во всех этих районах начинается только с граветта. Хотя в принципе в рассматриваемом предположении нет ничего невероятного, принять его можно лишь при условии устранения всех сомнений в реалистичности полученных датировок. Пока же сомнения остаются, и очень серьезные.

Предположение 3: даты сильно омоложены вследствие загрязнения образцов посторонним углеродом либо еще в слое, либо в течение десятилетий, миновавших со времени раскопок. Таковую возможность, к сожалению, никогда нельзя полностью исключить, и уж никак не в рассматриваемом случае. Хотя в последние годы в методике подготовки и анализа образцов был достигнут существенный прогресс, и многие специалисты в этой области смотрят на открывающиеся перспективы с большим оптимизмом, археологам (и особенно па-

леолитчикам) вряд ли стоит особо обольщаться. Даже самые новые и совершенные из существующих методик очистки не решают всех проблем. В частности, ультрафильтрация, примененная при работе с образцами из Бетово, с различной эффективностью работает против контаминантов различной природы, и по этой причине было бы опрометчиво безоглядно принимать получаемые с ее помощью результаты как заведомо достоверные. Чтобы устранить или по крайней мере свести к минимуму имеющиеся сомнения, необходимо получить и продатировать свежие образцы. Такая работа запланирована на ближайшее время. Пока она не проведена, предположение 3 будет оставаться нашей основной рабочей гипотезой.

Литература и источники

Вишняцкий и др. 2014 – *Вишняцкий Л. Б., Очередной А. К., Нехорошев П. Е., Воскресенская Е. В., Хоффекер Дж., Холлидей В. Т., Бурлаку В. А.* Новые данные по хронологии среднего палеолита Русской равнины // Ситдииков А. Г., Макаров Н. А., Деревянко А. П. (ред.). Тр. IV (XX) ВАС. Казань: Отечество, 2014. Т. 1. С. 41–43.

Воскресенская и др. 2011 – *Воскресенская Е. В., Вишняцкий Л. Б., Зюганова И. С., Новенко Е. Ю., Очередной А. К.* Новые данные об условиях формирования и возрасте отложений среднепалеолитического памятника Хотылево I (бассейн р. Десна) // Корсакова О. П., Колка В. В. (ред.). Материалы 7-го Всеросс. совещания по изучению четвертичного периода «Квартер во всем его многообразии: фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Апатиты: Геологический институт Кольского НЦ РАН, 2011. С. 116–119.

Воскресенская, Очередной 2012 – *Воскресенская Е. В., Очередной А. К.* Особенности позднеплейстоценового осадконакопления и состояние культурного слоя на восточном участке среднепалеолитического памятника Бетово // *Деснинские древности*. Брянск, 2012. Т. 7. С. 66–79.

Гуслицер, Исайчев 1983 – *Гуслицер Б. И., Исайчев К. И.* Возраст роговской свиты Тимано-Уральской области по данным изучения ископаемых остатков копытных леммингов // БКИЧП. 1983. № 52. С. 58–72.

Заверняев 1978 – *Заверняев Ф. М.* Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л.: Наука, 1978. 126 с.

Питулько 1998 – *Питулько В. В.* Жоховская стоянка. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 189 с.

Питулько, Павлова 2015 – *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // ЗИИМК. 2015. № 12. С. 27–55.

Степанчук 2006 – *Степанчук В. Н.* Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы: Зелена Буковина, 2006. 467 с.

Тарасов 1977 – *Тарасов Л. М.* Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение // Иванова И. К., Праслов Н. Д. (ред.). Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977. С. 18–31.

Тарасов 1989 – *Тарасов Л. М.* Периодизация палеолита бассейна верхней Десны // Яншин А. Л. (ред.). Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 166–175.

Тарасов 1991 – *Тарасов Л. М.* Палеолит бассейна Десны: Дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1991 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-д, д. 496.

Finlayson et al. 2008 – *Finlayson C., Fa D. A., Jiménez Espéjo F., Carrión J. S., Finlayson G., Pacheco F. G., Rodríguez Vidal J., Stringer C., Martínez Ruiz F.* Gorham's Cave, Gibraltar – The persistence of a Neanderthal population // *QI*. 2008. Vol. 181. P. 64–71.

Hoffecker et al. 2015 – *Hoffecker J. F., Holliday V. T., Nehoroshev P. E., Vishnyatsky L. B., Ocherednoi A. K., Pitulko V. V.* New dates on Middle Paleolithic sites of the East European Plain: Implications for human paleogeography // *PaleoAnthropology*. 2015. P. A13–A14. doi:10.4207/PA.2015.ABS13.

Ocherednoi et al. 2014a – *Ocherednoi A., Salnaya N., Voskresenskaya E., Vishnyatsky L.* New geoarcheological studies at the Middle Paleolithic sites of Khotylevo I and Betovo (Bryansk oblast, Russia): Some preliminary results // *QI*. 2014. Vol. 236–237. P. 250–260.

Ocherednoi et al. 2014b – *Ocherednoi A., Vishnyatsky L., Voskresenskaya E., Nekhoroshev P.* News from the north-east fringe of Neanderthal Europe: recent work at Khotylevo 1 (Bryansk Oblast, Russia) // *Antiquity*. 2014. Vol. 88. No. 341. Antiquity Project Gallery. <http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/ocherednoi341>.

Vaquero et al. 2002 – *Vaquero M., Esteban M., Allué E., Vallverdú J., Carbonell E., Bischoff J. L.* Middle Palaeolithic refugium, or archaeological misconception? A new U-series and radiocarbon chronology of Abric Agut (Capellades, Spain) // *JAS*. 2002. Vol. 29. P. 953–958.

Vaquero et al. 2006 – *Vaquero M., Allué E., Alonso S., Bischoff J. L., Burjachs F., Vallverdú J.* El Abric Agut (Capellades, Barcelona) y el Mesolítico de muescas y denticulados en el noreste de la Península // Bicho N., Verissimo H. (eds.). Do Epipaleolítico ao Calcolítico na Península Ibérica. Faro: Universidade do Algarve, 2006. P. 113–126.

Literature and archive sources

Вишняцкий и др. 2014 – *Vishnyatsky L. B., Ocherednoi A. K., Nehoroshev P. E., Voskresenskaya E. V., Hoffecker J. F., Holliday V. T., Burlacu V. A.* Novy'e dannyy'e po khronologii srednego paleolita Russkoy ravniny' (*New data on the chronology of the Middle Paleolithic in the Russian Plain*) // Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevyanko A. P. (eds.). Trudy IV (XX) Vserossiyskogo Arheologicheskogo s'ezda (*Proceedings of the IV [XX] All-Russia Archaeological Meeting*). Kazan: Otechestvo, 2014. Vol. 1. P. 41–43 (in Russian).

Воскресенская, Очередной 2012 – *Voskresenskaya E. V., Ocherednoi A. K.* Osobennosti pozdnepleystocenovogo osadkonakopleniya i sostoyanie kul'turnogo sloya na vostochnom uchastke srednepaleoliticheskogo pamyatnika Betovo (*Particular traits of the Late Pleistocene sedimentation and cultural layer in the eastern part of the Middle Paleolithic site of Betovo*) // *Desninskie drevnosti (Antiquities of the Desna region)*. Bryansk, 2012. Vol. 7. P. 66–79 (in Russian).

Воскресенская и др. 2011 – *Voskresenskaya E. V., Vishnyatsky L. B., Zyuganova I. S., Novenko E. Yu., Ocherednoi A. K. Novy'e dannye ob usloviyah formirovaniya i vozraste otlojeniy crednepaleoliticheskogo pamyatnika Hoty'levo I (basseyn r. Desna) (New data on the depositional conditions and age of the Middle Paleolithic site of Khotylevo I [Desna river basin])* // Korsakova O. P., Kolka V. V. (eds.). *Materialy' 7-go Vserossiyskogo sovesch'aniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda «Kvarter vo vsem ego mnogoobrazii: fundamental'ny'e problemy', itogi izucheniya i osnovny'e napravleniya dal'neyshih issledovaniy» (Materials of the 7th All-Russia conference for the study of the Quaternary period «Quarter in all its multi-sided appearance: basic problems, results and main directions for the future research»)*. Apatity: Geological Institute of the KSC RAS, 2011. P. 116–119 (in Russian).

Гуслицер, Исайчев 1983 – *Guslitscr B. I., Isaichev K. I. Vozrast rogovskoy svity' Timano-Ural'skoy oblasti po dannym izucheniya iskopaemy'h ostatkov kopy'tny'h lemmingov (Age of the Rogovo bed of the Timano-Uralian region according to the study of fossil remains of the hoofed lemming)* // *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Bulletin of the Commission for the study of the Quaternary period)*. 1983. No. 52. P. 58–72 (in Russian).

Заверняев 1978 – *Zavernyaev F. M. Hoty'levskoe paleoliticheskoe mestonahojdenie (Khotylevo Paleolithic site)*. Leningrad: Nauka, 1978. 126 p. (in Russian).

Питулько 1998 – *Pitulko V. V. Johovskaya stoyanka (Zhokhov site)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. 189 p. (in Russian).

Питулько, Павлова 2015 – *Pitulko V. V., Pavlova E. Yu. Opy't radiouglerodnogo datirovaniya kul'turosoderjash'ih otlojeniy Johovskoy stoyanki (Novosibirskie o-va, Sibirskaya Arktika) (Radiocarbon dating of the culture-bearing deposits of the Zhokhov site [Novosibirsk islands, Siberian Arctic])* // *Zapiski ИМК (Transactions of IHMC)*. 2015. No. 12. P. 27–55 (in Russian).

Степанчук 2006 – *Stepanchuk V. N. Nijniy i sredniy paleolit Ukrainy' (Lower and Middle Paleolithic of Ukraine)*. Chernovtsy: Zelena Bukovina, 2006. 467 p. (in Russian).

Тарасов 1977 – *Tarasov L. M. Must'erskaya stoyanka Betovo i ee prirodnoe okrujenie (The Mousterian site of Betovo and its paleoenvironments)* // Ivanova I. K., Praslov N. D. (eds.). *Paleo'kologiya drevnego cheloveka (Paleoecology of ancient man)*. Moscow: Nauka, 1977. P. 18–31 (in Russian).

Тарасов 1989 – *Tarasov L. M. Periodizaciya paleolita basseyna verhney Desny' (Periodization of the Paleolithic in upper Desna river basin)* // Yanshin A. L. (ed.). *Chetvertichny'y period. Paleontologiya i arheologiya (Quaternary period. Paleontology and archaeology)*. Kishinev: Shtiintsa, 1989. P. 166–175 (in Russian).

Тарасов 1991 – *Tarasov L. M. Paleolit basseyna Desny' (Paleolithic of the Desna river basin): Doctoral dissertation*. Leningrad, 1991 // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 2-д, doc. 496 (in Russian).

Finlayson et al. 2008 – *Finlayson C., Fa D. A., Jiménez Espéjo F., Carrión J. S., Finlayson G., Pacheco F. G., Rodríguez Vidal J., Stringer C., Martínez Ruiz F. Gorham's Cave, Gibraltar – The persistence of a Neanderthal population* // *QI*. 2008. Vol. 181. P. 64–71.

Hoffecker et al. 2015 – *Hoffecker J. F., Holliday V. T., Nehoroshev P. E., Vishnyatsky L. B., Ocherednoi A. K., Pitulko V. V. New dates on Middle Paleolithic sites of the East European*

Plain: Implications for human paleogeography // *PaleoAnthropology* 2015. P. A13–A14. doi:10.4207/PA.2015.ABS13.

Ocherednoi et al. 2014a – *Ocherednoi A., Salnaya N., Voskresenskaya E., Vishnyatsky L.* New geoarcheological studies at the Middle Paleolithic sites of Khotylevo I and Betovo (Bryansk oblast, Russia): Some preliminary results // *QI*. 2014. Vol. 236–237. P. 250–260.

Ocherednoi et al. 2014b – *Ocherednoi A., Vishnyatsky L., Voskresenskaya E., Nekhoroshev P.* News from the north-east fringe of Neanderthal Europe: recent work at Khotylevo 1 (Bryansk Oblast, Russia) // *Antiquity*. 2014. Vol. 88. No. 341. Antiquity Project Gallery. <http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/ocherednoi341>.

Vaquero et al. 2002 – *Vaquero M., Esteban M., Allué E., Vallverdú J., Carbonell E., Bischoff J. L.* Middle Palaeolithic refugium, or archaeological misconception? A new U-series and radiocarbon chronology of Abric Agut (Capellades, Spain) // *JAS*. 2002. Vol. 29. P. 953–958.

Vaquero et al. 2006 – *Vaquero M., Allué E., Alonso S., Bischoff J. L., Burjachs F., Vallverdú J.* El Abric Agut (Capellades, Barcelona) y el Mesolítico de muescas y denticulados en el noreste de la Península // Bicho N., Verissimo H. (eds.). *Do Epipaleolítico ao Calcolítico na Península Ibérica*. Faro: Universidade do Algarve, 2006. P. 113–126.

THE AGE OF THE KHOTYLEVO I AND BETOVO SITES IN THE LIGHT OF NEWLY OBTAINED RADIOCARBON DATES (PRELIMINARY REPORT)

**L. B. Vishnyatsky, A. K. Ocherednoi, J. F. Hoffecker,
E. V. Voskresenskaya, P. E. Nekhoroshev, V. V. Pitulko, V. T. Holliday**

The paper presents and discusses the results of the first radiocarbon dates from two Middle Paleolithic sites on the upper Desna River, Bryansk oblast, Russia. While the dates obtained on charcoal samples for Khotylevo 1 of ca. 45–55 cal BP seem to be in good agreement with both archaeological and geological evidence, those for Betovo (obtained on bone from old excavations) place the assemblage within GS-5 (29–32.5 cal BP), which is apparently too late for an industry of the Middle Paleolithic appearance. Three alternative explanations for the discrepancy are considered, none of which can be eliminated at present. The explanation for the dates on Betovo will depend on the results of future research.

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ГРОТА ЛА СЭРЭТУРЬ, МОЛДАВИЯ

В. А. БУРЛАКУ

Ключевые слова: *средний палеолит, Молдавия, грот Ла Сэрэтурь, стратиграфия, каменные артефакты.*

Keywords: *Middle Paleolithic, Moldova, La Sărături rock shelter, stratigraphy, stone artifacts.*

Общая характеристика и история изучения памятника

Средний палеолит Пруто-Днестровского междуречья представлен в основном памятниками в разрушенных пещерных полостях, гротах и навесах. Один из них, грот Ла Сэрэтурь, был открыт в 1974 г. в результате разведочных работ, проведенных И. А. Борзьяком вблизи с. Городиште Рышканского р-на Молдавии. Район находится в среднем течении р. Прут, которая прорезает глубокие каньоны в распространенном здесь толтровом рифе. Грот расположен в 300 м к востоку от окраины села, на левом коренном берегу р. Чугур (левый приток Прута), на высоте 39 м от уреза воды. Полость имеет округлую форму. Ширина входа на уровне современных отложений составляет 5,6 м. Высота потолка колеблется от 1,5 до 2,5 м. Площадь грота, включая привходовую площадку, составляет 60–65 м².

Раскопки проводились И. А. Борзьяком в 1974 и 1975 гг. Первый раскоп площадью 22 м² был заложен в 1974 г. на привходовой площадке (рис. 1). Четвертичные отложения на этом участке сохранились в переотложенном состоянии, их мощность варьировала от 0,4 до 1,2 м от дневной поверхности до скального основания. Только на небольшом участке в квадратах 3/Д–Е под крупным блоком известняка сохранилась тонкая (0,15 м) линза непереотложенного суглинка. На вскрытой площади по всей толще отложений были найдены фрагменты трипольской керамики, обломки костей и кремневые изделия мезолитического облика (Борзьяк и др. 1981: 34). В 1975 г. был вскрыт второй участок площадью 5 м², который располагался у капельной линии внутри полости грота (рис. 1). В толще вскрытых четвертичных отложений было выделено 6 литологических слоев, описанных М. Н. Грищенко (Там же: 34–37). В 3 из них обнаружены археологические материалы различного возраста: в слое 1 – трипольская керамика, в верхней части слоя 2 (горизонт 2А) – находки, которые были определены как верхнепалеолитические, в нижней части слоя 2 (горизонт 2Б) и в слое 4 – материалы, отнесенные к среднепалеолитической эпохе (рис. 2).

В настоящей работе излагаются результаты пересмотра среднепалеолитической части коллекции. Дается ее подробное описание и подчеркивается перспективность грота Ла Сэрэтурь для возобновления полевых исследований.

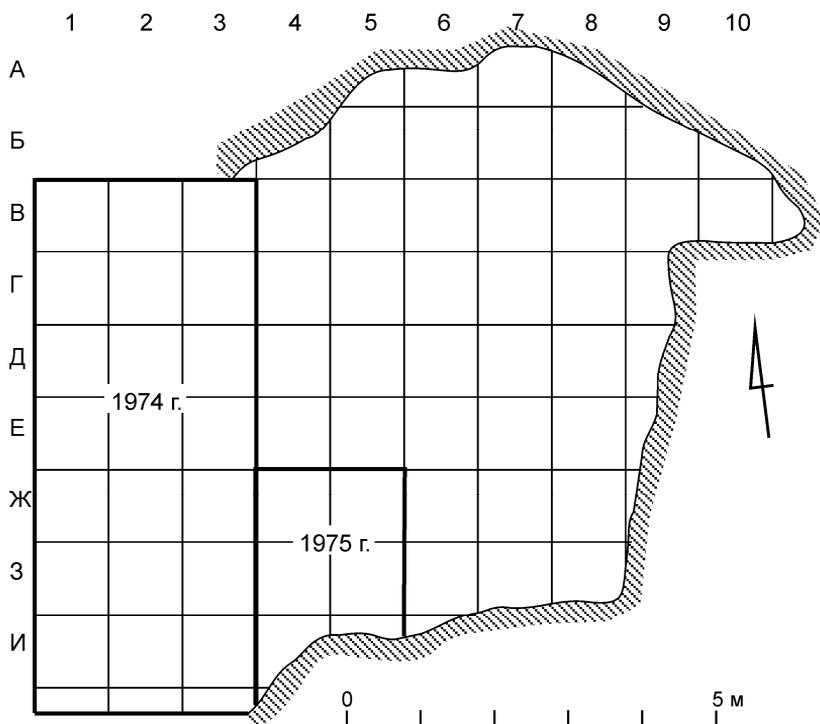

Рис. 1. План грота Ла Сэрэтурь и расположение раскопов 1974 и 1975 гг.

Fig. 1. La Sărături rock shelter, plan and location of the excavated areas 1974, 1975

Верхний среднепалеолитический комплекс (горизонт 2Б)

Наиболее богатый археологическими материалами слой 2 залегае в плотном карбонатизированном неслоистом суглинке светло-желтого оттенка, в средней части которого встречаются отдельности известняка. Этот суглинок разделяется на горизонты А и Б. Мощность горизонта 2А составляет 30–40 см, горизонта 2Б – 35–40 см (рис. 2). Культурный слой со среднепалеолитическими материалами зафиксирован в горизонте 2Б. Здесь встречены сильно фрагментированные кости животных, кремневые изделия и одна крупная песчаниковая галька. Находки залега в разных положениях, что, скорее всего, показывает их смещенное состояние (Там же: 35–37).

Фаунистические остатки в горизонте 2Б встречались по всей площади раскопа 1975 г. Всего найдено 92 кости, в основном сильно фрагментированные, изредка представлены и целые кости плохой сохранности. Определимые остатки принадлежат лошади (зубы, трубчатые кости), бизону (зубы, трубчатые кости, лопатка) и мамонту (зуб) (Там же: 41).

В качестве сырья для изготовления каменных изделий использовали гальки тонкозернистого кремня черного и серого оттенков. Источником этих галечных отдельностей служило, вероятно, русло р. Чугур. Для некоторых изделий характерна легкая патина на обеих поверхностях.

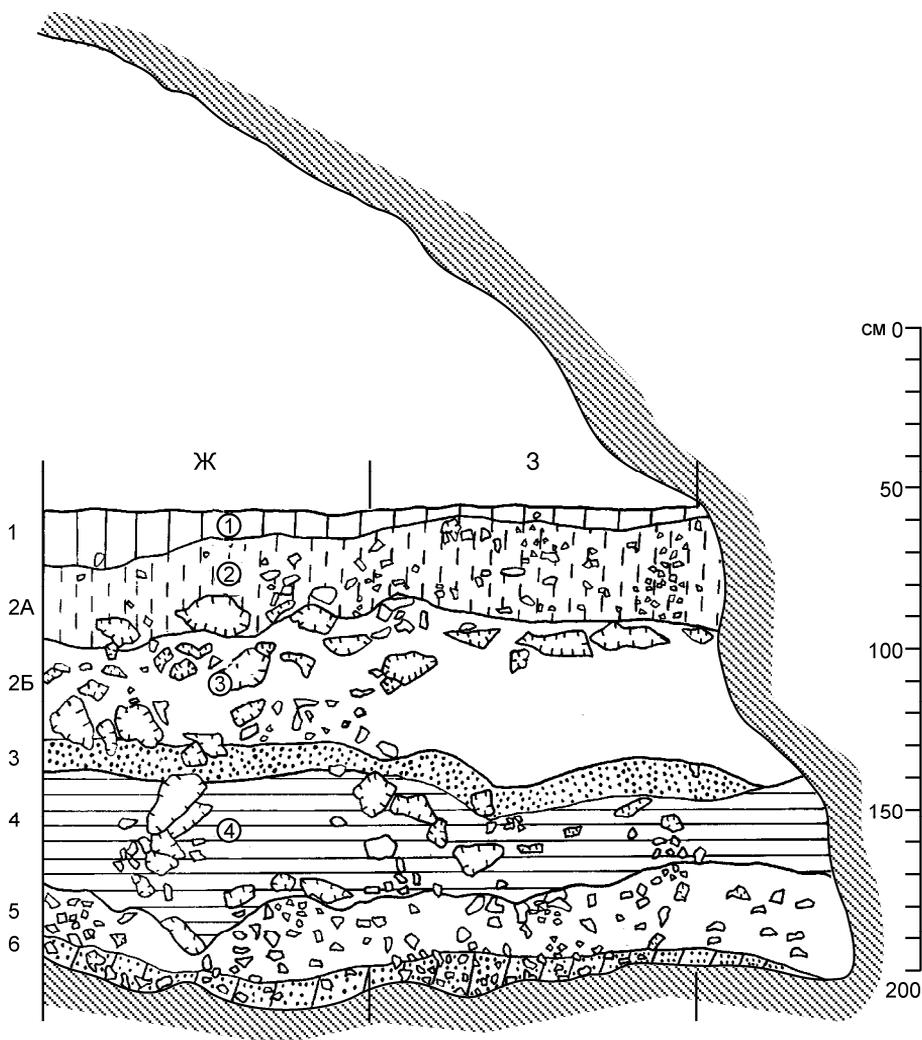

Рис. 2. Грот Ла Сэрэтурь, стратиграфия восточной стенки раскопа 1975 г.
(цифрами обозначены номера литологических слоев)

Fig. 2. La Sărături, Stratigraphy of the eastern wall of the 1975 trench
(Arab numerals designate the numbers of lithological layers)

По данным И. А. Борзняка, среднепалеолитическая коллекция горизонта Б литологического слоя 2 состояла из 23 кремневых изделий, среди которых он выделил: скребла (4 экз.); остроконечники (2 экз.); острия (2 экз.), одно из которых является комбинированным орудием со скреблом; нож с естественным обушком; пластину и отщепы с мелкой зубчатой ретушью (Там же). В настоящее время (по состоянию на 2015 г.) в коллекции насчитывается 19 изделий, в том числе: нуклеус, 6 орудий и 12 сколов без вторичной обработки. Местонахождение остальных изделий коллекции неизвестно.

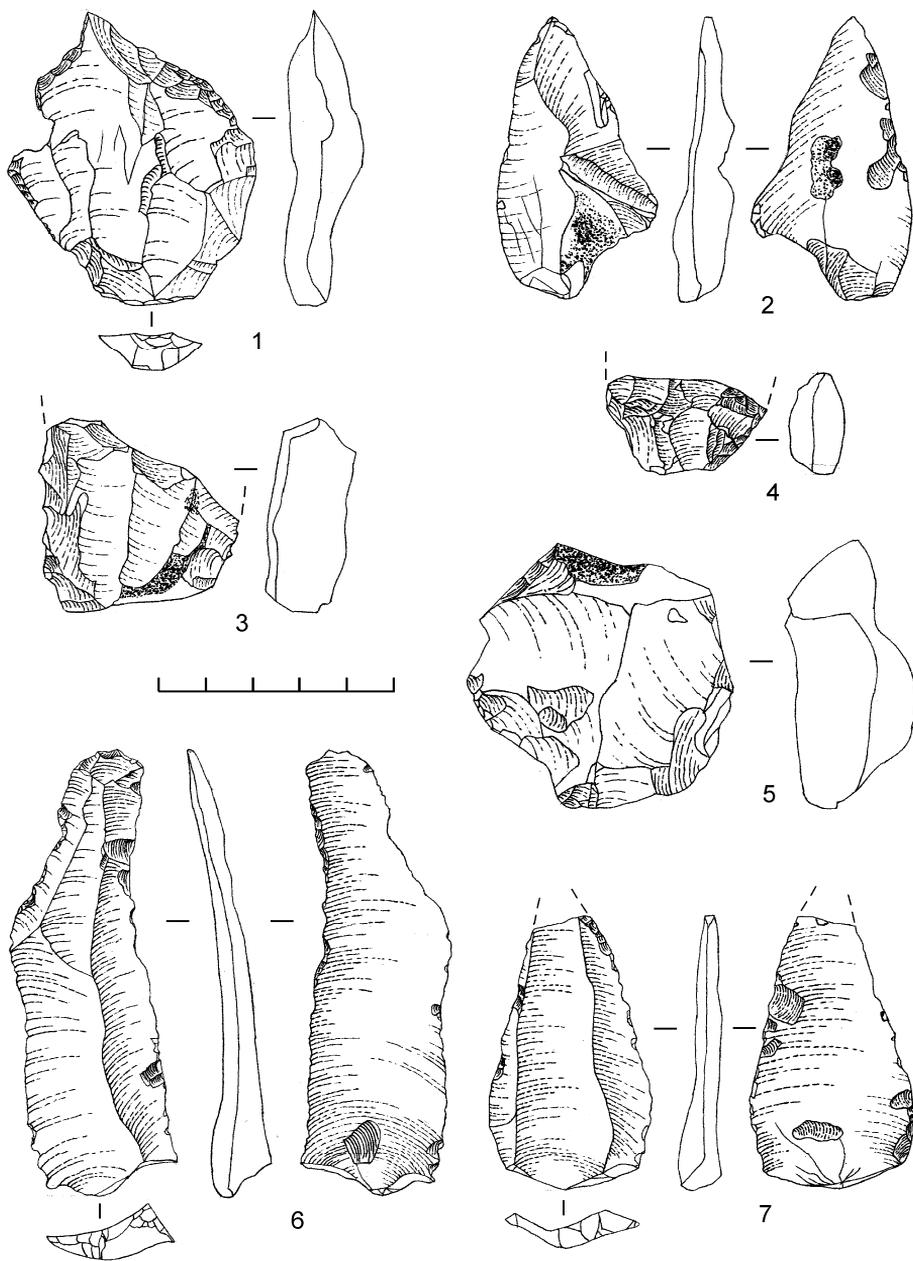

Рис. 3. Грот Ла Сэрэтурь, находки из литологического слоя 2Б: 1 – скребло-проколка; 2 – острие; 3–4 – обломки орудий; 5 – нуклеус; 6 – пластина; 7 – пластинчатый отщеп

Fig. 3. La Sărături, finds from lithological layer 2B: 1 – scraper-perforator; 2 – point; 3–4 – tool fragments; 5 – core; 6 – blade; 7 – blade flake

Односторонний *нуклеус* (1 экз.) плоскостного расщепления и ортогонального скальвания. По части периметра нуклеуса расположена серия негативов от мелких сколов, направленных на восстановление выпуклости фронта. Размер изделия – $6,5 \times 5,7 \times 3,1$ см (рис. 3, 5).

Среди сколов коллекции можно выделить 3 *пластины* и 15 *отщепов*, которые подразделяются по огранке дорсальных поверхностей на сколы с однонаправленным, параллельно-встречным, круговым и ортогональным расположением негативов. Такое расположение негативов предположительно соответствует приемам скальвания, которые использовали при получении сколов-заготовок (Нехорошев 1999).

Пластины (3 экз.), из которых лишь одна пластина целая ($9,3 \times 3,2 \times 1,2$ см), а две представлены проксимальным и дистальным фрагментами. Площадка целой пластины крупнофасетированная и выпуклая. Ударная площадка на проксимальной части пластинчатого скола гладкая. На дорсальных поверхностях двух предметов отмечено однонаправленное расположение негативов, на одном предмете расположение негативов можно определить как конвергентное.

Полупервичные отщепы (2 экз.), один из которых представляет собой целый скол ($4,4 \times 3,5 \times 1,3$ см) с естественной площадкой, а второй является фрагментом проксимальной части скола с гладкой площадкой.

Отщеп с однонаправленной огранкой спинки представлен фрагментом проксимальной части небольшого отщепа с крупнофасетированной площадкой.

Отщеп с параллельно-встречной огранкой имеет большие размеры ($6 \times 3,5 \times 1,3$ см) и разбитую ударную площадку.

Отщепы с ортогональной огранкой (2 экз.) представлены целым изделием ($2,4 \times 2,1 \times 0,5$ см) с прямой мелкофасетированной площадкой и фрагментом проксимальной части отщепа с прямой крупнофасетированной площадкой.

Среди *отщепов с радиальной огранкой* (6 экз.) можно выделить сколы с гладкой ударной площадкой (3 экз.), с прямой крупнофасетированной площадкой (2 экз.) и с точечной площадкой (1 экз.). Их размеры варьируют от $2,9 \times 3,7 \times 0,8$ см до $6,4 \times 5,2 \times 1,6$ см.

Расположение негативов на еще 3 фрагментах сколов не позволяет отнести их к какой-либо из выделенных выше групп. Один фрагмент является проксимальной частью небольшого отщепа с гладкой крупнофасетированной площадкой, а два других – медиальными частями отщепов.

Шесть из описанных выше сколов имеют явные или предположительные следы вторичной обработки.

Орудие, определенное И. А. Борзияком как *двойное скребло*, изготовлено на небольшом отщепе ($6,5 \times 5,0 \times 1,7$ см) и может рассматриваться также как скребло-проколка (рис. 3, 1). Вторичная обработка в виде двухрядной разнофасеточной чешуйчатой ретуши формирует только выпуклый участок правого продольного края скола. На противоположном крае, в его дистальной части сформирована выемка, которая вместе с основной лезвийной кромкой образует острие. Площадка отщепа крупнофасетированная прямая.

Еще одно изделие ($6,0 \times 3,5 \times 1,4$ см) было описано как *остроконечник* (Борзияк и др. 1981: 41). Однако преднамеренный характер ретуши на дистальном конце в данном случае сомнителен (рис. 3, 2).

В коллекции присутствуют 2 обломка проксимальных частей орудий, один из них ранее был определен как *простое прямое скребло* (Там же). Изделие

представляет собой медиальную часть ($4,2 \times 4,4 \times 1,8$ см) какой-то массивной и, видимо, незавершенной в древности формы. В пользу незавершенности изделия может свидетельствовать отсутствие выразительных рабочих краев, сформированных лишь начерно (рис. 3, 3). Второй обломок ($2,2 \times 3,6 \times 1,3$ см) представляет собой базальную часть двусторонне обработанного изделия (рис. 3, 4).

Преднамеренность вторичной обработки на пластине (рис. 3, 6) и обломке леваллуазского острия (рис. 3, 7) вызывает некоторые сомнения. Серии нерегулярных фасеток, которые могут быть связаны с повреждениями, полученными этими изделиями в слое, расположены на обеих поверхностях в дистальной части крупной ($9,3 \times 3,2 \times 1,2$ см) пластины и по краям более мелкого ($5,9 \times 3,6 \times 0,6$ см), но выразительного острия. Дистальный конец острия был отломан в древности, о чем свидетельствует одинаковая патина на всех поверхностях этого изделия. На небольшом участке в дистальной части дорсальной поверхности этого предмета сохранилось несколько негативов мелкой однорядной полукрутой ретуши.

Нижний среднепалеолитический комплекс (слой 4)

В литологическом слое 4, представленном красно-бурой неоднородной по мощности гумусированной толщей с включением мелкой щебенки, также были обнаружены кремневые изделия и дробленые кости животных. Хотя на всей вскрытой площади слоя найдено всего 4 изделия, в публикациях он также именуется культурным. Этот слой беден фаунистическими остатками. Они представлены в основном мелкими фрагментированными костями коричневатого цвета. По находкам зубов были определены лошадь и бизон.

Артефакты изготовлены из того же сырья, что и в слое 2Б. Среди них представлены: *нуклеус*, по части периметра которого расположена серия негативов от мелких сколов, направленных на восстановление выпуклости фронта (рис. 4, 1); *двойное скребло* с выпуклыми рабочими краями, обработанными двухрядной полукрутой чешуйчатой ретушью (рис 4, 2); обломок широкого пластинчатого фрагмента и мелкий отщеп (Борзьяк и др. 1981: 43–44).

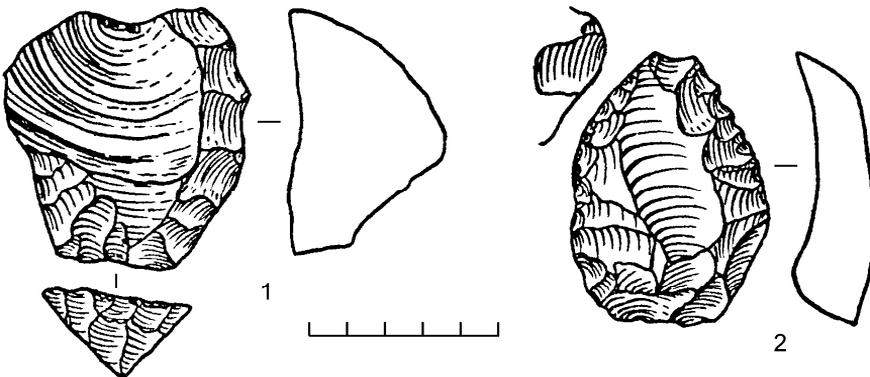

Рис. 4. Грот Ла Сэрэтурь, орудия из литологического слоя 4: 1 – нуклеус; 2 – скребло (по Борзьяк и др. 1981)

Fig. 4. La Sărături, finds from lithological layer 4: 1 – core; 2 – side-scraper (after Борзьяк и др. 1981)

Обсуждение и перспективы

Описанные выше коллекции традиционно относили к мустье с леваллуазской традицией и рассматривали в контексте материалов Молодово, Бутешт (Кетрару 1970: 113–132) и верхних культурных слоев Рипичени-Извор (Păunescu 1993; Анисюткин и др. 1986: 44, 45). Однако, строго говоря, степень изученности среднего палеолита грота Ла Сэрэтурь пока не позволяет сделать какие-то конкретные выводы о его культурно-хронологической принадлежности. Обе коллекции слишком малочисленны, а сохранность вмещающих их отложений была нарушена постдепозиционными процессами. Кроме того, для толщи четвертичных отложений отсутствуют какие-либо естественно-научные аналитические данные. Вместе с тем учитывая, что, в отличие от Ла Сэрэтурь, все другие известные памятники среднего палеолита региона раскопаны практически полностью, этот грот следует признать очень важным и перспективным для дальнейших исследований. Наличие здесь непотревоженных или мало потревоженных плейстоценовых слоев с культурными и фаунистическими остатками, зафиксированное уже раскопом 1975 г., позволяет надеяться на получение в будущем сведений хронологического и палеогеографического характера. Возобновление раскопок в гроте Ла Сэрэтурь может стать началом нового этапа в изучении палеолита толровой зоны.

Литература

Анисюткин и др. 1986 – *Анисюткин Н. К., Борзияк И. А., Кетрару Н. А.* Первобытный человек в гротах Тринка I–III. Кишинев: Штиинца, 1986. 126 с.

Борзияк и др. 1981 – *Борзияк И. А., Григорьева Г. В., Кетрару Н. А.* Многослойная палеолитическая стоянка в гроте Ла Сэрэтурь // Борисковский П. И. (ред.). Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1981. С. 33–45.

Кетрару 1970 – *Кетрару Н. А.* Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты // Охрана природы Молдавии. 1970. № 8. С. 113–132.

Нехорошев 1999 – *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский Дом, 1999. 172 с.

Păunescu 1993 – *Păunescu A.* Ripiceni-Izvor paleolithic și mezolitic. București: Academia, 1993. 226 p.

Literature

Anisyutkin et al. 1986 – *Anisyutkin N. K., Borziac I. A., ChetRARU N. A.* Pervobytny'y chelovek v grotah Trinka I–III (*Primordial man in the rock shelters of Trinca I–III*). Chișinău: Știința, 1986. 126 p. (in Russian).

Borziac et al. 1981 – *Borziac I. A., Grigorieva G. V., ChetRARU N. A.* Mnogosloynaya paleoliticheskaya stoyanka v grote La Se're'tur' (*Multilayered Paleolithic site in La Sărături rock shelter*) // Boriskovsky P. I. (ed.). Poseleniya drevnekamennogo veka na severo-zapade Moldavii (*Old Stone Age sites in the northwest of Moldavia*). Chișinău: Știința, 1981. P. 33–45 (in Russian).

Chetraru 1970 – *Chetraru N. A. Paleoliticheskaya stoyanka v grote Buteshty' (Paleolithic site in the Butești rock shelter) // Ohrana prirody' Moldavii (Protection of nature in Moldavia)*. 1970. No. 8. P. 113–132 (in Russian).

Nehoroshev 1999 – *Nehoroshev P. E. Tehnologicheskiy metod izucheniya pervichnogo rassch'epeniya kamnya srednego paleolita (Technological method of the study of the Middle Paleolithic primary flaking)*. St. Petersburg: Evropeisky Dom, 1999. 172 p. (in Russian).

Păunescu 1993 – *Păunescu A. Ripiceni-Izvor paleolitic și mezolitic*. București: Academia, 1993. 226 p.

MIDDLE PALEOLITHIC MATERIALS FROM LA SĂRĂTURI ROCK SHELTER, MOLDOVA

V. A. Burlacu

The paper deals with the materials from layers 2B and 4 of La Sărături rock shelter, excavated by I. A. Borziyak in 1974–1975. Both collections were reasonably identified by the excavator as Middle Paleolithic ones. Though small and poor in diagnostic artifacts, they are important for the study of the Middle Paleolithic of the Prut area, while the site itself has a good potential for future field research.

ОПЫТ РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩИХ ОТЛОЖЕНИЙ ЖОХОВСКОЙ СТОЯНКИ (НОВОСИБИРСКИЕ О-ВА, СИБИРСКАЯ АРКТИКА)¹

В. В. ПИТУЛЬКО, Е. Ю. ПАВЛОВА

Ключевые слова: *каменный век, ранний голоцен, радиоуглеродное датирование, Сибирская Арктика.*

Keywords: *Stone Age, Early Holocene, radiocarbon dating, Siberian Arctic.*

Введение

За исторически ничтожное время, прошедшее с момента появления метода радиоуглеродного датирования в конце 1940-х гг., он превратился в мощный инструмент для изучения хронометрии четвертичных отложений, событий естественной истории, укладываемых в область значений шкалы геологического времени, доступных для измерения (в настоящий момент – около 50 000 лет), и построения их хронологий. Из двух указанных подходов в археологической науке превалирует последний (см., например: Долуханов 2008; Сеницын, Праслов 1997; Каницкая, Кагай 2008; Blaauw 2010; Vasil'iev et al. 2002), тогда как изучение хронометрии культурных отложений (процессов, событий) в качестве отдельной исследовательской задачи чаще всего не различают, хотя фактически в ряде случаев речь идет именно о хронометрии (см., например: Dolukhanov et al. 2002; 2005; Steele 2010).

Наибольшее внимание вопросы хронометрии культурных отложений получили в работах Л. Д. Сулержицкого (Соколов и др. 2004; Сулержицкий 2004), где данная проблема сформулирована в виде идеи оценки времени активности людей на палеолитических поселениях. Данный вопрос весьма актуален для археологии различных отделов каменного века (см., например: Амирханов 2000; Гаврилов 2015) и чрезвычайно важен для дальнейшей разработки теории культурного слоя, понимания процессов и явлений, имевших место в глубокой древности, темпоральной структуры изучаемого объекта.

Фактически ряды радиоуглеродных датировок из культурных слоев древних поселений позволяют получить модель формирования культуросодержащих отложений и, таким образом, получить основу для интерпретации культурных остатков (Malinsky-Buller et al. 2011). Достоверность такой модели гарантирована в том случае, если она отвечает общей седиментационной модели отложений, вмещающих, в том числе, культуросодержащий горизонт. Таким образом,

---

¹ Исследования Жоховской стоянки, результаты которых обсуждаются в настоящей статье, были проведены в рамках исследовательского проекта «Zhokhov-2000» в 2000–2005 гг. при поддержке научно-исследовательского неправительственного фонда Rock Foundation (Нью-Йорк, США). Данная работа поддержана РФФИ (проект № 13-06-12044).

появляются основания для научно обоснованной первичной критической оценки достоверности датировок, составляющих коллекцию.

На этом этапе могут быть отброшены, как не имеющие отношения к оценке возраста изучаемого объекта, датировки, полученные по материалам, несовременным эпизоду человеческой деятельности, в частности, по ископаемой древесине (Абрамова 1979; Питулько, Павлова 2010) и по костным остаткам ископаемой фауны (Питулько и др. 2011а; 2013а). В то же время появление этих материалов в культурном слое является результатом актов деятельности.

Характерным примером в этом отношении может служить датирование артефактов из бивня мамонта, происходящих из отложений Жоховской стоянки (Sher et al. 2005), которые имеют каргинский возраст, заведомо превышающий возраст самого памятника (Питулько 1998). В районах нынешнего и, в особенности, бывшего распространения многолетнемерзлых отложений могут проявляться и иные причины, приводящие к появлению в коллекциях дат значений, отличных от истинного возраста отложений (Питулько, Павлова 2007; 2010; Питулько и др. 2011б). Так, в культуросодержащие толщи Жоховской стоянки оказались включены различные по возрасту костные остатки плейстоценовой фауны, не имеющие никакого отношения к деятельности человека на данном памятнике (Pitulko, Pavlova 2013).

Прежними работами на Жоховской стоянке было установлено, что ее возраст составляет около 8000 л. н. (Питулько 1998). Впоследствии, на основании датировок по различным органическим материалам, время присутствия в прошлом людей на территории современного о. Жохова было определено как 7900–7800 ^{14}C л. н. (Питулько и др. 2012: табл. 1). Значительный объем серии ^{14}C датировок ($N = 94$) (таблица) позволяет вернуться к изучению отрезка времени обитания стоянки и исследовать внутреннюю хронологическую структуру данного интервала.

Характеристика коллекции ^{14}C дат из Жоховской стоянки, ее структура и возраст памятника

Благодаря многолетнемерзлым условиям на Жоховской стоянке отсутствует проблема поиска материала для датирования, скорее речь идет о его выборе, однако выбор предполагает внимательное отношение к результату датирования. Подчеркнем, что предметом обсуждения в настоящей работе являются датировки, полученные по предметам и материалам, непосредственно связанным с прошлой человеческой деятельностью. Некоторая их часть была введена в научный оборот ранее (Питулько 1998; Питулько, Павлова 2010; Питулько и др. 2012; 2013б), однако многие публикуются впервые.

Прежде всего, исследуем структуру коллекции дат. В ней представлено несколько крупных группировок значений ^{14}C возраста, полученных по древесине (в широком смысле, включая берестяные и плетеные изделия, $N = 47$), древесному углю ($N = 6$), костным остаткам копытных ($N = 11$), белого медведя ($N = 7$), собак ($N = 2$) и, наконец, человека ($N = 14$). Помимо указанных в выборку включены ^{14}C датировки, полученные по моховым подушкам и иным растительным остаткам ($N = 3$), современным деятельности человека и захороненным в отложениях памятника вместе с культурными остатками, а также результаты датирования некоторых экзотических субстанций, а именно экскрементов собак

(N = 3) и мелкого грызуна (N = 1) (рис. 1; таблица). Каждый из материалов дает вполне достоверные даты, однако использование результатов датирования в ряде случаев имеет некоторые ограничения.

На рис. 1 помещены датировки, относящиеся к упомянутым выборкам. В пределах каждой из них они расположены слева направо в порядке убывания значений ^{14}C возраста образцов, от более древних к более молодым. Отметим, что в распределениях дат по древесине, предметам из нее, древесному углю и костным остаткам копытных (в большинстве представленных северным оленем) имеется хорошо заметная повторяемость, ограниченная временным диапазоном 8250–7800 л. н. Датировки, полученные по костным остаткам белого медведя, собак (по костям и экскрементам) и, отчасти, датировки людских остатков, заметно выпадают из общей картины и лежат ниже временного рубежа 8250 л. н. (рис. 1).

Рассмотрим сначала серии, полученные по древесным остаткам и углю. В принципиальном отношении любой кусок дерева (щепка, обломок или изделие) из Жоховской стоянки является артефактом, поскольку оказался в отложениях памятника в результате прошлой хозяйственной деятельности человека, был принесен и использован. Никакой древесной растительности во время существования стоянки вблизи нее не было, а граница леса в раннем голоцене располагалась примерно на широте современного побережья материка, на сотни километров к югу. На территории крупных южных островов современного архипелага Новосибирских о-вов произрастали только древесно-кустарниковые виды, среди которых можно отметить мощные ольховники на о. Котельном (Макеев и др. 1989). Таким образом, подавляющее большинство древесных остатков на памятнике является результатом использования плавникового леса, концентрировавшегося на участке побережья бывлой приморской низменности поблизости от охотничьего лагеря на о. Жохова (Питкулько 1998).

Отсюда понятно, что возраст фрагментов дерева (отходов производства изделий из него) и древесных углей может отличаться от истинного возраста памятника (быть несколько древнее), поскольку ^{14}C датированием будет установлен возраст гибели дерева (прекращение изотопного обмена). Любое дерево имеет к тому же индивидуальный возраст (он даже на пределе распространения древесной растительности может достигать ~100 лет или превышать это значение). Кроме того, в течение некоторого неизвестного времени ствол, попавший во впадающую в океан реку или ее приток, перемещался от места произрастания к той точке морского побережья, где был обнаружен людьми и перевезен на стоянку.

Последний промежуток должен быть относительно невелик, так как использовали, несомненно, стволы плавника с наилучшей сохранностью, однако суммарно указанные источники погрешностей могут дать значение, существенно отличное от истинного времени обитания человека на стоянке. В абсолютных цифрах оно может быть довольно заметным, достигая тысячи лет. Собственно, это и можно видеть на примере датировок № 4–6, 51 (рис. 1; таблица). Отсюда понятно, что указанные значения должны быть отброшены как не имеющие отношения к оценке возраста памятника, хотя они, несомненно, являются свидетельством человеческой деятельности на Жоховской стоянке.

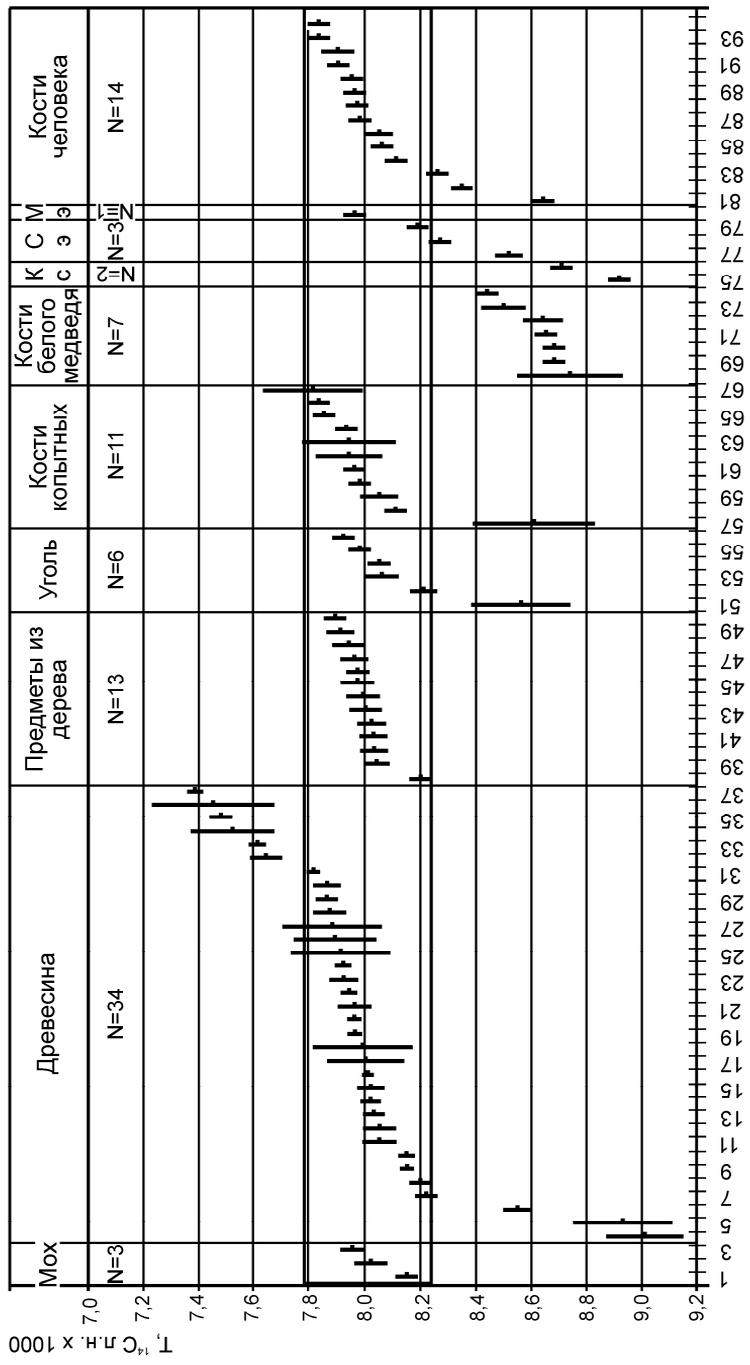

Рис. 1. Сводный график ¹⁴C датировок Жоховской стоянки, выполненных по различным материалам (Кс – кость собаки; Сэ – экскременты собаки; Мэ – экскременты мыши; номера датировок соответствуют номерам в таблице)

Fig. 1. Cross plot of ¹⁴C dates for the Zhokhov site obtained on dog bones (Кс), dog feces (Сэ) and mouse feces (Мэ); date numbers correspond to those in the table

Т а б л и ц а

Радиоуглеродные датировки Жоховской стоянки, полученные сцинтилляционным и ¹⁴C AMS методом¹

№ п/п	Лабораторный индекс	Материал	¹⁴ C датировка	Калиброванный возраст (л. н.)	Квадраты	Характеристика образца	Источник
1	Beta-190092	PO	8150 ± 40	9240–9010	C13	PO	–
2	Beta-190088	PO	8020 ± 60	9030–8650	FE130	PO с рыбным запахом	Питулько и др. 2012
3	Beta-190087	PO	7950 ± 40	9000–8630	C130	мох из черепа белого медведя	Там же
4	Ле-3533	Д	9010 ± 140	–	«Жилище» 8	Д	Питулько 1998
5	Ле-4048a	Д	8930 ± 180	–	пм, 1987 г.	Д	Там же
6	Ле-6826	Д	8550 ± 50	–	BC12	Д	–
7	Ле-6827	Д	8220 ± 40	–	BC12	Д	–
8	ГИН-6399	Д	8200 ± 40	–	B1–B5	Д	Там же
9	Ле-6459	Д	8150 ± 30	–	A4	Д	–
10	Ле-6814	Д	8150 ± 25	–	C12	Д	–
11	Ле-6817	Д	8050 ± 60	–	C12	обугленное дерево	–
12	Ле-6818	Д	8050 ± 60	–	C12	Д	–
13	Ле-6816	Д	8030 ± 40	–	C120	обугленное дерево	–
14	Ле-6476	Д	8020 ± 35	–	A2	Д	–
15	ЛУ-2499	Д	8020 ± 50	–	B1–B5	Д	Там же
16	Ле-6821	Д	8010 ± 20	–	D130	Д	Питулько и др. 2012

¹ Условные обозначения: PO – растительные остатки; Д – древесина; У – древесный уголь; СЭ – экскременты собаки; МЭ – экскременты мелкого грызуна (мышь); пм – подвешенный материал; Вост. уч. – Восточный участок; Зап. уч. – Западный участок.

Продолжение табл.

№ п/п	Лабораторный индекс	Материал	¹⁴ С датировка	Калиброванный возраст (л. н.)	Квадраты	Характеристика образца	Источник
17	Ле-6475	Д	8000 ± 140	–	FE120	Д	Там же
18	Ле-6823	Д	7990 ± 20	–	C130	Д	Там же
19	Ле-6828	Д	7960 ± 60	–	CB12	Д	–
20	Ле-6815	Д	7960 ± 25	–	C12	Д	–
21	Ле-6825	Д	7960 ± 25	–	DE130	Д	Там же
22	Ле-6832	Д	7940 ± 30	–	GF12	Д	–
23	Beta-173068	Д	7920 ± 40	8990–8610	E14	Д	–
24	Ле-6830	Д	7920 ± 30	–	G140	обугленное дерево	–
24	Ле-3535	Д	7910 ± 180	–	«Жилище» 9	Д	Питулько 1998
26	Ле-45346	Д	7890 ± 150	–	пм, 1987 г.	Д	Там же
27	Ле-40486	Д	7880 ± 180	–	пм, 1987 г.	Д	Там же
28	ЛУ-2432	Д	7870 ± 60	–	B1–B5	Д	Там же
29	Ле-6822	Д	7860 ± 50	–	EF130	Д	Питулько и др. 2012
30	Ле-2433	Д	7860 ± 40	–	B1–B5	Д	Питулько 1998
31	Ле-6466	Д	7810 ± 25	–	A4	Д	–
32	Ле-3532	Д	7640 ± 55	–	«Жилище» 7	Д	Там же
33	Ле-6824	Д	7610 ± 30	–	D130	Д	Питулько и др. 2012
34	Ле-3531	Д	7520 ± 150	–	«Жилище» 6	Д	Питулько 1998
35	Ле-6820	Д	7480 ± 40	–	CD130	Д	Питулько и др. 2012
36	Ле-4534a	Д	7450 ± 220	–	пм, 1987 г.	Д	Питулько 1998

Продолжение табл.

№ п/п	Лабораторный индекс	Материал	¹⁴ C датировка	Калиброванный возраст (л. н.)	Квадраты	Характеристика образца	Источник
37	Лс-6460	Д	7385 ± 25	–	A20, 1990 г.	Д	–
38	Beta-216806	Д	8200 ± 40	9280–9020	Aa140	большая корзина	–
39	Beta-177033	Д	8040 ± 50	9030–8760	BA13	фрагмент деревянного сосуда	–
40	Beta-177034	Д	8030 ± 50	9030–8740	E12	фрагмент деревянного сосуда	–
41	Beta-177030	Д	8030 ± 50	9030–8740	A13	палка с выделенной головкой и обрубленным концом	–
42	Beta-177031	Д	8020 ± 50	9020–8710	C14	палка с выделенной головкой, поперечным надрезом и обрубленным концом	–
43	Beta-177026	Д	8000 ± 60	9020–8630	DE120	полос со сверленными отверстиями, слабо выраженный износом	–
44	Beta-177025	Д	7990 ± 60	9020–8630	DE12	полос с сильным износом	–
45	Beta-177027	Д	7970 ± 60	9020–8610	BC12	заготовка (?) орудия для изгибания (?) полосов, износа от езды нет	–
46	Beta-173069	PO	7970 ± 40	9000–8640	E14	береста, тусек (?)	–
47	Beta-177024	Д	7960 ± 50	9010–8620	Aa130	древко стрелы или сверла	Питулько и др. 2012
48	Beta-177028	Д	7940 ± 60	9010–8600	Aa13	копыло	–
49	Beta-177029	Д	7910 ± 50	8990–8590	Pp22	копыло	–
50	Beta-177032	Д	7890 ± 40	8970–8910, 8870–8830, 8790–8590	E110	фрагмент деревянного сосуда	–
51	Лс-3527	У	8563 ± 180	–	B12	древесный уголь	Питулько 1998

Продолжение табл.

№ п/п	Лабораторный индекс	Материал	¹⁴ С датировка	Калибровальный возраст (л. н.)	Квадраты	Характеристика образца	Источник
52	Beta-173074	У	8210 ± 50	9380–9370, 9300–9020	FE120	древесный уголь	Питулько и др. 2012
53	Beta-173073	У	8060 ± 60	9120–8760	A30	древесный уголь	–
54	Beta-173072	У	8050 ± 40	9030–8970, 8910–8870, 8830–8790	FE120	древесный уголь	Там же
55	Beta-173075	У	7980 ± 40	9010–8650	FE110	древесный уголь	Там же
56	Beta-173071	У	7920 ± 40	8990–8610	A3	древесный уголь	–
57	Ле-3536	К	8610 ± 220	–	«Жилище» 13	рог северного оленя	Питулько 1998
58	Beta-177017	К	8110 ± 40	9120–9000	Pp23	кость северного оленя	–
59	Ле-3529	К	8050 ± 70	–	Вост. уч., 1990 г.	фрагменты костей	Там же
60	Beta-231441	К	7980 ± 40	9000–8650	BC12	кость северного оленя (плечевая правая)	–
61	Beta-177018	К	7960 ± 40	9000–8630	AB13	кость северного оленя	–
62	ГИН-13183	К	7940 ± 120	–	D12	рог благородного оленя	–
63	Ле-4533b	К	7940 ± 170	–	пм, 1987 г.	фрагменты костей	Там же
64	ГИН-6400	К	7930 ± 40	–	B1–B5	фрагменты костей	Там же
65	Beta-216805	К	7850 ± 40	8740–8550	L1220	кость лося	–
66	Beta-177022	К	7830 ± 40	8660–8530	11p260	кость северного оленя	–
67	Ле-3534	К	7810 ± 180	–	«Жилище» 9	фрагменты костей	Там же
68	Beta-177023	К	8640 ± 70	9760–9510	AB13	кость белого медведя	–

Продолжение табл.

№ п/п	Лабораторный индекс	Материал	¹⁴ C датировка	Калиброванный возраст (л. н.)	Квадраты	Характеристика образца	Источник
69	Ле-3528	К	8740 ± 90	–	Зап. уч., 1989 г.	фрагменты костей	Там же
70	Beta-177021	К	8680 ± 40	9730–9540	Ggg28	кость белого медведя	–
71	Beta-231442	К	8680 ± 40	9710–9540	Iii28	кость белого медведя (локтевая левая)	–
72	Beta-177016	К	8650 ± 40	9700–9540	Pp23	кость белого медведя	–
73	Beta-177020	К	8500 ± 80	9560–9410	Oo20	кость белого медведя	–
74	Beta-177019	К	8440 ± 40	9520–9420	C14	кость белого медведя	–
75	Beta-190086	К	8910 ± 50	10200–9890	Oo22	кость собаки	–
76	Beta-231448	К	8710 ± 50	9890–9540	CD13	кость собаки	–
77	Beta-190095	СЭ	8520 ± 50	9550–9470	C12	СЭ, датированы волосы	–
78	Beta-173076	СЭ	8270 ± 40	9420–9120	A3	СЭ, датированы волосы	–
79	Beta-190094	СЭ	8190 ± 40	9270–9020	CB12	СЭ	–
80	Beta-190093	МЭ	7960 ± 40	9000–8630	C12	МЭ	–
81	Beta-190106	К	8640 ± 40	9690–9530	Pp200	пястная кость человека	–
82	Beta-190105	К	8350 ± 40	9480–9270	Oo23	пястная кость человека	–
83	Beta-190098	К	8260 ± 40	9410–9120	C130	лучевая кость человека	–
84	Beta-204878	К	8110 ± 40	9120–9000	NN220	череп человека (NN220-2)	–
85	Beta-204877	К	8060 ± 40	9030–8980, 8820–8800	NN220	череп человека (NN220-1)	–
86	Beta-190100	К	8050 ± 50	9040–8770	C130 RI	ребро человека	–
87	Beta-190108	К	7980 ± 40	9010–8650	Nn23	локтевая кость человека	–

Окончание табл.

№ п/п	Лабораторный индекс	Материал	^{14}C датировка	Калибровальный возраст (л. н.)	Квадраты	Характеристика образца	Источник
88	Beta-190104	К	7970 ± 40	9000–8640	Np200	ребро человека	–
89	Beta-190107	К	7960 ± 40	9000–8630	Pp240	диафиз кости человека	–
90	Beta-190103	К	7950 ± 40	9000–8630	DE140	ребро человека	–
91	Beta-190101	К	7900 ± 60	9000–8560	C130 R2	ребро человека	–
92	Beta-190102	К	7900 ± 40	8980–8820, 8800–8600	C130	ребро человека	–
93	Beta-190099	К	7830 ± 40	8660–8530	C130	ребро человека	–
94	Beta-204879	К	7830 ± 40	8660–8530	NN23	плечевая кость человека	–

Понятно, что для объектов более глубокого возраста и более значительное отклонение в возрасте отдельных образцов было бы несущественным. Так, например, для памятников возрастом 20 000–30 000 лет и более, где погрешность составляет в лучшем случае первые сотни лет, но чаще оказывается ближе к первым тысячам, такое отклонение не превышало бы погрешность измерения. Однако для раннеголоценового возраста Жоховской стоянки, где стандартное отклонение при расчете возраста образца составляет во многих случаях 40 лет, образцы с возрастом 8500 лет и более уже заметно выпадают из общего ряда.

Казалось бы, группировка значений ^{14}C возраста, полученных по костным остаткам белого медведя, собаки и, отчасти, человека (рис. 1), может рассматриваться в качестве аргумента в пользу валидности «древних» образцов, измеренных по образцам древесины. Это, однако, не так, поскольку возраст самих образцов, полученных по перечисленным материалам, имеет некоторые искажения, предопределенные их природой (см. ниже).

Далее, обращает на себя внимание группа ^{14}C значений возраста, также полученных по фрагментам дерева (рис. 1; таблица, датировки № 32–37). Вероятно, причиной омоложения возраста образцов является их биогенное загрязнение в прошлом, в результате которого относительно молодой углерод бактериального происхождения оказался внедрен в структуру дерева и пережил операции предварительной очистки образца. Эта группа датировок не находит никакого отклика в сериях, полученных по иным материалам (рис. 1), и на этом основании она может быть исключена из дальнейшего рассмотрения как недостоверная. В то же время в них можно видеть следы эфемерных посещений территории человеком после завершения фазы активного хозяйственного освоения.

Исключительно интересны датировки, полученные по костным остаткам белого медведя, собаки и человека (рис. 1; таблица). Они представляют собой особый случай, поскольку их значения нередко оказываются древнее указанной нижней границы интервала. Природу этих отклонений легко понять, приняв во внимание особенности трофических цепей, определяющих биохимию организмов белого медведя, собаки и человека.

Диета белого медведя, крупнейшего наземного хищника, ведущего полуводный образ жизни, привязана к потреблению мяса морских млекопитающих, прежде всего нерпы. Таким образом, в отсутствие человека этот хищник находится на вершине пищевой последовательности, основанной на потреблении различных морских биоресурсов с последовательным присвоением и накоплением «мертвого» углерода, что приводит к искажению возраста за счет морского резервуарного эффекта (Вагнер 2006).

Вклад резервуарного эффекта в значения радиоуглеродного возраста может быть оценен на основании изучения композиций стабильных изотопов углерода и азота в датированных костных остатках (DeNiro 1985). Эти методы широко известны и применяются для изучения диет в различных людских популяциях (см., например: Йонедэ и др. 1998; Schoeninger 1995; Byers et al. 2011). В ряде случаев удобным контролем являются кости северных оленей, представляющие собой часть прошлой охотничьей добычи (Coltrain et al. 2004).

Человек, занимая нишу высшего хищника, присваивает «мертвый» углерод морского происхождения, накопленный белым медведем. Вклад белого медведя

в диету обитателей Жоховской стоянки был весьма значителен (Питулько и др. 2013б), однако не менее значимым был и второй из двух главных пищевых ресурсов – северный олень, всецело связанный с наземными ценозами. Структура питания собак, утилизирующих кухонные остатки, оставленные населением стоянки, в общих чертах повторяет людскую диету. Искажение возраста образцов в сторону удревления является, следовательно, ожидаемым.

График, иллюстрирующий данное утверждение, представлен на рис. 2. Он отражает композиции стабильных изотопов в костных остатках обитателей стоянки, их спутников и добычи. Для построения графика использованы значения $\delta^{13}\text{C}$, т. е. значения изотопного фракционирования (отношения $^{13}\text{C}/^{14}\text{C}$), измеренные в промилле относительно стандарта PDB, и $\delta^{15}\text{N}$, рассчитанного тем же способом (Coltrain et al. 2004).

Композиция стабильных изотопов, найденная в костных остатках людей и собак Жоховской стоянки, появилась в результате использования ими элементов обеих трофических цепочек (морской и наземной) и оказывается промежуточной между наземной и высшей морской структурой питания (рис. 2). Благодаря наличию в материалах стоянки костных остатков северных оленей и белых медведей, достоверно добытых обитателями стоянки, и возможности контроля датировок наземных организмов датировками древесных остатков, можно оценить морской резервуарный эффект (ΔR) для района о-вов Де Лонга. Величина ΔR в нашем случае составит, на основании средних значений возраста «наземных» и «морских» образцов, примерно 400 лет.

Эта приблизительная оценка оказывается достаточно близкой значению ($\Delta R = 451$ г.), найденному Х. А. Баухом с соавторами для Лаптевоморского шельфа сравнительным датированием раковин двустворчатых моллюсков (Bauch et al. 2001), что свидетельствует о его стабильности в пространстве и времени. К сожалению, измеренные для антропологических остатков значения невозможно просто «поправить» на 451 год, поскольку остается неизвестным, в какой мере для каждого конкретного образца должна быть внесена поправка. Это было бы возможно только в том случае, если бы людская диета была исключительно морской. Очевидно, что это не так.

Легко заметить, что датировки, полученные по костным остаткам человека (Питулько и др. 2015), искажены за счет проявления резервуарного эффекта в различной степени. Среди них присутствуют значения как близкие фоновым (~7900 л. н.), так и существенно их превышающие (рис. 1, 2; таблица). Им соответствуют различные композиции изотопов азота и углерода. Подобные различия могут свидетельствовать прежде всего о возрастных (Prowse et al. 2005), но также о гендерных и статусных различиях в диетах соответствующих индивидуумов (см., например: Reitsema, Vercellott 2012; Ambrose et al. 2003; Yoder 2012).

Таким образом, можно ожидать, что наиболее адекватные определения возраста получены по костным остаткам охотничьей добычи насельников стоянки, принадлежащих наземным млекопитающим, – северного оленя, благородного оленя (?) и лося (рис. 1; таблица). Но даже и они, скорее всего, не вполне свободны от резервуарного эффекта в силу обитания в приморской низменности, поедания растительности на лайдах в поисках солонца, грибов и выброшенных морем водорослей.

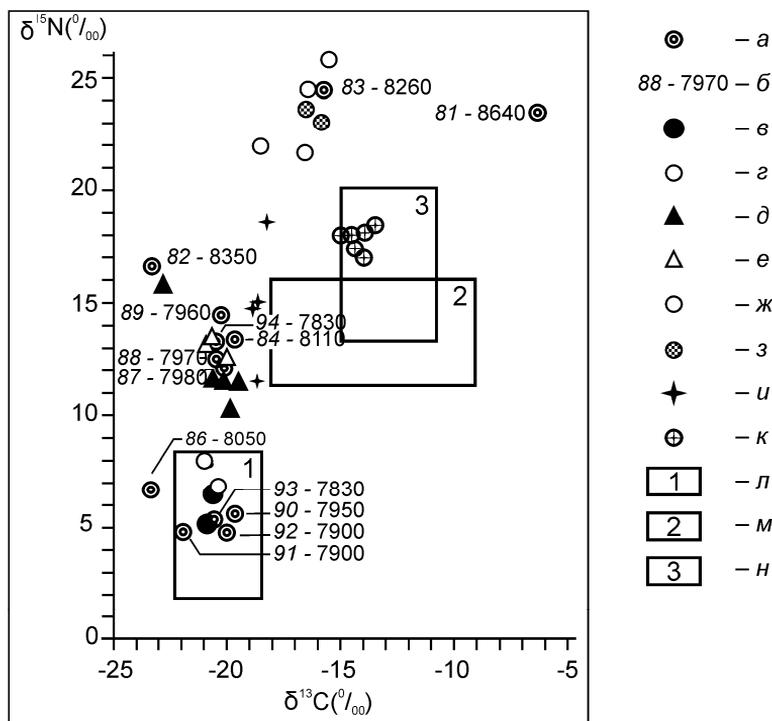

Рис. 2. График соотношения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ (‰) для ископаемых (*a, в, д, ж, к*) и современных костных остатков (*г, е, з, и*): *a* – человек (культурный слой Жоховской стоянки); *б* – номер образца кости человека и значение ^{14}C датировки (л. н.); *в* – северный олень (культурный слой Жоховской стоянки); *г* – современный северный олень (о. Котельный, о. Новая Сибирь); *д* – собака (культурный слой Жоховской стоянки); *е* – современный полярный волк (о. Новая Сибирь); *ж* – белый медведь (культурный слой Жоховской стоянки); *з* – современный белый медведь (о. Новая Сибирь, о. Жохова, о. Генриетты); *и* – современный морж (о. Новая Сибирь, о. Жохова); *к* – человек (могильник Бойсмана-2; по Йонедэ и др. 1998); *л-н* – поле вариаций изотопного состава коллагена костей (по DeNiro 1985; *л* – для наземных травоядных млекопитающих; *м* – для морских хищных млекопитающих, питающихся беспозвоночными; *н* – для морских хищных млекопитающих, питающихся позвоночными)

Fig. 2. Dependency network of $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ (‰) for fossil (*a, в, д, ж, к*) and recent (*г, е, з, и*) bones: *a* – human (cultural layer of the Zhokhov site); *б* – human bone sample number and ^{14}C date (years ago); *в* – reindeer (cultural layer of the Zhokhov site); *г* – recent reindeer (Kotelny and New Siberia islands); *д* – dog (cultural layer of the Zhokhov site); *е* – recent Arctic wolf (New Siberia island); *ж* – Polar bear (cultural layer of the Zhokhov site); *з* – recent Polar bear (New Siberia, Zhokhov and Henrietta islands); *и* – recent walrus (New Siberia and Zhokhov islands); *к* – human (Boisman-2 cemetery, after Йонедэ и др. 1998); *л-н* – variation field of isotopic composition of bone collagen (after DeNiro 1985; *л* – for terrestrial herbivorous mammals; *м* – for sea carnivorous mammals feeding on invertebrates; *н* – for sea carnivorous mammals feeding on vertebrates)

Так, для Южного полушария известно, что исключительно за счет испарения океанической воды, содержащей «мертвый» углерод, возникает локальное изменение композиции атмосферного углерода, выражающееся в системном удравнении древесных образцов на 30 лет (Letman et al. 1970). Что-то подобное может происходить с композициями изотопов углерода в костных остатках северного оленя за счет структуры питания в приморских районах, однако такая погрешность в нашем случае уже несущественна. Следовательно, ^{14}C возраст костных остатков северных оленей из Жоховской стоянки, являющихся достоверной добычей ее обитателей, может служить надежным ориентиром для оценки валидности прочих датировок в серии.

В то же время среди датировок остатков оленя имеется дата № 57, чей возраст существенно больше возраста остальных образцов серии. Эта дата, однако, измерена по образцу рога северного оленя. Данное обстоятельство исчерпывающим образом объясняет природу отклонения, поскольку рога северных оленей, как ценное сырье для производства орудий охоты и иных инструментов, являлись объектом сбора. Рога, извлеченные при раскопках, в подавляющем большинстве случаев – сброшенные (Питулько 1998). Сбор этого вида сырья был вынужденным занятием, поскольку основной промысел оленей осуществлялся обитателями стоянки в весенне-летний период (Питулько и др. 2013б), когда отвердевших, годных для обработки рогов животные еще не имеют.

Подобная стратегия применялась насельниками Жоховской стоянки также в отношении костных остатков плейстоценовой фауны, прежде всего бивня и длинных костей мамонтов, находивших широкое применение в производстве различного инвентаря (Питулько 1998). Опыт датирования артефактов из стоянки показывает, что для этого материала могут быть получены в принципе любые даты, никак не пересекающиеся с возрастом человеческой деятельности на Жоховской стоянке. Так, имеются датировки $\geq 37,100$ л. н. (AA-22593) и $\geq 36,500$ л. н. (AA-22594), опубликованные А. В. Шером (Sher et al. 2005), и полученная нами недавно датировка фрагмента бивня $10,120 \pm 42$ ^{14}C л. н. (AAR-20987), относящаяся уже ко времени заката местной популяции мамонтов вскоре после 10 000 л. н. (Nikolskiy et al. 2011).

Таким образом, возраст культурных остатков Жоховской стоянки надежно определен серий ^{14}C датировок в интервале 8250–7800 ^{14}C л. н. (рис. 1), выполненных по разным материалам, имеющим непосредственное отношение к прошлой человеческой деятельности (дерево и изделия из него, костные остатки копытных, прямые даты по артефактам). Прямые датировки по костным остаткам человека, как показано выше, имеют несколько более древние значения за счет проявления морского резервуарного эффекта. С учетом $\Delta R = 451$ год, значения возраста антропологических остатков укладываются в интервал 8250–7800 ^{14}C л. н.

Выявленный временной диапазон даже для памятников раннеголоценового каменного века представляет собой относительно небольшой период существования, в течение которого не произошло никаких археологически зримых изменений. В этой связи необходимо подчеркнуть, что антропологические остатки (Питулько и др. 2015), встреченные при раскопках Жоховской стоянки, несомненно, синхронны ее материальной культуре. Данное заключение является важным побочным результатом анализа коллекции радиоуглеродных датировок стоянки.

Длительность интервала обитания на стоянке и его внутренняя структура

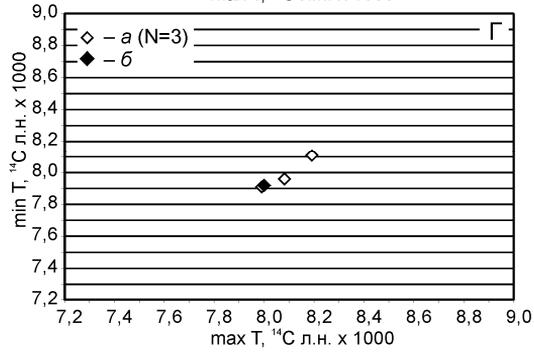
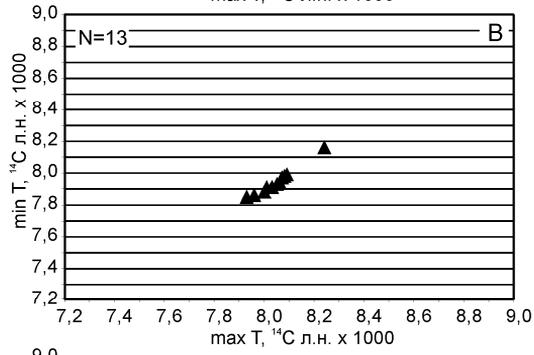
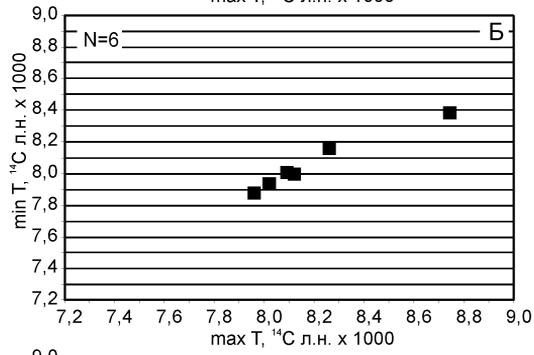
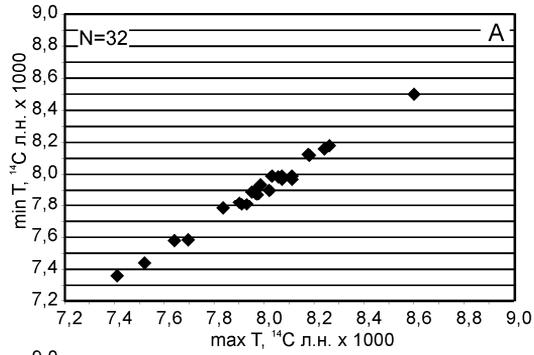
Выше была проанализирована коллекция радиоуглеродных дат из Жоховской стоянки, были отвергнуты как недостоверные некоторые определения возраста и объяснена природа отклонения значений в выборках, характеризующих возраст костных остатков белого медведя, собак и человека. На основании достоверных серий удалось обозначить длительность интервала обитания человека на стоянке, или, в терминологии Л. Д. Сулержицкого (2004), «время активности людей» на этом памятнике. Данный интервал составляет 8250–7800 ^{14}C л. н.

В геологическом смысле это мгновение, однако желательно понимать, было ли обитание людей на памятнике непрерывным или же внутри выделенного интервала скрыты отдельные эпизоды заселения. Этот вопрос весьма важен для ряда палеолитических поселений, в особенности в тех случаях, когда такие эпизоды стратиграфически нерасчленимы. Жоховская стоянка в этом плане представляет собой идеальный случай, поскольку ее культурные отложения оказались в свое время трансформированы в культуросодержащие толщи, заполнившие термоэрозионные формы мезорельефа (Питулько и др 2012). Внутреннюю хронологическую структуру интервала обитания, следовательно, возможно оценить только на основании серийных ^{14}C датировок.

С этой целью были предприняты простые исследовательские процедуры. Прежде всего, отметим, что формат значения ^{14}C возраста образца ($T_{\text{лет}} \pm 1\sigma$) представляет собой интервал, верхняя и нижняя границы которого равновероятны. Поскольку мы ищем относительно короткие эпизоды присутствия человека на памятнике, которые угадываются уже на общем графике распределения датировок (рис. 1), имеет смысл использовать именно граничные значения возраста, измеренного для каждого из используемых образцов, достоверность которых составляет 68,3 %, тогда как среднее значение могло и не иметь места в реальности. Одновременно это позволяет корректно удвоить объем выборки.

Для каждой серии дат, полученных по тому или иному материалу, были построены графики, характеризующие распределения граничных значений возраста образцов (T) во временном поле 9000–7200 л. н. (рис. 3, 4). По вертикальной оси отложены минимальные значения возраста ($T - 1\sigma$), а по горизонтальной – максимальные ($T + 1\sigma$). Здесь использованы серии по всем материалам, в том числе и те, значения возраста которых искажены за счет морского резервуарного эффекта. В данном случае это неважно, поскольку и в этих случаях, с одной стороны, отчетливо видна относительная компактность датировок (например, для артефактов из дерева), а с другой – хорошо заметна растянутость множества датированных объектов во времени (белый медведь, собака).

В интегрированном виде эти значения приведены на графиках рис. 5, в том числе – суммарный (рис. 5А). Принципы их построения идентичны графикам, показанным на рис. 3 и 4. Как недостоверные при их построении исключены значения, выпадающие за интервал обитания на стоянке, на том основании, что они не находят соответствия в серии датировок костных остатков оленя, которую можно рассматривать в качестве контрольной, а также в прямых датировках артефактов, возраст материала которых с высокой степенью вероятности полностью адекватен времени деятельности (материал деревянной посуды, корзин, берестяных изделий, деталей нарт).

С целью очистить сигнал от шумов, возникающих при взаимном наложении графиков, построенных по результатам датирования различных субстанций, после исключения недостоверных значений временной диапазон был сужен до 8300–7750 л. н., изменен шаг до 50 лет и для максимальных и минимальных значений были построены графики по результатам датирования различных материалов (рис. 5Б, 5В), а также график распределения числа максимальных и минимальных значений во временном диапазоне 8350–7450 л. н. с шагом 25 лет (рис. 5Г). Легко видеть, что даже на суммарном графике, объединяющем все возможные датировки во временном поле 8300–7750 л. н. (рис. 5А), надежно выделяются три кластера – «древний», «центральный» и «молодой». «Центральный» кластер, по-видимому, составляют два сливающихся интервала. Эта картина еще более отчетлива в выборке, из которой исключены значения возраста, полученные по антропологическим остаткам и артефактам из дерева (рис. 5Б).

Примечательно, что сопоставление людских датировок с датировками древесных остатков, полученными по артефактам (рис. 4В), показывает, что значения возраста антропологических остатков имеют слабое перекрытие с областью прямых дат по артефактам. Область возрастов костных остатков человека несколько смещена в направлении более древних датировок. В качестве причины этого явления выступает морской резервуарный эффект, влияние которого показано выше, а при совмещении всех серий на едином графике (рис. 5А) они выступают в качестве источника шума.

Наконец, на рис. 5Г показан график распределения числа датировок максимальных и минимальных значений для временного интервала 8350–7450 л. н. Он характеризует одномодальное распределение, состоящее из нескольких совокупностей, которые представлены четырьмя возрастными группами 8150, 8100–8075, 8000–7900 и 7800 л. н., отражающими время усиления активности людей на Жоховской стоянке. Данная картина идентична хронологической структуре, наблюдаемой при использовании средних значений.

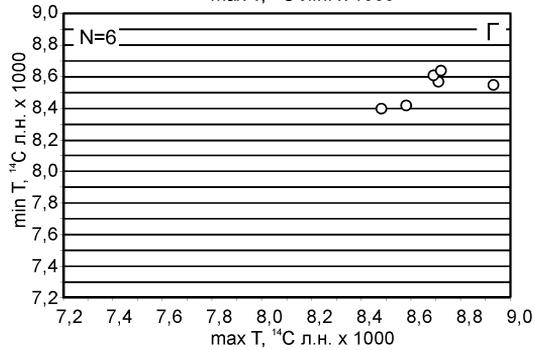
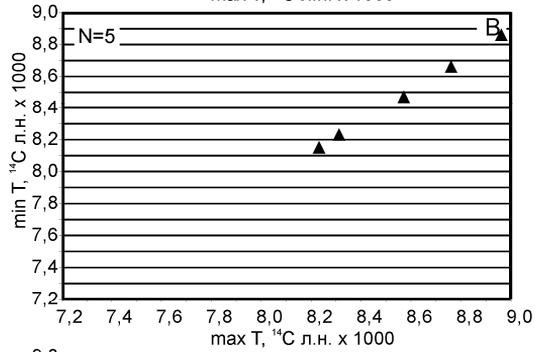
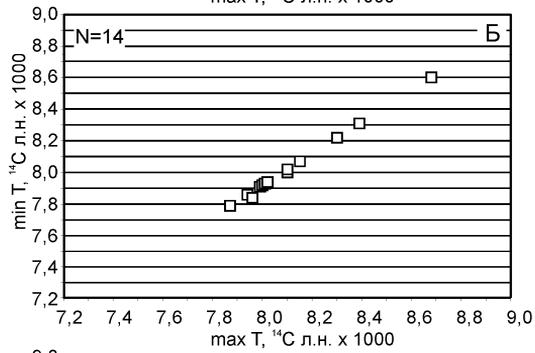
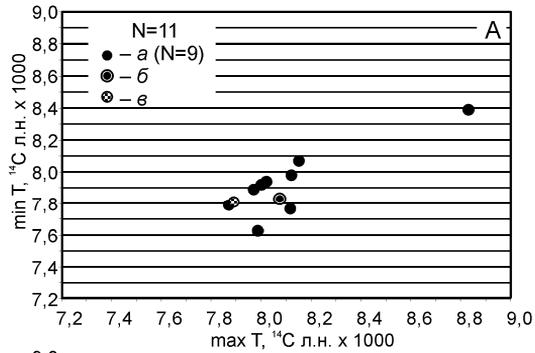
В качестве сравнительного материала были использованы калиброванные значения возраста. В этом случае они хороши тем, что при относительно небольшом количестве (таблица) данные оказываются весьма многозначны за счет равновероятных перехватов с калибровочной кривой (Вагнер 2006). В результате выборка становится, с одной стороны, объемной, а с другой – излишне разнообразной. Поскольку значения возраста, представленные в радиоуглеродных или календарных годах, ничем не отличаются от любых других чисел, с ними возможны любые, в пределах разумного, математические операции.

Одной из таких операций является логарифмирование данных (рис. 6). В нашем случае при построении графика использованы десятичные логарифмы максимальных и минимальных значений календарного (калиброванного) возраста образ-

---

Рис. 3. Графики распределения максимальных и минимальных значений некалиброванных ^{14}C датировок по группам датированных материалов во временном поле 9000–7200 л. н.: А – древесина; Б – древесный уголь; В – артефакты из дерева; Г: а – мох; б – экскременты мелкого грызуна

Fig. 3. Distribution graph for maximum and minimum values of calibrated ^{14}C dates for the period 9000–7200 years ago: А – wood; Б – charcoal; В – wooden artifacts; Г: а – moss; б – feces of a small rodent

цов (таблица), отложенные на графике в линейном масштабе. Логарифмирование данных обладает крайне полезным для нас свойством: логарифмы близких чисел визуально отчетливо индивидуализированы, а для сравнительно отдаленных значений расстояния между ними на числовой оси более компактны, что позволяет выявить малозаметные, но важные различия между значениями, относящимися к разным множествам. Подчеркнем, что данный рисунок (рис. 6) отвечает только на вопрос о наличии скрытых эпизодов обитания, а их длительность здесь может быть найдена обратным пересчетом.

В результате и калиброванные значения возраста при существенно меньшем их числе (в сравнении с граничными значениями «сырых» датировок) дают отчетливую картину внутренней хронологической структуры обитания на Жоховской стоянке, в которой представлено четыре относительно долгих эпизода обитания. Как и в случае с прямыми радиоуглеродными значениями возраста, видны некие области низкой активности, которые, впрочем, могут являться и отклонениями, однако это в данном случае уже несущественно.

Длительность выделенных эпизодов составляет в каждом случае около 100 лет, однако это не означает непрерывного пребывания людей на Жоховской стоянке в течение этого времени. Скорее всего, речь идет о многократных посещениях, возможно, приводивших к более или менее постоянному пребыванию на протяжении нескольких лет, с последующим отсутствием на этой территории в течение сопоставимого по продолжительности времени. Имелись и более долгие перерывы, которые позволяет опознать разрешающая способность метода датирования (рис. 6).

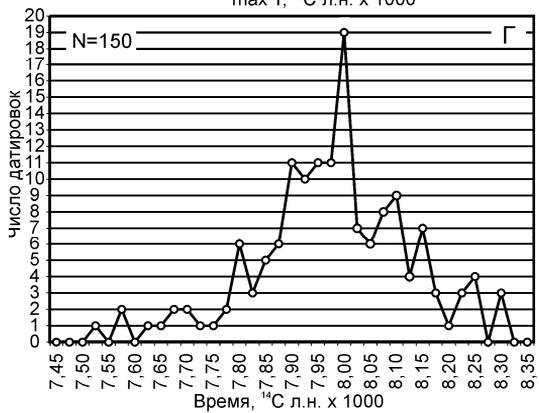
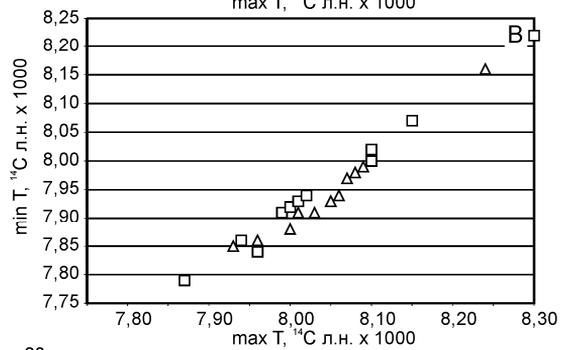
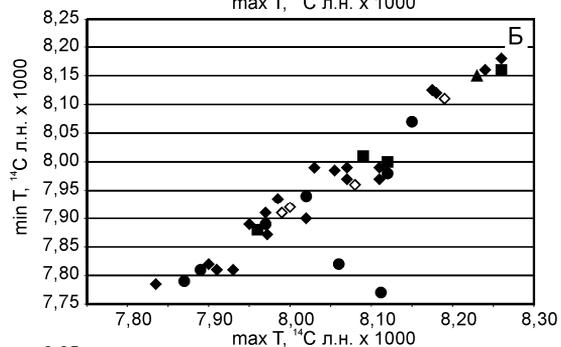
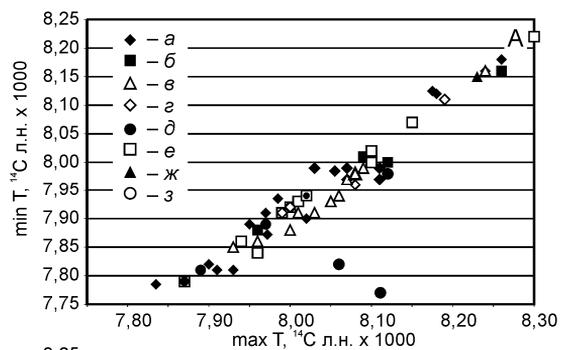
Подобная реконструкция, на наш взгляд, хорошо вписывается в модель жизнеобеспечения жоховских охотников (Питулько и др. 2013б), которые периодически использовали территорию нынешнего острова для круглогодичного обитания, практикуя в зимний период охоту на берлогах. Самки белого медведя составляли стабильный и предсказуемый зимний пищевой ресурс, однако со временем оказываемое на местную популяцию охотничье давление приводило к временному истощению ресурса. Для восстановления требовался промежуток 10–15 лет, и его уже можно «увидеть» через серийное радиоуглеродное датирование. Возможно, именно такие технологические перерывы и разделяют выделенные интервалы активного обитания (рис. 5, 6).

Таким образом, выше нам удалось определить интервал активности людей на Жоховской стоянке как 8250–7800 ^{14}C л. н. и выделить составляющие его эпизоды, которые относятся к 8150, 8100–8075, 8000–7900 и 7800 л. н. Максимум активности приходится на интервал 8000–7900 л. н. Для Жоховской стоянки вследствие особенностей ее геологии и тафономии выявление эпизодов обитания оказалось возможным только на основании серийных ^{14}C датировок. При

Рис. 4. Графики распределения максимальных и минимальных значений некалиброванных ^{14}C датировок по группам датированных костей во временном поле 9000–7200 л. н.: А – копытные (а – северный олень; б – благородный олень; в – лось); Б – человек; В – собака; Г – белый медведь

Fig. 4. Distribution graphs for maximum and minimum values of uncalibrated ^{14}C dates for the period 9000–7200 years ago: A – ungulates (a – reindeer; б – red deer; в – elk); Б – human; В – dog; Г – Polar bear

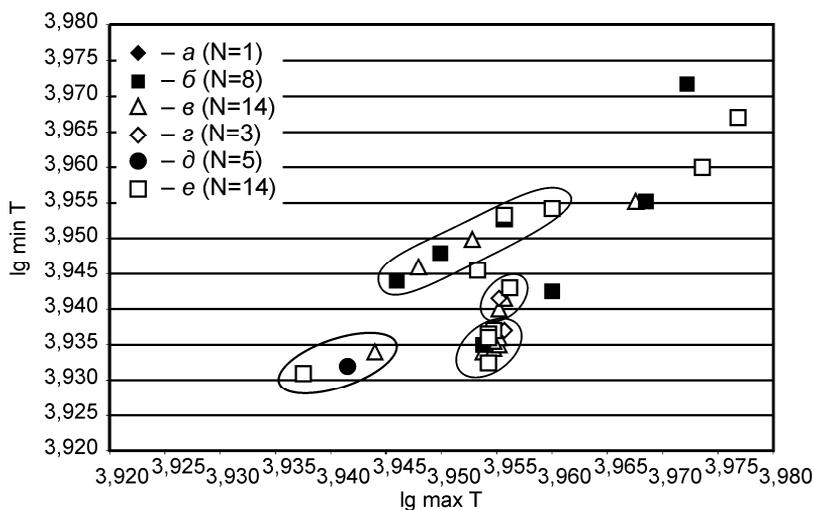

Рис. 6. График распределения десятичных логарифмов для максимальных и минимальных значений калиброванных ^{14}C датировок, полученных по различным материалам: *a* – древесина; *б* – древесный уголь; *в* – изделия из дерева (детали нарт, корзина, посуда); *з* – мох и экскременты мелкого грызуна; *д* – кости копытных; *е* – кости человека

Fig. 6. Distribution graph common logarithms for maximum and minimum values of uncalibrated ^{14}C dates obtained on different materials: *a* – wood; *б* – charcoal; *в* – wooden artifacts (sledge fragments, a basket, kitchenware); *з* – moss and feces of a small rodent; *д* – ungulate bones; *е* – human bones

Рис. 5. А–В – графики распределения максимальных и минимальных значений некалиброванных ^{14}C датировок во временном поле 8300–7750 л. н. по группам различных материалов: А – общий массив датировок в указанном поле; Б – группы датировок по древесине, углю, мху, костям копытных и собаки; В – группы датировок по изделиям из дерева и костям человека. Условные обозначения для А–В: *a* – древесина; *б* – древесный уголь; *в* – изделия из дерева (детали нарт, корзина, посуда); *з* – мох и экскременты мелкого грызуна; *д* – кости копытных (северного оленя, благородного оленя, лося); *е* – кости человека; *жс* – кости и экскременты собаки; *з* – число датировок. Г – график числа максимальных и минимальных значений датировок по временным срезам через 25 лет на отрезке 8350–7450 л. н.

Fig. 5. А–В – Distribution graphs for maximum and minimum values of uncalibrated ^{14}C dates for the period 8300–7750 years ago: А – aggregate massif of dates for the indicated period; Б – groups of dates obtained on wood, charcoal, moss, bones of ungulates and dogs; В – groups of dates obtained on artifacts made of wood and human bones. Legend for А–В: *a* – wood; *б* – charcoal; *в* – wooden artifacts (sledge fragments, a basket, kitchenware); *з* – moss and feces of a small rodent; *д* – ungulate bones (reindeer, red deer, elk); *е* – human bones; *жс* – dog bones and feces; *з* – number of dates. Г – graph showing the number of maximum and minimum date values arranged in 25-year slices for the period 8350–7450 years ago

этом следует иметь в виду, что Жоховская стоянка – относительно молодой памятник с идеальной сохранностью органических материалов в многолетнемерзлых условиях, а серийные датировки измерены с малой погрешностью. Была показана структура коллекции дат, анализ которой позволяет видеть источник возможных ошибок датирования и интерпретации его результатов, в том числе показано влияние морского резервуарного эффекта на возраст антропологических остатков из Жоховской стоянки и сделан вывод о постоянстве значения ΔR для данной территории. Как представляется, получен важный опыт выделения скрытых (неразличимых стратиграфически) эпизодов обитания на стоянках каменного века.²

Литература

Абрамова 1979 – *Абрамова З. А.* К вопросу о возрасте алданского палеолита // *СА*. 1979. № 4. С. 5–14.

Амирханов 2000 – *Амирханов Х. А.* Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000. 248 с.

Вагнер 2006 – *Вагнер Г. А.* Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 576 с.

Гаврилов 2015 – *Гаврилов К. Н.* Археологический контекст новых радиоуглеродных датировок стоянки Хотылево 2, пункт В // *Хлопачев Г. А.* (ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 103–112.

Долуханов 2008 – *Долуханов П. М.* Эволюция природной среды и раннее расселение человека в Северной Евразии // *Величко А. А., Васильев С. А.* (ред.). Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М.: Институт географии РАН, 2008. С. 33–47.

Йонедэ и др. 1998 – *Йонедэ М., Кузьмин Я. В., Морита М., Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шибата Я., Шпакова Е. Г.* Реконструкция палеодиеты по стабильным изотопам углерода и азота в коллагене костей из неолитического могильника Бойсман-2 (Приморье) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1998. № 3. С. 9–13.

Каницкая, Кагай 2008 – *Каницкая Н. С., Кагай С. А.* К проблеме группирования данных абсолютного возраста культурных отложений плейстоцена и голоцена Байкальской Сибири // *Медведев Г. И.* (ред.). Антропоген: Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 67–75.

Макеев и др. 1989 – *Макеев В. М., Арсланов Х. А., Барановская О. Ф., Космодамианский А. В., Пономарева Д. П., Тертычная Т. В.* Стратиграфия, геохронология и палеогеография позднего плейстоцена и голоцена о-ва Котельного // *БКИЧП*. 1989. № 58. С. 58–69.

---

² Авторы глубоко признательны всем участникам полевых изысканий на о. Жохова, благодаря трудолюбию которых был получен разносторонний материал, характеризующий культуру древнего населения высокоширотной Арктики. Отдельное спасибо агентству ВИКААР (Санкт-Петербург) и лично Е. П. Савченко за логистическое сопровождение полевых работ на Новосибирских о-вах.

Питулько 1998 – *Питулько В. В.* Жоховская стоянка. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 189 с.

Питулько и др. 2011а – *Питулько В. В., Никольский П. А., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю.* Датирование массовых скоплений остатков мамонтов в арктической Евразии // Корсакова О. П., Колка В. В. (ред.). Материалы VII Всеросс. совещания по изучению четвертичного периода: «Квартер во всем его многообразии. Фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». 12–17 сентября 2011 г., г. Апатиты. Апатиты: Геологический институт Кольского НЦ РАН, 2011. Т. 2. С. 146–149.

Питулько и др. 2011б – *Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Басилян А. Э., Крицук С. Г.* Особенности вертикального распределения вещества в краевых областях мерзлотных полигонов и его значение для датирования четвертичных отложений криолитозоны // Там же. С. 149–153.

Питулько и др. 2012 – *Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В., Гиря Е. Ю.* Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000–2005 гг.) // STRATUMplus. 2012. № 1. С. 211–256.

Питулько и др. 2013а – *Питулько В. В., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю.* Массовые скопления костных остатков мамонтов с признаками деятельности древнего человека (р. Илин-Сылах, север Яно-Индигорской низменности) // ЗИИМК. 2013. № 8. С. 34–52.

Питулько и др. 2013б – *Питулько В. В., Иванова В. В., Каспаров А. К., Павлова Е. Ю.* Тафономия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки, о-ва Де Лонга, Восточно-Сибирская Арктика (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.) // АВ. 2013. № 19. С. 26–74.

Питулько и др. 2015 – *Питулько В. В., Хартанович В. И., Тимошин В. Б., Часнык В. Г., Павлова Е. Ю., Каспаров А. К.* Древнейшие антропологические находки высокоширотной Арктики (Жоховская стоянка, Новосибирские о-ва) // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 62–73.

Питулько, Павлова 2007 – *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Возраст памятников палеолита Яно-Индигорской низменности и особенности радиоуглеродного датирования отложений ледового комплекса // Зайцева Г. И., Кулькова М. И. (ред.). Радиоуглерод в археологических и палеонтологических исследованиях: Материалы конф., посвящ. 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. 9–12 апреля 2007 г. Санкт-Петербург. СПб.: ТЕЗА, 2007. С. 155–161.

Питулько, Павлова 2010 – *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб.: Наука. 264 с.

Синицын, Праслов 1997 – Синицын А. А., Праслов Н. Д. (ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 142 с.

Соколов и др. 2004 – *Соколов Д. Д., Сулержицкий Л. Д., Тутубалин В. Н.* Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования // Российская археология. 2004. № 3. С. 99–102.

Сулержицкий 2004 – *Сулержицкий Л. Д.* Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // Там же. С. 103–112.

Ambrose et al. 2003 – *Ambrose S. H., Buikstra J., Krueger H.W.* Status and gender differences in diet at Mound 72, Cahokia, revealed by isotopic analysis of bone // *JAA*. 2003. Vol. 22. P. 217–226.

Bauch et al. 2001 – *Bauch H. A., Mueller-Lupp T., Taldenkova T. E., Spielhagen R. F., Kassens H., Grootes P. M., Thiede J., Heinemeier J., Petryashov V. V.* Chronology of the Holocene transgression at the North Siberian margin // *Global and Planetary Change*. 2001. Vol. 31. P. 125–139.

Blaauw 2010 – *Blaauw M.* Methods and code for ‘classical’ age-modelling of radiocarbon sequences // *Quaternary Geochronology*. 2010. Vol. 5. P. 512–518.

Byers et al. 2011 – *Byers D. A., Yesner D. R., Broughton J. M., Coltrain J. B.* Stable isotope chemistry, population histories and Late Prehistoric subsistence change in the Aleutian Islands // *JAS*. 2011. Vol. 38. P. 183–196.

Coltrain et al. 2004 – *Coltrain J. B., Hayes M. G., O'Rourke D. H.* Sealing, whaling and caribou: the skeletal isotope chemistry of Eastern Arctic foragers // *JAS*. 2004. Vol. 31. P. 39–57.

DeNiro 1985 – *DeNiro M. J.* Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to paleodietary reconstruction // *Nature*. 1985. Vol. 317. P. 806–809.

Dolukhanov et al. 2002 – *Dolukhanov P. M., Shukurov A. M., Tarasov P. E., Zaitseva G. I.* Colonization of Northern Eurasia by Modern Humans: Radiocarbon Chronology and Environment // *JAS*. 2002. Vol. 29. P. 593–606.

Dolukhanov et al. 2005 – *Dolukhanov P., Shukurov A., Gronenborn D., Sokoloff D., Timofeev V., Zaitseva G.* The chronology of Neolithic dispersal in Central and Eastern Europe // *JAS*. 2005. Vol. 32. P. 1441–1458.

Lerman et al. 1970 – *Lerman J. C., Mook W. G., Vogel J. C.* ^{14}C in tree rings from different localities // Olson I. U. (ed.). *Radiocarbon variations and absolute chronology: Proceedings of the Twelfth Nobel Symposium, held at the Institute of Physics at Uppsala University*. Stockholm: Almquist and Wiksell, 1970. P. 275–301.

Malinsky-Buller et al. 2011 – *Malinsky-Buller A., Hovers E., Marder O.* Making time: ‘Living floors’, ‘palimpsests’ and site formation processes – A perspective from the open-air Lower Paleolithic site of Revadim Quarry, Israel // *JAA*. 2011. Vol. 30. P. 89–101.

Nikolskiy et al. 2011 – *Nikolskiy P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V.* Last straw versus Blitzkrieg overkill: Climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the Late Pleistocene extinction problem // *Quaternary Science Reviews*. 2011. Vol. 30. P. 2309–2328.

Pitulko, Pavlova 2013 – *Pitulko V., Pavlova E.* Environmental Changes in Western Beringia during the LGM as Human Habitation Factor // *Paleoamerican Odyssey: Program and abstracts*. Santa Fe, New Mexico, October 17–19, 2013. Session 2. Greater Beringia. College Station: Texas A & M University, 2013. P. 65.

Prowse et al. 2005 – *Prowse T.L., Schwarcz H.P., Saunders S.R., Macchiarelli R., Bondioli L.* Isotopic evidence for age-related variation in diet from Isola Sacra, Italy // *AJPA*. 2005. Vol. 128. P. 2–13.

Reitsema, Vercellott 2012 – *Reitsema L. J., Vercellott G.* Stable Isotope Evidence for Sex- and Status-Based Variations in Diet and Life History at Medieval Trino Vercellese, Italy // *AJPA*. 2012. Vol. 148. P. 589–600,

Schoeninger 1995 – *Schoeninger M. J.* Stable isotope evidence in human evolution // *Evolutionary Anthropology*. 1995. Vol. 4. P. 83–98.

Sher et al. 2005 – *Sher A. V., Kuzmina S. A., Kuznetsova T. V., Sulerzhitsky L. D.* New insights into the Weichselian environment and climate of the East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants, and mammals // *Quaternary Science Reviews*. 2005. Vol. 24. P. 533–569.

Steele 2010 – *Steele J.* Radiocarbon dates as data: quantitative strategies for estimating colonization front speeds and event densities // *JAS*. 2010. Vol. 37. P. 2017–2030.

Vasil'iev et al. 2002 – *Vasil'iev S. A., Kuzmin Y. V., Orlova L. A., Dementiev N. V.* Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic in Siberia and its relevance to the peopling of the New World // *Radiocarbon*. 2002. Vol. 44. P. 503–530.

Yoder 2012 – *Yoder C.* Let them eat cake? Status-based differences in diet in medieval Denmark // *JAS*. 2012. Vol. 39. P. 1183–1193.

Literature

Абрамова 1979 – *Abramova Z. A.* К вопросу о возрасте алданского палеолита (*To the question of the age of the Aldan Paleolithic*) // *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*. 1979. No. 4. P. 5–14 (in Russian).

Амирханов 2000 – *Amirkhanov Kh. A.* Zarayskaya stoyanka (*Zaraisk site*). Moscow: Nauchnyi mir, 2000. 248 p. (in Russian).

Вагнер 2006 – *Wagner G. A.* Nauchny'e metody' datirovaniya v geologii, arheologii i istorii (*Scientific methods of dating in geology, archaeology and history*). Moscow: Tekhnosfera, 2006. 576 p. (in Russian).

Гаврилов 2015 – *Gavrilov K. N.* Arheologicheskii kontekst novy'h radiouglerodny'h datirovok stoyanki Hoty'levo 2, punkt V (*Archaeological context of new radiocarbon dates from the site of Khotylevo 2, locality B*) // *Khlopachev G. A.* (ed.). Drevnie kul'tury' Vostochnoy Evropy': e'talonnny'e pamyatniki i opornyy'e komplekсы' v kontekste sovremenny'h arheologicheskikh issledovaniy (*Ancient cultures of East Europe: reference sites and assemblages in the context of current archaeological studies*). St. Petersburg: MAE RAS, 2015. P. 103–112 (in Russian).

Долуханов 2008 – *Dolukhanov P. M.* E'volyuciya prirodnoy sredy' i rannee rasselenie cheloveka v Severnoy Evrazii (*Environmental evolution and early human colonization of Northern Eurasia*) // *Velichko A. A., Vasiliev S. A.* (eds.). Put' na Sever: okrujayusch'aya sreda i samyye rannie obitateli Arktiki i Subarktiki (*Road to the North: natural environment and the earliest inhabitants of Arctic and Sub-Arctic*). Moscow: Institute of geography RAS, 2008. P. 33–47 (in Russian).

Йонеда и др. 1998 – *Joneda M., Kuzmin Ya. V., Morita M., Popov A. N., Chikisheva T. A., Šibata J., Shpakova E. G.* Rekonstrukciya paleodiety' po stabil'ny'm izotopam ugleroda i azota v kollagene kostey iz neoliticheskogo mogil'nika Boysman-2 (Primor'e) (*Paleodiet reconstructions based on stable isotopes of oxygen and nitrogen in collagen of bones from the Neolithic cemetery of Boisman-2 [Primorie]*) // *Gumanitarnyye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)*. 1998. No. 3. P. 9–13 (in Russian).

Каницкая, Кагай 2008 – *Kanitskaya N. S., Kagai S. A.* К проблеме группировки данных абсолютного возраста культурных отложений плейстоцена и голоцена Байкальской Сибири (*To the problem of grouping the absolute dates obtained for the Pleistocene and Holocene culture-bearing deposits of the Baikalian Siberia*) // Medvedev G. I. (ed.). *Антропоген. Палеоантропология, георхеология, этнология Азии (Anthropogene. Paleoanthropology, geoarchaeology, ethnology of Asia)*. Irkutsk: Ottisk, 2008. P. 67–75 (in Russian).

Макеев и др. 1989 – *Makeev V. M., Arslanov Kh. A., Baranovskaya O. F., Kosmodamiansky A. V., Ponomareva D. P., Tertychnaya T. V.* Стратиграфия, геохронология и палеогеография позднего плейстоцена и голоцена о-ва Котельного (*Stratigraphy, geochronology and paleogeography of the Late Pleistocene and Holocene of Kotelnnyy island*) // Буллетень Комиссии по изучению четвертичного периода (*Bulletin of the Commission for the study of the Quaternary period*). 1989. No. 58. P. 58–69 (in Russian).

Питулько 1998 – *Pitulko V. V.* *Жоховская стоянка (Zhokhov site)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. 189 p. (in Russian).

Питулько и др. 2011а – *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Basilyan A. E., Pavlova E. Yu.* Датирование массивных скоплений остатков мамонтов в арктической Евразии (*Dating of mass accumulations of mammoth bones in Arctic Eurasia*) // Korsakova O. P., Kolka V. V. (eds.). *Материалы 7-го Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода «Квартер во всем его многообразии: фундаментальные проблемы, итоги изучения и основные направления дальнейшего исследования» (Materials of the 7th All-Russia conference for the study of the Quaternary period «Quarter in all its multilateral appearance: basic problems, results and main directions for the future research»)*. Апатиты: Geological Institute of the KSC RAS, 2011. Vol. 2. P. 146–149 (in Russian).

Питулько и др. 2011б – *Pitulko V. V., Pavlova E. Yu., Basilyan A. E., Kritzuk S. G.* Особенности вертикального распределения веществ в краевых областях мерзлотных полигонов и его значение для датирования четвертичных отложений криолитозоны (*Particular traits of vertical distribution of materials in the marginal areas of frozen polygons and its significance for the dating of the Quaternary deposits in cryolithozone*) // Ibid. P. 149–153 (in Russian).

Питулько и др. 2012 – *Pitulko V. V., Pavlova E. Yu., Ivanova V. V., Giryay E. Yu.* Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000–2005 гг.) (*Zhokhov site: geology and stone industry [preliminary overview of the 2000–2005 works]*) // STRATUMplus. 2012. No. 1. P. 211–256 (in Russian).

Питулько и др. 2013а – *Pitulko V. V., Basilyan A. E., Pavlova E. Yu.* Массивные скопления костных остатков мамонтов с признаками деятельности древнего человека (р. Илин-Сы'алах, север Яно-Индигирской низменности) (*Mass accumulation of mammoth bones with signs of ancient human activity [Ilin-Syalakh river, north of the Yana-Indighirka lowland]*) // Записки ИМК (*Transactions of IHMC*). 2013. No. 8. P. 34–52 (in Russian).

Питулько и др. 2013б – *Pitulko V. V., Ivanova V. V., Kasparov A. K., Pavlova E. Yu.* Тафномия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки, о-ва Де Лонга, Восточно-Сибирская Арктика (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.) (*Taphonomy, spatial distribution, composition and seasonality of faunal remains from the Zhokhov site, de Long islands, East-Siberian*

Arctic [2000–2005 seasons with addition of 1989 and 1990 materials] // *Arheologicheskie Vesti [Archaeological News]*. 2013. No. 19. P. 26–74 (in Russian).

Питулько и др. 2015 – *Pitulko V. V., Khartanovich V. I., Timoshin V. B., Chasnyk V. G., Pavlova E. Yu., Kasparov A. K.* Drevneyshie antropologicheskie nahodki vy'sokoshirotnoy Arktiki (Johovskaya stoyanka, Novosibirskie o-va) (*Oldest anthropological finds from the high-latitude Arctic [Zhokhov site, New Siberia archipelago]*) // *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Uralian historical herald]*. 2015. No. 2 (47). P. 62–73 (in Russian).

Питулько, Павлова 2007 – *Pitulko V. V., Pavlova E. Yu.* Vozrast pamyatnikov paleolita Yano-Indigirskoy nizmennosti i osobennosti radiouglerodnogo datirovaniya otlojeniy ledovogo kompleksa (*Age of the Paleolithic sites of the Yana-Indighirka lowland and the peculiarities associated with the radiocarbon dating of ice complex deposits*) // *Zaitseva G. I., Kulkova M. I.* (eds.). Radiouglerod v arheologicheskikh i paleontologicheskikh issledovaniyakh (*Radiocarbon in archaeological and paleontological studies*): Materials of the conference dedicated to the 50th anniversary of the Radiocarbon laboratory of IHMC RAS. 9–12 April, 2007. St. Petersburg: Teza, 2007. P. 155–161 (in Russian).

Питулько, Павлова 2010 – *Pitulko V. V., Pavlova E. Yu.* Geoarchaeology and radiocarbon chronology of the Stone Age of Northeast Asia (*Geoarheologiya i radiouglerodnaya hronologiya kamennogo veka Severo-Vostochnoy Azii*). St. Petersburg: Nauka, 2010. 264 p. (in Russian).

Синицын, Праслов 1997 – *Sinitsyn A. A., Praslov N. D.* (eds.). Radiouglerodnaya hronologiya paleolita Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii: Problemy i perspektivy' (*Radiocarbon chronology of the Paleolithic of East Europe and North Asia: Problems and perspectives*). St. Petersburg: IHMC RAS, 1997. 142 p. (in Russian).

Соколов и др. 2004 – *Sokolov D. D., Sulerzhitsky L. D., Tutrubalin V. N.* Vremya aktivnosti lyudey na paleoliticheskikh pamyatnikakh po dannym radiouglerodnogo datirovaniya (*Time of human activity on Paleolithic sites estimated on the basis of radiocarbon dates*) // *Rossiyskaya arheologiya (RA)*. 2004. No. 3. P. 99–102 (in Russian).

Сулержицкий 2004 – *Sulerzhitsky L. D.* Vremya susch'estvovaniya nekotorykh pozdnepaleoliticheskikh poseleniy po dannym radiouglerodnogo datirovaniya kostey megafauny' (*Time of existence of some Late Paleolithic sites according to the radiocarbon dating of megafaunal remains*) // *Ibid.* P. 103–112 (in Russian).

Ambrose et al. 2003 – *Ambrose S. H., Buikstra J., Krueger H.W.* Status and gender differences in diet at Mound 72, Cahokia, revealed by isotopic analysis of bone // *JAA*. 2003. Vol. 22. P. 217–226.

Bauch et al. 2001 – *Bauch H. A., Mueller-Lupp T., Taldenkova T. E., Spielhagen R. F., Kassens H., Grootes P. M., Thiede J., Heinemeier J., Petyashov V. V.* Chronology of the Holocene transgression at the North Siberian margin // *Global and Planetary Change*. 2001. Vol. 31. P. 125–139.

Blaauw 2010 – *Blaauw M.* Methods and code for 'classical' age-modelling of radiocarbon sequences // *Quaternary Geochronology*. 2010. Vol. 5. P. 512–518.

Byers et al. 2011 – *Byers D. A., Yesner D. R., Broughton J. M., Coltrain J. B.* Stable isotope chemistry, population histories and Late Prehistoric subsistence change in the Aleutian Islands // *JAS*. 2011. Vol. 38. P. 183–196.

Coltrain et al. 2004 – *Coltrain J. B., Hayes M. G., O'Rourke D. H.* Sealing, whaling and caribou: the skeletal isotope chemistry of Eastern Arctic foragers // *JAS*. 2004. Vol. 31. P. 39–57.

DeNiro 1985 – *DeNiro M. J.* Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to paleodietary reconstruction // *Nature*. 1985. Vol. 317. P. 806–809.

Dolukhanov et al. 2002 – *Dolukhanov P. M., Shukurov A. M., Tarasov P. E., Zaitseva G. I.* Colonization of Northern Eurasia by Modern Humans: Radiocarbon Chronology and Environment // *JAS*. 2002. Vol. 29. P. 593–606.

Dolukhanov et al. 2005 – *Dolukhanov P., Shukurov A., Gronenborn D., Sokoloff D., Timofeev V., Zaitseva G.* The chronology of Neolithic dispersal in Central and Eastern Europe // *JAS*. 2005. Vol. 32. P. 1441–1458.

Lerman et al. 1970 – *Lerman J. C., Mook W. G., Vogel J. C.* ^{14}C in tree rings from different localities // Olson I. U. (ed.). Radiocarbon variations and absolute chronology: Proceedings of the Twelfth Nobel Symposium, held at the Institute of Physics at Uppsala University. Stockholm: Almquist and Wiksell, 1970. P. 275–301.

Malinsky-Buller et al. 2011 – *Malinsky-Buller A., Hovers E., Marder O.* Making time: 'Living floors', 'palimpsests' and site formation processes – A perspective from the open-air Lower Paleolithic site of Revadim Quarry, Israel // *JAA*. 2011. Vol. 30. P. 89–101.

Nikolskiy et al. 2011 – *Nikolskiy P. A., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V.* Last straw versus Blitzkrieg overkill: Climate-driven changes in the Arctic Siberia mammoth population and the Late Pleistocene extinction problem // *Quaternary Science Reviews*. 2011. Vol. 30. P. 2309–2328.

Pitulko, Pavlova 2013 – *Pitulko V., Pavlova E.* Environmental Changes in Western Beringia during the LGM as Human Habitation Factor // *Paleoamerican Odyssey: Program and abstracts*. Santa Fe, New Mexico, October 17–19, 2013. Session 2. Greater Beringia. College Station: Texas A & M University, 2013. P. 65.

Prowse et al. 2005 – *Prowse T.L., Schwarcz H.P., Saunders S.R., Macchiarelli R., Bondioli L.* Isotopic evidence for age-related variation in diet from Isola Sacra, Italy // *AJPA*. 2005. Vol. 128. P. 2–13.

Reitsema, Vercellott 2012 – *Reitsema L. J., Vercellott G.* Stable Isotope Evidence for Sex- and Status-Based Variations in Diet and Life History at Medieval Trino Vercellese, Italy // *AJPA*. 2012. Vol. 148. P. 589–600.

Schoeninger 1995 – *Schoeninger M. J.* Stable isotope evidence in human evolution // *Evolutionary Anthropology*. 1995. Vol. 4. P. 83–98.

Sher et al. 2005 – *Sher A. V., Kuzmina S. A., Kuznetsova T. V., Sulerzhitsky L. D.* New insights into the Weichselian environment and climate of the East Siberian Arctic, derived from fossil insects, plants, and mammals // *Quaternary Science Reviews*. 2005. Vol. 24. P. 533–569.

Steele 2010 – *Steele J.* Radiocarbon dates as data: quantitative strategies for estimating colonization front speeds and event densities // *JAS*. 2010. Vol. 37. P. 2017–2030.

Vasil'iev et al. 2002 – *Vasil'iev S. A., Kuzmin Y. V., Orlova L. A., Dementiev N. V.* Radiocarbon-based chronology of the Paleolithic in Siberia and its relevance to the peopling of the New World // *Radiocarbon*. 2002. Vol. 44. P. 503–530.

Yoder 2012 – *Yoder C.* Let them eat cake? Status-based differences in diet in medieval Denmark // *JAS*. 2012. Vol. 39. P. 1183–1193.

**RADIOCARBON DATING OF CULTURE-BEARING DEPOSITS
OF THE ZHOKHOV SITE
(NEW SIBERIA ARCHIPELAGO, SIBERIAN ARCTIC)**

V. V. Pitulko, E. Yu. Pavlova

Several series of radiocarbon dates obtained on different materials (wood, plant remains, animal and human bones, charcoal) are available now for the Zhokhov site – the oldest archaeological site known in the high-latitude Arctic regions. These dates (N = 94), many of which were obtained directly on artifacts made of perishable substances shed an important light on both the geology of the site and chronometry of its culture-bearing deposits. The analysis of this sample leads to the conclusion that the site was visited by humans from 8250 to 7800 ^{14}C years ago. It has proved to be possible also to identify a number of episodes associated with particularly intensive habitation 8150, 8100–8075, 8000–7900 and 7800 years ago. The peak of human activity on the site falls on the interval 8000–7900 years ago, but single younger dates obtained on wood (7700–7400 years ago) may be indicative of some later visits. However, the latter seem to have been ephemeral.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ОВЧУЛАРТЕПЕСИ В 2006–2013 гг.

В. Б. БАХШАЛИЕВ

Ключевые слова: *Овчулартепеси, «полуземлянки», многокамерные постройки, энеолитическая культура, куроаракская культура.*

Keywords: *Ovçular Tepesi, semi-subterranean dwellings, multi-chamber buildings, Eneolithic culture, Kura-Araxes culture*

Поселение Овчулартепеси расположено в среднем течении р. Аракс (на западе Нахичевани) на левом берегу р. Арпачай. Памятник общей площадью около 10 га занимает плоскую вершину овального в плане холма. В 1980 и 2001 гг. В. Г. Алиев, А. Г. Сеидов и С. Г. Ашуров обнаружили здесь в ходе разведочных работ материалы эпох энеолита и ранней бронзы (Seyidov 1988; 2003: 28; Aşurov 2003: 9–18).

С 2006 г. по настоящее время археологические исследования Овчулартепеси проводит международная азербайджано-французская экспедиция под руководством В. Бахшалиева, К. Марро и С. Ашурова. В 2006–2013 гг. на поселении были заложены раскопы общей площадью 2400 м² (рис. 1, 1). Мощность культурных отложений, в которых выявлены остатки жилых и хозяйственных построек, а также погребения, не превышает 1–2 м (Bakhchaliyev, Marro 2009: 5–10; Bakhchaliyev et al. 2010: 55–62).

На поселении зафиксированы три строительных горизонта, причем калиброванные ¹⁴C даты образцов угля свидетельствуют о двух периодах обитания на Овчулартепеси (таблица).¹ Интервалы датировок перекрывают более полутора тысяч лет, разделяясь на два отрезка. Пять образцов дали даты в интервале от 4340–4255 до 4150–3960 гг. до н. э. (1 σ).² Это время (последняя треть V тыс. до н. э.) соотносится с энеолитическим периодом заселения холма (образцы из горизонта 1 – LTL-4533A и LTL-3881A; образец из горизонта 2 – LTL-5314A; образцы из «протокуроаракса» – LTL-5311A и LTL-5312A). Два других образца угля дали даты в интервале 3010–2880 и 2930–2770 гг. до н. э. (1 σ). Это время (первая четверть III тыс. до н. э.) соответствует периоду ранней бронзы (куроаракская культура – образцы LTL-4531A и LTL-4534A).

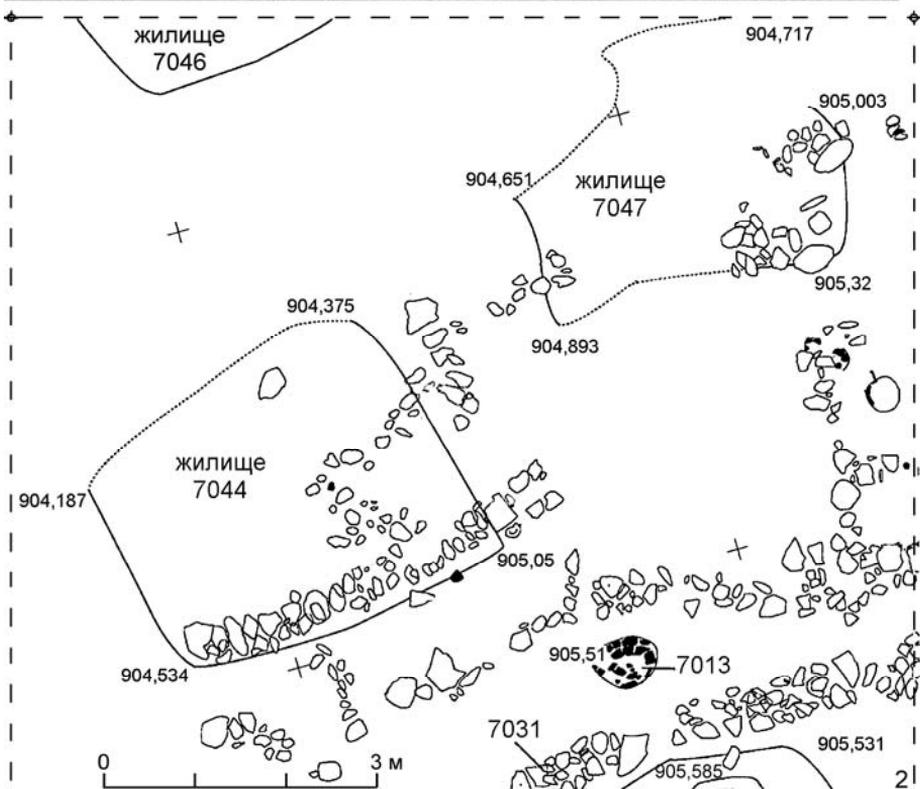
Рис. 1. Овчулартепеси: 1 – раскопки поселения, общий вид (фото 2009 г.);
2 – углубленные помещения горизонта 1, план

Fig. 1. Ovçular Tepesi: 1 – excavations, general view (photo taken in 2009);
2 – deepened structures of horizon 1, plan

---

¹ Анализы выполнены в лаборатории Университета г. Лечче (Италия).

² Один образец угля (LTL-12565A) дал еще более древнюю датировку – 4460–4360 BC (1 σ) (таблица).

Т а б л и ц а

**Результаты радиоуглеродного датирования образцов угля
из Овчулартепеси**

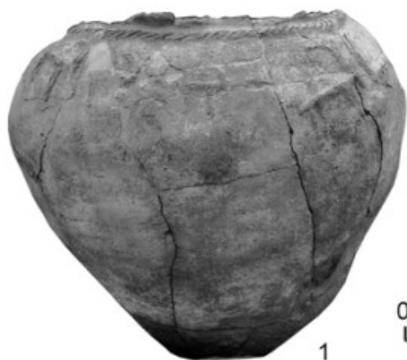
№ п/п	Лабораторный индекс	Год и место взятия образца	¹⁴ C дата (BP)	δ ¹³ C (‰)	1σ calBC (68,2 %)	2σ calBC (95,4 %)
1	LTL-4533A	2009 г., 1287	5431 ± 45	-27,6 ± 0,3	4340–4255	4360–4070
2	LTL-3881A	2008 г., 1229	5423 ± 50	-17,2 ± 0,4	4335–4240	4360–4060
3	LTL-5311A	2008 г., 5077	5210 ± 50	-31,9 ± 0,4	4150–3960	4230–3940
4	LTL-5312A	2009 г., 5161	5215 ± 50	-33,4 ± 0,4	4150–3960	4230–3950
5	LTL-5314A	2009 г., 11041	5298 ± 45	-25,3 ± 0,5	4230–4040	4260–3990
6	LTL-4531A	2009 г., 6172	4302 ± 45	-24,6 ± 0,2	3010–2880	3090–2770
7	LTL-4534A	2009 г., 12089	4213 ± 45	-31,3 ± 0,2	2930–2770	3020–2700
8	LTL-12565A	2011 г., 5333	5600 ± 45	-20,9 ± 0,2	4460–4360	4520–4340

Энеолитический период. Первые обитатели холма сооружали наземные постройки на каркасе из вкопанных в материк деревянных столбов. Судя по расположению столбовых ям, эти сооружения не имели определенного плана и, видимо, служили заслонами от ветра и дождя, подобно легким навесам или палаткам современных кочевников. Два строительных горизонта энеолитического периода различаются по конструктивным особенностям сооружений. В строительном горизонте 1 (нижнем) выявлены прямоугольные «полуземлянки» с закругленными углами. Такие постройки впервые были зафиксированы в квадрате 7 (рис. 1, 2). Полы этих сооружений были углублены в материк на 0,1–0,2 м (Bakhchaliyev et al. 2010: 61). Строения располагались вплотную друг к другу. Стены построек, примыкавшие к склону холма, укреплены каменной кладкой. В квадратах 2 и 8 найдены пяточные камни, свидетельствующие об использовании закрепленных в проемах дверей. Сохранились только основания стен таких сооружений, состоявшие из крупных камней. Можно предположить, что верхние части стен построек сооружали из деревянных жердей и из камыша.

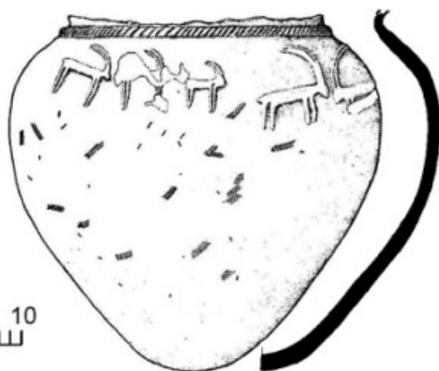
В центре одного из жилищ располагался открытый очаг, а у восточной стены был врыт в землю крупный сосуд, поверхность которого украшена рельефным фризом со схематичными изображениями козлов (рис. 2, 1). Вкопанные в землю крупные хозяйственные сосуды выявлены также в других помещениях нижнего строительного горизонта. Часть таких горшков была украшена горизонтальным рядом из сосцевидных налепов на плечиках (рис. 2, 2).

Рис. 2. Овчулартепеси, керамика (1, 2 – горизонт 1; 3–5 – горизонт 2): 1–3 — хозяйственные сосуды с рельефными изображениями козлов и налепным орнаментом (2); 4, 5 – расписные сосуды

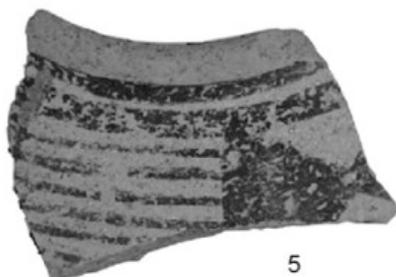
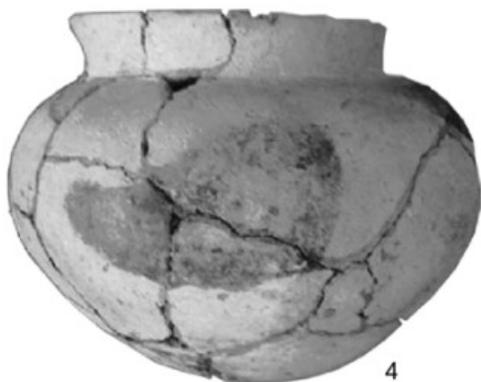
Fig. 2. Ovuçlar Tepesi, pottery (1, 2 – horizon 1; 3–5 – horizon 2): 1–3 — vessels with relief images of goats and stuck-on ornamental rollers (2); 4, 5 – painted vessels

0 10

0 10 cm

Лучше всего сохранилась постройка, изученная на юго-западе квадрата 14. Пол помещения был покрыт толстым слоем тщательно отмученной зеленоватой глины без видимых примесей. На уровне пола были обнаружены орудия труда из камня и кости, а также фрагменты керамики. На востоке находился овальный очаг, а на севере – большая круглая хозяйственная яма. Стены ямы были выложены камнем и обмазаны толстым слоем глины. В яме найдены многочисленные фрагменты керамики. Параллели подобным постройкам нижнего горизонта Овчулартепеси в сопредельных регионах нам неизвестны.

В строительном горизонте 2 (верхнем) эпохи энеолита исследованы прямоугольные многокамерные постройки из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Перед их возведением склон холма был срезан и поверхность была выровнена. На юге склон террасы был закреплен подпорной стенкой, сложенной из подтепанных камней. Основания стен построек были выложены из камней, а выше камней шла кладка из сырцовых кирпичей. Один из наиболее сохранившихся домов располагался в квадрате 1 (рис. 3, 1). Стены этой постройки были сложены из кирпича размерами $50 \times 25 \times 8$ см. В восточной части дома кирпичная перегородка отделяла от основного помещения небольшую камеру (площадью около 4 м^2). В центре южной стены начиналась еще одна перегородка, которая не доходила до середины помещения. В доме были обнаружены остатки очага (рис. 4, 2) и прослежены более 8 своеобразных глиняных платформ различных размеров. Платформы располагались в центральном помещении и в восточной камере. Все они имели одинаковую структуру: их основание было слегка углублено в пол жилища, центральная часть выложена слоем глины толщиной 3–4 см и окружена кольцевой глинобитной стенкой-валиком толщиной 8–12 см. Эти платформы, вероятно, служили рабочими площадками, что подтверждается находками ступки, песта и зернотерки в комплексе 1048. На уровне пола строения найдены также несколько фрагментированных керамических сосудов и остатки черепа дикого барана.

Еще один сравнительно хорошо сохранившийся дом выявлен в квадрате 12 (рис. 3, 2). Постройка состояла из одного большого помещения и отделенных от него перегородками маленьких камер, причем, судя по стратиграфии, маленькие камеры были отгорожены уже после возведения основной постройки. В одной из этих камер выявлено погребение в сосуде, а в другой находились керамические сосуды средних размеров, поставленные на очаг. Очаги, располагавшиеся в большой комнате, несколько раз подновлялись, что свидетельствует о длительном использовании постройки. Об этом же свидетельствует и расположение кольцевых платформ на разных уровнях. Аналогичная постройка из сырцового кирпича на каменном фундаменте, стены которой сохранились местами на высоту до 1,2 м, была открыта и в квадрате 14. Ниже уровня полов этого дома зафиксированы круглые отверстия от подпорных столбов.

Многокамерные постройки группировались вокруг хозяйственных дворов, где располагались хозяйственные ямы. Стены ям были выложены камнями и обмазаны глиной, причем характер каменной кладки в ямах энеолитического времени отличается от каменной кладки в ямах куроаракского периода. В ямах были найдены орудия труда и запасы продовольствия. Такие хозяйственные дворы прослежены в квадратах 6, 10 и 13 (рис. 4, 1).

Близкие параллели многокамерным помещениям, а также планировке хозяйственно-бытовых комплексов поселения Овчулартепеси в соседних регионах

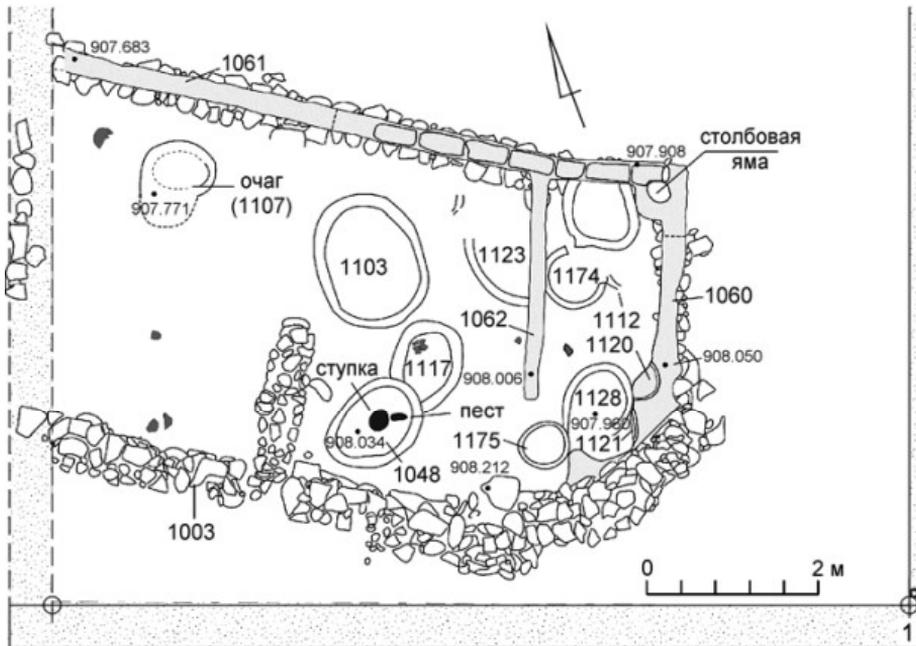

Рис. 3. Овчулартепеси, горизонт 2, прямоугольные кирпичные сооружения: 1 – сооружение в квадрате 1, план; 2 – сооружения в квадрате 12, общий вид
 Fig. 3. Ovçular Tepesi, horizon 2, rectangular constructions of bricks: 1 – construction in square 1, plan; 2 – constructions in square 12, general view

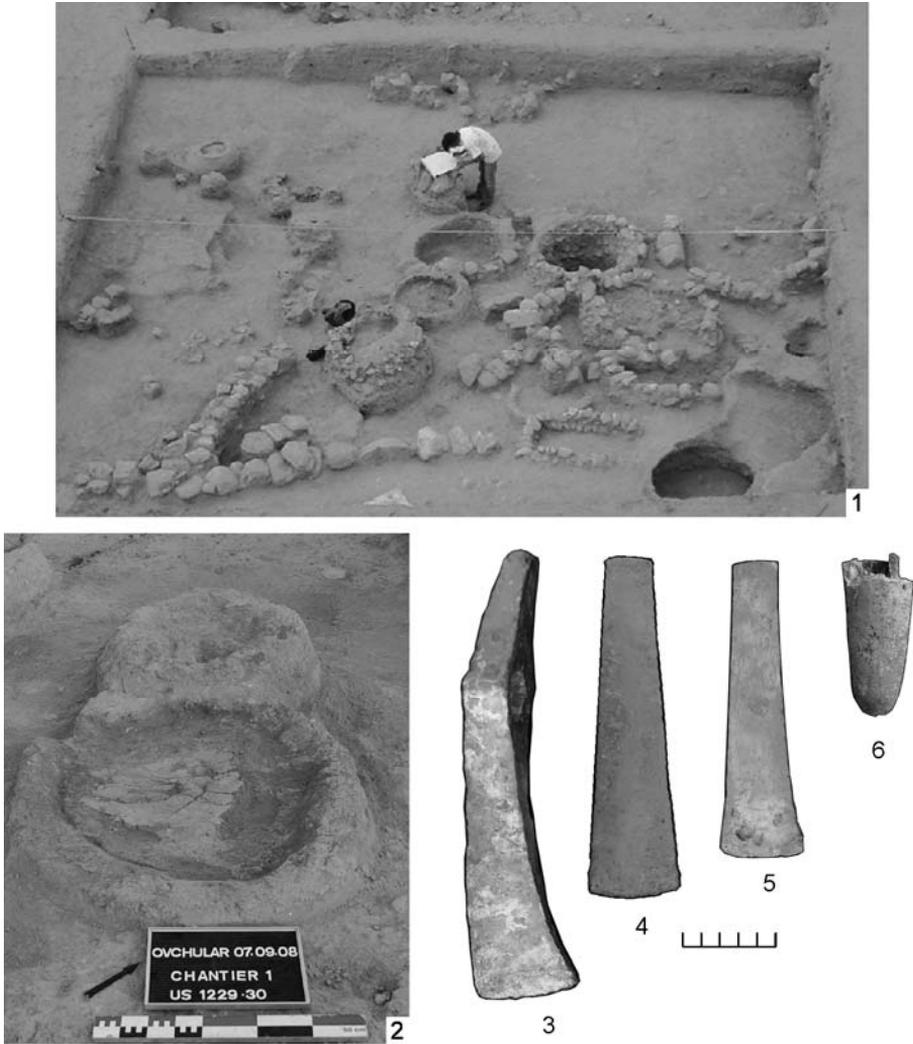

Рис. 4. Овчулартепеси: 1 – хозяйственный двор горизонта 2 в квадрате 13; 2 – остатки очагов в постройке горизонта 2 в квадрате 1; 3–5 – бронзовые проушной топор и плоские тесла из инвентаря погребения младенца в слое эпохи энеолита; 6 – глиняное сопло, квадрат 5

Fig. 4. Ovcular Tepesi: 1 – domestic yard of horizon 2 in square 13; 2 – remains of hearths from horizon 2, square 1; 3–5 – perforated axe and flat adzes of bronze from the infant burial found in the Eneolithic layer; 6 – clay orifice, square 5

Нахичвани нам неизвестны. О. А. Абибуллаев в нижних горизонтах поселения Кюльтепе выявил остатки плохо сохранивших прямоугольных помещений (Абибуллаев 1982: 25), однако для этого поселения в основном были характерны овальные в плане дома. Аналогичные овальные постройки представлены

также в энеолитической архитектуре поселений Хатунарх-Акнашен (Badalyan et al. 2010: 214, fig. 2, 2) и Техут (Торосян 1976: 84, табл. 16, 2). Определенное сходство постройки из горизонта 2 Овчулартепеси обнаруживают с сооружениями на поселениях Аликемектепеси и Лейлатепе. Архитектура позднего этапа Аликемектепеси также характеризуется прямоугольными помещениями (Нариманов 1987: 47, 57; Махмудов 2008: 187). На Лейлатепе, как и на Овчулартепеси, помещения построены из сырцового кирпича на каменном фундаменте (Нариманов и др. 2007: 97–98, рис. 2).

Некоторые аналогии строениям Овчулартепеси представлены на Норшунтепе и Тюлинтепе в Восточной Анатолии. Размеры кирпича ($52 \times 26 \times 9$ см) прямоугольных однокомнатных построек Норшунтепе (Hauptmann 1972: 115) близки размерам кирпича, использовавшегося в Овчулартепеси и Лейлатепе. Однако кирпичные стены домов Норшунтепе каменного фундамента не имели (Hauptmann 1979: fig. 41). Пятикомнатные постройки в Тюлинтепе также были построены из кирпича, но без каменных фундаментов. В домах Тюлинтепе, как и в Овчулартепеси, зафиксированы многочисленные очаги и земляные платформы (Esin 1976: pl. 92–93).

Керамика эпохи энеолита в соответствии со стратиграфией поселения разделена на две группы: к первой группе отнесена керамика из углубленных в землю помещений нижнего горизонта 1; ко второй – керамика из прямоугольных кирпичных домов верхнего горизонта 2. Несмотря на некоторые отличия, керамика горизонта 2 в основном наследует признаки посуды горизонта 1.

Сосуды из углубленных в землю построек горизонта 1 изготовлены из глины с примесью соломы и обожжены до различных оттенков красного цвета, причем преобладает керамика желтоватых оттенков. На поверхности сосудов прослеживаются следы выгоревшей соломы, а их наружная поверхность была выровнена гребенчатым инструментом. Посуда представлена мисками и горшками различных размеров. Горшки иногда были украшены у основания шейки сосцевидными налепами (рис. 2, 2) или узкими валиками со свисающими концами (гладкими или с насечками) (рис. 5, 1–3). В украшении сосудов применялся также орнамент, оттиснутый штампами. Некоторые миски украшены прочерченными знаками, похожими на латинскую букву «V» (рис. 5, 4–9). Для комплекса керамики нижнего горизонта 1 характерны узкогорлые сосуды с тремя ручками. В квадрате 8 два таких сосуда были наполовину вкопаны в землю. Край венчика части сосудов украшен косыми насечками, нанесенными зубчатым гребнем (рис. 6, 1–8). У других сосудов край венчика волнисто изогнут (рис. 5, 10–12) – прием оформления венчика, характерный для «керамики типа сиони». Этот термин был предложен Т. Кигурадзе после исследования позднеэнеолитического поселения Сиони в Грузии (Kiguradze 2000). Однако, судя по описанию Т. Кигурадзе, «керамика типа сиони» была изготовлена из глины с примесью песка и залощена.

Один из хозяйственных сосудов строительного горизонта 1 украшен рельефным фризом с изображениями козлов. Схематично исполненные фигурки животных располагались в один ряд друг за другом (рис. 2, 1). Подобные изображения из синхронных памятников Южного Кавказа и Ближнего Востока нам неизвестны. Композиция в виде горизонтального фриза в определенной степени напоминает изображения на сосудах майкопской культуры. Отметим, что поздняя

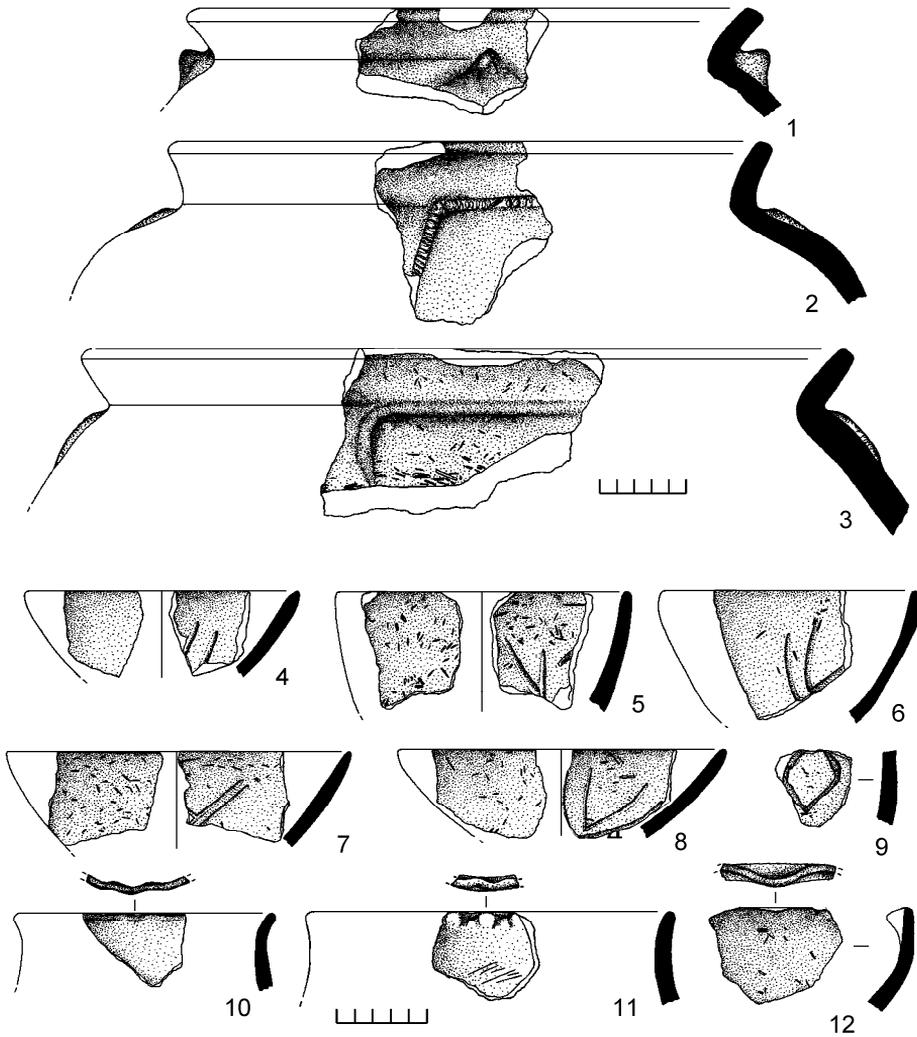

Рис. 5. Овчулартепеси, горизонт 1, керамика: 1–3 – фрагменты сосудов, украшенных валиками; 4–9 – сосуды с V-образным орнаментом; 10–12 – «керамика типа сиони»

Fig. 5. Ovçular Tepesi, horizon 1, pottery: 1–3 – fragments of vessels decorated with rollers; 4–9 – vessels with V-shaped decoration; 10–12 – «pottery of the Sioni type»

энеолитическая культура Азербайджана некоторыми исследователями рассматривается как субстрат формирования майкопской культуры Северного Кавказа (Müseyibli 2007: 58, 155).

Керамика из верхнего строительного горизонта 2 также была изготовлена из глины с примесью соломы и обожжена до различных оттенков красного цвета, преимущественно желтоватого. Плечики ряда сосудов украшены рельефным валиком, выше которого располагались вдавления, нанесенные кончиками

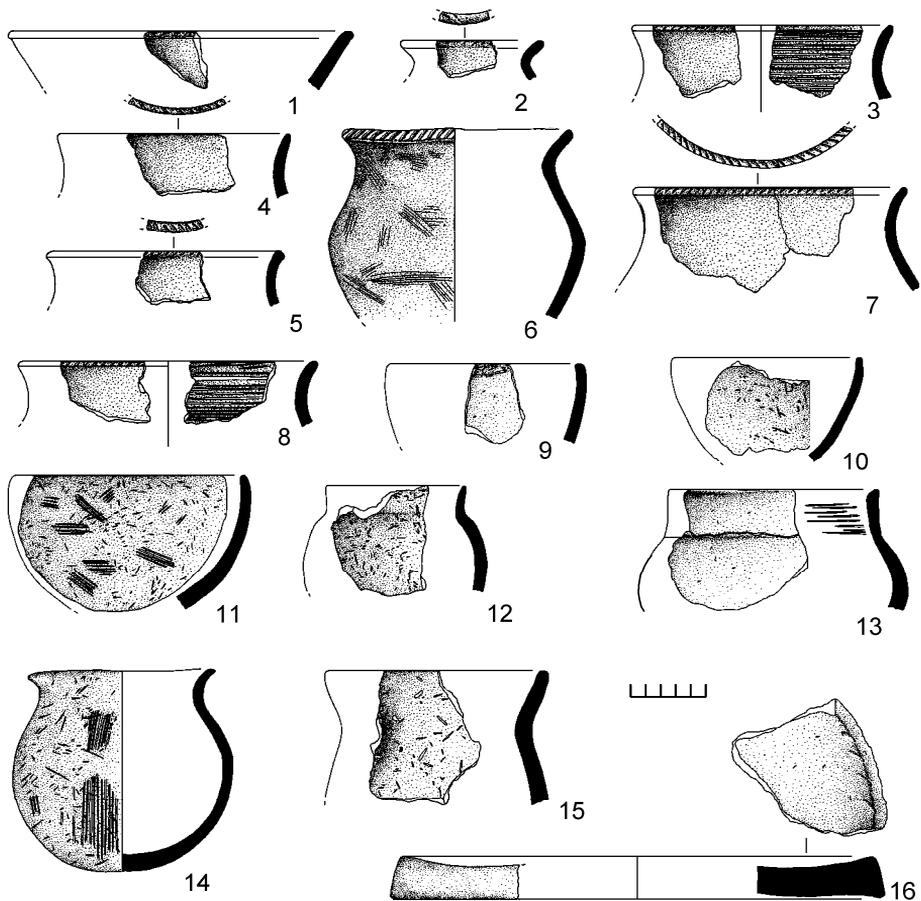

Рис. 6. Овчулартепеси, керамика эпохи энеолита: 1–8 – горизонт 1, обломки миски (1) и горшков, украшенных резным и штампованным орнаментом; 9–16 – горизонт 2, миски (9, 10, 12), горшки (11, 13–15) и жаровня (16)

Fig. 6. Ovçular Tepesi, Eneolithic pottery: 1–8 – horizon 1, fragments of a bowl (1) and pots decorated with incised and stamped ornamental patterns; 9–16 – horizon 2, bowls (9, 10, 12), pots (11, 13–15) and a brazier (16)

пальцев, или же оттиски штампа. Некоторые сосуды обожжены до кремового оттенка, а их поверхность была хорошо залощена. Большую часть посуды, как и в нижнем горизонте 1, составляли миски, кубки и широкогорлые горшки (рис. 6, 9–16). Представлены также сосуды с сосцевидным и рельефным кольцевидным орнаментом и горшки, украшенные рельефными изображениями козлов, расположенными мордами друг к другу (рис. 2, 3). Миски обычно имели прямой венчик с округлым краем.

Прямые параллели керамике Овчулартепеси известны из поселений Норшунтепе (Gülçur 2000) и Тюлинтепе (Esin 1976; 1993; Esin, Arsebük 1982) в Вос-

точной Анатолии. Посуда Овчулартепеси сходна и с керамикой из Аликемектепеси (Махмудов 2008: 188–193), Кичик Шомулу (Нариманов 1987: табл. 38) и Кечили (Там же: табл. 35).

Среди керамики Овчулартепеси представлены единичные обломки расписных сосудов. Некоторые миниатюрные миски были украшены каплевидным расписным орнаментом. Подобный декор был распространен в памятниках обширного ареала от бассейна озера Урмии (Burton-Brown 1951: 46, 634) до северного Ирака (Tobler 1950: tabl. CXLIV, 383) и верховьев р. Евфрат (Gülçur 2000: fig. 48, 2–6, 8–9). По технологическим особенностям расписную керамику Овчулартепеси можно разделить на две группы. У сосудов первой группы черная или темно-коричневая роспись нанесена непосредственно на поверхность (рис. 2, 4), а у сосудов второй группы роспись нанесена на предварительно окрашенную красной краской поверхность. Один из расписных сосудов, по-видимому, является североубейдским импортом (рис. 2, 5).

Вероятно, влияние культур Северной Месопотамии распространялось на территорию Южного Кавказа в результате культурно-экономических связей населения обеих регионов (Нариманов 1987: 163–164; Seyidov et al. 2010: 77). Вероятно, имели место и прямые миграции отдельных групп населения. Так, изучение костей мыши из Овчулартепеси показало, что грызуны, обитавшие на поселении, происходят из Северной Месопотамии. По-видимому, их предки в VIII–VII тыс. до н. э. пришли в Нахичевань вместе с мигрантами с юга. Здесь мыши изменились в результате мутации и приспособились к местной среде (Cucchi et al. 2013).

Погребения эпохи энеолита на Овчулартепеси представлены, преимущественно, безынвентарными захоронениями детей в грунтовых ямах и в сосудах. Грунтовые погребения выявлены в квадратах 1 и 13. В 2006 г. в разрушенном грунтовом погребении были обнаружены две височные подвески, а в 2010 г. в квадрате 17 найдено детское захоронение в сосуде, которое сопровождалось инвентарем, уникальным для энеолитического периода не только всего Южного Кавказа, но и для соседних регионов Переднего Востока. Сосуд, в котором совершено погребение, был изготовлен из глины с примесью соломы. Сохранилась только его нижняя часть. В сосуде были обнаружены скелет младенца плохой сохранности и три бронзовых орудия – проушной топор и два плоских тесла (рис. 4, 3–5) (Marro et al. 2011: 71)

Орудия труда Овчулартепеси изготовлены из различных пород камня, обсидиана и из кости. Найдены базальтовые зернотерки, терочники, песты и ступки. По сравнению с другими памятниками раннеземледельческих культур количество подобных орудий на Овчулартепеси невелико. Большинство каменных орудий – это обсидиановые вкладыши для серпов. Представлены также вкладыши разных типов, ножи и скребки. Хотя вблизи Нахичевани расположены богатые месторождения обсидиана, сырье для изготовления орудий доставлялось издалека. Из восьми проанализированных орудий шесть образцов изготовлены из обсидиана месторождения Гегам у оз. Севан, один – из обсидиана источника на Немрутдаге, а еще один – из месторождения Гутансар. Привозное сырье отражает направления культурно-экономических связей древних племен Нахичевани. Шилья, иглы и две мотыги были изготовлены из костей мелкого рогатого скота.

Металлургия. На поселении Овчулартепеси были выявлены около 200 объектов, связанных с металлургическим и металлообрабатывающим производством. В квадрате 5 обнаружено глиняное сопло от горна (рис. 4, б). Уникальны для памятников периода энеолита остатки трех горнов для плавки металла в квадрате 13. Стенки горнов были сложены из глины. Наиболее хорошо сохранившийся горн имел овальную форму. Его диаметр достигал 65 см. В его верхней части располагалось округлое отверстие диаметром около 30 см. Горн был заполнен углями и золой. На стенках горна выявлены следы расплавленного металла, а рядом с ним находилось несколько кусочков меди. В ряде мест на поселении обнаружены также куски медной и свинцовой руды. В результате раскопок были найдены многочисленные фрагменты металлических изделий, в частности обломки плоских тесел. Изделия были изготовлены из чистой меди или из медно-мышьякового сплава. Выше мы уже говорили об орудиях в инвентаре погребения младенца.

Формы для отливки плоских тесел из поселения Зириджли, а также находки горнов и сопла на Овчулартепеси свидетельствуют, что в период энеолита обитатели поселений обрабатывали металл на месте.

Кости животных были изучены Р. Бертоном (R. Berthon – коллекция, собранная во время раскопок)³ и З. Ковач (Z. Kovacs – коллекция, полученная при просеивании заполнения ям и очагов).⁴ Заполнение ям или очагов промывалось, а затем просеивалось через сита с размером ячеек 8, 2 и 1 мм. Пока обработано содержимое двух ям периода энеолита (2070 и 8051), относящихся к «полуземлянкам» нижнего горизонта. Проанализированы и подсчитаны находки костей животных только из ямы 8051, которая располагалась в пределах квадрата, ограниченного двумя каменными стенами, которые, скорее всего, являлись подпорными стенами террасы. Функция этой зоны неясна, но это мог быть открытый двор, расположенный к востоку от углубленного в материковую почву однокамерного дома. З. Ковач установила, что большинство костей составляют остатки грызунов и кости рыб.⁵ Мыши (*Mus musculus domesticus*) представлены 15 различными видами. Многие из костей были обожжены.⁶ Вероятно, содержание ямы регулярно поджигали либо в эту яму выбрасывали золу из очагов.

Большое количество и частота встречаемости костей грызунов в яме 8051 позволяет предположить, что этот вид грызунов постоянно обитал на поселении, что характерно для общин, практиковавших земледелие. Изобилие костей рыб показывает, что рыба была важной составляющей в пищевом рационе жителей энеолитического поселка. К свидетельствам занятий рыболовством относятся находки рыболовных крючков из кости и меди в позднем горизонте 2 периода энеолита.

Р. Бертоном в ямах 8051 и 2070 были определены остатки домашних животных: кости мелкого рогатого скота, овец и коз (*Caprinae*) составляли почти 92 % от общего количества костей; кости крупного рогатого скота (*Bos cf. Taurus*) –

³ Доктор философии, Франция.

⁴ Доктор философии, Университет Дебрецена, Венгрия. Большая часть информации этого параграфа была любезно предоставлена Р. Бертоном и З. Ковач.

⁵ Кости рыб по численности превосходят кости всех остальных животных.

⁶ Согласно Дж. Виллкоксу, найдены остатки от трех сожженных грызунов.

более 1,3 %; свиньи (*Sus cf. scrofa*) – 1,3 % и собаки (*Canis cf. familiaris*) – 1,3 %. Дикие животные представлены костями благородного оленя (*Red deer*), горного козла (*Wild boar*) и лисицы (*Vulpes vulpes Fox*).

Ботанические остатки были предварительный изучены Дж. Виллкоксом (G. Willcox).⁷ Материалы были получены из просеянных слоев заполнения ям 2070 и 8051, а также из слоя пепла (объект 5077), который был особенно богат остатками семян растений.⁸ Абсолютное большинство находок и в слое пепла 5077, и в яме 8051 составляли остатки зерен вики и гороха (*Pisum/Vicia*). Хлебные злаки представлены ячменем (*Hordeum*) и в меньшей степени пшеницей (*Triticum*). Присутствуют также остатки семян пахотных сорняков типа *Aegilops*, *Panicoid grasses* и *Cyperaceae*. По утверждению Дж. Виллкокса, наличие семян сорняков предполагает, что хлебные злаки были выращены на полях в окрестностях поселения, поскольку при импорте зерна из других регионов семена сорняков отсутствуют.

Анализ образцов древесного угля из Овчулартепеси показал, что наиболее распространенными кустарниковыми растениями вдоль берегов р. Арпачай были *Salix/Populus* и *Tamarix*. Третьи по количеству идентифицированные образцы принадлежат фисташковому дереву (*Pistacia*), которое, вероятно, относится или к *Pistacia atlantica*, или к *Pistacia khinjuk*. Эти две разновидности фисташек сегодня широко распространены на Переднем Востоке и в Центральной Азии (Padulosi et al. 1995). Видимо, в прошлом они занимали еще большую территорию. Находка остатков hackberry (*Celtis*) показывает, что это фруктовое дерево также присутствовало в окрестностях в период энеолита.

Эпоха ранней бронзы. Культурный слой периода ранней бронзы на поселении Овчулартепеси очень тонкий. Круглые в плане сооружения этого периода были найдены в квадратах 1, 6 и 20 и имели очень плохую сохранность. В квадрате 20 вблизи помещения находилась рабочая площадка с очагом и керамическими сосудами (рис. 7, 1). Куроаракская керамика обнаружена почти по всей площади поселения. К этому же периоду относятся остатки стен, выстроенные из больших камней (ограда загона для скота), а также многочисленные очаги и хозяйственные ямы. Овальные ямы были углублены в материк, стенки их обычно укреплены кладкой из щебня, а затем обмазаны глиной.

Как было отмечено выше, переход от энеолита к ранней бронзе сопровождался изменениями в архитектуре. Однако в комплексах керамики удается проследить определенную преемственность. Особенности куроаракской керамики, распространенной на Южном Кавказе и в Восточной Анатолии, известны. Керамические изделия были изготовлены из глины с примесью песка, поверхность сосудов обожжена до черного или серого цвета и тщательно залощена. Большинство сосудов снабжено полушаровидными ручками (Marro et al. 2009: 54). Некоторые сосуды раннего этапа имеют рельсовидное сечение венчика. Орнаментация в основном состоит из рельефных выступов, вдавленных кружков и врезных линий. При этом часть глиняных сосудов поселения Овчулартепеси

⁷ CNRS, UMR 5133 «Environnements et Sociétés de l’Orient Ancien». Большая часть информации в этом параграфе любезно предоставлена G. Willcox.

⁸ Общее количество просеянной почвы из слоя пепла 5077 составило 230 л.

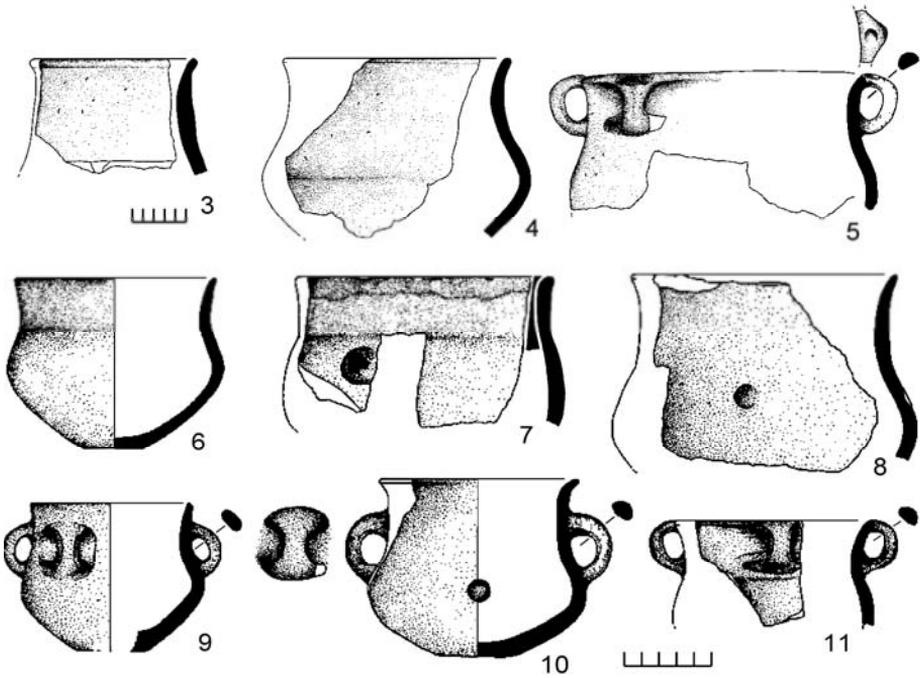
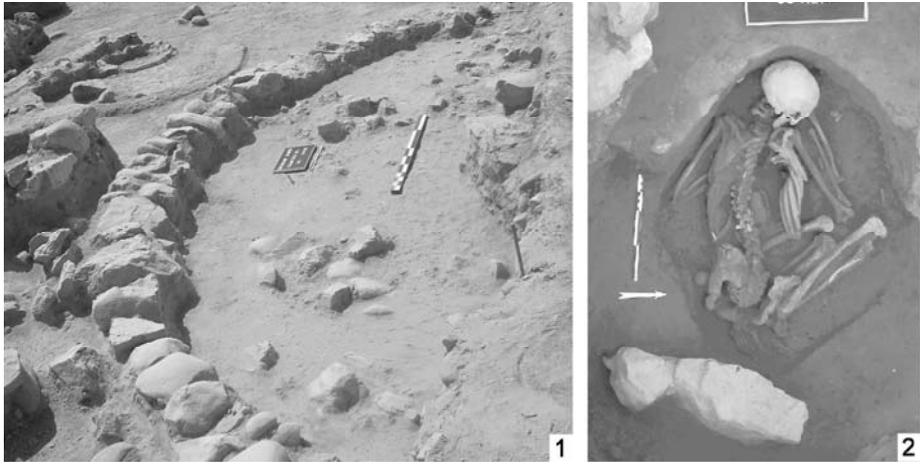

Рис. 7. Овчулартепеси, материалы куроаракского периода: 1 – постройка в квадрате 20; 2 – погребение в квадрате 11; 3–5 – «протокуроаракская» керамика; 6–11 – куроаракские сосуды

Fig. 7. Ovçular Tepesi, materials of the Kura-Araxes period: 1 – construction in square 20; 2 – burial in square 11; 3–5 – «proto-Kura-Araxes» pottery; 6–11 – Kura-Araxes vessels

сочетает морфологические и технологические признаки энеолитической керамики и керамики периода ранней бронзы. Хотя формы сосудов явно куроаракские, однако присутствие в их глине примеси соломы и выравнивание поверхности изделий гребенчатым инструментом напоминают особенности гончарной продукции эпохи энеолита. К признакам посуды энеолитического периода относится также окрашивание краев венчиков сосудов в красный или оранжевый цвета. Такую посуду мы называем «протокуроаракской» (рис. 7, 3–5). Подобная керамика на территории Нахичевани выявлена на Кюльтепе I (Абибуллаев 1982: 130, табл. XXII, 6), Махта Кюльтепе (Aşurov 2002: 47; Бахшалиев 2013: рис. 3), Садарак (Bakhshaliyev, Seyidov 2013: 6–7), Шортпе (Бахшалиев 2013: рис. 2) и на других поселениях. На территории Азербайджана она известна из поселений Джуттепе и Карахаджи (Нариманов 1987: 137; Səfərov 2000: tabl. 8, 5, 11), а в Восточной Анатолии из поселений Четенли (Marro, Özfirat 2005: pl. IV, 3, 4) и Зияреттепе (Marro, Özfirat 2003: pl. V). Посуда позднего энеолита и куроаракской культуры отличается друг от друга по составу глины. Поэтому мы считаем, что гипотеза о появлении куроаракской керамической традиции в результате прямого продолжения и развития традиций поздней энеолитической культуры (Aşurov 2003: 24) подлежит корректировке.

На поселении Овчулартепеси выявлена также «классическая» куроаракская керамика (рис. 7, 6–11). Наиболее древние экземпляры посуды куроаракской культуры изготовлены из глины с примесью соломы. Их наружная поверхность имеет черный цвет, а внутренняя – розовый. Иногда цвет наружной поверхности сосудов красный, различных оттенков.

Единственное погребение куроаракского периода – грунтовое захоронение взрослого человека выявлено в 2011 г. в квадрате 11 (рис. 7, 2).

На основе изучения археологических материалов поселения Овчулартепеси можно утверждать, что древнее население эпохи энеолита практиковало полукочевое скотоводство, занимаясь также земледелием, рыболовством и охотой. Многочисленные остатки бронзовых изделий и следы металлургии свидетельствуют об интенсивном развитии металлопроизводства.

Литература

Абибуллаев 1982 – *Абибуллаев О. А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982. 314 с.

Бахшалиев 2013 – *Бахшалиев В. Б.* Протокуро-аракская керамика Нахчывана // Российская археология. 2013. № 3. С. 105–107.

Махмудов 2008 – *Махмудов Ф.* Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Нафта-Пресс, 2008. 215 с.

Нариманов 1987 – *Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI – IV тыс. до н. э.). Баку: Элм, 1987. 260 с.

Нариманов и др. 2007 – *Нариманов И. Г., Ахундов Т. И., Алиев Н. Г.* Лейлатепе. Баку: Элм, 2007. 128 с.

Торосян 1976 – *Торосян Р. М.* Раннеземледельческое поселение Техут. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1976. 140 с.

Aşurov 2002 – *Aşurov S. H.* Naxçıvanın İlk Tunc dövrü keramikası. Bakı: Elm, 2002. 158 s.

Aşurov 2003 – *Aşurov S. H.* Naxçıvanda arxeoloji tədqiqatlar. Bakı: Nafta-Press, 2003, 120 s.

Badalyan et al. 2010 – *Badalyan S. R., Harutyunyan A. A., Chataigner C., Le Mort F., Chabot J., Brochier J. E., Balasescu A., Radu V., Hovsepyan R.* The Settlement of Aknashen-Khatunarkh, a Neolithic site in the Ararat plain (Armenia): excavation results 2004–2009 // *Tüba-Ar.* Ankara, 2010. 13. P. 185–218.

Bakhchaliyev et al. 2010 – *Bakhchaliyev V., Marro C., Ashurov S.* Ovuqlartepesi. Bakı: Elm, 2010. 156 s.

Bakhchaliyev, Marro 2009 – *Bakhchaliyev V., Marro C.* The Archaeology of Nakhichevan: Ten years of new discoveries. Istanbul: Ege, 2009. 118 p.

Bakhshaliyev, Seyidov 2013 – *Bakhshaliyev V., Seyidov A.* New Findings from the Settlement of Sadarak (Nakhchivan-Azerbaijan) // *Anatolia Antiqua.* 2013. No. 21. P. 1–21.

Burton-Brown 1951 – *Burton-Brown T.* Excavations in Azerbaijan 1948. London: John Murray, 1951. 179 p.

Cəfərov 2000 – *Cəfərov H. F.* Azərbaycan e. ə. IV minilliyin axırı I minilliyin əvvəllərində. Bakı: Elm, 2000, 187 s.

Cucchi et al. 2013 – *Cucchi T., Kovács Z. E., Berthon R., Orth A., Bonhomme F., Evin A., Siahsarvie R., Darviche D., Bakhshaliyev V., Marro C.* On the trail of Neolithic mice and men towards Transcaucasia: zooarchaeological clues from Nakhchivan (Azerbaijan) // *Biological Journal of the Linnean Society.* 2013. 108 (4). P. 917–928.

Esin 1976 – *Esin U.* Tülin-tepe Excavations, 1972 // *Keban Project 1972 Activities.* Ankara, 1976. P. 147–163 (KPP. Series 1, no. 5).

Esin 1993 – *Esin U.* The relief decorations on the Prehistoric pottery of Tülin-tepe in Eastern Anatolia // *Frangipane M., Hauptmann H., Liverani M., Matthiae P., Mellink M.* (eds.). *Between the Rivers and Over the Mountains: Alba Palmieri Dedicata.* Roma: Università di Roma «La Sapienza», 1993. P. 105–122.

Esin, Arsebük 1982 – *Esin U., Arsebük G.* Tülin-tepe excavations 1974 // *Keban Project 1974–1975 Activities.* Ankara, 1982. P. 127–133 (KPP. Series 1, no. 7).

Gülçür 2000 – *Gülçür S.* Norşuntepe: die chalkolitischen Keramik (Elazığ/Ost Anatolien) // *Marro C., Hauptmann H.* (eds.). *Chronologie des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVème–IIIème Millénaires.* Actes du Colloque d'Istanbul, 16–19 décembre 1998. Paris: De Boccard, 2000. P. 375–418 (Varia Anatolica. XI).

Hauptmann 1972 – *Hauptmann H.* Die Grabungen aus dem Norsuntepe, 1970 // *Keban Project 1970 Activities.* Ankara, 1972. P. 103–117 (KPP. Series 1, no. 3).

Hauptmann 1979 – *Hauptmann H.* Die Grabungen auf dem Norsuntepe, 1973 // *Keban Project 1973 Activities.* Ankara: METU, 1979. P. 61–78 (KPP. Series 1, no. 6).

Kiguradze 2000 – *Kiguradze T.* The Chalcolithic – Early Bronze Age transition in the Eastern Caucasus // *Marro C., Hauptmann H.* (eds.). *Chronologie des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVème–IIIème Millénaires:* Actes du Colloque d'Istanbul, 16–19 décembre 1998. Paris: De Boccard, 2000. P. 321–325 (Varia Anatolica. 11).

Marro et al. 2009 – Marro C., Bakhchaliyev V., Ashurov S. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhichevan, Azerbaijan). First preliminary report: the 2006–2008 seasons // *Anatolia Antiqua*. 2009. No. 17. P. 31–87.

Marro et al. 2011 – Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhichevan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons // *Anatolia Antiqua*. 2011. No. 19. P. 53–100.

Marro, Özfırat 2003 – Marro C., Özfırat A. Pre-classical Survey in Eastern Turkey, First preliminary Report: the Ağrı Dag (Mount Ararat) region // *Anatolia Antiqua*. 2003. No. 11. P. 385–422.

Marro, Özfırat 2005 – Marro C., Özfırat A. Pre-classical Survey in Eastern Turkey. Third preliminary Report: the Dogubeyazit region // *Anatolia Antiqua*. 2005. No. 13. P. 319–356.

Müseyibli 2007 – Müseyibli N. Böyük Kəsik eneolit Dövrü yaşayış məskəni. Bakı: Nafta-Press, 2007. 226 s.

Padulosi et al. 1995 – Padulosi S., Caruso T., Barone E. Taxonomy, distribution, conservation and uses of Pistacia genetic resources. Rome: International Plant Genetic Resources Institute, 1995. P. 12–19.

Seyidov 1988 – Seyidov A. Q. Ovçulartəpəsi // Şərur qədim diyardır. İliç, 1988. S. 23–24.

Seyidov 2003 – Seyidov A. Q. Naxçıvan e. ə. VII–II minillikdə. Bakı: Elm, 2003. 334 s.

Seyidov et al. 2010 – Seyidov A., Baxşəliyev V., Mahmudova V. Xələc. Bakı: Elm, 2010, 220 s.

Tobler 1950 – Tobler A. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1950. Vol. 2. 262 p.

Literature

Абибуллаев 1982 – Abibullaev O. A. E`neolit i bronza na territorii Nakhichivanskoï ASSR (*Eneolithic and Bronze Age on the territory of the Nakhichivan ASSR*). Bakı: Elm, 1982. 314 p. (in Russian).

Бахшалиев 2013 – Bakhshaliyev V. B. Protokuro-araxskaya keramika Nahchy`vana (*Proto-Kura-Araxes pottery of Nakhichivan*) // Rossiyskaya arheologiya (RA). 2013. No. 3. P. 105–107 (in Russian).

Махмудов 2008 – Makhmudov F. Kul`tura Yugo-Vostochnogo Azerbaydjana v e`pohu bronzy` i rannego jeleza (*Culture of Southeastern Azerbaijan in the Bronze and Early Iron Age*). Bakı: Nafta-Press, 2008, 215 p. (in Russian).

Нариманов 1987 – Narimanov I. G. Kul`tura drevneyshego zemledel`chesko-skotovodcheskogo naseleniya Azerbaydjana (e`poha e`neolita VI–IV ty`s. do n. e`) (*Culture of the earliest farming and stock breeding population of Azerbaijan [Eneolithic Period, VI–IV mill. BC]*). Bakı: Elm, 1987. 260 p. (in Russian).

Нариманов и др. 2007 – Narimanov I. G., Akhundov T. I., Aliev N. G. Leylatepe (*Leilatepe*). Bakı: Elm, 2007. 128 p. (in Russian).

Торосян 1976 – Torosyan R. M. Pannezemledel`cheskoe poselenie Tehut (Early farming settlement of Tekhut). Erevan: AS of the Armenian SSR, 1976. 140 p. (in Russian).

Aşurov 2002 – *Aşurov S. H.* Naxçıvanın İlk Tunc dövrü keramikası. Bakı: Elm, 2002. 158 s.

Aşurov 2003 – *Aşurov S. H.* Naxçıvanda arxeoloji tədqiqatlar. Bakı: Nafta-Press, 2003, 120 s.

Badalyan et al. 2010 – *Badalyan S. R., Harutyunyan A. A., Chataigner C., Le Mort F., Chabot J., Brochier J. E., Balasescu A., Radu V., Hovsepian R.* The Settlement of Aknashen-Khatunarkh, a Neolithic site in the Ararat plain (Armenia): excavation results 2004–2009 // *Tüba-Ar.* Ankara, 2010. 13. P. 185–218.

Bakhchaliyev et al. 2010 – *Bakhchaliyev V., Marro C., Ashurov S.* Ovuqlartepesi. Bakı: Elm, 2010. 156 s.

Bakhchaliyev, Marro 2009 – *Bakhchaliyev V., Marro C.* The Archaeology of Nakhichevan: Ten years of new discoveries. Istanbul: Ege, 2009. 118 p.

Bakhshaliyev, Seyidov 2013 – *Bakhshaliyev V., Seyidov A.* New Findings from the Settlement of Sadarak (Nakhchivan-Azerbaijan) // *Anatolia Antiqua.* 2013. No. 21. P. 1–21.

Burton-Brown 1951 – *Burton-Brown T.* Excavations in Azerbaijan 1948. London: John Murray, 1951. 179 p.

Cəfərov 2000 – *Cəfərov H. F.* Azərbaycan e. ə. IV minilliyin axırı I minilliyin əvvəllərində. Bakı: Elm, 2000, 187 s.

Cucchi et al. 2013 – *Cucchi T., Kovács Z. E., Berthon R., Orth A., Bonhomme F., Evin A., Siahsarvie R., Darviche D., Bakhshaliyev V., Marro C.* On the trail of Neolithic mice and men towards Transcaucasia: zooarchaeological clues from Nakhchivan (Azerbaijan) // *Biological Journal of the Linnean Society.* 2013. 108 (4). P. 917–928.

Esin 1976 – *Esin U.* Tülin-tepe Excavations, 1972 // *Keban Project 1972 Activities.* Ankara, 1976. P. 147–163 (KPP. Series 1, no. 5).

Esin 1993 – *Esin U.* The relief decorations on the Prehistoric pottery of Tülin-tepe in Eastern Anatolia // *Frangipane M., Hauptmann H., Liverani M., Matthiae P., Mellink M.* (eds.). *Between the Rivers and Over the Mountains: Alba Palmieri Dedicata.* Roma: Università di Roma «La Sapienza», 1993. P. 105–122.

Esin, Arsebük 1982 – *Esin U., Arsebük G.* Tülin-tepe excavations 1974 // *Keban Project 1974–1975 Activities.* Ankara, 1982. P. 127–133 (KPP. Series 1, no. 7).

Gülçür 2000 – *Gülçür S.* Norşuntepe: die chalkolitischen Keramik (Elazığ/Ost Anatolien) // *Marro C., Hauptmann H.* (eds.). *Chronologie des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVème–IIIème Millénaires.* Actes du Colloque d'Istanbul, 16–19 décembre 1998. Paris: De Boccard, 2000. P. 375–418 (Varia Anatolica. XI).

Hauptmann 1972 – *Hauptmann H.* Die Grabungen aus dem Norsuntepe, 1970 // *Keban Project 1970 Activities.* Ankara, 1972. P. 103–117 (KPP. Series 1, no. 3).

Hauptmann 1979 – *Hauptmann H.* Die Grabungen auf dem Norsuntepe, 1973 // *Keban Project 1973 Activities.* Ankara: METU, 1979. P. 61–78 (KPP. Series 1, no. 6).

Kiguradze 2000 – *Kiguradze T.* The Chalcolithic – Early Bronze Age transition in the Eastern Caucasus // *Marro C., Hauptmann H.* (eds.). *Chronologie des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IVème–IIIème Millénaires:* Actes du Colloque d'Istanbul, 16–19 décembre 1998. Paris: De Boccard, 2000. P. 321–325 (Varia Anatolica. 11).

Marro et al. 2009 – Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhichevan, Azerbaijan). First preliminary report: the 2006–2008 seasons // *Anatolia Antiqua*. 2009. No. 17. P. 31–87.

Marro et al. 2011 – Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhichevan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: The 2009–2010 Seasons // *Anatolia Antiqua*. 2011. No. 19. P. 53–100.

Marro, Özfirat 2003 – Marro C., Özfirat A. Pre-classical Survey in Eastern Turkey, First preliminary Report: the Ağrı Dag (Mount Ararat) region // *Anatolia Antiqua*. 2003. No. 11. P. 385–422.

Marro, Özfirat 2005 – Marro C., Özfirat A. Pre-classical Survey in Eastern Turkey. Third preliminary Report: the Dogubeyazit region // *Anatolia Antiqua*. 2005. No. 13. P. 319–356.

Müseyibli 2007 – Müseyibli N. Böyük Kəsik eneolit Dövrü yaşayış məskəni. Bakı: Nefta-Press, 2007. 226 s.

Padulosi et al. 1995 – Padulosi S., Caruso T., Barone E. Taxonomy, distribution, conservation and uses of Pistacia genetic resources. Rome: International Plant Genetic Resources Institute, 1995. P. 12–19.

Seyidov 1988 – Seyidov A. Q. Ovçulartəpəsi // Şərur qədim diyardır. İliç, 1988. S. 23–24.

Seyidov 2003 – Seyidov A. Q. Naxçıvan e. ə. VII–II minillikdə. Bakı: Elm, 2003. 334 s.

Seyidov et al. 2010 – Seyidov A., Baxşəliyev V., Mahmudova V. Xələc. Bakı: Elm, 2010, 220 s.

Tobler 1950 – Tobler A. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1950. Vol. 2. 262 p.

ARCHAEOLOGICAL EXPLORATIONS AT THE OVÇULAR TEPESI SETTLEMENT IN 2006–2013

V. B. Bakhshaliyev

The archaeological study of Ovçular Tepesi has shown that this settlement emerged not later than the last third of the V mill. BC. The Eneolithic layers gave evidence of two building periods. The semi-subterranean dwellings with rounded corners date to the first period, and the multi-chamber structures of adobe bricks resting on stone foundations to the second one. The former were built on the hill slope and deepened into the subsoil for 0.2 m. The second period buildings are surrounded with yards with domestic pits. The Eneolithic architecture of Ovçular Tepesi is generally similar to that of the synchronous settlements of Azerbaijan and East Anatolia. The few fragments of painted pottery found on the settlement appear to be indicative of cultural contacts with the Ubaid culture. The painted pottery found recently at the settlements of Khaladzh, Shortepe and Sihra shows that local potters decorated their products modeling themselves on the near Eastern specimens. The Eneolithic economy of Ovçular Tepesi was based on seminomadic livestock breeding, which was supplemented with farming, hunting and fishing. Numerous remains of copper

objects and evidence of metalworking testify to the active development of metallurgy. Every house had its own hearth and domestic pit, but there were also communal yards with pits and hearths. The burial of an infant accompanied with metal tools presumably testifies to the beginning of social differentiation. The materials of Ovçular Tepesi give grounds to suggest that at some stage the «proto-Kura-Araxes» population coexisted with the Eneolithic one, as a result of which some of the Eneolithic pottery peculiarities were adopted by the «proto-Kura-Araxes potters». The available ^{14}C determinations allow to date this stage to the late V–early IV mill. BC.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ МАСТЕРСКАЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЭНЕОЛИТА В КАРАКУМАХ

Н. Ф. СОЛОВЬЕВА

Ключевые слова: *Юго-Восточный Туркменистан, поселение Йылгынлы-депе, ранний энеолит, специализированная мастерская, глиняная пластика, двухчастная обжигательная печь.*

Keywords: *Southeastern Turkmenistan, Ilygynly-depe settlement, Early Eneolithic, specialized workshop, clay plastics, bipartite clay baking kiln.*

Йылгынлы-депе – археологический памятник типа телля, площадью около 14 га и высотой около 14 м, расположен на юго-востоке Туркменистана в подгорной полосе Копетдага примерно в 240 км по прямой на юго-восток от Ашхабада и в 110 км на северо-восток от Мешхеда. Раскопки Йылгынлы-депе уже 21 сезон (1985–1991, 1993–1995, 1997, 1999, 2006–2014 гг.) проводит экспедиция ИИМК РАН (ранее – ЛОИА АН СССР). Многолетние исследования показали, что поселение, возникшее, как минимум, в середине V тыс. до н. э., просуществовало примерно до 3100–2900 гг. до н. э. (Березкин, Соловьева 1998: 86). Традиционный для первобытной сырцовой архитектуры прием многократного возведения новых домов на месте намеренно разрушенных прежних сформировал культурный слой поселения, включающий примерно 20 строительных горизонтов. Судя по топографии памятника и орнаментации расписной столовой посуды, обнаруженной при раскопках строительных горизонтов, поселение, возникшее в эпоху раннего энеолита (Намазга I), достигло максимальных размеров в пору развитого энеолита (Намазга II). К началу позднего энеолита (Намазга III) происходит постепенное запустение поселка.

Последовательность культурных напластований памятника на протяжении всего периода исследований изучалась, в основном, на стратиграфическом раскопе 3, площадью около 370 м², заложенном в 1987 г. в юго-западной части холма. Размеры и конфигурация раскопа несколько раз менялись (рис. 1). К началу полевого сезона 2014 г. здесь были полностью исследованы 6 строительных горизонтов, содержащих остатки архитектуры 6 домохозяйств эпохи развитого энеолита. Самое верхнее домохозяйство I строительного горизонта практически не сохранилось. Остальные 5 представляли собой исключительно редкую картину последовательной смены домохозяйств со святилищами (Solojuova 2000: 453–464). Проведенные на раскопе 3 исследования позволили комплексно описать домохозяйство эпохи развитого энеолита и дали возможность автору выдвинуть тезис о том, что обитатели поселения веками четко разграничивали места для проведения обрядовых действий, рабочее, жилое и хозяйственное пространство домохозяйства. На протяжении 6 строительных горизонтов на исследуемом участке культовые и жилые помещения, парадные, хозяйственные и производственные дворы располагались над соответствующими помещениями и дворами предыдущего домохозяйства. Парадные помещения-

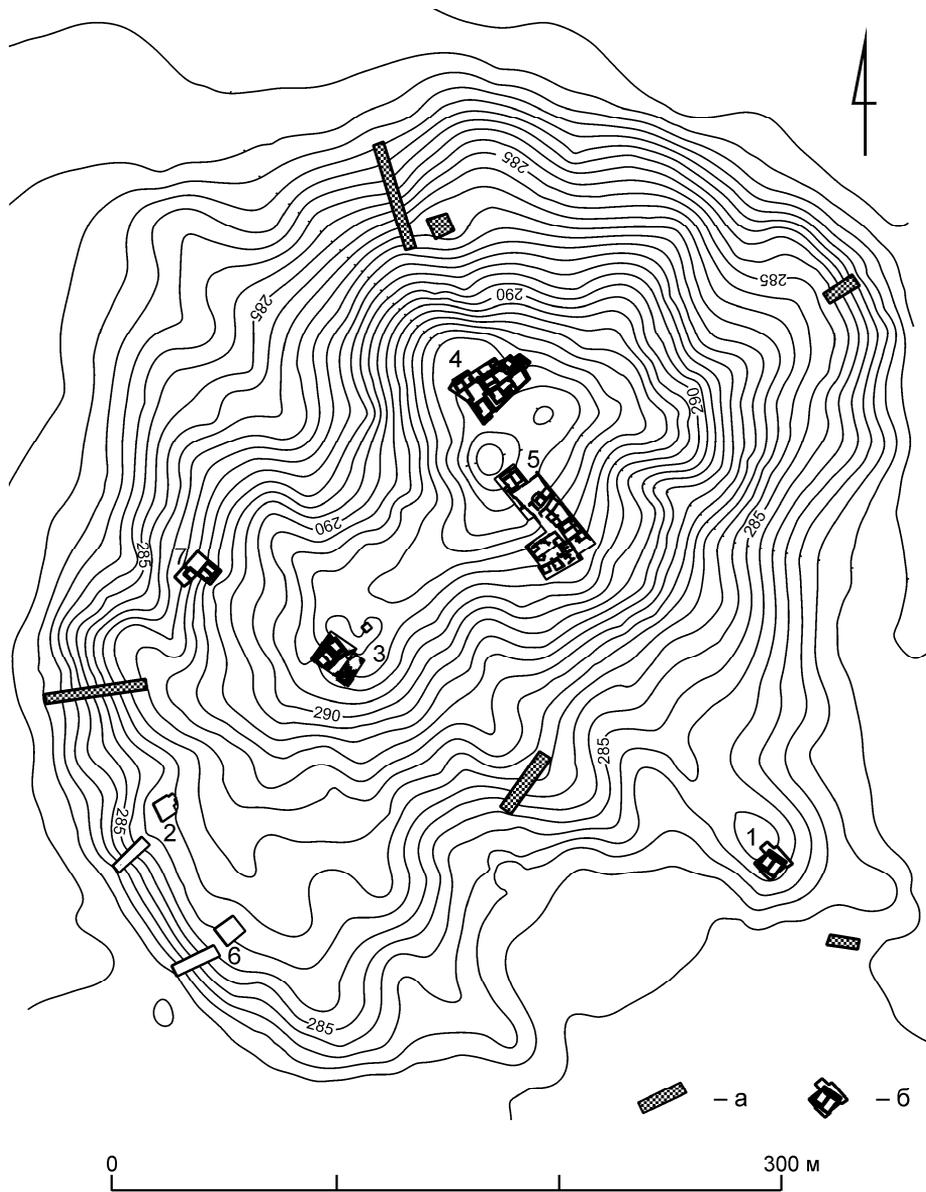

Рис. 1. Поселение Ылгылы-депе, сводный план раскопов, съемка 2008 г.:
a – раскопы А. А. Марущенко и А. Ф. Ганялина; *b* – раскопы экспедиции ИИМК РАН
 Fig. 1. Ilgynly-depe settlement, localization of excavation areas, topographic plan of 2008:
a – A. A. Marushchenko and A. F. Ganyalin excavations; *b* – excavation areas of the
 IHMC RAS archaeological expedition

святылища и большие чистые парадные дворы перед ними задумывались, создавались и использовались для проведения обрядов. Существовали специально отведенные помещения и открытые дворовые участки, предназначавшиеся для повседневных хозяйственных нужд, и жилые комнаты. Неподалеку от хозяйственных и жилых помещений всегда находились производственные участки, где жители занимались мелкими ремеслами, в основном изготовлением глиняных поделок для собственных нужд. Все эти строения располагались внутри одного домохозяйства, отделенного от других мощными внешними стенами. Между домохозяйствами были организованы узкие улочки – проходы, имевшие U-образную поверхность, как правило, многократно вымощенную битой керамикой.

Йылгынлыские строители достигли большого мастерства в работе с единственным строительным материалом – глиной, которая использовалась на всех этапах сооружения дома, его отделки и ремонта и даже для изготовления мебели. Глиняной подсыпкой выравнивали площадку под будущий новый дом на месте снесенного старого, стены клали из сырцовых кирпичей, из глины лепили фигурные пилоны, пилястры, колонны, оформляли дверные проемы и плинтусы. Затем цветной «штукатуркой», представлявшей собой смесь растертых в порошок угля, охры или гипса с глиной, покрывали стены и пол помещений, иногда на главную стену святылища напротив входа наносили орнамент в технике сграффито. По завершении отделочных работ в помещениях из глины же сооружали очаги, алтари, печи и скамьи, которые покрывали ярко-красной охрой. Пол, стены и мебель часто ремонтировали, нанося новые слои штукатурки и краски. Большая часть строительных приемов, используемых жителями Йылгынлы-депе, кроме изготовления красных глиняных скамей и орнамента в технике сграффито, пока не имеющих аналогий, применялась в строительстве и отделке домов неолитических поселков подгорной зоны Туркменистана. Более ранние параллели художественного отношения к оформлению жилища прослеживаются со знаменитым анатолийским Чатал-хеюком.

Изучение архитектуры на примере домохозяйств 6 строительных горизонтов на стратиграфическом раскопе 3 позволило выявить традиции и инновации строительных приемов периода Намазга II, проследить культурно-хронологические аналогии и сделать выводы о том, что обитатели поселка накопили большой опыт в технике строительства сырцовых домов и методично соблюдали устоявшиеся многовековые традиции домостроительства. Четкое зонирование пространства домохозяйства по функциональному назначению являлось одной из таких традиций. Жители прекрасно знали, как будет использоваться помещение, еще при закладке фундамента, не говоря уже о внутренней отделке помещений.

Необходимость продолжения археологических исследований нижележащих строительных горизонтов Йылгынлы-депе представляла особую значимость: в заполнении и на полах самого нижнего из уже изученных домохозяйства VI строительного горизонта было обнаружено большое количество фрагментов керамики, орнамент на которой характерен для периода позднего Намазга I (эпохи раннего энеолита), что давало исследователям шанс обнаружения архитектуры этого периода.

Осенью 2014 г. на площади, несколько большей, чем занимал культовый комплекс домохозяйства VI горизонта, сотрудники экспедиции приступили

к раскопкам нижележащего культурного слоя, содержащего остатки архитектуры VII строительного горизонта.

Сразу под основаниями стен святилища VI горизонта были выявлены остатки стен более раннего комплекса строений, имевшего совершенно другие размеры и ориентацию в пространстве. По мере расчистки становилось все более очевидно, что исследуемый комплекс имел и совершенно другое функциональное назначение, чем построенное прямо на его развалинах помещение для проведения обрядовых действий. Характер заполнения и находки свидетельствовали о том, что участок использовался для производственных нужд. Так был обнаружен уникальный комплекс – **специализированная мастерская по изготовлению мелкой глиняной пластики эпохи раннего энеолита (рубеж V–IV–начало IV тыс. до н. э.)**.

Мастерская включала помещение для лепки поделок, наполненную пеплом емкость для сушки вылепленных изделий и комнату с печью для их обжига. С востока перед входом в мастерскую был большой двор, с запада в пределы раскопа частично попадало смежное с мастерской помещение неясного функционального назначения. На юге за стеной мастерской находилась еще одна комната, связь которой с комплексом мастерской неочевидна.

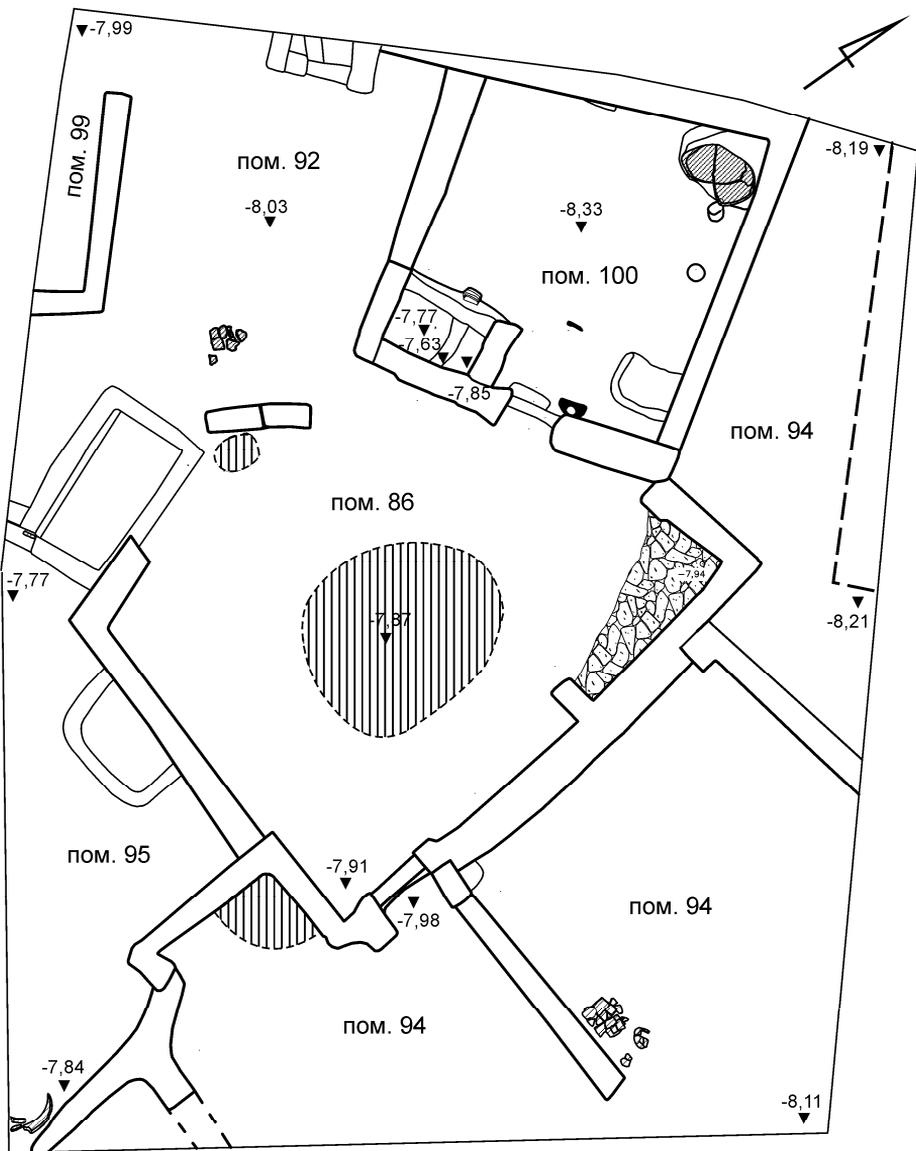
Все помещения мастерской однажды подверглись капитальному ремонту, поэтому в описании архитектуры и характеристике находок выделено два периода: более ранний период (до ремонта) – горизонт VII-A и собственно горизонт VII. В пределах горизонта VII-A удалось выделить поздний этап, когда произошли некоторые не связанные с капитальным ремонтом изменения, но переделки были значительнее, чем обычный косметический ремонт.

Центральную часть раскопа на раннем этапе бытования¹ занимало большое почти квадратное помещение 86, где ремесленники занимались лепкой поделок из глины (рис. 2; 3, 1). Помещение ориентировано стенами по сторонам света, стены сложены однорядной однослойной ложковой или тычковой кладкой из коротких толстых прямоугольных кирпичей, затем тщательно оштукатурены. Северная и западная стены комнаты были сооружены лишь на четверть своей длины, к западной стене была пристроена заглубленная примерно на 35–40 см в пол прямоугольная конструкция из сырцовых кирпичей, к северной стене примыкала юго-восточная стена помещения 100, а на месте северо-западного угла имелся проход в помещение 92, частично перегородженный дугообразной стенкой из двух кирпичей. Пол помещения 86 неоднократно промазывали глиной и покрывали черной краской. Такая отделка интерьера предполагает наличие перекрытия, поскольку в противном случае и штукатурка, и глиняное напольное покрытие страдали бы от осадков.

В центре помещения 86 на большом горелом пятне были расчищены сырцовые кирпичи, положенные плотно друг к другу хаотично в один слой на узкое ребро. Между ними было найдено большое количество комочков сырой глины, смятых заготовок и бракованных изделий, что позволяет предположить, что именно здесь и было рабочее место, где сидели ремесленники и лепили поделки.

---

¹ На чертежах и в тексте полевого отчета этот этап бытования комплекса отмечен как горизонт VII-A.

- а	- в	- д	- ж
- б	- з	- е	

Вполне вероятно и то, что каждый мастер приносил свои кирпичи, устанавливал их на свободном месте, поэтому у конструкции нет единой формы.

В северо-восточном углу помещения 86 было организовано место для складирования глины, из которой лепили поделки. Склад выглядел следующим образом: весь угол прямо от стен был выложен очень большими фрагментами крупных тарных сосудов-хумов, на этом слое лежала глина для поделок, сверху глину перекрывал слой стенок хумов, на котором снова хранилась глина. Всего удалось зафиксировать три таких слоя.

К западной стене помещения 86 была пристроена прямоугольная заглубленная в пол емкость для просушки поделок, доверху заполненная золой и пеплом (рис. 3, 2). Стенки и пол емкости сложены из сырцовых кирпичей, которые в процессе функционирования слегка прокалились, что свидетельствует в пользу того, что зола и пепел насыпались в емкость горячими. При разборке заполнения емкости было обнаружено много целых, поломанных и бракованных поделок и более 300 бесформенных глиняных комочков.

Как на раннем этапе функционирования комплекса попадали в мастерскую из двора (помещение 94), пока, до разборки стен, выяснить не удалось, но есть основания полагать, что проход существовал на том же месте, где и в более поздний период, но был заложен при перестройке стены.

С северной стороны к мастерской было пристроено помещение 100 – комната с печью, в которой проводили обжиг поделок (рис. 4, 1). Комната прекрасно сохранилась, поэтому есть возможность полностью воссоздать ее интерьер. Пол и стены помещения были выкрашены в черный цвет. Вход находился в его юго-восточной стене. Дверной проем с высоким фигурным порогом закрывался дверью на вращающейся оси (справа от входа внутри комнаты сохранился подпятник)² (рис. 4, 2). Сырцовый глиняный порог несколько раз переделывали: первоначально он имел форму высокого валика, затем был укреплен еще одним валиком такой же высоты, но более коротким справа, чтобы сохранить возможность использования подпятника и не переносить дверь. Примерно в 1 м от порога в пол помещения вертикально на половину его высоты вмазан тонкий плоский камень (заменитель каменной статуи?).

Слева от входа внутри комнаты в южном углу вплотную к юго-восточной и юго-западной стенам находилась двухчастная печь для обжига поделок. Части указанных стен служили, соответственно, задней и правой торцевой стенами самой печи (специально для печи были сложены лишь фасад и левая торцевая

Рис. 2. Поселение Йылгылы-депе, раскоп 3, горизонт VII-A, план строений: *a* – глиняная штукатурка; *b* – сырцовые стены без штукатурки; *в* – предполагаемые стены; *г* – фрагменты керамики; *д* – каменные изделия; *е* – следы огня; *ж* – фрагменты хумов в глине

Fig. 2. Ilgynly-depe, excavation area 3, horizon VII-A, plan of buildings: *a* – adobe plaster; *b* – mud brick walls without plaster; *в* – proposed mud brick walls; *г* – ceramic fragments; *д* – stone artifacts; *е* – traces of fire; *ж* – fragments of khums in clay

² Обозначения «правый»/«левый», «ближний»/«дальний» соответствуют позиции наблюдателя, стоящего перед входом в помещение лицом к нему.

1

2

Рис. 3. Поселение Йылгынлы-депе, раскоп 3, строения горизонта VII-A: 1 – общий вид с В; 2 – помещение 86, емкость для просушки поделок

Fig. 3. Ilgynly-depe, excavation area 3, horizon VII-A: 1 – general view from the east; 2 – room 86, capacity for drying the products

Рис. 4. Поселение Йылгылы-депе, раскоп 3, горизонт VII-A, помещение 100:
1 – вид с ЮЗ; 2 – вход и обжигательная печь, вид с СЗ

Fig. 4. Ilgynly-depe, excavation area 3, horizon VII-A, room 100: 1 – view from
the southwest; 2 – entrance and firing kiln, northwest view

стена). Печь сохранилась в высоту примерно на 1 м. Свод располагался выше – его обрушившиеся обломки были найдены внутри печи. Внутреннее пространство вертикальной дугообразной глиняной перегородкой делилось на две неравные части: меньшую, левую часть занимало отделение для топлива, правая предназначалась для поделок, подготовленных к обжигу, – здесь была найдена глиняная фигурка животного. На фасаде и левой торцевой поверхности печи сохранились следы черной краски. Фасад был украшен двумя выкрашенными в белый цвет фигурными пилястрами: ближе к левому углу был вылеплен прямоугольный в сечении сужающийся в середине пилястр с небольшим валикообразным перехватом, высотой около 30 см. По центру фасада, зрительно и функционально разделяя его на две части, был сделан еще один пилястр, уникальной сложной конструкции, высотой более 40 см и шириной более 17 см. Пилястр состоял из трех полуцилиндров разной высоты, плотно стоящих друг на друге. Нижний, самый короткий, цилиндр не касался пола помещения, на него опирался самый высокий цилиндр, на котором располагался цилиндр среднего размера. Края всех трех цилиндров скруглены таким образом, что создается зрительное восприятие всей конструкции как антропоморфного существа. Справа и слева от этого пилястра на фасаде печи были сделаны два углубления, по форме напоминающие перевернутую букву U. Поперек этих углублений примерно посередине вылеплены два горизонтальных выпуклых валика ладьевидной формы (правый расположен несколько выше левого). Верхние края валиков такие плоские, что сам валик мог служить поверхностью полки. На валиках есть следы белой краски. Углубления под валиками выкрашены в черный цвет. Валики зрительно воспринимаются как единое целое с трехчастным центральным пилястром, это впечатление усиливает белый цвет на фоне черного фасада. Над каждым из валиков, занимая всю площадь верхней части углубления, вероятно, были отверстия – устья печи: через левое закладывали дрова в топку, через правое в отделение для обжига закладывали поделки из глины (фигурки животных, фишки, мелкую антропоморфную пластику). На время обжига отверстие, вероятнее всего, залепляли глиной, затем глину разбивали и вынимали поделки. На фасаде печки сверху над левым маленьким пилястром, судя по направлению штукатурки, находилось какое-то налепное украшение, но оно не сохранилось.

Справа от входа в помещение в полуметре от восточного угла вплотную к северо-восточной стене комнаты на полу стояла конструкция из глины на высоком глиняном постаменте (возможно, в нее временно складывали поделки). По форме конструкция напоминает неглубокий овальный вазон или раковину с округлым невысоким бортиком на высоком постаменте. Постамент уже и короче чаши. Снаружи вся конструкция вместе с постаментом была выкрашена в черный цвет. Внутри в поверхность чаши были вмазаны фрагменты расписной керамики (рис. 5, 1).

В северном углу комнаты была сооружена еще одна конструкция. На полу на боку лежал огромный (до 100 л емкостью) расписной керамический сосуд-хум, заполненный золой и пеплом, которые, вероятнее всего, извлекали из печи. Для устойчивости под коническую часть хума были подложены небольшие камни. Судя по сохранившейся части, хум был обложен фрагментами еще одного хума и затем обмазан толстым слоем глины. Сверху слой глины был плотно примазан к северо-восточной и северо-западной стенам помещения, а с юго-

1

2

Рис. 5. Поселение Йылгылы-депе, раскоп 3, горизонт VII-A, помещение 100: 1 – северо-восточная часть помещения, вид с 3; 2 – фрагменты глиняных столиков на полу, вид с 3

Fig. 5. Ylgynly-depe, excavation area 3, horizon VII-A, room 100: 1 – northeastern part of the room, west view; 2 – fragments of clay tables on the floor, west view

западной стороны по внешней поверхности хума спускался до полу. Как выглядел фасад этой необычной конструкции, осталось невыясненным ввиду его полной утраты. О назначении этого сооружения можно сказать лишь, что если пепел и золу сыпали внутрь хума горячими, то они постепенно отдавали тепло стенкам сосуда и глиняной обмазке. Следовательно, конструкция могла служить источником тепла.

Между хумом и овальной конструкцией на полу у северо-восточной стены сохранились нижние части глиняных цилиндрических оснований (колонн?). Боковые поверхности цилиндров выкрашены в черный цвет.

Пол комнаты многократно промазывали глиной и окрашивали черной краской. На первом, самом раннем полу под поздними промазками были разложены многочисленные фрагменты крупных сосудов-хумов, сломанные перевернутые глиняные столики квадратной формы на низких конусовидных ножках (рис. 5, 2). Этот тип мебели никогда прежде не встречался ни на Ыылгынлы-депе, ни на соседних памятниках.

Еще несколько ножек и фрагментов столешниц глиняных столиков были найдены в соседнем, расположенном в западном углу раскопа помещении 92, также являвшемся частью комплекса мастерской. Люди, находившиеся в этой комнате, имели доступ и в мастерскую, и к емкости для просушки, а через мастерскую могли попасть в комнату с печью. Сохранившийся интерьер помещения не дает представления о его функциональном назначении: в юго-западной части небольшой Г-образной стенкой отгорожено узкое пространство (помещение 99), уходящее за пределы раскопа; у северо-западного борта на полу из сырцовых кирпичей была сложена прямоугольная конструкция, внутреннее пространство которой поделено на две части. На полу помещения 92 сохранились остатки мощения из битой керамики, много фрагментов сосудов и глиняных поделок.

За южной стеной помещения 86 и западной стеной помещения 94 находилось помещение 95, частично попавшее в пределы раскопа. К северной стене комнаты пристроена прямоугольная конструкция с невысокими бортиками, вылепленными из мягкой глины. Углы конструкции скруглены. В юго-восточном углу комнаты находилось скопление обломков крупных сосудов-хумов, на пол насыпан мощный слой пепла.

Всю восточную сторону перед мастерской занимал большой двор (помещение 94). На раннем этапе двор был разделен на три части тонкими параллельными стенками. Стены и поверхность двора тщательно промазаны глиной, в заполнении много битой керамики, угольков и пепла. Местами на поверхности сохранились следы черной краски. В углу в небольшом П-образном закутке двора, образованном южной стеной помещения 86 и восточной стеной помещения 95, было очажное пятно, на котором найдены намеренно разложенные каменные орудия и крупные фрагменты сосудов. Необычная многослойная вымостка из тщательно выпиленных прямоугольных фрагментов керамики найдена на полу у северного фаса средней из параллельных стен.

Спустя некоторое время в комплексе сделали ремонт: практически во всех помещениях был поднят уровень пола.³ В восточной стене мастерской ближе

---

³ На чертежах и в тексте полевого отчета этот этап бытования комплекса отмечен как горизонт VII-А поздний.

к юго-восточному углу был сделан выход во двор. Перед выходом со стороны мастерской соорудили аморфное крыльцо из сырцовых кирпичей. Доверху заполненную пеплом емкость для просушки поделок заложили обломками хумов. Такие же обломки приложили к южной стене и уложили на пол в юго-западном углу мастерской. К маленькой дугообразной стенке, разделяющей помещения 86 и 92, прямо над северо-восточным углом емкости для просушки поверх обломков хумов приложили еще один кирпич. Теперь из помещения 86 в помещение 92 остался один неширокий проход.

В помещении 100 перед печью соорудили узкое короткое крыльцо. Двойной овальный порог вместе с подпятником и камень-заменитель статуи скрыли под новым полом. На поверхности дверного проема осталась видна лишь выступающая часть одного валика порога. Хум с пеплом еще раз обмазали толстым слоем глины с саманом.

Параллельные стенки во дворе были частично разобраны, частично скрыты под новой поверхностью, от них сохранились лишь небольшие выступы-пилоны снаружи восточной стены мастерской. Новая стенка, отходящая от северо-восточного угла мастерской в северо-восточном направлении, теперь делила двор только на две части.

По прошествии какого-то периода времени практически во всех помещениях и дворе комплекса был снова проведен большой ремонт со значительным повышением уровня поверхности.⁴

Верхние части стен мастерской разобрали, сохранив в высоту примерно на 0,5 м. Вместо разобранных частей кирпичных стен на сохранившихся основаниях возвели новые, сложенные из глиняной массы, смешанной с мусором и угольками. Такие стены не могли выдержать тяжести перекрытия, и, вероятно, они были невысоким забором. В пользу того, что мастерская стала открытым участком, свидетельствует и наличие натечных слоев на поверхности. Выход из мастерской во двор оформили овальным порогом, скрыв крыльцо из сырцовых кирпичей под новой поверхностью. Стену между помещениями 86 и 95 сместили значительно севернее, протянув ее от угла Г-образной стенки в направлении юго-восточного угла мастерской, оставив проход из мастерской в помещение 95, где прямоугольную конструкцию скрыли под новым полом и воздвигли узкую легкую стеночку, отгородив юго-восточный угол.

Крыльцо перед печью в помещении 100 расширили. Новый пол скрыл хум с пеплом и весь пьедестал овальной конструкции справа от входа, сохранилась лишь ее чаша, были разобраны и глиняные колонны. Проход из помещения 100 в помещение 86 больше не имел порога, а позднее, когда мастерская прекратила свое существование, прямо в проходе, как бы «запечатывая» его, был установлен большой расписной горшок.

Поверхность двора в П-образном закутке замостили битой керамикой, а в угол поставили крупный кухонный сосуд. Особо следует отметить высокий уровень мастерства при работе с глиной жителей поселка, строивших комплекс: практически все углы, пилястры, пилоны и косяки проемов помещений были тщательно фигурно оформлены. При разборке заполнения помещений этого

---

⁴ На чертежах и в тексте полевого отчета этот этап бытования комплекса обозначен как горизонт VII.

периода бытования комплекса также были найдены фрагменты мастерски выполненных глиняных столиков.

Ко времени написания статьи строительный горизонт практически не исследован, за исключением описанной мастерской, поэтому понять, принадлежала ли она какому-либо домохозяйству, владельцами которой были члены одной семьи, или комплекс располагался на общественной территории, пока не представляется возможным.

На полах и в заполнении помещений мастерской, в емкости для сушки и в печи найдено большое количество (около 1700 экз.) заготовок поделок, бракованных, целых и сломанных изделий мелкой глиняной пластики и находок, которые могли использовать в качестве орудий труда при работе с глиной. Среди общего числа артефактов обнаружено 195 поделок из стенок керамики (которые могли использовать в качестве инструментов), 56 шариков, 59 фишек, 35 фигурок животных, 28 антропоморфных фигурок и 95 пряслиц и наверший, а также 839 заготовок и бракованных изделий, включая 327 глиняных комочков и заготовок, найденных только в сушилке. Такое количество изделий мелкой глиняной пластики значительно превосходит нужды одной семьи, а следовательно, есть основания говорить о производстве поделок для потребностей других членов общины поселка, т. е. – о разделении труда. А это уже требует внесения корректировок в наши знания о социальной структуре примитивного общества эпохи раннего энеолита.

Открытие комплекса специализированной мастерской по изготовлению мелкой глиняной пластики периода позднего Намазга I (датировка комплекса: рубеж V–IV–начало IV тыс. до н. э.) стало сенсацией для всей среднеазиатской археологии. Никогда прежде археологам не удавалось найти столь раннего комплекса такой сохранности. Были отдельные находки развалов печей, ям и скопления поделок, участки их нахождения исследователи по совокупности материалов называли мастерскими, но все они относятся к более позднему времени.

Литература

Березкин, Соловьева 1998 – *Березкин Ю. Е., Соловьева Н. Ф.* Парадные помещения Илгынлы-депе (предварительная типология) // *АВ.* 1998. № 5. С. 86–123.

Solovyova 2000 – *Solovyova N. F.* The Wall-Painting of Ilgynly Tepe // *South Asian Archaeology 1997: Proceedings of the 14th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held in the ISIAO, Palazzo Brancaccio, Rome, 7–17 July 1997.* Rome: ISIAO, 2000. P. 453–465 (Serie Orientale Roma. 90).

Literature

Березкин, Соловьева 1998 – *Berezkin Yu. E., Solovyova N. F.* Paradny'e pomesch'eniya Ilgy'nly'-depe (predvaritel'naya tipologiya) (*The main rooms at Ilgynly-depe [a tentative typology]*) // *Arheologicheskie Vesti (Archaeological News).* 1998. No. 5. P. 86–123.

Solovyova 2000 – *Solovyova N. F.* The Wall-Painting of Ilgynly Tepe // South Asian Archaeology 1997: Proceedings of the 14th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held in the ISIAO, Palazzo Brancaccio, Rome, 7–17 July 1997. Rome: ISIAO, 2000. P. 453–465 (Serie Orientale Roma. 90).

SPECIALIZED EARLY ENEOLITHIC WORKSHOP IN THE KARAKUM DESERT

N. F. Solovyova

The Ilgynly-depe settlement, situated in the southeast of Turkmenistan at the foothills of the Koped Dag Mountains, appeared probably in the middle of the V mill. BC and has existed till ca. 3100–2900 BC. The stratigraphy of the site was studied in excavation area 3 (fig. 1). The layers unearthed here by 2014 contained the Developed Eneolithic materials. In the autumn of 2014 the remains of an earlier complex were uncovered beneath the shrine of horizon VI. This complex is distinct for its size, orientation and function, representing a specialized workshop for manufacturing small clay plastics. It can be dated to the Early Eneolithic (late Namazga I stage, turn of the V–IV–early IV mill. BC). The complex, which had survived a major repair, consisted of a room where the products were modeled, another room with a firing kiln, and a storage capacity filled with ash for drying the products. The history of the workshop can be divided into two periods: early (before the repair) – horizon VII-A, and late (after the repair) – horizons VII.

The central part of the complex is occupied by room 86, where modeling was done (fig. 2; 3, 1). Adjacent to its western wall is the capacity for drying the products (fig. 3, 2). The room with a firing kiln is built from the north (fig. 4, 1). The entrance is in the southeastern wall. The door aperture with a high figured threshold had a door on a rotating axis (fig. 4, 2). To the left of the entrance is a bipartite firing kiln, its façade is decorated with two figured pilasters. To the right of the entrance is a clay construction on a high clay base (fig. 5, 1). A painted vessel (khum) filled with ash lies on the floor in the northern corner of the room. Between the khum and the oval construction there are lower parts of cylindrical clay bases (columns?). Fragments of clay tables with low conical legs and of terracotta tables were found on the floor (fig. 5, 2). This type of furniture has never been found before at Ilgynly and neighboring sites.

The complex yielded about 1700 unfinished and defective items, intact and broken small clay objects of plastics, as well as objects that could have been used as tools for working clay. In all likelihood, the workshop supplied the whole settlement. The discovery of this specialized workshop is of great importance for the archaeology of Central Asia, because nothing of the kind has ever been found for such an early time.

ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА РАННЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА: СТРАТИГРАФИЯ И ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

Л. Б. КИРЧО

Ключевые слова: *период ранней бронзы, Южный Туркменистан, многослойные поселения, стратиграфия, хронология.*

Keywords: *Early Bronze Age, South Turkmenistan, multilayered settlements, stratigraphy, chronology.*

Стратиграфия многослойных поселений Южного Туркменистана является основой относительной периодизации археологических комплексов неолита–палеометалла Южного Туркменистана. Период ранней бронзы занимает особое место в истории развития населения юга Средней Азии. В это время здесь на базе позднеэнеолитической культуры земледельческо-скотоводческих общин конца IV–первых веков III тыс. до н. э. шел процесс формирования технико-технологической основы культуры раннегородского (протогородского) типа, приближающейся по уровню развития к древневосточным цивилизациям (Кирчо 2009: 41–43).

Впервые гончарная расписная керамика, относимая ныне к поре ранней бронзы, на территории Южной Туркмении стала известна в ходе работ американской экспедиции Р. Пампелли в 1904 г. на Южном холме Анау около Ашхабада (Schmidt 1908: pl. 34; 35, 1–7). Первые раскопки слоев периода ранней бронзы в 1930-х гг. произвел А. А. Марущенко на Ак-депе под Ашхабадом. По материалам этих работ он выделил раннюю стадию культуры Анау III, названную им шестой или ак-тепинской стадией анауской культуры, характеризующейся прежде всего сероглиняной керамикой ак-тепинского типа (Марущенко 1939: 101).

Стратиграфическое изучение крупнейшего поселения эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана Намазга-депе было предпринято XIV отрядом ЮТАКЭ под руководством Б. А. Литвинского в 1950 г. (Литвинский 1952: 37–40) и в широких масштабах продолжено Б. А. Куфтиным в 1952 г. На основании материалов этих раскопок Б. А. Куфтин установил дробную периодизацию памятников анауского типа – выделил комплексы Намазга I–VI. Материалы культуры ранней бронзы были отнесены к комплексу Намазга IV (Куфтин 1956: 266, 269). В. М. Массон при публикации датировал их серединой–второй половиной III тыс. до н. э. (Массон 1956: 302–306, 326).

В середине 1950–начале 1960-х гг. А. А. Марущенко продолжал исследования Ак-депе, А. Ф. Ганялин провел раскопки обводной стены времени ранней бронзы на Алтын-депе, а В. И. Сарияниди изучил стратиграфию поселения Хапуз-депе в древней дельте р. Теджен. В результате возросло количество материалов, были намечены хронологические и территориальные границы культуры и на основании характерной керамики (светлофонные и краснофонные сосуды

с измельченной геометрической росписью и изображениями деревьев, нерасписная светлоангобированная посуда ребристых форм, а также сероглиняные острореберные сосуды на гофрированной ножке или с процарапанным орнаментом) выделены два локальных варианта: западный (Намазга-депе, Ак-депе) и восточный (Алтын-депе, Хапуз-депе) (Массон 1966: 158, 160–162).

В дальнейшем стратиграфические колонки комплексов периода ранней бронзы были получены как в небольших шурфах и траншеях (1967 г., А. Я. Щетенко, Шор-депе, Тайчанак-депе, Гара-депе; 1968 г., И. С. Масимов, Коша-депе; 1975 г., А. Я. Щетенко, Намазга-депе), так и при раскопках на широкой площади (1964–1970 гг., В. И. Сарияниди, Хапуз-депе и Улуг-депе).¹ В. И. Сарияниди в специальной работе дал общую характеристику археологического комплекса периода ранней бронзы (Сарияниди 1976).

В 1965–1986 гг. Каракумская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством В. М. Массона исследовала второе по размерам поселение эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе в Юго-Восточном Туркменистане. В результате были изучены не только стратиграфия памятника, но и жилые, производственные, обводные и погребальные сооружения Алтын-депе времени ранней и средней бронзы (Массон 1981; Кирчо 2009).²

Наконец, с 2001 г. масштабные исследования Улуг-депе проводила француско-туркменская экспедиция под руководством О. Леконта, а в последние годы – Х. Бендесу-Суармьенто. Основные работы экспедиции были направлены на изучение материалов раннего железного века (Lecomte 2011), а стратиграфические раскопки слоев периода ранней бронзы продолжали исследования В. И. Сарияниди.

Таким образом, на территории северной подгорной полосы Копетдага известно по крайней мере 10 многослойных поселений (с запад на восток – Ак-депе, Южный холм Анау, Коша-депе, Шор-депе, Тайчанак-депе, Гара-депе, Намазга-депе, Улуг-депе, Алтын-депе и Хапуз-депе), в напластованиях которых зафиксированы культурные комплексы периода ранней бронзы (время Намазга IV). Исследования показали, что на крупных поселениях материалы этого времени залегают между слоями периода позднего энеолита (время Намазга III) и периода средней бронзы (время Намазга V). Однако стратиграфия большинства поселений изучена с разной степенью достоверности и уровня фиксации, опубликована в основном лишь предварительно и даже сведения о мощности соответствующих культурных слоев противоречивы. Рассмотрим подробнее имеющиеся данные.

Ак-депе находится на юго-западной окраине г. Ашхабада. Комплекс Ак-депе IV, отнесенный А. А. Марущенко к периоду ранней бронзы, представлен, по данным этого исследователя, остатками 9–10-ти строительных горизонтов мощностью около 7 м. Стратиграфия и относительная периодизация Ак-депе эпохи энеолита и бронзы по данным исследований А. А. Марущенко, разработкам А. А. Ляпина и раскопкам 2006–2010 гг. была нами недавно разобрана

¹ Библиографию по изучению стратиграфии памятников см. далее в тексте.

² Со второй половины 1980-х гг. экспедиция ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН в Южном Туркменистане сосредоточила свои основные усилия на изучении поселений эпохи неолита (Джейтун), среднего (Илгынлы-депе) и позднего энеолита (соответствующие слои Алтын-депе). Ныне работы на Илгынлы-депе возглавляет Н. Ф. Соловьева.

и высказано предположение, что «наиболее поздний комплекс Ак-депе <...> может относиться к последним векам III тыс. до н. э.» (Кирчо 2014б: 141), т. е. к периоду средней бронзы.

Южный холм Анау находится в 8 км к ЮВ от Ашхабада. В результате работ американской экспедиции 1904 г. расписная и сероглиняная с процарапанным орнаментом керамика периода ранней бронзы обнаружена в двух шурфах (шахтах) и на четырех раскопах (террасах) и отнесена к нижней и средней культурам Анау III (Schmidt 1908: 144, 145, fig. 192–199, pl. 15, 1–4; 16, 1, 2; 34; 35, 1–7). Мощность соответствующего культурного слоя на каждом из исследованных участков не превышала 3 м (раскоп В), а в основном составляла от 0,7 до 1,8 м (таблица).

Т а б л и ц а

**Южный холм Анау, абсолютные отметки глубин
находок керамики периода ранней бронзы**

Место находки	Расписная керамика типа позднего Намазга IV		Расписная керамика типа раннего Намазга IV		Сероглиняная керамика с процарапанным орнаментом	
Шурф А	-14 ф. 5 д.	-4,39 м	–	–	-1–2 ф.	-0,30–0,71 м
Шурф С	-16 ф.; -17 ф. 5 д.	-4,87 м; -5,31 м	–	–	-6 ф.; -12 ф.	-1,83 м; -3,66 м
Раскоп А	+27 ф.; +31 ф.	+8,23 м; +9,45 м	+27 ф.; +31 ф.	+8,23 м; +9,45 м	–	–
Раскоп В	–	–	+21 ф. 5 д.; +23 ф. 7 д; +31 ф.	+6,53 м; +7,19 м; +9,45 м	+21,5– 23,7 ф.	+6,53– 7,19 м
Раскоп С	+19 ф. 5 д. – +21 ф. 2 д.	+ 5,92– 6,45 м	+ 29 ф.; +21 ф. 2 д. – +23 ф. 2 д.	+8,84 м; +6,45– 7,06 м	+26 ф. 2 д. – +29 ф.; +23 ф. 2 д.; 26 ф. 2 д.	+7,99– 8,84 м; 7,06 м; 7,97 м
Верхний раскоп	–	–	+29–32 ф.	+8,84– 9,75 м	–	–

Обращает на себя внимание, что ранняя расписная керамика происходит из раскопов и найдена на глубине +6,45–9,75 м, а более поздняя – обнаружена преимущественно в шурфах и на гораздо большей глубине (–4,39–5,31 м). Возможно, что в шурфах были затронуты перемещенные вниз по склону мусорные слои.

Изучение Южного холма Анау было продолжено американо-туркменской экспедицией под руководством Ф. Хиберта в 1997–2000 гг. В сезоне 2000 г. в 8-м строительном горизонте раскопа AS/2 (5 × 5 м), продолжающем раскоп В экспедиции Пампелли, были начаты раскопки культурного слоя времени позднего Намазга IV и из мусорных напластований двора получена радиоуглеродная дата: 4050 ± 70 BP (Beta-144445) – 2870–2445 BC (вероятно, 2 sigma calBC) (Hiebert 2002: 5–7, fig. 11).³

³ Калибровочная программа не указана. Материалы раскопок, кроме цитируемой статьи, не опубликованы.

Коша-депе находится в 3–4 км к СЗ от ж. д. ст. Бабадурмаз Каахкинского р-на (ныне Какинский этрап). В 1968 г. для изучения стратиграфии холма в северной его части был заложен шурф размерами В–3 – 3 м, С–Ю – 2,5 м, где выявлено 3 строительных горизонта эпохи бронзы (Масимов 1968: 26–28, рис. 13; 15). Расписная керамика периода ранней бронзы типа позднего Намазга IV найдена в основном во 2-м и 3-м строительных горизонтах (XIV–середина XI яруса).⁴ Полы и заполнение строений эпохи бронзы идут наклонно (Там же: рис. 13), вероятно, постройки были возведены на древнем склоне. Шурф до материка не доведен, в XV ярусе прослежены горизонтальные натечные слои, а в XVI ярусе – слои горелой земли, по мнению И. С. Масимова, соответствующие крупному пожару, «ниже которых очевидно лежат строения 4-го строительного периода» (Там же: 26). Керамика из XV–XVI ярусов не опубликована. Таким образом, на Коша-депе зафиксированы 2 строительных горизонта позднего этапа периода ранней бронзы общей мощностью около 1,5–1,75 м.

Шор-депе находится в 5 км к СВ от ст. Баба-Дурмаз. В 1967 г. А. Я. Щетенко в восточной части холма заложил шурф 1 (5 × 3 м), доведенный до материка, в котором по первоначальному описанию автора раскопок изучено 8 строительных горизонтов (Щетенко 1968а: 26). «Расписная керамика преобладает в нижних горизонтах (8–5), тогда как верхние (4–1) <...> характеризуются в основном нерасписной посудой. Серолощенная керамика резко ограничена лишь 4–6 горизонтами» (Там же: 27). Нижние горизонты были датированы временем Намазга IV, а верхние – Намазга V (Там же).

Однако границы строительных горизонтов по вертикали в текстах А. Я. Щетенко не обозначены. Публикуемые нами рисунки расписной керамики типа позднего Намазга IV из шурфа 1967 г. (рис. 1, 25–39) также не имеют привязки к строительным горизонтам.⁵ Судя по опубликованному позднее чертежу разреза напластований шурфа (Щетенко 1970: рис. 9), в нем изучено 5 строительных горизонтов общей мощностью до 3,8 м (I–середина VIII яруса). В середине–конце VIII яруса прослежен горелый слой, а под ним (IX ярус) – плотный натечный слой и мусорные зеленоватые слои, возможно, соответствующие еще одному строительному горизонту. Материк начинается на уровне границы IX и X ярусов, причем поверхность его неровная – в X ярусе в центре разреза показана мусорная яма, а в западной части – косые зольные слои.

К сожалению, при раскопках строительных остатков верхних горизонтов Шор-депе в 1969 г. А. Я. Щетенко внес дополнительную путаницу в обозначения строительных горизонтов, произведя их перенумерацию. К горизонту 1 он отнес поверхностный слой поселения, где строительные остатки (кроме обмозок

---

⁴ Ярус (0,5 м) – условная единица, используемая при стратиграфическом изучении многослойных поселений Средней Азии. Строительный горизонт – подразделение культурного слоя поселения, вмещающее остатки строительства, функционирования и разрушения строительного комплекса, а строительный период – это отрезок времени, в который проходили эти процессы (Кирчо 1982: 88).

⁵ Таблица зарисовок предметов и керамики из шурфа Шор-депе была подготовлена для публикации А. Я. Щетенко. В его статье даже имеются ссылки на этот рисунок, обозначенный как рис. 13 (Щетенко 1968а: 26). Рисунки предметов были опубликованы в другой его работе (Щетенко 1968б: рис. 11, 1–11), а керамика публикуется нами впервые.

Рис. 1. Шор-депе, расписная керамика периода ранней бронзы: 1–24 – раскоп 1969 г. (1–12 – горизонт 2; 13–24 – горизонт 3); 25–39 – шурф 1967 г.

Fig. 1. Shor-depe, painted pottery of the Early Bronze Age: 1–24 – excavation area of 1969 (1–12 – horizon 2; 13–24 – horizon 3); 25–39 – test pit of 1967

полов) не выявлены и, соответственно, количество строительных горизонтов (периодов) было им увеличено до 9 (Щетенко 1970: 37). Соответственно, по мнению А. Я. Щетенко, к периоду средней бронзы относятся 5 горизонтов, датированные им временем раннего Намазга V (Там же: 36). Учитывая, что при раскопках 1969 г. в заполнении горизонтов 2 и 3 обнаружена немногочисленная,

измельченная и явно перемещенная расписная керамика типа позднего Намазга IV (рис. 1, 1–24 – полевые зарисовки автора данной статьи), с этой датировкой можно в целом согласиться. Однако общее количество строительных горизонтов Шор-депе вызывает сомнения. Нам представляется, что, судя по разрезу шурфа, где показаны не 8, а максимум 6 горизонтов общей мощностью 4,5 м, к периоду средней бронзы относятся напластования трех верхних горизонтов (I–середина V яруса), к которым нужно прибавить поверхностный горизонт, выявленный при раскопках 1969 г. К периоду ранней бронзы относятся 3 нижних строительных горизонта шурфа (середина V–IX ярусы) общей мощностью максимум до 2,3 м, в которых представлена многочисленная расписная керамика типа позднего Намазга IV.

Тайчанак-депе находится в 5 км к З от ж. д. ст. Артык. Расписная и сероглиняная керамика периода ранней бронзы представлена в подъемном материале (Щетенко 1968б: 21). Материалы из шурфа А. А. Марущенко 1950-х гг. на юго-западном склоне холма не опубликованы. Шурфовка и раскопки, проведенные А. Я. Щетенко в 1967–1968 гг., показали, что 2 верхних строительных горизонта относятся к периоду средней бронзы (Щетенко 1968а: 27; 1968б: 19–21).

В целом Коша-депе, Шор-депе и Тайчанак-депе представляли собой небольшой оазис мелких поселений площадью около 1 га каждое, сложившийся в период ранней бронзы.

Гара-депе находится в 5 км к СВ от ж. д. ст. Каушут. Обследование и небольшие раскопки проведены в 1967 г. А. Я. Щетенко. В шурфе 1 (2 × 2 м) глубиной 1,8 м выявлены напластования двух строительных горизонтов, на полу нижнего горизонта найдены два раздавленных расписных сосуда типа позднего Намазга III (Щетенко 1968б: рис. 6, 1, 25). В шурфе 2 (2 × 2 м) глубиной 1,5 м строительные горизонты не прослежены. В небольшом раскопе (3 × 3 м) открыты стены, сохранившиеся на высоту до 1 м. Керамика, найденная в шурфах, раскопе и на поверхности поселения, имеет прямые аналогии в материалах комплексов Намазга III и IV (Там же: 24–26, рис. 6). Вероятно, поселение прекратило свое существование в начале периода ранней бронзы.

Намазга-депе находится в 6 км к СЗ от г. Каахка. Площадь поселения превышает 35 га. Именно по результатам стратиграфического изучения этого памятника период ранней бронзы был выделен как культурно-хронологический комплекс, получивший наименование «Намазга IV». Материалы Намазга IV происходят из XII–V ярусов шурфа 1 в юго-восточной части поселения, из XVIII–VI ярусов шурфа 2 на юго-западном краю поселения, из VI–V ярусов шурфа 4 у подошвы «Холма Вышки», а также при раскопках так называемой площадки с горнами (Массон 1956: 302).

В шурфе 1 на площади 16 м² исследовано 5 последовательно сменявших друг друга строительных горизонтов периода ранней бронзы (Литвинский 1952: 37–40, 42–46, рис. 4; 6–8), тщательно зафиксированные графически. Здание Е (первая половина XII–середина X яруса) существовало в течение накопления напластований двух нижних строительных горизонтов и имело два уровня полов. Вышеележащее здание Д (первая половина X–IX ярус) имело 8 промазок полов толщиной в 23 см и 3–4 слоя штукатурки на стенах. Здание Г (середина VIII–середина VI яруса) имело многослойную штукатурку и 15 промазок полов толщиной около 28 см. Здание В занимало вторую половину

VI–V ярусов и строительными остатками в пределах шурфа представлено не было.

Керамика, найденная в здании Е, соответствующем двум строительным горизонтам, изготовлена в основном ручной лепкой и по орнаментации и формам отличается от гончарной расписной посуды вышележащих строительных комплексов. Эти наблюдения позволили Б. А. Литвинскому впервые наметить два хронологических этапа развития комплекса керамики периода ранней бронзы (Там же: 52).

Определенные сомнения вызывает мощность культурных слоев периода ранней бронзы в шурфе 2, где работы 1952 г. велись силами Сектора археологии и этнографии Института истории АН ТуркмССР (Ганялин 1956: 40; Куфтин 1956: 266). Указанная А. Ф. Ганялиным толщина культурных слоев периода ранней бронзы – 9 м (ярусы XXII–V) (Ганялин 1956: 58), как и периода позднего энеолита (Намазга III)⁶ – 5 м (ярусы XXXII–XXXIII) (Там же: 32) в свете дальнейших исследований памятников Южного Туркменистана представляется, мягко говоря, завышенной. Тем более что среди опубликованных материалов шурфа 2 (Массон 1956: табл. XXXIV–XXXVI) довольно крупный фрагмент расписного сосуда типа позднего Намазга III представлен уже в XIV ярусе (Там же: табл. XXXV, 1), а на фотографиях в публикации А. Ф. Ганялина по крайней мере 2 фрагмента также относятся к позднему энеолиту (Ганялин 1956: рис. 11, 1; 13, 8).

Тогда же, в 1952 г., Б. А. Куфтиным в 3-м строительном горизонте на «площадке с горнами» был раскопан жилой комплекс периода Намазга IV (Куфтин 1956: 263, 268–270, 277, 278, рис. 4; 10–12) и получена значительная серия керамики типа позднего Намазга IV (Массон 1956: рис. 6–8, табл. XXIX–XXXII).

В 1953, 1955–1957 гг. значительные по объему раскопки на Намазга-депе проводил отряд Института истории АН ТуркмССР под руководством А. Ф. Ганялина. Слои Намазга IV изучались в стратиграфическом раскопе. Материалы не опубликованы.

Новые стратиграфические исследования на Намазга-депе были проведены в 1975 г. Каахкинским и Палеогеографическим отрядами ЛОИА АН СССР под руководством А. Я. Щетенко и П. М. Долуханова. Стратиграфический раскоп

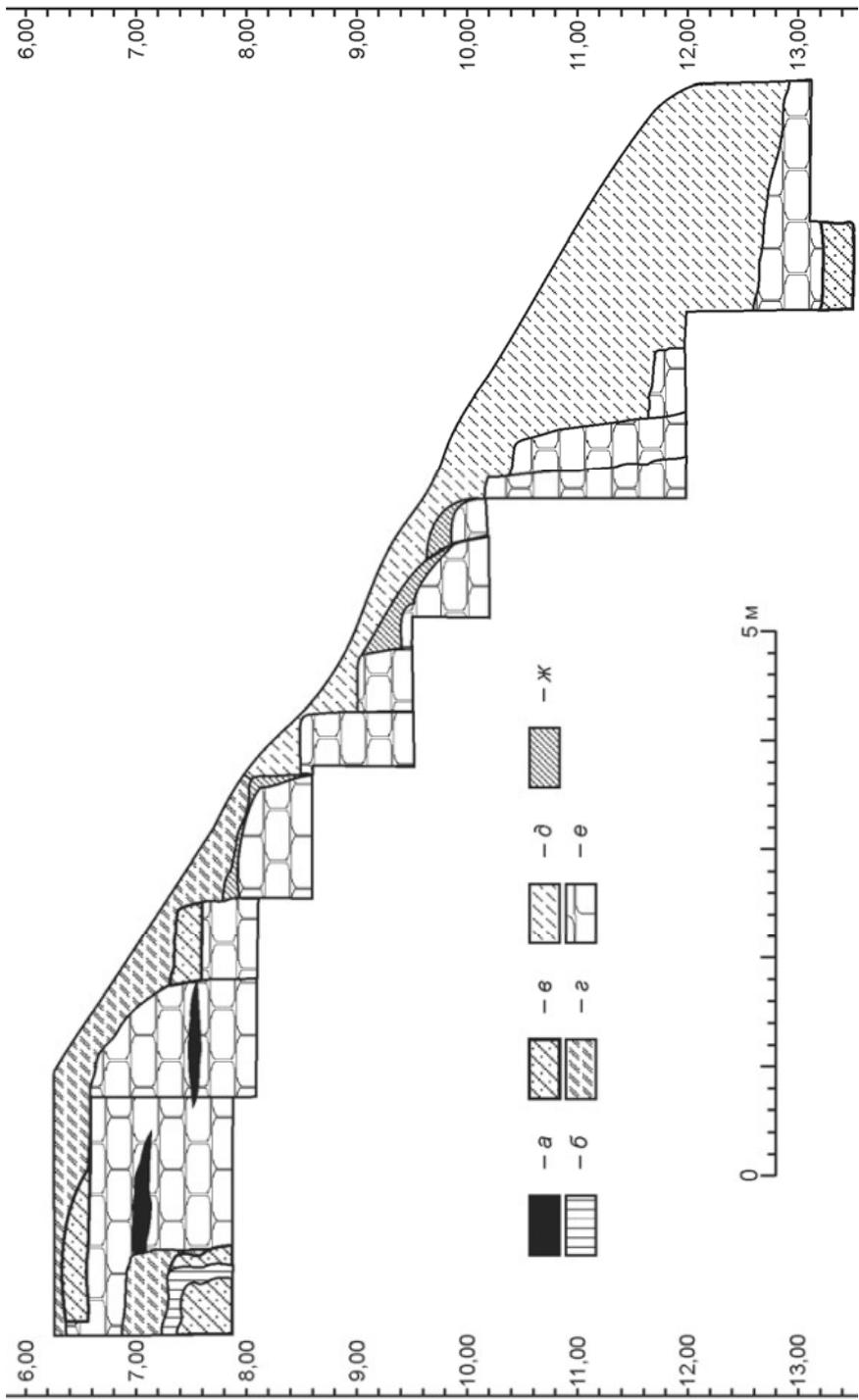

Рис. 2. «Холм Вышки» Намазга-депе, северо-западная траншея 1975 г., нижняя часть южного разреза (по НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1975 г., д. 35, л. 2): *a* – углистые прослойки; *b* – обожженный кирпич и обмазка; *в* – песчаный лесс; *г* и *д* – лессовидные отложения; *e* – кладка из сырцового кирпича; *ж* – размытый сырцовый кирпич

Fig. 2. «Vyshka» locality of Namazga-depe, northwestern trench of 1975, the lower part of the section (Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 1975, doc. 35, sheet 2): *a* – ashy interlayers; *b* – burnt bricks and plaster; *в* – sandy loess; *г* и *д* – loess-like deposits; *e* – masonry of adobe bricks; *ж* – degraded adobe bricks

---

⁶ Предложенное А. Ф. Ганялиным по материалам стратиграфического изучения Намазга-депе выделение 7, а не 6 культурно-хронологических комплексов не получило поддержки других исследователей. Мы придерживаемся общепринятой системы периодизации, в которой периоды раннего энеолита–поздней бронзы обозначены как периоды Намазга I–VI.

(траншея) был заложен на северо-западном склоне «Холма Вышки» – наиболее высокой части поселения. Керамика Намазга IV встречена на протяжении 5,8 м, начиная с отметки –7,2 м. Культурный слой Намазга IV образован остатками мощной стены толщиной до 2,2 м, которая спускается по склону уступами. Ширина уступов – от 0,4 до 2 м, верхняя часть стен сильно разрушена. Кладка стен состоит из двух-трех рядов сырцового кирпича, перемежающегося с мусорными слоями (Щетенко, Долуханов 1976: 556). Однако в опубликованной позднее статье тех же авторов приводятся несколько иные данные: «Начиная с глубины 7,0 м преобладает керамика типа Намазга IV. В основании шурфа (глубина 12,4–13,0 м) встречена керамика типа Намазга III» (Долуханов и др. 1985: 121). В то же время на вертикальном разрезе раскопа границы напластований времени Намазга IV проведены на уровне –7,2 и –12,9 м (Там же: рис. 1). К сожалению, точность фиксации материалов, вероятно, оставляла желать лучшего. На рис. 2 мы приводим профиль южного обреза этого раскопа (НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1975 г., д. 33, л. 2), который в целом соответствует публикации 1976 г. и дополнительно показывает крутизну склона древнего холма, явно укрепленного последовательными подпорными (обводными) стенами, образующими по крайней мере 6–7 уступов до «платформы» в самом низу разреза. Учитывая крутизну склона, керамика могла быть перемещена довольно значительно вниз,⁷ и, скорее всего, эта стена-«платформа» уже относится к периоду позднего энеолита. В целом, можно считать что на «Холме Вышки» Намазга-депе слои периода ранней бронзы имели толщину около 5,5 м. Из этих слоев были получены две довольно поздние радиоуглеродные даты: образец 23 (отобран на глубине 8,0–8,4 м) – 3280 ± 100 BP (R-1310) – 1780–1510 BC (по MASKA); образец 24 (отобран на глубине 8,9–9,0 м) – 3830 ± 40 BP (R-1311) – 2480–2130 BC (по MASKA).

Улуг-депе находится в 4 км к югу от ж. д. ст. Душак. Слои периода ранней бронзы изучал Геоксюрский отряд ИА АН СССР под руководством В. И. Сарияниди. В 1967 г. в северной части поселения на стратиграфическом раскопе 1 исследованы 5 строительных горизонтов периода ранней бронзы – Улуг 1А, 2, 2А, 3 и 4, а на раскопе 2 изучены плохо сохранившиеся строения периода раннего Намазга IV (Сарияниди 1967: л. 1–3). В 1968 г. материалы периода ранней бронзы были получены на раскопах 3–5 (Сарияниди 1968). На раскопе 3 на восточном склоне холма слои периода Намазга IV перекрыты 5,5-метровой толщиной наслоений развитой и поздней бронзы и раннего железа. Два строительных горизонта позднего этапа периода ранней бронзы были исследованы в XII и XIII ярусах (Там же: л. 12, 13). Строения периода ранней бронзы, частично перекрытые более поздними напластованиями, изучены также на раскопе 4 на северо-восточном склоне Улуг-депе (Там же: л. 21–23, рис. 5). На раскопе 5 – траншее 29 × 5,5 м на северном склоне холма специально изучалось оформление края поселения. Строительные остатки периода ранней бронзы, обозначенные в тексте Отчета как комплекс Улуг V, а на чертежах – как Улуг IV (Там же: л. 27–29, рис. 9 и 10), представлены напластованиями двух (судя по разрезу – трех) строительных горизонтов общей мощностью до 4,5 м.

⁷ О перемещении керамики в напластованиях многослойных поселений см. Кирчо 2000: 180, 182.

В ходе работ французско-туркменской экспедиции 2000-х гг. материалы периода ранней бронзы были получены на раскопах 1 и 5/17 (Бендесу-Суармьенто 2010: 513–515). К сожалению, пока в печати имеются лишь общие сведения об этих исследованиях, фотографии отдельных объектов и мелкие фотографии раскопов. В одной из статей О. Леконта указано, что толщина культурного слоя времени Намазга IV в северной части Улуг-депе составляет 7,5 м (Lecomte 2011: 224). Вероятно, французские коллеги объединили слои с монохромной лепной керамикой позднегеоксюрского и постгеоксюрского типов периода позднего энеолита и собственно монохромной расписной керамикой периода ранней бронзы в единый комплекс. Это, как и повторяющиеся из работы в работу датировки периодов среднего и позднего энеолита и ранней бронзы по 500 лет каждый (Намазга II – 4000–3500 гг. до н. э.; Намазга III – 3500–3000 гг. до н. э.; Намазга IV – 3000–2500 гг. до н. э.), заимствованные из книги Ф. Кола (Khol 1984: table 2), к сожалению показывает, что публикации российских археологов 1990–2010-х гг., в том числе и англоязычные, остаются иностранным коллегам практически неизвестными.

Хапуз-депе находится в 50 км к ЮВ от г. Теджен, на правом берегу р. Теджен. Стратиграфия поселения изучена В. И. Сарияниди в 1962 г. в шурфе 1 (6 × 2 м), заложенном на вершине холма и на уровне XV яруса достигшем материка. Комплекс керамики периода ранней бронзы происходит из XII–III ярусов. Причем сделанная с подправкой на гончарном круге керамика встречена, начиная с самых ранних слоев поры ранней бронзы (Сарияниди 1964: 62–63, рис. 15, 1–8; 16). На основе стратиграфической последовательности керамики Хапуз-депе В. И. Сарияниди впервые в общих чертах проследил эволюцию орнамента и форм посуды периода ранней бронзы, восходящих к предшествующему комплексу керамики периода позднего энеолита постгеоксюрского типа (Сарияниди 1976: 87–88).

Алтын-депе находится в 4–5 км к Ю от с. Меана Каахкинского р-на. Последовательность культурных слоев памятника от периода раннего энеолита до периода средней бронзы включительно изучена как в специальных стратиграфических раскопах и шурфах (Массон 1981: 10–29), так и на ряде планиграфических раскопов (Кирчо 2005б). Наиболее полно материалы периода ранней бронзы исследованы на стратиграфических раскопах 1 и 5, где культурные напластования образованы 6 строительными горизонтами общей мощностью около 4 м (Там же: 316, 317). На основе типологического анализа массовых материалов (в первую очередь расписной керамики) были выделены три этапа развития культурного комплекса времени Намазга IV (Кирчо 2005а: 512–513).

Таким образом, в настоящее время наиболее надежными остаются данные, полученные в шурфе 1 Намазга-депе Б. А. Литвинским еще в 1950 г., результаты шурфовки Хапуз-депе, проведенной В. И. Сарияниди в 1962 г., и материалы многолетних стратиграфических исследований на разных участках Алтын-депе. На этих памятниках культурные комплексы периода ранней бронзы (время Намазга IV) представлены остатками строений 5–6-ти горизонтов общей мощностью от 4 до 5 м. Хронологические рамки культуры периода ранней бронзы – около 2800/2700–2350 гг. до н. э. основаны на калиброванных радиоуглеродных датировках и на аналогиях в материалах синхронных памятников Ирана и Афганистана (Кирчо 2014а).

Литература и источники

Бендесу-Суармьенто 2010 – *Бендесу-Суармьенто Х.* Погребальный обряд и человеческие останки из городища бронзового века Улуг-Депе в Туркменистане // Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. (ред.). На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб.: Алетейя, 2010. С. 513–535 (ТМАЭ. Т. 3).

Ганялин 1956 – *Ганялин А. Ф.* К стратиграфии Намазга-тепе // Кулиев О. К. (ред.). Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Туркмен. ССР. Ашхабад: Изд-во АН Туркмен. ССР, 1956. Т. 2. С. 37–66.

Долуханов и др. 1985 – *Долуханов П. М., Щетенко А. Я., Този М.* Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазгадепе // СА. 1985. № 4. С. 118–123.

Кирчо 1982 – *Кирчо Л. Б.* Строительные горизонты среднеазиатских поселений бронзового века как археологический источник // Известия АН Туркм. ССР. Серия обществ. наук. Ашхабад: Ылым, 1982. № 3. С. 88–91.

Кирчо 2000 – *Кирчо Л. Б.* Микростратиграфия позднего энеолита Южного Туркменистана // Горбунова Н. Г., Качалова Н. К., Пиотровский Ю. Ю. (ред.). Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Б. А. Латынина. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 177–194.

Кирчо 2005а – *Кирчо Л. Б.* Заключение // Массон В. М., Березкин Ю. Е. (ред.). Хронология эпохи позднего энеолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005. С. 512–519 (Тр. ИИМК РАН. Т. 16).

Кирчо 2005б – *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия Алтын-депе // Там же. Ч. 2, гл. 1. С. 315–323.

Кирчо 2009 – *Кирчо Л. Б.* Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации): Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2009. 50 с.

Кирчо 2014а – *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия Алтын-депе и вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи палеометалла Южного Туркменистана // Молодин В. И., Епимахов А. В. (отв. ред.). Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2014. С. 349–354.

Кирчо 2014б – *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия и относительная хронология поселения эпохи энеолита–бронзы Ак-депе в Ашхабаде (по материалам раскопок А. А. Марущенко и наблюдений и разработок А. А. Ляпина) // ЗИИМК. 2014. № 10. С. 132–146.

Куфтин 1956 – *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // Массон М. Е. (отв. ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркмен. ССР, 1956. Т. 7. С. 260–290.

Литвинский 1952 – *Литвинский Б. А.* Намазга-Тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. // СЭ. 1952. № 4. С. 30–52.

Марущенко 1939 – *Марущенко А. А.* Анау: Историческая справка // Бачинский Н. М. (сост.). Архитектурные памятники Туркменистана. М.; Ашхабад, 1939. С. 97–101.

Масимов 1968 – *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в районе станции Баба-Дурмаз // КД. 1968. Вып. 2. С. 25–29, рис. 13–15.

Массон 1956 – *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Массон М. Е. (отв. ред.). Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад: Изд-во АН Туркмен. ССР, 1956. Т. 7. С. 291–372.

Массон 1966 – *Массон В. М.* Расцвет и упадок земледельцев юго-запада // Массон В. М. (отв. ред.). Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. С. 151–178.

Массон 1981 – *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с. (Тр. ЮТАКЭ. Т. 18).

Сарианиди 1964 – *Сарианиди В. И.* Хапуз-депе как памятник эпохи бронзы // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 60–65.

Сарианиди 1967 – *Сарианиди В. И.* Отчет о работах Геоксюрского отряда археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1967 г. // НОА ИА РАН, ф. 1, Р-1, д. 3615 (текст), 3615а (альбом).

Сарианиди 1968 – *Сарианиди В. И.* Отчет о работах Геоксюрского отряда археологической экспедиции ИА АН СССР на поселении Улуг-депе в 1968 г. // НОА ИА РАН, ф. 1, Р-1, д. 4354.

Сарианиди 1976 – *Сарианиди В. И.* Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Массон В. М., Атагарриев Е. (ред.). Первобытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 82–111.

Щетенко 1968а – *Щетенко А. Я.* Раскопки памятников эпохи энеолита и бронзового века в Каахкинском районе // КД. 1968. Вып. 1. С. 18–29, рис. 2–6.

Щетенко 1968б – *Щетенко А. Я.* Раскопки поселения эпохи бронзы Тайчанак-депе // КД. 1968. Вып. 2. С. 18–24, рис. 7–12.

Щетенко 1970 – *Щетенко А. Я.* Раскопки мелких поселений эпохи бронзы // КД. 1970. Вып. 3. С. 33–50.

Щетенко, Долуханов 1976 – *Щетенко А. Я., Долуханов П. М.* Раскопки на Намазга-депе в Южной Туркмении // АО 1975 года. 1976. С. 555–556.

Hiebert 2002 – *Hiebert F.* The context of the Anau seal // Sino-Platonic Papers. 2002. No. 124 (August). P. 1–34.

Kohl 1984 – *Kohl Ph. L.* Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 313 p.

Lecomte 2011 – *Lecomte O.* Ulug-depe: 4000 years of evolution between plain and desert // Historical and cultural sites of Turkmenistan. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2011. P. 220–237.

Schmidt 1908 – *Schmidt H.* The Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly R. (ed.). Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1908. Vol. 1. P. 83–210.

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1975 г., д. 35.

Literature and archive sources

Бендезу-Суармьенто 2010 – *Bendezu-Sarmiento J.* Pogrebal'ny'y obryad i chelovecheskie ostanki iz gorodisch'a bronzovogo veka Ulug-Depe v Turkmenistane (*Burial ritual*

and human remains from the bronze Age settlement of Ulug-depe in Turkmenistan) // Kozhin P. M., Kosarev M. F., Dubova N. A. (eds.). Kozhin P. M., Kosarev M. F., Dubova N. A. (eds.). Na puti otkry'tiya civilizacii (*On the track of uncovering a civilization*): A volume in honor of the 80th anniversary of V. Sarianidi. Sankt-Petersburg: Aletheia, 2010. P. 513–535 (in Russian).

Ганялин 1956 – *Ganyalin A. F.* K stratigrafii Namazga-tepe (*To the stratigraphy of Namazga-depe*) // Kuliev O. K. (ed.). Trudy Instituta istorii, arheologii i e'tnografii AN Turkmen. SSR (*Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the AS of Turkmen. SSR*). Ashgabat: AS of the Turkmen SSR, 1956. Vol. 2. P. 37–66 (in Russian).

Долуханов и др. 1985 – *Dolukhanov P. M., Shchetenko A. Ya., Tosi M.* Seriya radiouglerodny'h datirovok nasloenyi e'pohi bronzы' na Namazgadepe (*Series of radiocarbon dates for the Bronze Age layers of the Namazgadepe site*) // Sovetskaya arheologiya (SA). 1985. No. 4. P. 118–123 (in Russian).

Кирчо 1982 – *Kircho L. B.* Stroitel'ny'e gorizontы' sredneaziatskikh poseleniy bronzovogo veka kak arheologicheskii istochnik (*Building horizons of the Central Asian Bronze Age settlements as an archaeological source*) // Izvestiya AN Turkm. SSR (*Bulletin of the AS of Turkmen SSR*). Ashgabat: Ylym, 1982. No. 3. P. 88–91 (in Russian).

Кирчо 2000 – *Kircho L. B.* Mikrostratigrafiya pozdnego e'neolita Yujnogo Turkmenistana (*Microstratigraphy of the Late Eneolithic of South Turkmenistan*) // Gorbunova N. G., Kachalova N. K., Piotrovsky Yu. Yu. (eds.). Sud'ba uchenogo (*The fate of a scholar*): To the 100th anniversary of the birth of B. A. Latynin. St. Petersburg: State Hermitage. 2000. P. 177–194 (in Russian).

Кирчо 2005a – *Kircho L. B.* Zaklyuchenie (Conclusion) // Masson V. M., Berezkin Yu. E. (eds.). Hronologiya e'pohi pozdnego e'neolita–sredney bronzы' Sredney Azii (pogrebeniya Alty'n-depe) (*The chronology of the Late Eneolithic–Middle Bronze Ages in Central Asia [Burials of Alty'n-depe]*). Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2005. P. 512–519 (Proceedings of IHMC RAS. Vol. 16) (in Russian).

Кирчо 2005b – *Kircho L. B.* Stratigrafiya Alty'n-depe (*The Stratigraphy of Alty'n-depe*) // Ibid. Pt. 2, chapter 1. P. 315–323 (in Russian).

Кирчо 2009 – *Kircho L. B.* Formirovanie drevneyshego protogorodskogo centra bronzovogo veka Sredney Azii (processы' kul'turnoy i tehniko-tehnologicheskoy transformacii) (*Formation of the oldest proto-urban center in the bronze Age of Central Asia [processes of cultural and technological transformation]*): Doctor of historical sciences dissertation abstract. St. Petersburg: IHMC RAS, 2009. 50 p.: Avtoref. ... dis. d-ra ist. nauk. Sankt-Petersburg: IHMC RAS, 2009. 50 p. (in Russian).

Кирчо 2014a – *Kircho L. B.* Stratigrafiya Alty'n-depe i voprosы' periodizacii i hronologii pamyatnikov e'pohi paleometalla Yujnogo Turkmenistana (*Stratigraphy of Alty'n-depe and the questions of periodization and chronology of the Early Metal period sites in South Turkmenistan*) // Molodin V. I., Epimakhov A. V. (eds.). Arii stepey Evrazii: e'poha bronzы' i rannego jeleza v stepyah Evrazii i na sopredel'ny'h territoriyah (*The Arians of the Eurasian steppes: the Bronze and Early Iron Ages in the steppes of Eurasia and contiguous territories*): E. Kuzmina Memorial Volume. Barnaul: ASU Press, 2014. P. 349–354 (in Russian).

Кирчо 2014b – *Kircho L. B.* Stratigrafiya i otnositel'naya hronologiya poseleniya e'pohi e'neolita–bronzы' Ak-depe v Ashhabade (po materialam raskopok A. A. Marusch'enko i na-

blyudenyi i razrabotok A. A. Lyapina) (*Stratigraphy and chronology of the Eneolithic–Bronze Age settlement of Ak-depe in Ashgabat [based on the materials from A. A. Marushchenko's excavations, as well as A. A. Lyapin's observations and considerations]*) // Zapiski IIMK (*Transactions of IIMK*). 2014. No. 10. P. 132–146 (in Russian).

Куфтин 1956 – *Kuftin B. A. Polevoy otchet o rabote XIV otryada YUTAKE` po izucheniyu kul'tury` pervoby`tno-obshch`inny`h osedlozemledel`cheskih poseleniy e`pohi medi i bronzy` v 1952 g. (Field report of the work of the XIV Detachment of the STACE devoted to the study of primordial sedentary farming Copper and Bronze Age settlements in 1952)* // Masson M. E. (ed.). *Trudy YUTAKE (Proceedings of the STACE)*. Ashgabat: AS of Turkmen SSR, 1956. Vol. 7. P. 260–290 (in Russian).

Литвинский 1952 – *Litvinsky B. A. Namazga-Tepe po dannym raspokop 1949–1950 gg. (Namazga-depe in the light of the 1949–1950 excavations)* // *Sovetskaya e`tnografiya (Soviet ethnography)*. 1952. No. 4. P. 30–52 (in Russian).

Марущенко 1939 – *Marushchenko A. A. Anau: Istoricheskaya spravka (Anau: Historical background)* // *Bachinskiy N. M. (compiler). Arhitekturny`e pamyatniki Turkmenistana (Architectural monuments of Turkmenistan)*. Moscow; Ashgabat, 1939. P. 97–101 (in Russian).

Масимов 1968 – *Masimov I. S. Study of the Bronze and Early Iron Age sites in the vicinity of Baba-Durmaz* // *Karakumskie drevnosti (KA)*. 1968. Vol. 2. P. 25–29, fig. 13–15 (in Russian).

Массон 1956 – *Masson V. M. Painted pottery of South Turkmenistan from B. A. Kuftin's excavations* // Masson M. E. (ed.). *Trudy YUTAKE (Proceedings of the STACE)*. Ashgabat: AS of Turkmen SSR, 1956. Vol. 7. P. 291–372 (in Russian).

Массон 1966 – *Masson V. M. Rascvet i upadok zemledel`cev yugo-zapada (Rise and decline of land cultivators in the south-west)* // Masson V. M. (ed.). *Srednyaya Aziya v e`pohu kamnya i bronzy` (Central Asia in the Stone and Bronze Age)*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. P. 151–178 (in Russian).

Массон 1982 – *Masson V. M. Alty`n-depe (Altyn-Depe)*. Leningrad: Nauka, 1981. 176 p. (*Proceedings of the STACE*. Vol. 18) (in Russian).

Сарианиди 1964 – *Sarianidi V. I. Napuz-depe kak pamyatnik e`pohi bronzy` (Khapuz-depe as a Bronze Age site)* // *Kratkie soobsh`eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1964. Vol. 98. P. 60–65 (in Russian).

Сарианиди 1967 – *Sarianidi V. I. Otchet o rabotah Geoksyurskogo otryada arheologicheskoy e`kspedicii Instituta arheologii AN SSSR v 1967 g. (Report of the works of the Geoksyur Detachment of the archaeological expedition from the IA of the AS of the USSR in 1967)* // Scholarly archive of the IA RAS, f. 1, P-1, doc. 3615 (text), 3615a (album) (in Russian).

Сарианиди 1968 – *Sarianidi V. I. Otchet o rabotah Geoksyurskogo otryada arheologicheskoy e`kspedicii IA AN SSSR na poselenii Ulug-depe v 1968 g. (Report of the works of the Geoksyur Detachment of the archaeological expedition from the IA of the AS of the USSR at the settlement of Ulug-depe in 1968)* // Scholarly archive of the IA RAS, f. 1, P-1, doc. 4354 (in Russian).

Сарианиди 1976 – *Sarianidi V. I. Material'naya kul`tura Yujnogo Turkmenistana v period ranney bronzy` (Material culture of South Turkmenistan in the Early Bronze Age)* // Masson V. M., Atagarryev E. (eds.). *Pervoby`tny`y Turkmenistan (Primordial Turkmenistan)*. Ashgabat: Ylym, 1976. P. 82–111. (in Russian).

Щетенко 1968a – *Shchetenko A. Ya.* Raskopki pamyatnikov e`pohi e`neolita i bronzovogo veka v Kaahkinskom rayone (*Excavations of the Eneolithic and Bronze Age cemeteries in the Kaakhka district*) // *Karakumskie drevnosti (KA)*. 1968. Vol. 1. P. 18–29, fig. 2–6 (in Russian).

Щетенко 1968б – *Shchetenko A. Ya.* Raskopki poseleniya e`pohi bronzы` Taychanak-depe (*Excavations of the Bronze Age settlement of Taichanak-depe*) // *Karakumskie drevnosti (KA)*. 1968. Vol. 2. P. 18–24, fig. 7–12 (in Russian).

Щетенко 1970 – *Shchetenko A. Ya.* Raskopki melkih poseleniy e`pohi bronzы` (*Excavations of small Bronze Age settlements*) // *Karakumskie drevnosti (KA)*. 1970. Vol. 3. P. 33–50 (in Russian).

Щетенко, Долуханов 1976 – *Shchetenko A. Ya., Dolukhanov P. M.* Raskopki na Namazga-depe v Yujnoy Turkmenii (*Excavations at Namazga-depe in South Turkmenia*) // *Arheologicheskie otkry`tiya 1975 goda (AD of 1975)*. 1976. P. 555–556 (in Russian).

Hiebert 2002 – *Hiebert F.* The context of the Anau seal // *Sino-Platonic Papers*. 2002. No. 124 (August). P. 1–34.

Kohl 1984 – *Kohl Ph. L.* Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984. 313 p.

Lecomte 2011 – *Lecomte O.* Ulug-depe: 4000 years of evolution between plain and desert // *Historical and cultural sites of Turkmenistan*. Ashgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2011. P. 220–237.

Schmidt 1908 – *Schmidt H.* The Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly R. (ed.). *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment*. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1908. Vol. 1. P. 83–210.

Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 1975, doc. 35

EARLY BRONZE AGE SETTLEMENTS OF SOUTH TURKMENISTAN: STRATIGRAPHY AND PROBLEMS OF CHRONOLOGY

L. B. Kircho

At least 10 multilayered settlements with Early Bronze Age assemblages (Namazga IV period) are known now at the northern foothill of Kopet Dag (from west to east: Ak-depe, Southern hill of Anau, Kosha-depe, Shor-depe, Taichanak-depe, Gara-depe, Namazga-depe, Ulug-depe, Altyn-depe and Khapuz-depe). As has been shown by stratigraphic studies, in most big settlements the materials of this time occur between the Late Eneolithic (Namazga III period) and Middle Bronze Age (Namazga V period) cultural layers. However, the degree of reliability of the stratigraphic data varies, and for many sites only preliminary descriptions are available. For the time being, the most reliable is the data obtained by B. A. Litvinsky from test pit 1 of Namazga-depe as early as 1950, the results of testing of Khapuz-depe carried out by

---

V. I. Sarianidi in 1962, and the materials of long-term studies conducted in different areas of Altyn-depe. In all of these sites the assemblages of the Early Bronze Age (Namazga IV time) are represented by remains of building horizons 5 and 6, which are 4–5 m thick. The chronological boundaries of the Early Bronze period are from ca. 2800/2700 to ca. 2350 years BC, as is indicated by both calibrated radiocarbon dates and analogies with the synchronous assemblages known in Iran and Afghanistan.

АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ НА КУБКЕ ИЗ КЛАДА В ЦАРСКОМ НЕКРОПОЛЕ ГОНУР-ДЕПЕ¹

Р. М. САТАЕВ, Л. В. САТАЕВА

Посвящается памяти Виктора Ивановича Сарияниди

Ключевые слова: *Туркменистан, бронзовый век, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, сфрагистика, рельефные изображения животных и растений.*

Keywords: *Turkmenistan, Bronze Age, Bactria-Margiana archaeological complex, sphragistics, relief images of plants and animals.*

В 2004 г. при раскопках царского некрополя Гонур-депе (Южный Туркменистан), у южной стенки многокамерной гробницы 3235, под полом на глубине 0,85 м одной из камер был обнаружен клад из 2 золотых, 3 серебряных и 2 бронзовых сосудов (Сарияниди 2006: 246). Руководитель раскопок В. И. Сарияниди отметил, что «среди серебряных сосудов самый примечательный – конический кубок с рельефным изображением разных животных, выполненный на высочайшем художественном уровне» (Сарияниди 2008: 175) (рис. 1). Из-за толстого слоя окислов изображение просматривается только на внутренней поверхности кубка (рис. 2, 1). Сама композиция многоплановая, выполнена в технике высокого рельефа (Сарияниди 2006: 246). Она включает реалистические изображения животных: быка, льва, оленя, козла, барана, выдры (?), медведя, волка, зайца, рыб, а также стилизованные изображения растений: дерева с пирамидальной кроной (повторяется трижды) и травянистого растения с нераскрывшимся бутонем или плодом на длинном стебле.

Обращает на себя внимание, что сцена на кубке, найденном в пустыне вдали от горных хребтов, разворачивается в горах. «Создается впечатление, что горный пейзаж – это дань древней традиции, в то время как основные персонажи мастер наблюдал вокруг себя на новой родине» (Сарияниди 2008: 176). Позднее в устной беседе Виктор Иванович высказал сомнение в отношении «пустынной» версии, предполагая, что горы, изображенные на кубке, это Копетдаг или Загрос, не исключая и другие варианты.

Рис. 1. Гонур-депе, серебряный кубок из гробницы 3235, общий вид и внутренняя поверхность после первичной реставрации (фото Н. А. Дубовой, 2005 г.)

Fig. 1. Gonur-depe, silver beaker from tomb 3235, general view and inner surface after basic restoration (photo by N. A. Dubova, 2005)

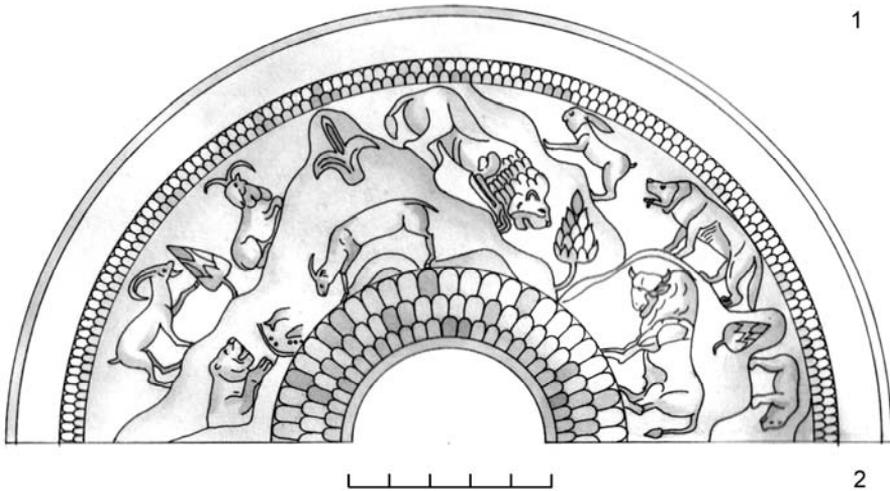
---

¹ Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ, проект 13-06-00233.

1

2

Рис. 2. Гонур-депе, серебряный кубок из гробницы 3235: 1 – часть внутренней поверхности (фото Н. А. Дубовой, 2005 г.); 2 – прорисовка анималистической сцены (рисунок А. Шайымовой)

Fig. 2. Gonur-depe, silver beaker from tomb 3235: 1 – part of the inner surface (photo by N. A. Dubova, 2005); 2 – animalistic scene (drawing by A. Shaiymova)

Реалистичность переданных образов вызывает вопросы: имеется ли реальное основание этой сцены или она является результатом художественного замысла, когда персонажи и декорация специально подобраны мастером? Если верно первое предположение, в таком случае животные – участники сцены – должны были бы вместе встречаться в какой-то реально существующей местности, а район совпадения их ареалов, возможно, и будет в широком понимании тем местом, где были «подсмотрены» описываемая сцена или составляющие ее натурные объекты. Если принимать второе предположение, тогда имеет место искусственное сочетание видов, связанных друг с другом лишь идеей мастера. Принимая во внимание, что композиция на кубке могла отражать определенные мифологические представления носителей культуры, в недрах которой он был произведен, в наших дальнейших рассуждениях растения и животные будут оцениваться и как биологические объекты, и как биоморфные образы.

Исходя из вышесказанного, мы поставили своей целью выяснить, могла ли иметь описываемая сцена реальное историческое основание. В виде рабочей гипотезы было принято предположение, что композиция отражает действительную природную ситуацию и, следовательно, может быть пространственно локализована. Поэтому сцена на кубке рассматривалась как источник историко-культурной информации, в частности, свидетельства торговых и культурных связей населения Гонурского оазиса с другими регионами. В связи с этим решались три основные задачи: идентификация изображений животных и растений, определение ареалов распространения их прототипов в интересующий хронологический период (III–II тыс. до н. э.) и локализация области вероятного перекрывания ареалов изображенных животных.

Поскольку само серебряное изделие достаточно хрупкое и находится в музейной экспозиции,² анализ изображения проводился по развернутой в плоскости точной гипсовой рельефной копии, снятой с оригинала А. Ниязмухаммедовой (Шайымовой) и отлитой А. И. Нечвалодой (прорисовку см. на рис. 2, 2).

Несмотря на значительное число персонажей анималистической композиции на гонурском кубке, центральное место в ней занимают сцена с бодающим пирамидальное дерево быком и приготовившимся на него напасть львом. Такой мотив известен для Древней Маргианы. Сцена с бодающим дерево быком и нападающим на него хищником кошачьего вида лучше всего представлена на печати с памятника Таип-I (Sarianidi 1998: 321, no. 1776), где она повторяется дважды. Отметим, что самих животных точнее идентифицировать сложно. Однако массивное сложение животного, его крупная голова с загнутыми вверх рогами и подчеркнuto мощным горбом более характерны для зубра, чем, например, для зебу, который также имеет выраженный горб на холке, но другую конституцию, в частности, рога зебу отходят назад, коротки и почти не загнуты.

Рассмотрим представленные в композиции растительные объекты. Все они изображены схематично, в виде фитоморфов, что может говорить о хорошей узнаваемости и широком распространении этих символов. Дерево пирамидальной формы встречается на кубке три раза, что, несомненно, указывает на значи-

---

² В настоящее время кубок экспонируется в Музее изобразительных искусств Туркменистана.

мость образа. Безусловно, это одна из форм отображения «мирового дерева», как и трактует его В. И. Сарияниди (2008: 175). Подобные изображения хорошо известны на Ближнем Востоке и соседних регионах. На цилиндрической печати из Месопотамии (Francfort 2010: 72, fig. 6) и бактрийском сосуде из коллекции Лувра (Крюкова 2012: 225, рис. 12) они аналогичны гонурскому. Встречается изображение пирамидального дерева и в материалах самого Гонура. Такое «мировое древо», с парой наlepных козлов по обеим сторонам, процарапано на цилиндрическом сосуде, обнаруженном на некрополе (Сарияниди 2001: 49, рис. 15). «Деревья» треугольной формы отмечены на черепке с Южного Гонура, а «листовидной» формы – на черепке с раскопа 12 Северного Гонура. Изображения деревьев пирамидальной формы встречены в целом ряде элитарных погребений Гонура, в частности, в гробнице 3220. Возможно, данный образ присутствует и в составе композиции фигурки «богини растительности» (Дубова 2004: 272, рис. 31).

Прототипами подобной формы «мирового древа», по нашему мнению, являются хвойные породы – можжевельник, кипарис, кедр. В мифологии образы этих деревьев часто смешаны и, по-видимому, взаимозаменяемы. По мнению В. К. Афанасьевой, «кедр», фигурирующий в «Эпосе о Гильгамеше», в действительности был гигантской разновидностью можжевельника (Афанасьева 1979: 93). Так описывает главный герой это дерево: «Тому дереву не было равных в мире! Шесть гаров³ ты высотой, два гара ты шириною» (Эпос о Гильгамеше 1961: 47). Представления о можжевельнике, кедре, кипарисе и других сходных растениях, отраженные в ритуальной практике, основываются на таких их свойствах, как вечнозеленость, особый бальзамический запах, особенно при сжигании (Топоров 1992: 164). Древовидные можжевельники, достигающие 10–15 м высоты, являются характерными представителями растительности Средиземноморья, Передней и Центральной Азии, отдельные их виды занимают горные склоны от их подножия до самых вершин, поднимаясь на высоту до 4000 м (Мхи. Плауны... 1978: 395). Широкое распространение самих можжевельников, в том числе древовидных, и художественного образа этого дерева в культуре народов, населявших обширные пространства, не позволяют использовать его как географический репер. Можно лишь заметить, что описанная выше форма изображения характерна для ближневосточной традиции в широком ее понимании.

Сложнее интерпретировать образ травянистого растения, поскольку особенности исполнения композиции не позволяют оценить даже относительные размеры растения – на изображении они не уступают таковым «можжевельника». Обращают на себя внимание мощный стебель, заканчивающийся овальной формы бутонem или плодом, и симметрично отходящие в стороны от основания крупные листья с подчеркнутым параллельным жилкованием. В. И. Сарияниди (2006: 246) полагал, что это мак. С маком фитоморф как будто сближает расположенный на вертикальном стебле овальный «бутон» или плод «коробочка». В случае сложности идентификации растений на изображениях как отличитель-

---

³ Гар (GAR) – шумерская мера длины, равная 2 тростникам (около 6 м). Встречается с конца III тыс. до н. э. (Вайман 1961: 49).

ный признак можно использовать форму листьев (Абдуллаев 2009: 39). Листья растения, изображенного на кубке, хорошо отличаются от широких, зубчатых листьев мака и более всего соответствуют листьям тюльпана. В виде овала также могло быть изображение бутона или плода тюльпана («коробочки»). Вероятно, на сосуде изображено растение, цветущее уже не первый год – с каждым годом высота растения и размеры бутона увеличиваются. Род тюльпан (*Tulipa*) насчитывает по разным источникам от 100 до 140 видов, распространенных в Евразии и Северной Африке и растущих как на равнине, так и во всех поясах гор (Цветковые растения 1982: 77). Добавим, что на Гонур-депе выявлены различные изображения цветков тюльпана, но не исключено, что часть фитоморфов на амuleтах и печатях Древней Бактрии и Маргианы отображает нераспустившиеся или отцветшие тюльпаны. Однако, как и в случае с «можжевеликом», отнесение описываемого образа к «тюльпану», имеющему широкий ареал распространения, в том числе и образа в культуре, не несет интересующей нас информации.

Как уже было отмечено, некоторые изображенные животные хорошо узнаваемы и не требуют пояснений, например волк и медведь. Ареал волка очень широк, волк обитает и обитал практически во всех природных зонах Евразии. Бурый медведь распространен в северной части континента, а также обитает на Кавказе и в горах Средней Азии. В материале из раскопок Гонур-депе нами был определен изолированный зуб бурого медведя. Однако эта находка пока остается единственной, других свидетельств распространения этого зверя в пустынях Средней Азии в эпоху бронзы пока нет. Вероятнее всего, зуб происходит от головы (черепа) медведя или шкуры медведя с головой, которая могла попасть на Гонур из соседних горных районов. В целом, остатки диких млекопитающих на памятнике малочисленны. Кроме зуба медведя здесь встречены кости степного барана-уриала, а также джейрана, кулана, шакала, корсака, афганской лисицы, зайца-толая и обработанные рога благородного оленя (Сатаев 2008: 146; Сатаев, Сатаева 2012: 57).

В отношении зайца можно предположить, что на кубке изображен заяц-русак, на что указывают массивное сложение по сравнению с мелким, тонконогим и более длинноухим зайцем-толаем, сравнительно длинные ноги и умеренно длинные уши по сравнению с относительно коротконогим и короткоухим зайцем-беляком. В настоящее время заяц-русак населяет Европу, Кавказ и Закавказье, Северо-Западный Казахстан и юг Сибири (Млекопитающие СССР 1970: 242). Находки остатков этого вида на памятниках бронзового века Средней Азии отсутствуют и, по всей видимости, в интересующее нас время заяц-русак здесь не обитал.

Относительно видовой идентификации других животных необходимо дать ряд пояснений. Как мы уже отмечали, одним из наиболее ярких образов переднего плана является фигура быка. Животное показано в статичной позе с наклоненной головой. Зверь отличается массивной передней частью, с хорошо выраженной горбатой холкой, низко посаженной крупной короткой головой. Рога сравнительно короткие, отходят в стороны, загибаясь вверх и несколько внутрь. На нижней челюсти показана борода, на груди – подвес из волос, на шее и холке – пышная грива. Ноги животного относительно короткие, хвост длинный, с кисточкой на конце. Все эти признаки позволяют опознать в данном персонаже

зубра (*Bison bonasus*). Тура (*Bos primigenius*), исчезнувшего в Европе в первой половине XVII в., описывают как высоконогого быка, с прямой спиной, высоко посаженной головой с длинными рогами. Разнообразные изображения тура встречаются достаточно часто еще с палеолита, поэтому внешний вид вымершего быка хорошо известен. Поэтому единственным кандидатом на роль быка в исследуемой сцене мы определяем зубра.

В голоцене зубр обитал от Атлантического побережья на западе до Западной Сибири на востоке. Южной границей распространения зубра считается Закавказье. Находки костей зубров разного возраста известны из различных районов Северного Кавказа и Закавказья (Осетия, Дигория, Армения, Грузия, Азербайджан). Этот факт позволяет сделать заключение, что зверь обитал в этом регионе на протяжении почти всего голоцена (Данилкин 2005: 33). Возможно, что в ранние фазы голоцена на севере евразийских степей могли сохраниться реликтовые популяции первобытного бизона (*Bison priscus*). Однако палеозоологические данные об обитании зубра или других представителей рода *Bison* в среднем голоцене на юге Средней Азии, а также на территории Афганистана, Ирана и Междуречья отсутствуют. Указание на то, что основными объектами охоты населения неолитического поселения Чейюню-тепеси, расположенного в Малой Азии, были зубр и благородный олень (Массон 1989: 36), вероятнее всего, связано с ошибкой перевода, поскольку в приведенном Р. Мидоу списке-сводке с перечислением животных, чьи остатки были обнаружены при раскопках Чейюню-тепеси, присутствует не бизон-зубр, а тур (*Bos primigenius* – «aurochs»; см. Meadow 1986: 268). Так, в сообщении П. П. Жоглекара, посвященном результатам изучения остатков животных из раскопок поселения Тахирбай 1 (Юго-Восточные Каракумы, Туркменистан), в отношении дикого быка-тура (*Bos primigenius*) также используется название «aurochs» (Joglekar 1998: 117), что может быть переведено и как «зубр». А.-П. Франкфор (Frankfort 2004: 188), проведя анализ изображений быков на предметах Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее – БМАК), часть которых он определил как «бизоны», предполагает, что иранские художники видели зубров, притом именно в горной местности. Ссылаясь на мнение Р. Мидоу, он полагает, что отсутствие археозоологических доказательств обитания «бизонов» на Ближнем Востоке в III тыс. до н. э. связано со сложностью видовой дифференциации костных остатков представителей родов *Bos* и *Bison*, и ревизия археозоологических материалов из памятников этого региона позволит выявить здесь остатки «бизонов» (Ibid.: 189). Эти соображения, безусловно, заслуживают пристального внимания, однако прямые доказательства этому, т. е. находки костей «бизонов», пока отсутствуют.

К тому же из изображений «бизона», приведенных А.-П. Франкфором, только бычья голова, украшающая серебряную трубу из Хош-тепа (Афганистан) (Ibid.: 185, fig. 3), и рельеф на чаше из Суз (Ibid.: 186, fig. 5) можно уверенно отнести к бизонам, все остальные принадлежат быкам – либо туру (*Bos primigenius*), либо крупным домашним формам (*Bos taurus*).

Существует точка зрения (Moorgart 1940: 13), что образ зубра появляется на месопотамских печатях лишь со «ступени Мескаламдуга», т. е. после 2500 г. до н. э., – до этого времени на печатях фигурировал бык (*Bos*), а реалистическое изображение зубра входит в практику в аккадский период (Voehmer 1965: 43).

В. К. Афанасьева (1979: 50) предполагает, что образ человека-быка, который нередко ассоциируется с «зубром-бизоном», был заимствован шумерами у эламитян. Добавим, что именно в Сузах обнаружены наиболее выразительные изображения «зубра», это уже упомянутая выше чаша, а также статуэтка из черного известняка (Vreuil 1909: 252). Основная же масса ближневосточных изображений быков принадлежит представителям рода *Bos* (дикой или домашней форме), и даже при наличии бород они приделаны к мордам туров (Афанасьева 1979: 54). Можно предположить, что во второй половине III тыс. до н. э. или несколько раньше зубры проникали на территорию Элама, где их могли видеть местные жители. Однако, по всей видимости, их появление здесь было кратковременным, животные были немногочисленны и практически не добывались местным населением – с чем может быть связано отсутствие остатков этого вида в археозоологических коллекциях памятников.

На гонурском кубке зубр изображен с опущенной головой и приподнятым хвостом. Поднятый хвост – признак возбуждения зверя, припадении зубр также поднимает хвост (Данилкин 2005: 54, 56). Примечательно, что зубр смотрит в сторону одного из пирамидальных деревьев, которое мы определили как можжевельник. Заметим, что зубры предпочитают маркировать хвойные деревья, запах которых, по-видимому, их возбуждает, звери при этом бодают деревья и кусты, взрыхляют почву рогами и как бы разметаю ее бородой (Там же: 56). Этот факт вряд ли можно считать случайностью. Автор изображения должен был хорошо знать повадки животного и позу, которую он принимает при возбуждении. Заметим, что и на чаше из Суз изображен «бык-бизон» в сочетании со стоящим на горе хвойным деревом. Однако изображение выполнено в характерной для Элама традиции: животное хотя вполне узнаваемо, но стилизовано согласно местным канонам и имеет мало общего с реалистическим образом зубра на гонурском кубке, что может свидетельствовать о слабом знании авторами оригинала и использовании лишь видомакирующих штампов.

Лев на гонурском кубке изображен в позе подготовки к прыжку и хорошо узнаваем. В древности персидский подвид льва был распространен в Греции, Малой Азии, Сирии, Аравии, Ираке, Иране, Афганистане и Пакистане. В Закавказье этот подвид просуществовал до X в., а в настоящее время эта форма встречается лишь в Индии (Каталог млекопитающих СССР 1981: 281). Не исключено, что азиатский лев заходил и в пустыни Средней Азии, но палеозоологических подтверждений этому нет.

Из-за сохранности и неполноты изображения на слепке несколько сложнее идентифицировать видовую принадлежность зверя, подкрадывающегося к водоему. Первоначально В. И. Сариниди считал его изображением тигра (или львицы), затаившегося у водопоя в ожидании жертвы (Сариниди 2006: 246). Кроме «кошачьей» версии можно предположить, что это животное является выдрой. Отметим, что культ выдры был широко распространен в Евразии и засвидетельствован Авестой (Крюкова 2012: 226). Ареал выдры очень широк, отмечают ее и в ряде районов Средней Азии, в частности, в Туркменистане выдра распространена на Копетдаге и по р. Атрек до устья, по р. Теджену, р. Кушке (Соколов 1979: 183).

Животное, которое мы определяем как оленя, представлено на анализируемом сосуде во время водопоя. Оно имеет стройное удлиненное тело, вытянуто

голову, тонкие ноги и шею, короткий, но заметный хвост. От антилоп, в частности джейрана, зверь отличается удлинённым телом, шеей и головой, а также коротким хвостом (у джейрана хвост сравнительно длинный). От лани и косули, кроме общих пропорций, оно отличается хвостом: в первом случае хвост относительно длиннее, во втором – хвост очень короткий и практически незаметен. Форма рогов из-за слоя окислов почти не просматривается. Вероятно, за загнутые назад рога (характерные для антилоп), присутствующие на первой и пока единственной прорисовке анималистической сцены (рис. 2, 2) (Сарианиди 2006: 256, рис. 111), принимались неровности окисленной поверхности. Возможно, учитывая общую грацильность животного, на кубке изображена безоаровая самка оленя. В голоцене благородный олень был широко распространён практически по всей Северной Евразии, включая Кавказ, Среднюю Азию, Малую Азию, Иран, Афганистан (Млекопитающие СССР 1970: 210; Соколов 1979: 388; Данилкин 1999: 415).

Отметим также изображение отдыхающего барана. Невыраженный, а лишь отмеченный в виде небольшого бугорка хвост позволяет отнести описываемого зверя именно к баранам (у козлов хвост длиннее и хорошо заметен). Обращает на себя внимание форма рогов животного: они сравнительно тонкие в основании, отходят от головы в стороны, загибаясь назад и вниз. Учитывая, что состав рода *Ovis* до сих пор остается дискуссионным (Данилкин 2005: 324), по-видимому, можно лишь констатировать принадлежность животного к одной из форм аргалиобразных баранов *Ovis ammon*, имеющих широкое распространение.

Другой персонаж – козел, трогаящий копытом передней ноги «мировое древо», хорошо узнаваем. Длинные, саблевидно изогнутые, слабо расходящиеся назад рога со следами бугров по переднему краю, а также выраженная борода выдают в нем безоарового козла. Безоаровый козел в настоящее время распространён в горах Малой Азии, Иранского нагорья, Южного Туркменистана и на Кавказе (Павлинов и др. 2002: 251).

Переходя к итогам нашего анализа, напомним основные зооморфные мотивы, представленные на Гонур-депе. Наиболее распространёнными являются изображения козлов, им несколько уступают образы баранов, быков, двугорбых верблюдов, кошачьих хищников, реже встречаются изображения кабана и лошади. Изображения слона, зайца, волка, собаки, джейрана, сайгака, модели панцирей черепах встречены единично (Сарианиди 1992; 2001; 2006; 2008; Дубова 2004; Sarianidi 1998; Sarianidi, Dubowa 2013). Кроме того, на памятнике имеются многочисленные самостоятельные или, чаще, в составе композиций реалистические и стилизованные изображения птиц, змей и скорпиона. Таким образом, большинство персонажей сцены на кубке отнюдь не относится к числу популярных на Гонур-депе и БМАК образов, а в составе обсуждаемой анималистической сцены мы не наблюдаем характерных пустынных видов – верблюда, джейрана или кулана.

На основании приведенных соображений можно сделать вывод, что все персонажи анималистической сцены могли совместно встречаться лишь на Кавказе (по палеозоологическим данным зубр и заяц-русак не обитают и не обитали в голоцене на территории Ближнего Востока и Средней Азии). Мы считаем, что композиция, украшающая кубок, обнаруженный на Гонур-депе, отражает впол-

не реальную природную ситуацию, существовавшую в III–II тыс. до н. э. на Кавказе. Это, в свою очередь, может являться свидетельством существования каких-либо контактов между населением Гонура и Кавказского региона. Косвенным свидетельством связей жителей Гонур-депе с Кавказом является черенок бронзовой лопаты (погребение 3900), изготовленный из древесины скумпии кожанной (*Cotinus coggygia*), которая в естественном виде на территории Средней Азии не произрастает, а ее ареал включает на западе Средиземноморье, Крым, Кавказ, Малую Азию, а на востоке – Китай и Гималаи (Сатаева, Сатаев 2012: 161). Из перечисленных регионов Кавказ является территориально наиболее близким. Поэтому не исключено, что древесина скумпии могла попасть на Гонур именно с Кавказа.

Однако сам кубок не является импортом. Форма сосуда, техника его изготовления и нанесения рельефа типично бактрийско-маргианские. Изображение на кубке выполнено в стиле, характерном для БМАК. Хотя «в бактрийском искусстве почти нигде не встречается чистый местный стиль, абсолютно не связанный с какими-либо серьезными влияниями ближайших культур», и «бактрийское искусство нередко называют синтезирующим» (Энциклопедия искусства... 2002: 31), изображение на кубке значительно отличается от таковых на изделиях культур Кавказа, в частности, на более раннем знаменитом сосуде из Майкопского кургана с изображениями животных.

Очевидно, что пока нет однозначного объяснения отмеченному феномену этого гонурского кубка, на котором анималистические изображения из природной ситуации III–II тыс. до н. э. на Кавказе выполнены в художественном стиле древней Бактрии и Маргианы. Возможно, мастер воспроизвел сцену с кого-либо знакомого ему изображения. Однако нельзя полностью исключать, что автор сам мог наблюдать изображенных на кубке животных, будучи родом с Кавказа или же побывав там.

Литература

Абдуллаев 2009 – *Абдуллаев К.* Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: Международный Институт центральноазиатских исследований, 2009. 120 с.

Афанасьева 1979 – *Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. 219 с.

Вайман 1961 – *Вайман А. А.* Шумеро-Вавилонская математика III–I тыс. до н. э. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 278 с.

Данилкин 1999 – *Данилкин А. А.* Оленьи (Cervidae). М.: ГЕОС, 1999. 552 с.

Данилкин 2005 – *Данилкин А. А.* Полорогие (Bovidae). М.: Т-во науч. изд. КМК, 2005. 550 с.

Дубова 2004 – *Дубова Н. А.* Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // Косарев М. Ф., Кожин П. М., Дубова Н. А. (ред.). У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В. И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

Каталог млекопитающих СССР 1981 – Каталог млекопитающих СССР (плиоцен–современность) / Громов И. М., Баранова Г. И. (ред.). Л.: Наука, 1981. 456 с.

Крюкова 2012 – *Крюкова В. Ю.* О гонурских тюльпанах // Сарияниди В. И. (гл. ред.), Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. (ред.). ТМАЭ. М.: Старый сад, 2012. Т. 4. С. 222–237.

Массон 1989 – *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 276 с.

Млекопитающие СССР 1970 – Млекопитающие СССР / Формозов А. Н. (отв. ред.). М.: Мысль, 1970. 437 с.

Мхи. Плауны... 1978 – Мхи. Плауны. Хвощи. Папоротники. Голосеменные растения // Грушвицкий А. П., Жилин С. Г. (ред.). Жизнь растений: В 6 т. М.: Просвещение, 1978. Т. 4. 447 с.

Павлинов и др. 2002 – *Павлинов И. Я., Крускоп С. В., Варшавский А. А., Борисенко А. В.* Наземные звери России: Справочник-определитель. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2002. 298 с.

Сарияниди 1992 – *Сарияниди В. И.* Древний Мерв. М.: Изд. фирма «КРУК», 1992. 48 с.

Сарияниди 2001 – *Сарияниди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.

Сарияниди 2006 – *Сарияниди В. И.* Гонур-депе: Город царей и богов. Аşgabat: Türkmen döwlethabarlary, 2006. 327 с.

Сарияниди 2008 – *Сарияниди В.* Маргуш: Тайна и правда великой культуры. Аşgabat: Türkmen döwlethabarlary, 2008. 342 с.

Сатаев 2008 – *Сатаев Р. М.* Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур-Депе // Сарияниди В. И. (гл. ред.), Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. (ред.). ТМАЭ. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 143–160.

Сатаев, Сатаева 2012 – *Сатаев Р. М., Сатаева Л. В.* Археозоологические и археоботанические исследования на Гонур Депе в 2010 г. // Сарияниди В. И. (гл. ред.), Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. (ред.). ТМАЭ. М.: Старый сад, 2012. Т. 4. С. 57–62.

Сатаева, Сатаев 2012 – *Сатаева Л. В., Сатаев Р. М.* Археоботанические исследования на Гонур Депе // Там же. С. 159–162.

Соколов 1979 – *Соколов В. Е.* Систематика млекопитающих (китообразные, хищные, ластоногие, трубкозубые, хоботные, даманы, сирены, парнокопытные, мозолоногие, непарнокопытные): Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1979. 528 с.

Топоров 1992 – *Топоров В. Н.* Можжевелик // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 164.

Цветковые растения 1982 – Цветковые растения // Тахтаджян А. Л. (ред.). Жизнь растений: В 6 т. М.: Просвещение, 1982. Т. 6. 543 с.

Энциклопедия искусства... 2002 – Энциклопедия искусства Древнего мира / Краснова О. Б. (сост.). М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. 352 с.

Эпос о Гильгамеше 1961 – Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем») / Пер. с аккадского и коммент. И. М. Дьяконова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 214 с.

Boehmer 1965 – *Boehmer R. M.* Die Entwicklung der Glyptik während der Akkad-Zeit. Berlin: Walter de Gruyter, 1965. 192 p.

Breuil 1909 – *Breuil H.* Le Bison et le Taureau celeste chaldéen // Revue archéologique. 1909. Sér. 4. Т. 1. P. 250–254.

Francfort 2004 – *Francfort H.-P.* Animals in Reality, Art and Myths in the Oxus Civilization (ВМАС): Bison, Deer // Косарев М. Ф., Кожин П. М., Дубова Н. А. (ред.). У истоков цивилизации: Сб. статей к 75-летию В. И. Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 182–192.

Francfort 2010 – *Francfort H.-P.* Birds, Snakes, Men, and Deities in the Oxus Civilization: An Essay dedicated to Professor Viktor I. Sarianidi on a Cylinder Seal from Gonur Depe // Кожин П. М., Косарев М. Ф., Дубова Н. А. (ред.). На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб.: Алтейя, 2010. С. 67–85 (ТМАЭ. Т. 3).

Joglekar 1998 – *Joglekar P. P.* A Preliminary Report on the Faunal Remains at Takhirbai 1, Turkmenistan // Gubaev A., Koselenko G., Tosi M. (eds.). The Archaeological Map of the Murghab Delta Preliminary Reports 1990–95. Roma: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 1998. P. 115–117.

Meadow 1986 – *Meadow R. H.* Some Equid Remains from Çayönü, Southeastern Turkey // Meadow R. H., Uerpmann H.-P. (eds.). Equids in the Ancient World. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1986. P. 266–301.

Moortgat 1940 – *Moortgat A.* Vorderasiatische Rollsigel. Ein Beitrag zur Geschichte der Steinschneidekunst. Staatl. Museen zu Berlin. Berlin: Mann, 1940. 155 S.

Sarianidi 1998 – *Sarianidi V.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagraphic Ltd., 1998. 336 p.

Sarianidi, Dubova 2013 – *Sarianidi W., Dubova N.* Gadymy Margiananyn genji-hazynasy: Fotoalbum. Ashgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2013. 208 s.

Literature

Абдуллаев 2009 – *Abdullaev K.* Kul’t haomy’ v drevney Central’noy Azii (*Cult of haoma in ancient Central Asia*). Samarkand: International Institute of Central Asian Studies, 2009. 120 p. (in Russian).

Афанасьева 1979 – *Afanasyeva V. K.* Gil’gamesh i E’nkidu. E’picheskie obrazy’ v iskusstve (*Gilgamesh and Engidu. Epic characters in art*). Moscow: Nauka, 1979. 219 p. (in Russian).

Вайман 1961 – *Waiman A. A.* Shumero-Vavilonskaya matematika III–I ty’s. do n. e’. (*Sumerian-Babylonian mathematics of the III–I mill. BC*). Moscow: Oriental literature publishers, 1961. 278 p. (in Russian).

Данилкин 1999 – *Danilkin A. A.* Olen’i (Cervidae) (*Cervids [Cervidae]*). Moscow: GEOS, 1999. 552 p. (in Russian).

Данилкин 2005 – *Danilkin A. A.* Polorogie (Bovidae) (*Hollow-horned ruminants [Bovidae]*). Moscow: KMK partnership of science publishers, 2005. 550 p. (in Russian).

Дубова 2004 – *Dubova N. A.* Mogil’nik i carskiy nekropol’ na beregah bol’shogo basseyna Severnogo Gonura (*Graveyard and royal necropolis on the Large pool’s banks of North Gonur*) // Kosarev M. F., Kozhin P. M., Dubova N. A. (eds.). U istokov civilizacii (*Near the sources of civilizations*): The issue in honor of the 75-anniversary of Victor Sarianidi. Moscow: Staryi sad, 2004. P. 254–281 (in Russian).

Каталог млекопитающих СССР 1981 – Katalog mlekopitayusch'ih SSSR (pliocen–sovremennost') (*Catalogue of mammals of the USSR [Pliocene–present time]*) / Gromov I. M., Baranova G. I. (eds.). Leningrad: Nauka, 1981. 456 p. (in Russian).

Крюкова 2012 – *Kryukova V. Yu. O gonurskih tyul'panah (About Gonur tulips)* // Sarianidi V. I. et al. (eds.). Trudy' Margianskoy arheologicheskoy e'kspedicii (*Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition*). Moscow: Staryi sad, 2012. Vol. 4. P. 222–237 (in Russian).

Массон 1989 – *Masson V. M. Pervy'e civilizacii (First civilizations)*. Leningrad: Nauka, 1989. 276 p. (in Russian).

Млекопитающие СССР 1970 – Mlekopitayusch'ie SSSR (*Mammals of the USSR*) / Formozov A. N. (ed.). Moscow: Mysl', 1970. 437 p. (in Russian).

Мхи. Плауны... 1978 – Mhi. Plauny'. Hvosch'i. Paporotniki. Golosemenny'e rasteniya (*Mosses. Lycopodia. Equisetaceous plants. Ferns. Gymnosperms*) // Grushvitsky A. P., Zhilin S. G. (eds.). Jizn' rasteniy (*Life of plants*): In 6 vols. Moscow: Prosveshchenie, 1978. Vol. 4. 447 p. (in Russian).

Павлинов и др. 2002 – *Pavlinov I. Ya., Kruskop S. V., Varshavsky A. A., Borisenko A. V. Nazemny'e zveri Rossii: Spravochnik-opredelitel' (Terrestrial animals of Russia: Reference book)*. Moscow: KMK partnership of science publishers, 2002. 298 p. (in Russian).

Сарианиди 1992 – *Sarianidi V. I. Drevniy Merv (Ancient Merv)*. Moscow: KRUK publishing house, 1992. 48 p. (in Russian).

Сарианиди 2001 – *Sarianidi V. I. Nekropol' Gonura i iranskoe yazy'chestvo (Necropolis of Gonur and Iranian paganism)*. Moscow: Mir-media, 2001. 246 p. (in Russian).

Сарианиди 2006 – *Sarianidi V. I. Gonur-depe: Gorod carey i bogov (Gonur-depe: The city of kings and gods)*. Ashgabat: Türkmen döwlethabarlary, 2006. 327 p. (in Russian, English, Turkmen).

Сарианиди 2008 – *Sarianidi V. I. Margush: Tayna i pravda velikoy kul'tury' (Margush: mystery and true of the great culture)*. Ashgabat: Türkmen döwlethabarlary, 2008. 342 p. (in Russian, English, Turkmen).

Сатаев 2008 – *Sataev R. M. Jivotny'e v hozyaystve i duhovnoy jizni drevnego naseleniya Gonur-Depe (Animals in the household and spiritual life of the ancient population of Gonur Depe)* // Sarianidi V. I. et al. (eds.). Trudy' Margianskoy arheologicheskoy e'kspedicii (*Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition*). Moscow: Staryi sad, 2008. Vol. 2. P. 143–160 (in Russian).

Сатаев, Сатаева 2012 – *Sataev R. M., Sataeva L. V. Arheozoologicheskie i arheobotanicheskie issledovaniya na Gonur Depe v 2010 g. (Archaeozoological and archaeobotanical studies at Gonur Depe in 2010)* // Sarianidi V. I. et al. (eds.). Trudy' Margianskoy arheologicheskoy e'kspedicii (*Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition*). Moscow: Staryi sad, 2012. Vol. 4. P. 57–62 (in Russian).

Сатаева, Сатаев 2012 – *Sataeva L. V., Sataev R. M. Arheobotanicheskie issledovaniya na Gonur Depe (Archaeobotanical studies at Gonur Depe)* // Ibid. P. 159–162 (in Russian).

Соколов 1979 – *Sokolov V. E. Sistematika mlekopitayusch'ih (kitoobrazny'e, hisch'ny'e, lastonogie, trubkozuby'e, hobotny'e, damany', sireny', parnokopy'tny'e, mozolenogie, neparnokopy'tny'e) (Mammal systematics [cetaceans, carnivores, pinnipeds, ant bears, proboscids])*

eans, hyraxes, sea cows, artiodactyles, tylopoda, perissodactyles]): Handbook. Moscow: Vysshaya shkola, 1979. 528 p. (in Russian).

Топоров 1992 – *Toporov V. N. Mojjevel'nik (Juniper) // Mify' narodov mira (Myths of the peoples of the world)*. Moscow: Sovetskaya encyclopedia, 1992. Vol. 2. P. 164 (in Russian).

Цветковые растения 1982 – Flowering plants (*Cvetkovy'e rasteniya*) // Takhtadjan A. L. (ed.). *Jizn' rasteniy (Life of plants)*: In 6 vols. Moscow: Prosveshchenie, 1982. Vol. 6. 543 p. (in Russian).

Энциклопедия искусства... 2002 – *Enciklopediya iskusstva Drevnego mira (Encyclopedia of ancient world art)* / Krasnova O. B. (comp.). Moscow: OLMA-PRESS, 2002. 352 p. (in Russian).

Эпос о Гильгамеше 1961 – *E'pos o Gil'gameshe («O vse vidavshem»)* (*Epic of Gilgamesh [«Of he who saw everything»]*) / Transl. from Akkadian and comments by I. M. Dianonov. Moscow; Leningrad: AS of the USSR, 1961. 214 p. (in Russian).

Boehmer 1965 – *Boehmer R. M. Die Entwicklung der Glyptik während der Akkad-Zeit*. Berlin: Walter de Gruyter, 1965. 192 p.

Breuil 1909 – *Breuil H. Le Bison et le Taureau celeste chaldéen // Revue archéologique*. 1909. Sér. 4. T. 1. P. 250–254.

Francfort 2004 – *Francfort H.-P. Animals in Reality, Art and Myths in the Oxus Civilization (BMAC): Bison, Deer // Kosarev M. F., Kozhin P. M., Dubova N. A. (eds.). Near the sources of civilizations: The issue in honor of the 75-anniversary of Victor Sarianidi*. Moscow: Saryi sad, 2004. P. 182–192.

Francfort 2010 – *Francfort H.-P. Birds, Snakes, Men, and Deities in the Oxus Civilization: An Essay dedicated to Professor Viktor I. Sarianidi on a Cylinder Seal from Gonur Depe // Kozhin P. M., Kosarev M. F., Dubova N. A. (eds.). On the track of uncovering a civilization: A volume in honor of the 80th anniversary of V. Sarianidi*. Sankt-Petersburg, Aletheia, 2010. P. 67–85.

Joglekar 1998 – *Joglekar P. P. A Preliminary Report on the Faunal Remains at Takhirbai I, Turkmenistan // Gubaev A., Koselenko G., Tosi M. (eds.). The Archaeological Map of the Murghab Delta Preliminary Reports 1990–95*. Roma: ISIAO, 1998. P. 115–117.

Meadow 1986 – *Meadow R. H. Some Equid Remains from Çayönü, Southeastern Turkey // Meadow R. H., Uerpmann H.-P. (eds.). Equids in the Ancient World*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1986. P. 266–301.

Moortgat 1940 – *Moortgat A. Vorderasiatische Rollsigel. Ein Beitrag zur Geschichte der Steinschneidekunst*. Staatl. Museen zu Berlin. Berlin: Mann, 1940. 155 S.

Sarianidi 1998 – *Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets*. Moscow: Pentagraphic Ltd., 1998. 336 p.

Sarianidi, Dubowa 2013 – *Sarianidi W., Dubowa N. Gadymy Margiananyn genji-hazynasy: Fotoalbum*. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2013. 208 s.

**ANIMALISTIC COMPOSITION ON A BEAKER
FROM THE HOARD IN THE ROYAL NECROPOLIS
OF GONUR-DEPE**

R. M. Sataev, L. V. Sataeva

Dedicated to the memory of Viktor Ivanovich Sarianidi

The paper is devoted to the composition with three-dimensional images of animals on a silver beaker (fig. 1–2), found in 2004 г. in the cache of tomb 3235 from the royal necropolis of Gonur-depe (South Turkmenistan). The analysis of the available evidence leads to the conclusion that the composition reflects quite a real environmental situation that existed in the Caucasus in the III–II mill. BC. At the same time, the shape of the vessel and technology of its manufacture and ornamentation are typical for the Bactria-Margiana archaeological complex. It is suggested that the artisan partly reproduced a scene from some composition he had seen before, using the artistic style characteristic of ancient Bactria and Margiana. However, it is possible also that he could personally see the animals depicted on the beaker, if he visited Caucasus or was born there.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ: КЛИНОПИСНЫЕ АРХИВЫ ИЗ КАССИТСКОГО НИППУРА И ПРОБЛЕМЫ ИХ АТРИБУЦИИ¹

М. А. РЕДИНА-ТОМАС

Ключевые слова: *древняя Месопотамия, Ниппур, касситский период, клинописные документы, административные архивы.*

Keywords: *Ancient Mesopotamia, Nippur, Kassite period, cuneiform documents, administrative archives.*

Большая часть источников по истории Месопотамии касситского времени (около 1531–1155 гг. до н. э.)² происходит из г. Ниппура в Вавилонии (рис. 1; Gibson 1975: 5, fig. 1). Они составляют примерно 90 % от общего числа известных клинописных документов этого периода (Brinkman 1976: 41–42).

Основная часть этих источников представляет собой клинописные архивы административной и хозяйственной отчетности, освещающие период примерно в 150 лет, начиная с правления царя Бурна-Буриаша II (около 1359 г. до н. э.) и заканчивая правлением царя Каштилиашу IV (1232–1225 гг. до н. э.). Их содержание касается социально-экономической сферы жизни, прежде всего г. Ниппура и одноименной провинции. Часть архивов представляет собой стандартизованные документы хозяйственной отчетности, фиксирующие выдачи зерна, масла и пива работникам, выдачи сырья ремесленникам, перераспределение зерна между зернохранилищами соседних поселений и т. д. Другая часть касается вопросов административного управления г. Ниппура и соседних поселений, включая судебные решения и декреты для глашатая. Также сохранился небольшой архив писем. Однако из содержания всех документов не вполне понятно, отчетность какой именно городской структуры они собой представляют. Так как они были найдены в различных частях города, трудно однозначно связать

---

¹ В статье представлены результаты работы, выполненной в рамках проекта «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)», финансируемого за счет бюджетных средств СПбГУ (шифр ИАС 2.38.525.2013).

² Свое название этот период получил по имени правившей в то время вавилонской династии, основанной представителями народа касситов. Где находилась их родина, достоверно неизвестно. Вероятно, касситские племена изначально обитали в горах Загроса в области Луристан (совр. Северо-Западный Иран), откуда к XVIII в. до н. э. они постепенно переселились в Вавилонию. Родственные связи касситского языка также не установлены. Существует гипотеза о его индоевропейском происхождении, основанная на немногих сохранившихся касситских словах (именах богов и личных именах, ирригационных и коневодческих терминах), которая, однако, нуждается в прочной доказательной базе (Balkan 1954; Jaritz 1957).

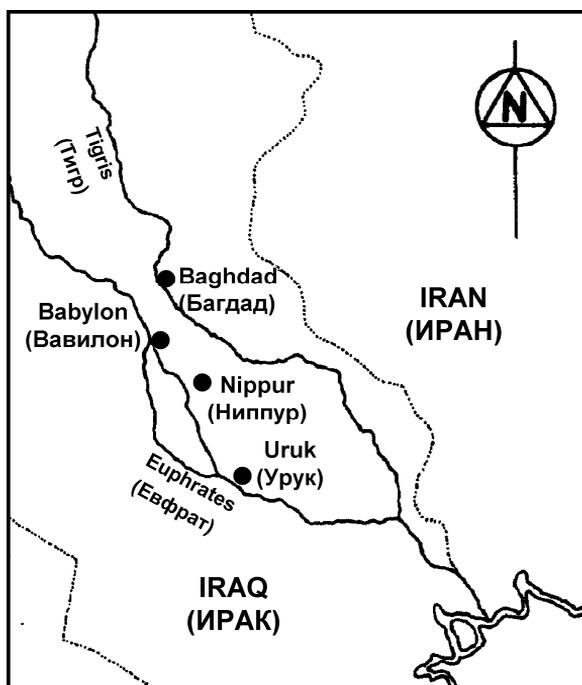

Рис. 1. Карта южного Ирака (по Gibson 1975)

Fig. 1. Map of southern Iraq (after Gibson 1975)

их с определенным городским институтом. В данной статье предлагается возможная атрибуция архивов из касситского Ниппура на основе мест их обнаружения.

Археологические исследования древнего Ниппура проводились американскими экспедициями в два этапа. Первый этап длился с 1889 по 1900 г., когда экспедиция Университета Пенсильвании под руководством Дж. П. Петерса (J. P. Peters), затем Дж. Г. Хейнса (J. H. Haynes) и позднее Г. В. Хильпрехта (H. V. Hilprecht) начала раскопки ранее не исследованной группы теллей Нуффар примерно 160 км к югу от Багдада. О том, что данное поселение носит аккадское название «Ниббур» (шум. ^den.líl^{ki}), стало известно из обнаруженных в ходе раскопок текстов на шумерском и аккадском языках, написанных на многочисленных глиняных табличках и вотивных предметах.

Одним из наиболее значительных результатов исследований первого этапа стало открытие в восточной части города храма Энлиля (Экур), который был крупнейшим храмом Ниппура, религиозного центра Вавилонии. Помимо него были частично раскопаны храмы Инанны и, вероятно, Нинурты.

В ходе работы этой экспедиции и была обнаружена основная масса клинописных табличек, происходящих из Ниппура. Часть документов была найдена в юго-восточной части города, на восточном берегу древнего канала Шатт эн-Ниль (одного из ответвлений р. Евфрат), разделявшего Ниппур на две части, на раскопах, обозначенных на карте ТА, ТВ и ТС (рис. 2; Zettler 1993: pl. 2).

Этот район получил название «Холм табличек» («Tablet Hill»). Там было обнаружено около 40 000 табличек, датируемых периодом от середины III тыс. до н. э. до IV в. до н. э. Часть из них относится к касситскому времени. Так как место их обнаружения находится в непосредственной близости от храмов Инанны и Энлиля, то, вероятнее всего, найденные на «Холме табличек» документы составляли архивы этих храмов («Temple Archives»). Помимо хозяйственных документов эти архивы содержат литературные, медицинские и математические тексты, что также может говорить об их принадлежности к храмовой документации.

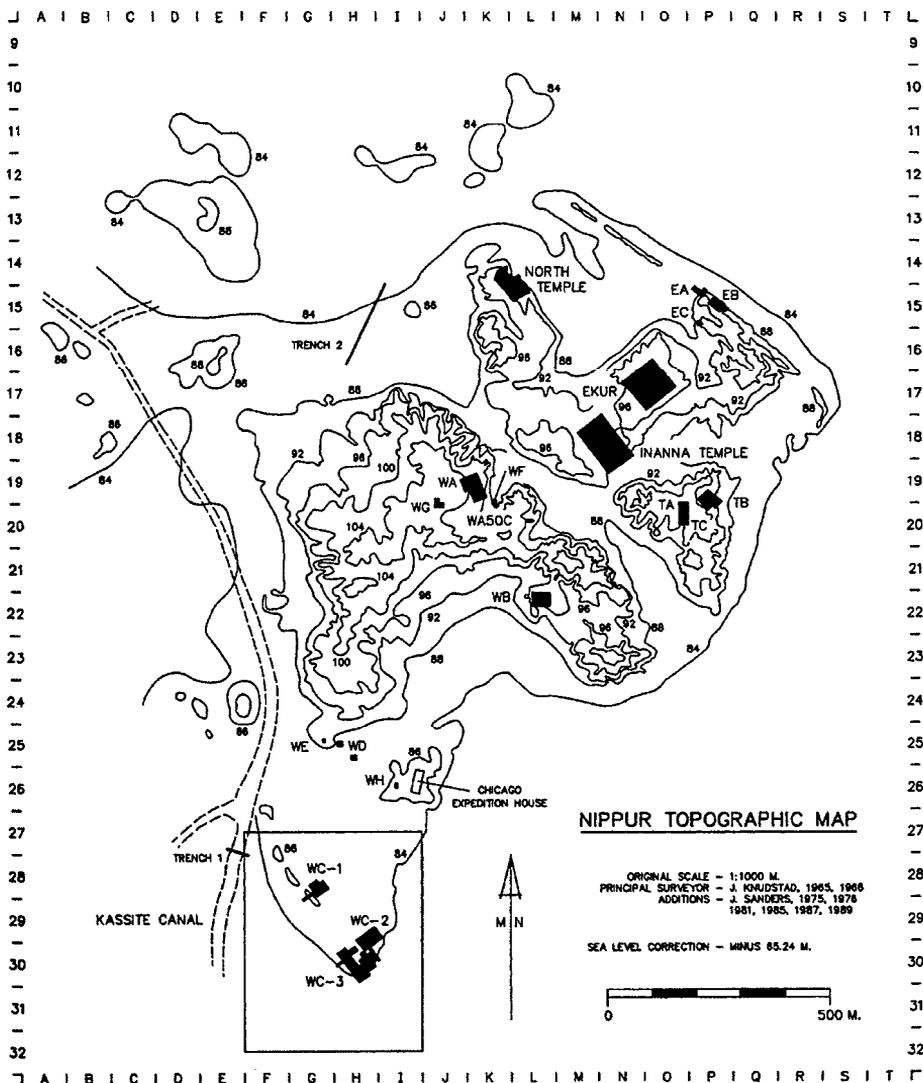

Рис. 2. Топографическая карта Ниппура (по Zettler 1993)

Fig. 2. Nippur topographic map (after Zettler 1993)

Экспедиция Университета Пенсильвании проводила и раскопки на западном берегу высохшего канала Шатт эн-Ниль, на участках, обозначенных на карте WA и WB (рис. 2). Во второй сезон работы экспедиции (1889/90 г.) в раскопе WA была изучена часть селевкидского дворца, получившая название «Court of Columns» («Двор с колоннами»).³ Ниже, в слоях касситского времени, в 7 м юго-западнее этого дворца были найдены клинописные архивы (Clay 1906: 8; Gibson 1975: 5–6, 8–9), по большей части административно-хозяйственного характера. Хотя постройки, в которых хранились таблички, не были обнаружены, следы пожара и остатки кирпичной стены в слое этого времени, по-видимому, свидетельствуют о существовании касситского здания на этом месте (Gibson 1975: 18–19).

В течение третьего и четвертого сезонов (1893–1895 гг.) раскопки велись на том же берегу канала в южной части города – на раскопе WB. Здесь из нескольких траншей было извлечено около 25 000 глиняных табличек и их фрагментов, значительная часть которых датировалась касситским периодом. Позднее стало очевидно, что таблички хранились в помещениях здания, которое уже на первом этапе раскопок в Ниппуре было названо «дворцом». Сохранилось интересное свидетельство руководителя экспедиции Дж. Х. Хэйна о деталях обнаружения этого архива: «Было исследовано несколько комнат древнего дворца, и в них мы обнаружили (клинописные) архивы в том же положении, в котором они были оставлены, когда здание было разрушено. В некоторых случаях таблички стояли вертикально и опирались друг на друга, как книги на полке в неухоженной современной библиотеке. Другие таблички были найдены в полном беспорядке, свидетельствуя о том, что к тому времени, когда они были погребены под слоем земли, они уже упали на пол (возможно, с разрушившихся деревянных полок)» (Clay 1906: 8). Однако детального исследования этого «дворца» тогда не было проведено, археологи ограничились лишь несколькими траншеями, которые достигли слоев старовавилонского времени.

Клинописные таблички, найденные экспедицией Университета Пенсильвании, позднее были распределены между Музеем археологии и антропологии Университета Пенсильвании и Стамбульским Музеем Древнего Востока.⁴ Через некоторое время небольшая часть Стамбульской коллекции была передана основателем Стамбульского музея Османом Хамди-беом в дар Г. В. Хильпрехту в благодарность за его помощь в обработке клинописной коллекции. Хильпрехт, в свою очередь, перевез подаренные ему таблички в г. Йена (Германия), где в память о своей первой жене основал мемориальную коллекцию клинописных документов *Frau Hilprecht Sammlung* в Университете Фридриха Шиллера.⁵ В результате абсолютное большинство касситских документов из Ниппура распределено между этими тремя коллекциями. К сожалению, таблички из Стамбульского Музея Древнего Востока остаются практически полностью неопубликованными и даже некаталогизированными, что крайне затрудняет работу с ними.

³ Вскоре после обнаружения этого дворца были выдвинуты самые разные предположения относительно происхождения, вплоть до его принадлежности к микенской культуре. Подробнее об этом см. Fisher 1904: 403–432; Peters 1905: 450–452.

⁴ В то время Месопотамия входила в состав Османской империи.

⁵ Эта коллекция к настоящему времени опубликована.

Клинописные документы из Музея Университета Пенсильвании были опубликованы только частично, и, главным образом, в автографиях.⁶ Каталоги этого собрания содержат важную информацию – указание, в каком именно месте раскопок в Ниппуре была найдена та или иная табличка. Это позволяет примерно восстановить состав изначально обнаруженных клинописных архивов, что крайне важно, поскольку таблички, найденные в ходе работ разных сезонов и в различных раскопах, не хранились отдельно друг от друга и были переданы в музейные хранения общим собранием, что затруднило определение места находки отдельных документов.

Первые издатели касситских текстов называли найденные в Ниппуре таблички «храмовыми архивами», подразумевая, прежде всего, храм Энлиля (Экур) (Clay 1906: 8–9; Radau 1908: 1–2, ft. 2). К ним они относили практически все ниппурские тексты этого периода, вне зависимости от места их находки. Однако последние исследования этого корпуса документов показывают, что содержание большинства текстов не связано напрямую с деятельностью храма (Sassmanshausen 2001; Paulus 2013). Часть документов представляет собой отчетность неких хозяйств, находившихся как в самом Ниппуре, так и за его пределами. Другая часть, найденная в раскопе WB, представляет собой архивы людей, занимавших в разное время должность главного управителя Ниппура – *šandabakku* (gú.en.na/gá.dub.ba.(a) ^den.líl^{ki}). По всей видимости, этот пост был одним из наиболее высокопоставленных в административной иерархии Ниппура, на что указывают функции *šandabakku*. В частности, он регулировал внутреннюю жизнь города и подчинялся непосредственно царю Вавилонии, выполняя его личные поручения. К этой группе архивов можно отнести также письма, содержание которых указывает на то, что по крайней мере часть из них была адресована *šandabakku* Ниппура.

Такую атрибуцию значительной части документов касситского периода могут подтвердить и археологические данные, полученные в ходе второго этапа раскопок в Ниппуре. Они проводились экспедицией Университета Чикаго (при участии Университета Пенсильвании и Американских школ восточных исследований [ASOR]) в течение 19 сезонов с 1948 по 1990 г. В частности, на этом этапе в сезонах 1972/73 и 1973/74 гг. был детально заново исследован раскоп WB. В результате основательной расчистки удалось подтвердить предположение Дж. Хэйнса о том, что в касситское время там действительно находился большой «дворец». Часть этого «дворца» была обнаружена экспедицией Университета Пенсильвании в 1893–1895 гг., и именно здесь были найдены касситские клинописные архивы.

Несмотря на плохую сохранность здания и многочисленные повреждения, нанесенные траншеями, прорытыми экспедицией Университета Пенсильвании (Gibson 1975: 104–107; Gibson et al. 1992: 53–54, 66–70), экспедиции Университета Чикаго удалось примерно восстановить планировку внутренних помещений этого «дворца». Сохранившаяся часть его представляет собой большой внутренний двор, окруженный тремя рядами помещений (рис. 3; Gibson et al. 1992: fig. 49).

---

⁶ Из около 12 000 известных нам документов касситского периода к настоящему времени опубликовано 20 % (Paulus 2013: 89).

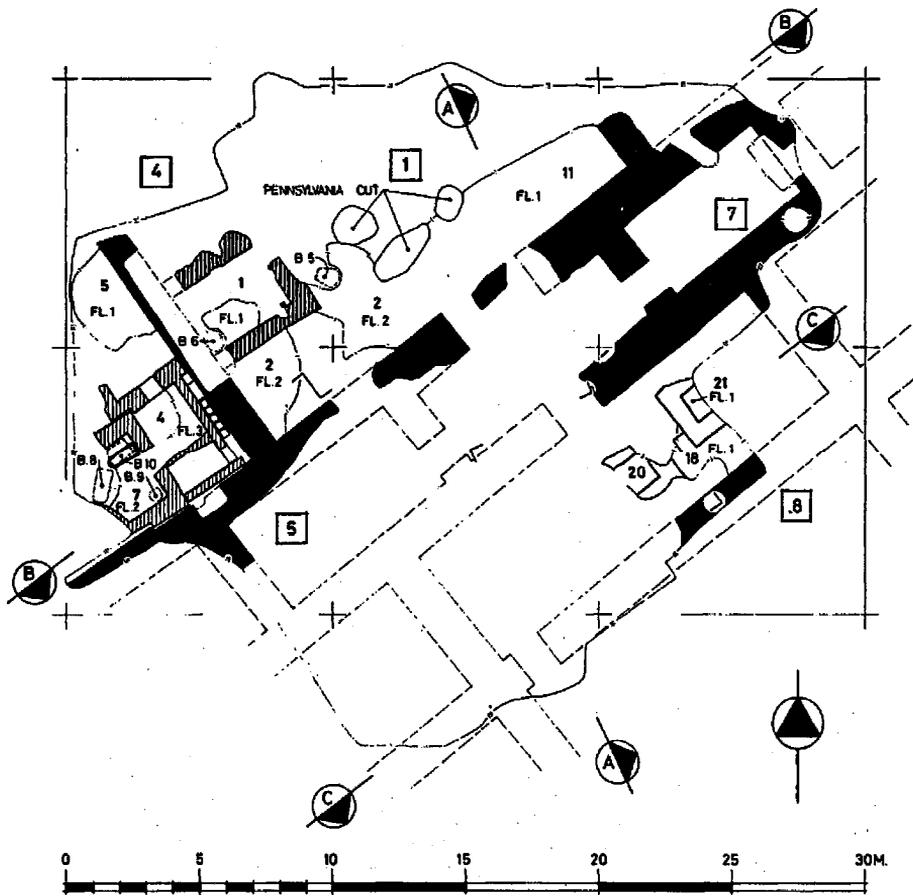

Рис. 3. План касситского «дворца» в раскопе WB в Ниппуре (по Gibson et al. 1992)

Fig. 3. Plan of the Kassite «palace» in WB area in Nippur (after Gibson et al. 1992)

Его планировка оказалась сходной с планировкой касситского дворца в древнем городе Дур-Куригальзу (совр. Акар-куф), построенном касситским царем Куригальзу I в качестве новой столицы Вавилонии (рис. 4; Vaqir 1959: fig. 3). Площадь ниппурского «дворца» оказалась примерно в два раза меньше размеров дворца из Дур-Куригальзу.

Сходство планировки обоих комплексов позволяет предположить, что ниппурская постройка была если не царским дворцом, то административным зданием. Об этом может свидетельствовать большое количество найденных на этом участке административных документов, принадлежавших архивам *šandabakku* Ниппура. Не исключено, что само здание было резиденцией персон, занимавших этот пост на протяжении чуть менее 150 лет. Некоторые фрагменты табличек, найденные в верхнем слое ниппурского «дворца», датированы временем правления царей Кудур-Энлила (1254–1246 гг. до н. э.) и Шагаракти-

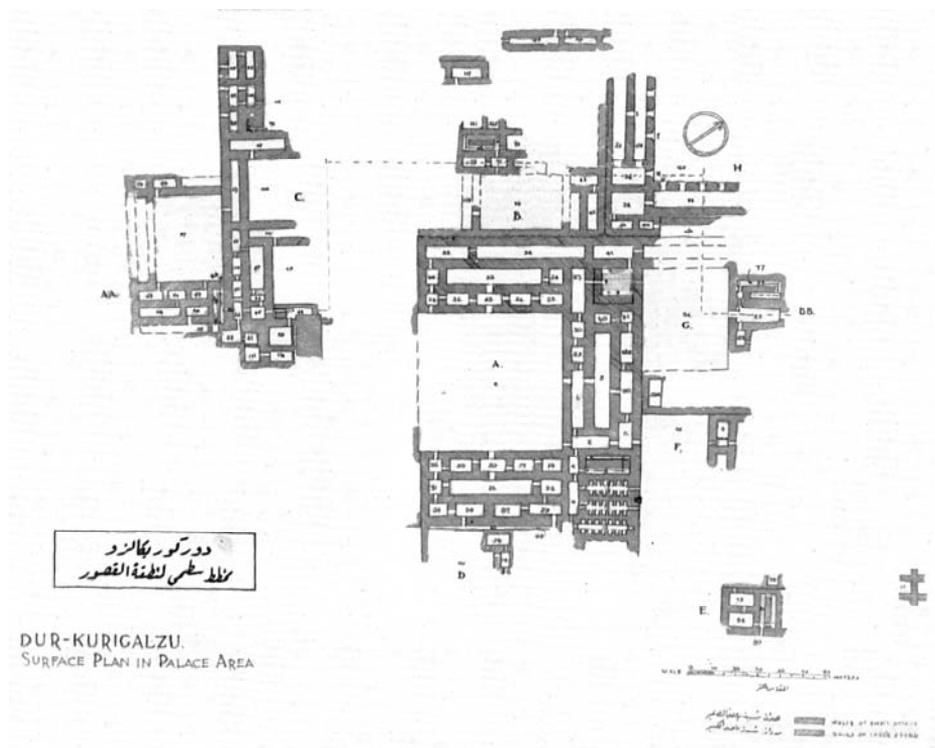

Рис. 4. Дворец в Дур-Куригальзу (по Baqir 1959)

Fig. 4. Palace area in Dur-Kurigalzu (after Baqir 1959)

Шуриаша (1245–1233 гг. до н. э.) (Gibson et al. 1992: 53, 115–116), что говорит о том, что «дворец» использовался как минимум до последней трети XIII в. до н. э.

Археологические данные, полученные в ходе исследования раскопа WB во второй половине XX в., подтверждают предположения, недавно выдвинутые исследователями касситских клинописных архивов. Далеко не все касситские документы, обнаруженные в Ниппуре, являются «храмовыми архивами», как предполагали первые издатели этих текстов. Их значительная часть представляет собой, по-видимому, документы отчетности городских административных структур, в частности, архивы главного управителя касситского Ниппура – *šandabakku*. Его «дворец» располагался в юго-западной части города, отделенный от храма Энлиля древним каналом Шатт эн-Ниль. Дальнейшие археологические исследования в этой части Ниппура позволяют, вероятно, установить, находились ли в касситское время рядом с «дворцом» другие административные постройки, т. е. составляла ли юго-западная часть города единый административный квартал.

Литература (Literature)

Balkan 1954 – *Balkan K.* Kassitenstudien. Bd 1: Die Sprache der Kassiten. New Haven, 1954. 238 p. (American Oriental Series. Vol. 37).

Baqir 1959 – *Baqir T.* Aqar Quf. Baghdad: Ar-Rabitta Press, 1959. 23 p.

Brinkman 1976 – *Brinkman J. A.* Materials and Studies for Kassite History. Chicago: The University of Chicago Press, 1976. Vol. 1. 469 p.

Clay 1906 – *Clay A. T.* Documents from the Temple Archives of Nippur Dated in the Reign of Cassite Rulers. Philadelphia: Department of Archaeology, University of Pennsylvania, 1906. 182 p. (BEUP. Series A: Cuneiform Texts. Vol. 14).

Fisher 1904 – *Fisher C. S.* The Mycenaean Palace at Nippur // *AJA.* 1904. Vol. 8, no. 4. P. 403–432.

Gibson 1975 – *Gibson McG.* Excavations at Nippur. Eleventh Season. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1975. 164 p. (OIC. No. 22).

Gibson et al. 1992 – *Gibson McG., Franke J. A., Civil M., Bates M. L., Boessneck J., Butzer K. W., Rathbun T. A., Mallin E. F.* Excavations at Nippur. Twelfth Season. 2nd printing. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 304 p. (OIC. No. 23).

Jaritz 1957 – *Jaritz K.* Die kassitische Sprachreste // *Anthropos.* 1957. Bd 52. H. 5/6. S. 850–898.

Paulus 2013 – *Paulus S.* The Limits of Middle Babylonian Archives // Faraguna M. (ed.). Archives and Archival Documents in Ancient Societies: Legal documents in ancient societies IV. Trieste 30 September–1 October 2011. Trieste: Edizioni Università di Trieste, 2013. P. 87–106.

Peters 1905 – *Peters J. P.* The Palace at Nippur. Babylonian, not Parthian // *AJA.* 1905. Vol. 9, no. 4. P. 450–452.

Radau 1908 – *Radau H.* Letters to Cassite Kings from the Temple Archives of Nippur. Philadelphia: Department of Archaeology, University of Pennsylvania, 1908. 264 p. (BEUP. Series A: Cuneiform Texts. Vol. 17, part 1).

Sassmanshausen 2001 – *Sassmanshausen L.* Beiträge zur Verwaltung und Gesellschaft Babyloniens in der Kassitenzeit. Mainz am Rhein Verlag Philipp von Zabern, 2001. 523 S. (Bagdader Forschungen. Bd 21).

Zettler 1993 – *Zettler R.* Nippur III. Kassite Buildings in Area WC-1. Chicago: The University of Chicago Press, 1993. 384 p. (Oriental Institute Publications. Vol. 111).

ARCHAEOLOGICAL EXPLORATIONS OF ANCIENT MESOPOTAMIA: CUNEIFORM ARCHIVES FROM KASSITE NIPPUR AND PROBLEMS OF THEIR ATTRIBUTION

M. Redina-Thomas

During the early excavations (1889–1900) in the ancient Mesopotamian city of Nippur (modern Nuffar) (fig. 1), the expedition of the University of Pennsylvania

discovered several thousand clay tablets with cuneiform texts dated to various periods from the middle of the III mill. BC to the middle of the I mill. BC. Many of them date to the rule of the Kassite dynasty in Babylonia (ca. 1531–1155 BC). These documents comprise the major part (ca. 90 %) of the written sources on this period.

Archaeological investigations were held on both Eastern and Western banks of the ancient canal Shatt en-Nil that used to divide Nippur into two parts. Most of the clay tablets were found in three locations: so-called «Tablet Hill» in the Eastern part of the city and WA and WB areas in the Western part (fig. 2). Due to the discrepancy of the excavation reports and incompleteness of their data, sometimes it is difficult to estimate what part of the city a clay tablet comes from. Nevertheless, one can tell with some confidence that in the area WA mostly economic documents have been found, and in the area WB – mostly economic and administrative documents dealing with the city government.

From 1948–1990, the University of Chicago expedition (at times jointed with the University of Pennsylvania) excavated in Nippur. They worked in the previously unstudied areas, as well as in those excavated prior in 1889–1900. In particular, the detailed investigation of the WB area showed that there was a large building in Kassite time (fig. 3). Its plan looks similar to the one of the palace from Dur-Kurigalzu (modern ‘Aqar-Qūf) (fig. 4), city that once served as a Babylonian capital. It is possible that the building from Nippur’s WB area was a part of the administrative quarters situated at the Western bank of the canal and belonged to *šandabakku* – the governor of Nippur who regulated city life and enjoyed considerable power. Many cuneiform documents found in this area deal with his activities, possibly comprising archives of this official. Further archaeological study of this part of the city, as well as textual analysis of the texts will help to understand the role of the building in WB area and attribute the cuneiform documents found there.

ПОСЕЛЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ СТАРАЯ КОПЬ-1 НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ МИНУСИНСКИХ СТЕПЕЙ

П. Б. АМЗАРАКОВ, О. В. КОВАЛЕВА, И. П. ЛАЗАРЕТОВ, А. В. ПОЛЯКОВ

Ключевые слова: Красноярский край, тагарская культура, подгорновский этап, поселение, Старая Копь-1, удила.

Keywords: Krasnoyarsk region, Tagar culture, Podgornovo stage, Staraya Kopy'-1 settlement, bridle-bit.

Научные знания о заселении восточной окраины Минусинской котловины в древности существенно расширились благодаря работам в зоне строительства железнодорожной линии Элегест–Кызыл–Курагино. Археологические разведки Саянской экспедиции ИИМК РАН, проходившие по правым берегам рек Туба и Амыл, выявили серию поселений, преимущественно датирующихся скифским временем (тагарская культура): Ирба-2, Ирба-3, Рошинское-1, Рошинское-2, Анжельк-1, Анжельк-2 и Старая Копь-1 (рис. 1). Эти материалы важны, так как на сегодняшний день изучено огромное число погребальных памятников тагарской культуры, но о повседневном быте оставившего их населения известно мало из-за небольшого числа раскопанных поселений (Вадецкая 1986: 77–128).

В настоящей работе рассматриваются материалы **поселения Старая Копь-1**, расположенного на высоком обрыве старицы р. Амыл в 2,2 км к ССЗ от одноименного поселка в Каратузском р-не Красноярского края. Памятник открыт 1-м отрядом Саянской экспедиции в 2010 г. В ходе закладки шурфов были обнаружены 26 фрагментов керамики, каменное шлифованное рубящее орудие (рис. 2, 26), кусочек медного шлака, погнутое бронзовое шило, четырехгранное в сечении (рис. 2, 24), и аргиллитовая желобчатая бляшка (рис. 2, 25). В 2011 г. проводились работы по уточнению границ и мощности культурного слоя на этом поселении: по его периметру были заложены еще 10 шурфов, а на краю обрыва вскрыт участок площадью 152 м². В результате было обнаружено 83 артефакта, в основном фрагменты керамики (рис. 2, 1–19), часть литейной формы (рис. 2, 22), бронзовый нож (рис. 2, 20), обломки куранта зернотерки (?) (рис. 2, 21) и рогового острия (рис. 2, 23). Уточненная площадь поселения составила около 10 000 м².

При закладке шурфов на южной границе поселения были обнаружены два непо потревоженных грунтовых погребения (кенотафы), которые были выделены в отдельный памятник – **грунтовый могильник Старая Копь-2**. В могилах были обнаружены 5 сосудов, 2 бронзовых ножа, костяная и бронзовая стрелы. На основании характерного типа ножей с трапецевидным расширением на вершине этот памятник датирован сарагашенским этапом тагарской культуры (Поляков 2012).

В 2012 г. был обследован большой участок к югу от уже известных границ поселения (заложено 40 шурфов). В результате вдоль края обрыва на расстоянии нескольких сот метров были обнаружены еще 2 небольших участка куль-

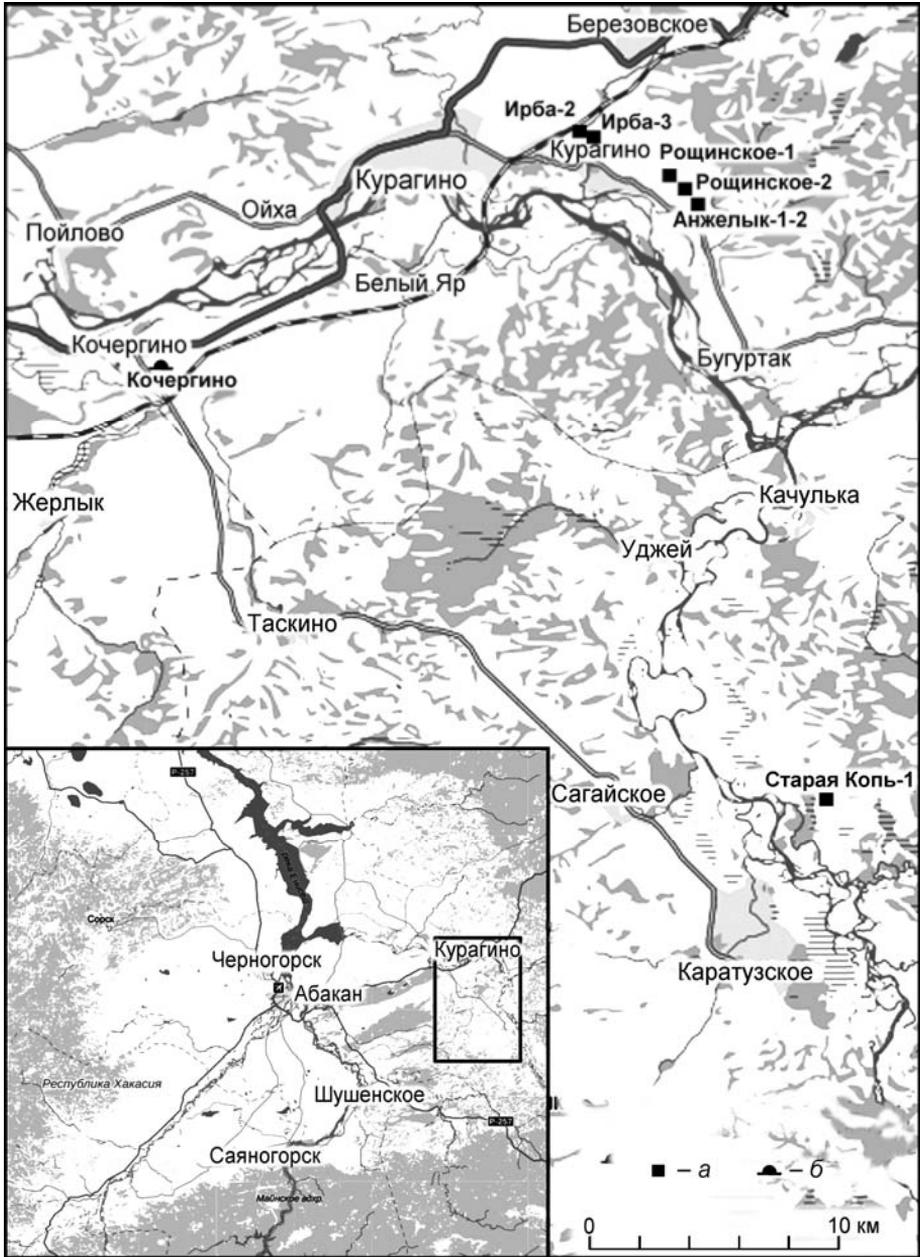

Рис. 1. Восточная часть Минусинской котловины, местоположение упоминаемых в статье археологических памятников: *a* – поселения; *б* – погребальные памятники

Fig. 1. Eastern part of the Minusinsk depression, location of the archaeological sites mentioned in the text: *a* – settlements; *b* – burial monuments

турного слоя, площадью около 1500–2000 м² каждый. Происходящие из них материалы оказались крайне близки полученным ранее на поселении Старая Копь-1. На этом основании было принято решение не выделять новые памятники, а назвать их «Поселение Старая Копь-1. Участок 2» и «Поселение Старая Копь-1. Участок 3». Новая проектируемая линия железной дороги по плану должна была проходить непосредственно через центр одного из них (Участок 2). В связи с этим были проведены его полные раскопки.

В процессе исследования сплошным раскопом «Поселения Старая Копь-1. Участок 2» было вскрыто 1450 м² площади, где был обнаружен неглубокий котлован одного сооружения, возможно, хозяйственного помещения. К сожалению, никаких других конструктивных элементов, кроме самого котлована размерами 5,3 × 5 м подтреугольной формы и глубиной 0,6 м от уровня древнего горизонта, зафиксировать не удалось. В его заполнении было обнаружено несколько неорнаментированных фрагментов керамики, обломков зернотерок и небольшое количество костей животных. Примечательна находка двух частей черепа (левая и правая висцеральная части черепа с верхней челюстью) одной особи коровы в разных частях сооружения.

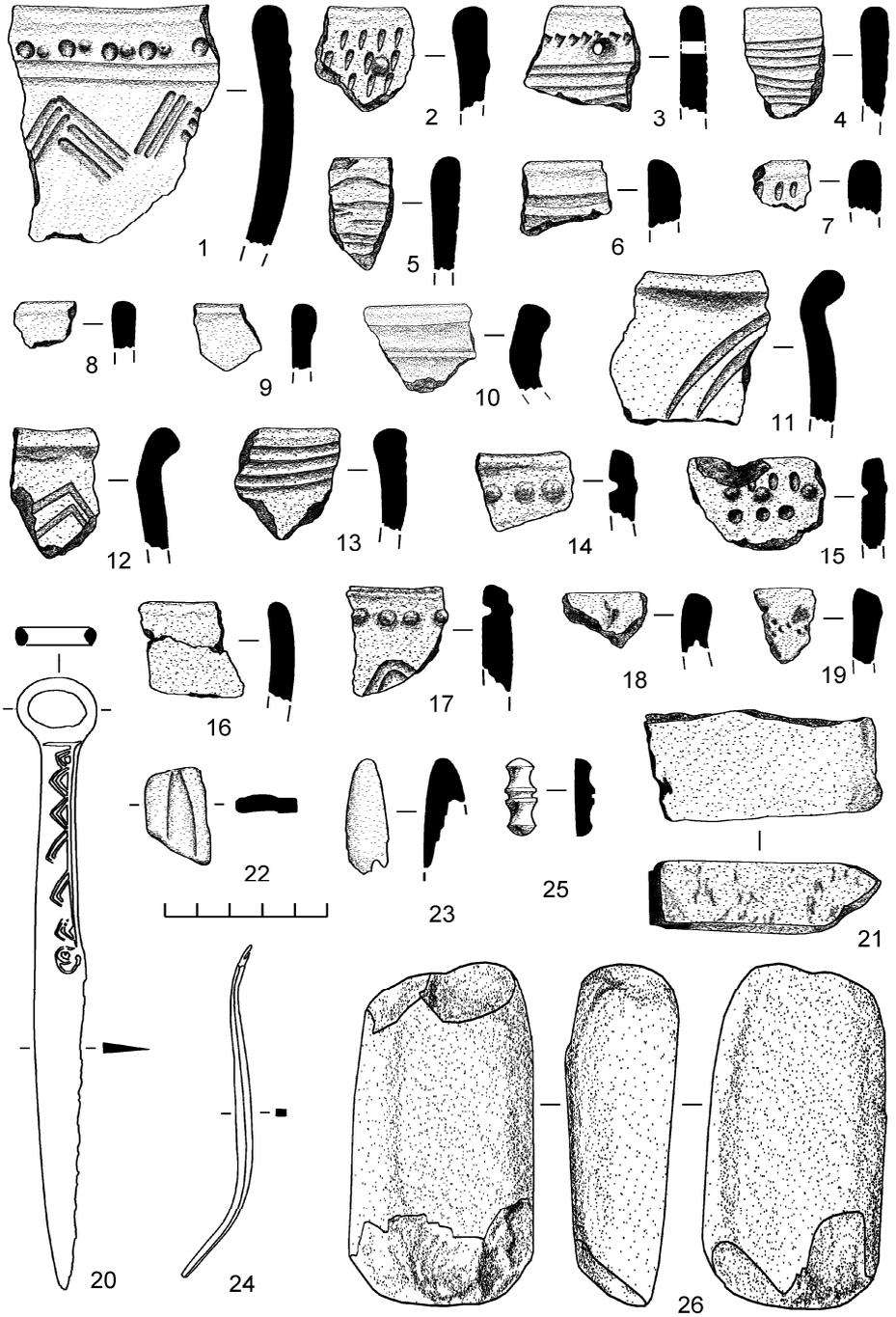
Вокруг сооружения исследовано 14 ям диаметром от 0,7 до 1,5 м и глубиной до 0,8 м. Они также почти не содержали находок и, вероятно, имели хозяйственное назначение: либо служили для хранения припасов (зерна), либо использовались в производственном цикле, например, для замачивания шкур или квашенья мяса/рыбы. Выделяется только одна яма, на дне которой были найдены два целых куранта зернотерки со следами сильной сработанности. Они были положены на дно, после чего яма была засыпана, что подтверждается ее стратиграфическим разрезом. Возможно, данный случай можно рассматривать как ритуальное действие – «захоронение зернотерки». Аналогичные ямы с зернотерками и жерновами на дне были обнаружены в ходе раскопок 2015 г. стоянки Ирба-2 на правом берегу р. Туба.

На исследованной площади получен немногочисленный археологический материал (335 предметов), относящийся к одному культурному слою – преимущественно это фрагменты керамики (рис. 3). Обращает на себя внимание наличие двух групп сосудов, различающихся по форме. Первая гораздо более многочисленна. Это сосуды баночной формы с плоским дном и залощенной поверхностью. Под венчиком они чаще всего орнаментированы «жемчужинами», дополненными рядами наклонных оттисков гладкого штампа, прочерченными линиями или оттисками лопаточки (рис. 3, 1–30). Такая керамика характерна для раннескифского времени и относится к подгорновскому этапу тагарской культуры. Вторая группа представлена всего двумя фрагментами

Рис. 2. Поселение Старая Копь-1, материалы из раскопок 2010–2011 гг.: 1–19 – фрагменты сосудов; 20 – нож; 21 – обломок куранта (?); 22 – часть литейной формы; 23 – обломок острья; 24 – шило; 25 – желобчатая бляшка; 26 – рубящее орудие (1–19 – керамика; 20, 24 – бронза; 21, 22, 26 – камень; 23 – рог; 26 – аргиллит)

Fig. 2. Staraya Kopy'-1 settlement, finds of 2010–2011: 1–19 – fragments of vessels; 20 – knife; 21 – pestle fragment (?); 22 – part of a mould; 23 – fragment of a point; 24 – awl; 25 – fluted plaque; 26 – tool for chopping (1–19 – ceramics; 20, 24 – bronze; 21, 22, 26 – stone; 23 – antler; 26 – argillite)

(рис. 3, 31, 32), отличающимися отогнутым венчиком и отсутствием орнамента. Аналогичные сосуды были найдены в упоминаемом выше грунтовом могильнике Старая Копь-2 сарагашенского этапа тагарской культуры (Поляков 2012).

Вторая по многочисленности категория находок – это куранты зернотерок и их фрагменты (20 экз.), изготовленные из вытянутых плоских плиток мелкозернистого песчаника. Количественное соотношение этих изделий к общему числу находок позволяет сделать вывод об относительной развитости традиций примитивного земледелия.

Остальные находки представлены отдельными экземплярами. Среди них грузило из плоской гальки с двумя выбоинами по краям (рис. 4, 2) и просверленный альчик барана (рис. 4, 4). Находки подобных изделий фиксировались практически на всех исследованных в 2012 г. памятниках региона. К единичным артефактам относится чесало из кости (рис. 4, 3). Это производственный инструмент, отличающийся от гребней короткими зубцами и длинной рукояткой с крепежным отверстием. Аналогичные изделия известны в материалах карасукской культуры позднего бронзового века (Поляков 2005: 109–110, рис. 2).

В одном из шурфов был обнаружен пластинчатый бронзовый нож с небольшим круглым отверстием на конце рукоятки (рис. 4, 1). Он находит множество аналогий среди материалов подгорновского этапа тагарской культуры (Максименков 2003: табл. 52, 10; Савинов 2012: фото 22, 14). Среди находок наибольший интерес представляют бронзовые литые двусоставные удила (см. ниже). Хотя они сохранились частично, но их тип определим – это удила с дополнительным маленьким кольцом (рис. 4, 5). Изделия подобного облика широко распространены на разных территориях Евразийской степи.

Интересные данные получены при изучении палеозоологической коллекции этого поселения, проведенном заведующим зоологическим музеем Хакасского ГУ им. Н. Ф. Катанова канд. биол. наук А. А. Асочаковым. Всего проанализировано 162 кости и их фрагменты. На 17 % образцов обнаружены следы воздействия огня, что встречается не часто. Вид животного удалось определить только в 13 % случаев (21 экз.): благородный олень (*Cervus elaphus*) – 7 экз.; козуля сибирская (*Capreolus pygargus*) – 6 экз.; бык (= «корова») (*Bos taurus*) – 3 экз.; баран (*Ovis sp.*) – 1 экз.; лошадь (*Equus sp.*) – 4 экз. Обращает на себя внимание преобладание диких видов, что свидетельствует о большой роли охоты в ведении хозяйства, что может быть связано с расположением поселения в подтаежной зоне. Второе важное наблюдение – единичный случай обнаружения костей овцы, традиционно составлявшей основу скотоводческого хозяйства населения тагарской культуры в относительно более западных степных областях. Эти данные указывают на то, что племена тагарской культуры старались приспособить ведение своего хозяйства к локальным условиям окружающей среды.

В целом, на поселении Старая Копь-1 получено достаточно материалов для его культурно-хронологической атрибуции. Основная его часть (Участок 1) пока еще мало изучена, но есть основания полагать, что она представляла собой группу жилищ, вытянутых «цепочкой» вдоль берегового обрыва р. Амыл. Обращают на себя внимание находки медного шлака и фрагмента литейной формы, однозначно свидетельствующие о наличии на поселении металлургической мастерской.

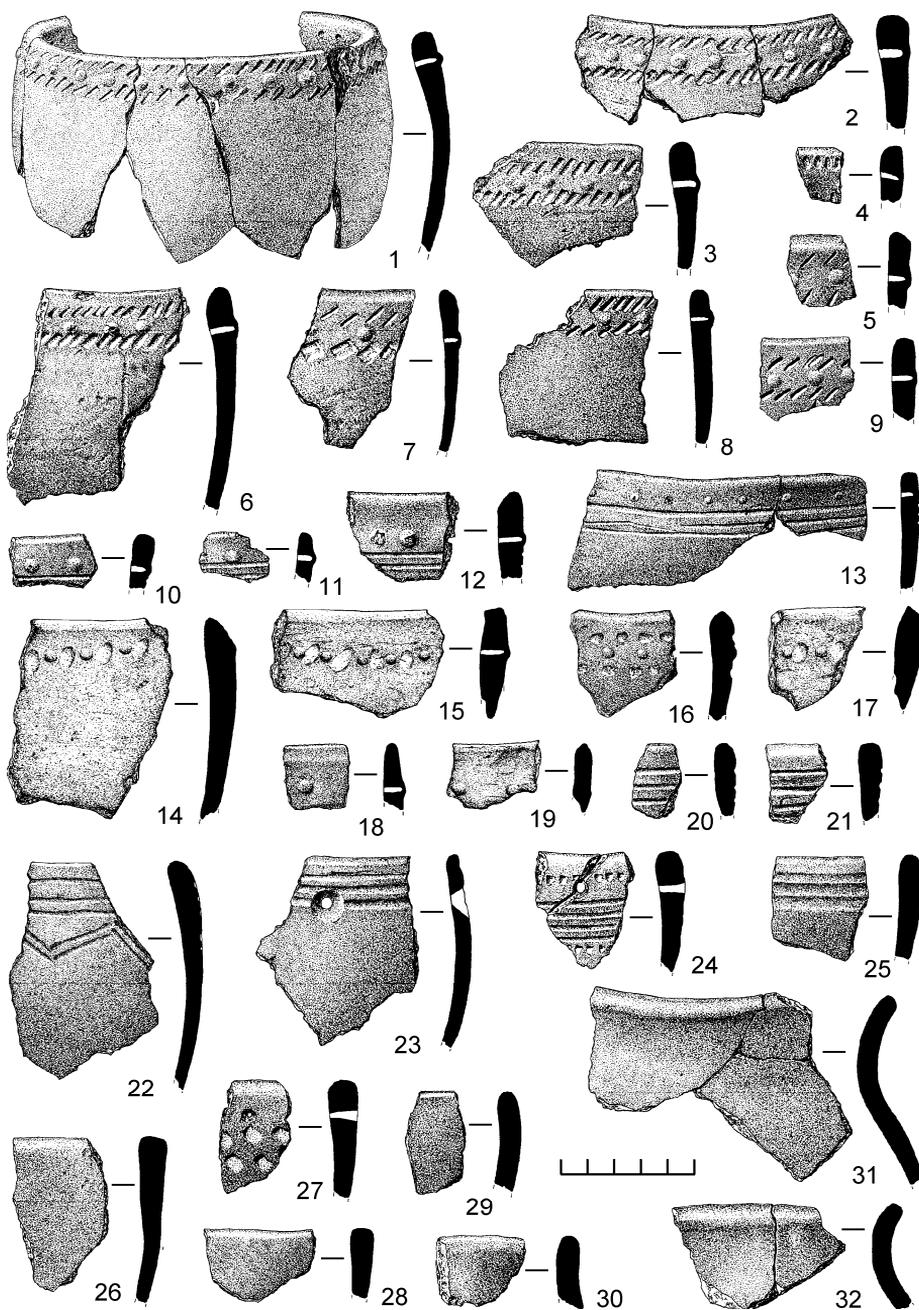

Рис. 3. Поселение Старая Копь-1, Участок 2, керамика из раскопок 2012 г.

Fig. 3. Staraya Kopy'-1 settlement, Area 2, pottery excavated in 2012

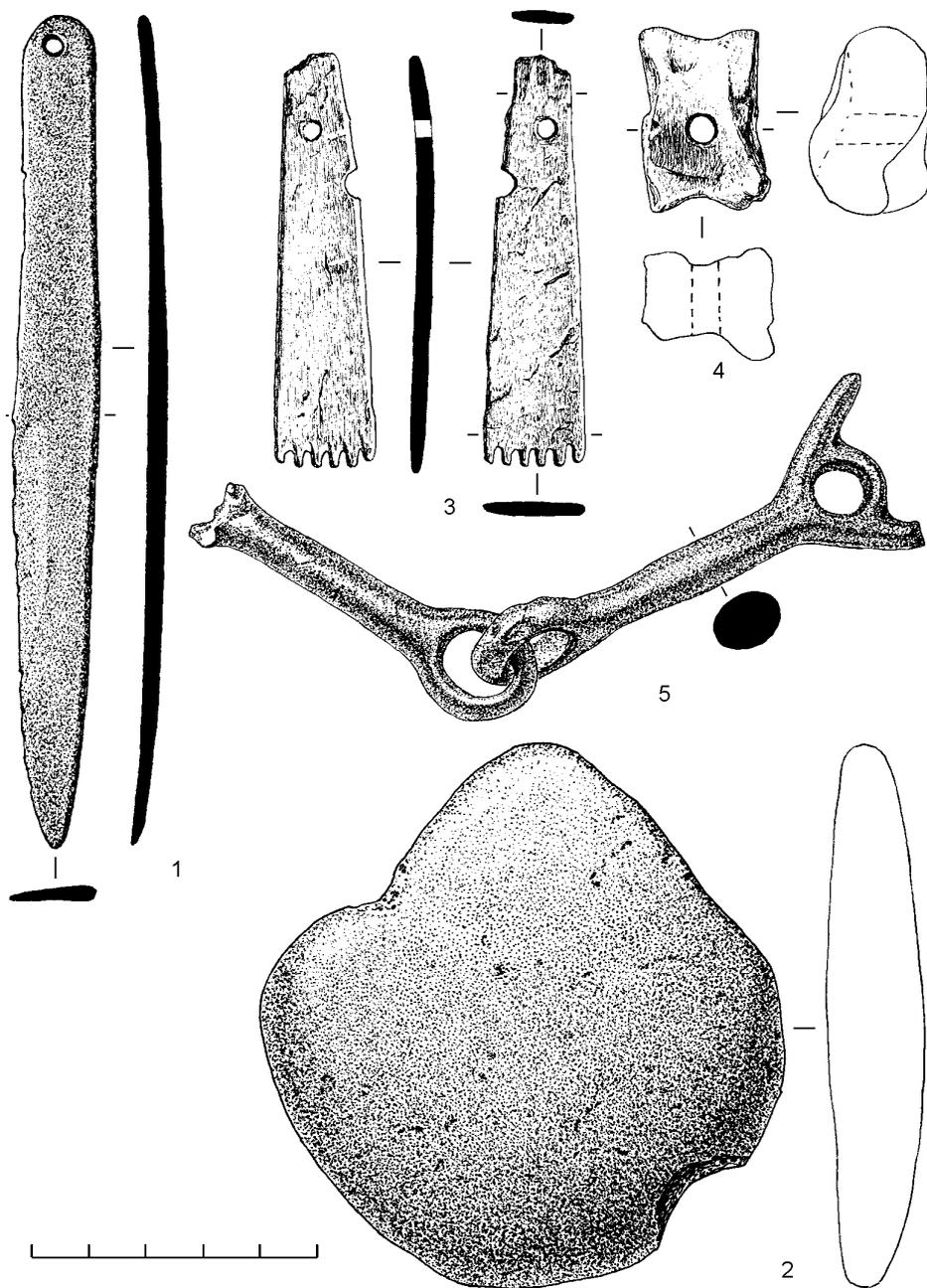

Рис. 4. Поселение Старая Копь-1, Участок 2, артефакты из раскопок 2012 г.: 1 – нож; 2 – грузило; 3 – чесало; 4 – альчик барана; 5 – удила (1, 5 – бронза; 2 – камень; 3, 4 – кость)

Fig. 4. Staraya Kopy'-1 settlement, Area 2, artifacts found in 2012: 1 – knife; 2 – plummet; 3 – hemp comb; 4 – ram astragalus; 5 – bridle-bits (1, 5 – bronze; 2 – stone; 3, 4 – bone)

Культурный слой полностью раскопанного Участка 2 сформировался на месте отдельно расположенного сооружения, предположительно хозяйственно-го назначения, вокруг которого группировались хозяйственные ямы. Отметим, что культурный слой постепенно убывал по мере удаления от постройки. О назначении сооружения судить сложно. На основе большого количества обломков курантов зернотерок и необычного «захоронения зернотерки» можно предположить, что сооружение было связано с хранением и переработкой зерна. Однако в таком случае неясна причина его локализации в стороне от основной части поселения. Скорее всего, эта постройка использовалась не очень интенсивно, на что указывает наличие в культурном слое довольно крупных фрагментов керамики (рис. 3). При активном использовании сооружений и площадок вокруг них (интенсивное перемещение людей и домашних животных) керамика, как правило, сохраняется в мелких фрагментах, а крупные можно обнаружить только в хозяйственных ямах.

Датировка поселения Старая Копь-1 пока основывается на анализе имеющихся материалов по аналогиям с инвентарем из погребений тагарской культуры. Из образца костей животного, переданного для получения даты по ^{14}C (Ле-9953), не удалось извлечь коллаген в объеме, достаточном для исследования.

Следует отметить, что поселение существовало на протяжении двух разных хронологических этапов тагарской культуры – на подгорновском и сарагашенском, охватывая в большей степени ранний период. Преобладают фрагменты керамики от баночных сосудов с прямым венчиком, которые, по аналогии с другими памятниками, относятся к подгорновскому этапу (Кочергино, Усть-Тесь, Тесь и другие). Неорнаментированные фрагменты с сильно профилированным венчиком, которые могут соотноситься с сарагашенским этапом, встречаются значительно реже. Их доля составляет менее 7 % от общего числа венчиков. Аналогичная пропорция разных этапов тагарской культуры пока зафиксирована только на стоянке Ирба-2. Остальные исследованные памятники этой группы (Ирба-3, Рощинское-1, Рощинское-2, Анжельк-1, Анжельк-2) в основном относятся к более позднему сарагашенскому этапу, а образцы керамики подгорновского типа встречаются в их материалах только эпизодически.

В культурном слое поселения были обнаружены 2 цельнолитых бронзовых ножа. Один из них относится к финалу подгорновского этапа – началу сарагашенского (рис. 2, 20). Он был обнаружен в шурфе, заложенном для уточнения границ поселения, и не сопровождался никакими иными находками. Нельзя исключить, что нож может быть связан не с поселением Старая Копь-1, а с грунтовым могильником Старая Копь-2 (см. выше).

Аналогии второму ножу с небольшим круглым отверстием на ручке (рис. 4, 1) известны из многих раннетагарских могильников (около 30 экз.), например, Новая Черная 1, кург. 4 мог. 3 (Максименков 2003: табл. 52, 10). Часть из них связывали с баиновским этапом, однако новейшие исследования показали, что все они датируются подгорновским этапом тагарской культуры (Лазаретов 2007). К этому же времени относится бытование аргиллитовых желобчатых блюшек, одна из которых обнаружена при раскопках поселения (рис. 2, 25). Аналогичные изделия из аргиллита и бронзы – весьма распространенная находка в погре-

бениях подгорновского этапа тагарской культуры (Максименков 2003: табл. XXV, 7; Савинов 2012: табл. XVI, 1, 2; LXII, 8).

Надежным хронологическим индикатором поселения является находка бронзовых литых двусоставных удил с дополнительными малыми отверстиями. Наиболее ранним изделием подобного типа являются удила из камеры 31 кургана Аржан-1, что устанавливает нижнюю границу их существования началом VIII в. до н. э. Верхняя граница не может быть однозначно определена. С учетом одной из наиболее поздних находок такого типа удил, сделанной в кургане Аржан-2 (датируемой автором раскопок последней четвертью VII в. до н. э.; см. Чугунов 2011: 331), она может быть определена началом VI в. до н. э.

Таким образом, на основании имеющихся материалов поселение Старая Копь-1 датируется подгорновским и началом сарагашенского этапа тагарской культуры.

Отдельно остановимся на **вопросе районирования ранних этапов тагарской культуры**. Наиболее полно история вопроса освещена в недавно вышедшей монографии Д. Г. Савинова (Савинов 2012: 38–44). В отношении материалов рассматриваемого нами поселения Старая Копь-1 интересно выделение особой правобережной группы памятников (на правом берегу Енисея). Наиболее ярко ее отличия прослеживаются в керамическом материале. Впервые отличия в тагарской керамике из разных районов отметил М. П. Грязнов в 1950-х гг. в неопубликованной работе «Минусинская курганная культура». М. А. Дэвлет в своей диссертации провела статистическое исследование на основе 700 сосудов (Дэвлет 1966). Она отметила разделение на два локальных района к востоку и западу от Енисея. «На посуде правобережья преобладает бугорчатый орнамент, причем ряды бугорков значительно чаще, чем желобки, сочетаются с другими орнаментальными мотивами, по большей части с зубчатым штампом» (Там же: 10–11). Схожего мнения придерживался и М. П. Грязнов. Он отмечал: «На правобережье Енисея, в районе р. Тубы, встречаются сосуды тех же форм, но они не имеют ни утолщения по венчику, ни желобков. Они украшены рядом “жемчужин”, т. е. выдавленных изнутри бугорков, и часто несложными рисунками, отгиснутыми гребенкой и напоминающими орнаменты баиновской керамики» (Грязнов 1968: 188). В дальнейшем П. В. Герман (2008) в своем исследовании выделил правобережную приенисейскую группу.

Действительно, рассмотрение материалов раннетагарских памятников правого берега Среднего Енисея выявляет существование особой традиции, наиболее ярко проявляющейся в орнаментации керамики. В отличие от памятников левого берега, где основу орнамента сосуда составляют широкие желобки, на правом берегу представлена иная традиция. В ее основе лежит использование «жемчужника», который может быть дополнен различными элементами: рядами косых насечек, вдавлениями, прочерченными линиями. Наиболее широко орнаментация на основе «жемчужника» представлена на посуде из раскопок С. В. Киселева в районе р. Туба: могильники Кочергино, Тесь и Усть-Тесь (Киселев 1929: табл. IV). Самый восточный пункт, где отмечены единичные фрагменты сосудов тагарского типа с «жемчужником», – Казыр-Кизирский р-н (Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009: 52–53, рис. 47).

Известна серия могильников вдоль Енисея, в материалах которых представлены обе традиции. Например, на керамике из погребений подгорновского эта-

па под горой Тепсей (правый берег) широкие желобки фиксируются примерно в 20 % случаев (Завитухина 1970: рис. 28). Более того, известны могильники, расположенные на правом берегу Енисея, в материалах которых представлена орнаментальная традиция преимущественно на основе широких желобков (например, Каменка I).

Таким образом, даже первичное рассмотрение этой темы позволяет отметить, что ареал распространения орнаментов на основе «жемчужника» действительно тяготеет к району р. Туба. Разделение на левый и правый берега Енисея лишь в общих чертах обозначает суть проблемы. По всей видимости, ареал распространения сосудов с «жемчужником» несколько уже, и определение его границ требует отдельного углубленного исследования.

В связи с этой темой интересно рассматриваемое в статье поселение Старая Копь-1, расположенное на р. Амыл – крупном притоке р. Туба. Безусловно, материалы этого памятника относятся к кругу керамики с орнаментацией на основе «жемчужника» (рис. 3, 1–19). Более того, можно отметить, что и на других исследованных в 2012 г. Саянской экспедицией стоянках, где имеются материалы подгорновского этапа, тоже представлена такая керамика (Ирба-2 и Рошинское-2). Таким образом, эти памятники расширяют и уточняют ареал распространения керамики данного типа. Обнаружение ее в материалах поселенческих комплексов позволяет утверждать, что эта посуда носила бытовой характер, активно использовалась в повседневной жизни и в том же виде ставилась в погребения. По типам использованных орнаментов материалы поселения Старая Копь-1 наиболее близки могильнику Кочергино, что неудивительно, так как расстояние между ними составляет менее 30 км.

Отдельно нужно подчеркнуть справедливость замечания М. П. Грязнова о том, что описанные орнаменты могут быть сопоставлены с традицией орнаментации керамики «баиновского типа», которая согласно новым исследованиям относится к завершающему этапу позднего бронзового века (Лазаретов 2007). При этом по остальным признакам (конструкциям сооружений, погребальному обряду и иному инвентарю) погребальные памятники, исследованные вдоль р. Туба (Кочергино, Тесь и Усть-Тесь), схожи с курганами именно подгорновского этапа тагарской культуры. Таким образом, можно осторожно предположить, что в этом районе прослеживается наибольшая преемственность между памятниками финала позднего бронзового века и скифского времени.

Еще раз обратимся к имеющим важное значение бронзовым *литым двусоставным удилам*, относящимся к типу удила со стремечковидными окончаниями и дополнительными маленькими отверстиями (рис. 4, 5). В литературе они известны под разными названиями: удила со стремевидными концами и внутренним кольцом (Членова 1967: 66–68, табл. 16), стремечковидные с дополнительным отверстием (Боковенко 1998: 55; Марсадоллов 1998: 5–6), удила с дополнительным отверстием (колючком) (Шульга 2013: 24). Такие удила в Саяно-Алтайском регионе, да и, пожалуй, на территории всей Центральной Азии, наиболее характерны для Минусинской котловины (Амзараков 2010: 149). Учитывая большое разнообразие внешнего оформления окончаний таких удил – от треугольника до круга, в сочетании с их единой функциональностью, можно отметить, что наиболее точное типологическое название им дает П. И. Шульга. Но и это название следует несколько уточнить. Дополнительные кольца-отверстия таких удил бы-

вают разных размеров, что в корне меняет их функциональное применение. Малые кольца используются для подвязывания трехдырчатых псалиев или продевания «скребниц» и являются ранним типом удила (Там же). Большие кольца используются для продевания в них двухдырчатых псалиев и являются переходным типом к большим кольчатым удилам развитого скифского времени. Поэтому наиболее верным названием для данного типа, на наш взгляд, будет: удила с дополнительными малыми отверстиями. Этот тип может разделяться на несколько подтипов по виду оформления окончаний: округлые, овальные, трапециевидные, подтреугольные.

В раннескифскую эпоху на территории Центральной Азии получает широкое распространение обряд погребения с конем в полной амунии. В этот период сопроводительное захоронение лошади являлось неотъемлемой частью ритуальных действий на Алтае (Кубарев, Шульга 2007: 53–55). Встречаются они и в элитных курганах алды-бельской культуры Тувы (Грач 1980: 25; Чугунов 2005: 103). Для рядовых захоронений этого времени отмечается помещение у края могильных ям не самой лошади, а только уздечных наборов, включавших удила, обоймы, пряжки, нашечные бляхи.

Однако на территории Минусинской котловины, несмотря на хорошую изученность раннетагарских погребальных комплексов, на сегодняшний день неизвестно ни одного погребения с лошадей. Единственный случай обнаружения предмета конской упряжи в памятниках тагарской культуры был отмечен при раскопках кургана могильника Гришкин Лог (курган 13, могила 8, раскопки М. П. Грязнова в 1958 г.). В одной из могил был найден роговой изогнутый псалий. Захоронение было ограблено в древности, поэтому первоначальное положение находки установить не удалось. Псалий представлял собой плоский дугообразный фрагмент обработанного рога с тремя круглыми отверстиями в одной плоскости, окончания которого закруглены и оформлены в виде стилизованных птичьих головок (Максименков 2003: рис. 25, 6). Схожие псалии на территории Минусинских котловин были обнаружены при раскопках поселений Каменный Лог I (Грязнов 1965: 66), Бырганов IV (Лазаретов, Поляков 2008: 46, 53) и в ямах поселенческого характера на могильнике Устинкино (Савинов, Бобров 1983: 56, рис. 25). Однако все эти памятники относятся к более раннему хронологическому пласту и датируются финалом позднего бронзового века. Таким образом, обнаружение бронзовых удил на поселении Старая Копь-1 является второй известной находкой предметов конской узды в материалах памятников раннего железного века Минусинской котловины. Она позволяет надежно связать с определенным хронологическим пластом большую серию случайных находок этого типа.

По предварительным подсчетам на территории Минусинской котловины, с учетом материалов региональных музеев, обнаружено свыше 300 бронзовых удил и псалиев, относящихся к категории «случайных находок», что в разы превосходит общее количество конской узды, найденное на сопредельных территориях (если исключить выделяющийся комплекс кургана Аржан-I в Туве). При этом, как уже отмечалось, в погребениях они не встречаются. По всей видимости, такая диспропорция связана с отсутствием традиции либо даже табуированием помещения предметов конской узды в погребения тагарской культуры и слабой исследованностью поселенческих комплексов этого времени.

Из общего количества находок свыше 100 удил и их фрагментов относятся к типу: удила с дополнительным маленьким отверстием, как и обнаруженные на поселении Старая Копь-1. Вероятно, такая широкая представительность изделий этого типа отражает региональную специфику именно Минусинской котловины, где подобные удила, возможно, были широко распространены. Более подробно этот вопрос, а также особенности сочетания такого типа удил с псалиями рассмотрен в отдельной статье П. Б. Амзаракова (Амзараков 2010).

Подводя итог публикации полученных в 2010–2012 гг. материалов поселения Старая Копь-1, необходимо отметить принципиальное значение изучения поселенческих материалов тагарской культуры. К сожалению, тысячи раскопанных курганов этого времени не дают ответа на простые вопросы, связанные с повседневным бытом и хозяйством оставившего эти памятники населения. Даже сравнительно скромные по своим масштабам исследования поселения Старая Копь-1 дают возможность по-новому взглянуть на вопросы, связанные с ведением хозяйства. Проживающее на этом поселении население в большей степени явно ориентировалось на охоту (преобладание костей диких видов животных) и земледелие (значительное число зернотерок), чем на скотоводство. Это, безусловно, связано с региональной спецификой подтаежной зоны, где близость мест богатых дичью и высокое плодородие почв в сочетании с обилием осадков позволяют гораздо активнее использовать иные методы ведения хозяйства, не опираясь исключительно на разведение скота. Кроме того, материалы этого памятника должны сыграть свою роль при дальнейшем изучении вопросов районирования ранних этапов тагарской культуры Минусинской котловины и выделения вдоль течения р. Туба особой группы, связанной с орнаментацией керамики «жемчужником». Наконец, найденные на поселении Старая Копь-1 удила со стремечковидными окончаниями и дополнительным маленьким отверстием позволяют обоснованно связать большую серию случайных находок таких изделий с материалами подгорновского этапа тагарской культуры.

Литература

Амзараков 2010 – *Амзараков П. Б.* Особенности генезиса конской узды раннескифского времени Минусинской котловины // Вестник НГУ. Серия: История, философия. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. Т. 9, вып. 5. С. 146–155.

Боковенко 1998 – *Боковенко Н. А.* Один из вариантов конской узды скифского времени в Центральной Азии // Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. (ред.). Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 50–55.

Вадецкая 1986 – *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Герман 2008 – *Герман П. В.* Локальные различия и проблема генезиса тагарской культуры // Деревянко А. П., Макаров Н. А. (отв. ред.). Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 17–19.

- Грач 1980 – *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов 1965 – *Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 62–71.
- Грязнов 1968 – *Грязнов М. П.* Тагарская культура // Окладников А. П. (гл. ред.). История Сибири с древнейших времен и до наших дней. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 186–195.
- Дэвлет 1966 – *Дэвлет М. А.* Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1966. 23 с.
- Завитухина 1970 – *Завитухина М. П.* Подгорновский этап // *Грязнов М. П. и др.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 40–54.
- Киселев 1929 – *Киселев С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск: Государственная типография, 1929. 162 с. (Ежегодник гос. музея им. Н. М. Мартыанова. Т. 6, вып. 2).
- Кубарев, Шульга 2007 – *Кубарев В. Д., Шульга П. И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. 282 с.
- Лазаретов 2007 – *Лазаретов И. П.* Памятники баиновского типа и тагарская культура // АВ. 2007. № 14. С. 93–105.
- Лазаретов, Поляков 2008 – *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Шамшин А. Б. (отв. ред.). Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы: Сб. науч. тр. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Леонтьев Н., Леонтьев С. 2009 – *Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н.* Памятники археологии Казыр-Кизирского района. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. 178 с.
- Максименков 2003 – *Максименков Г. А.* Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с.
- Марсадолов 1998 – *Марсадолов Л. С.* Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н. э. // Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. (ред.). Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 5–24.
- Поляков 2005 – *Поляков А. В.* Гребни из комплексов карасукской культуры // Тишкин А. А. и др. (ред.). Западная и Южная Сибирь в древности: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 102–111.
- Поляков 2012 – *Поляков А. В.* Комплекс археологических памятников Старая Копь на правом берегу р. Амыл // Алёкшин В. А. и др. (ред.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. С. 258–263.
- Савинов 2012 – *Савинов Д. Г.* Памятники тагарской культуры могильной степи (по результатам исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
- Савинов, Бобров 1983 – *Савинов Д. Г., Бобров В. В.* Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр. Кемерово: Кемеровский ГУ, 1983. Вып. 12. С. 34–71.

Членова 1967 – *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Чугунов 2005 – *Чугунов К. В.* Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Тишкин А. А. (отв. ред.). Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 103–108.

Чугунов 2011 – *Чугунов К. В.* Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // РАЕ. 2011. № 1. С. 262–335.

Шульга 2013 – *Шульга П. И.* Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова). Новосибирск: Редакционно-изд. центр НГУ, 2013. 149 с.

Literature

Амзараков 2010 – *Amzarakov P. B.* Osobennosti genezisa konskoy uzdy' ranneskifskogo vremeni Minusinskoj kotloviny' (*Specific features characteristic of the genesis of the Early Scythian horse-harness in the Minusinsk depression*) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (*Herald of the NSU*). Series of history and philology. Novosibirsk: NSU Press, 2010. Vol. 9, issue 5. P. 146–155 (in Russian).

Боковенко 1998 – *Bokovenko N. A.* Odin iz variantov konskoy uzdy' skifskogo vremeni v Central'noy Azii (*A variant of the Scythian period horse-harness from Central Asia*) // Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. (eds.). Snaryajenie verhovogo konya na Altae v rannem jeleznom veke i srednevekov'e (*Early Iron Age and medieval riding horse harness in Altai*). Barnaul: ASU Press, 1998. P. 50–55 (in Russian).

Вадецкая 1986 – *Vadetskaya E. B.* Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya (*Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisey*). Leningrad: Nauka, 1986. 180 p. (in Russian).

Герман 2008 – *German P. V.* Lokal'ny'e razlichiya i problema genezisa tagarskoj kul'tury' (*Local variations and the problem of the genesis of the Tagar culture*) // Derevianko A. P., Makarov N. A. (eds.). Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo Arheologicheskogo s'ezda v Suzdale (*Proceedings of the II (XVIII) All-Russia Archaeological Meeting in Suzdal*). Moscow: IA RAS, 2008. Vol. 2. P. 17–19 (in Russian).

Грач 1980 – *Grach A. D.* Drevnie kochevniki v centre Azii (*Ancient nomads in the center of Asia*). Moscow: Nauka, 1980. 256 p. (in Russian).

Грязнов 1965 – *Griaznov M. P.* Raboty' Krasnoyarskoj e'kspedicii (*Works of the Krasnoyarsk Expedition*) // Kratkie soobsh'eniya Instituta arheologii (BCIA). 1965. Vol. 100. P. 62–71 (in Russian).

Грязнов 1968 – *Griaznov M. P.* Tagarskaya kul'tura (*Tagar culture*) // Okladnikov A. P. (ed.). Istoriya Sibiri s drevneyshih vremen i do nashih dney (*History of Siberia from the earliest times to our days*). Vol. 1: Drevnyaya Sibir' (*Ancient Siberia*). Leningrad: Nauka, 1968. P. 186–195 (in Russian).

Дэвлет 1966 – *Devlet M. A. Plemena basseyna Srednego Eniseya v rannem jeleznom veke (Tribes of the Middle Yenisey in the Early Iron Age)*: Abstract of the Ph. D. dissertation. Moscow: IA AS of the USSR, 1966. 23 p. (in Russian).

Завитухина 1970 – *Zavitukhina M. P. Podgornovskiy e'tap (Podgornovo stage) // Gri-aznov M. P. et al. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov u gory' Tepsey na Enisee (Complex of archaeological sites near Tepsei mount on the Yenisey)*. Novosibirsk: Nauka, 1979. P. 40–54 (in Russian).

Киселев 1929 – *Kiselev S. V. Materialy' arheologicheskoy e'kspedicii v Minusinskiy kray v 1928 g. (Materials of the archaeological expedition to the Minusinsk region in 1928)*. Minusinsk: State printery, 1929. 162 p. (Yearbook of N. M. Martianov State Museum. Vol. 6, issue 2) (in Russian).

Кубарев, Шульга 2007 – *Kubarev V. D., Shulga P. I. Pazyry'yskaya kul'tura (kurgany' Chui i Ursula) (Pazyryk culture [barrows of the Chuya and Ursul])*. Barnaul: ASU Press, 2007. 282 p. (in Russian).

Лазаретов 2007 – *Lazaretov I. P. Pamyatniki bainovskogo tipa i tagarskaya kul'tura (Sites of the Bainov type and the Tagar culture) // Arheologicheskie Vesti (Archaeological News)*. 2007. No. 14. P. 93–105 (in Russian).

Лазаретов, Поляков 2008 – *Lazaretov I. P., Polyakov A. V. Hronologiya i periodizaciya kompleksov e'pohi pozdney bronzy' Yujnoy Sibiri (Chronology and periodization of the Late Bronze Age assemblages of South Siberia) // Shamshin A. B. (ed.). E'tnokul'turny'e processy' v Verhnem Priob'e i sopredel'ny'h regionah v konce e'pohi bronzy' (Ethnocultural processes in the Upper Ob' region and adjacent areas at the end of the Bronze Age)*. Barnaul: Concept, 2008. P. 33–55 (in Russian).

Леонтьев, Леонтьев 2009 – *Leontiev N. V., Leontiev S. N. Pamyatniki arheologii Kazyr'-Kizirskogo rayona (Archaeological sites of the Kazyr-Kizir district)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009. 178 p. (in Russian).

Максименков 2003 – *Maksimenkov G. A. Materialy' po ranney istorii tagarskoy kul'tury' (Materials on the history of the Tagar culture)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 192 p. (in Russian).

Марсадолов 1998 – *Marsadolov L. S. Osnovny'e tendencii v izmenenii form udil, psaliev i pryajek konya na Altae v VIII–V vekah do n. e'. (Main trends in the change of forms of bridle-bits, cheek-pieces and horse buckles in Altai in the VIII–V centuries BC) // Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. (eds.). Snaryajenie verhovogo konya na Altae v rannem jeleznom veke i sred-nevekov'e (Early Iron Age and medieval riding horse harness in Altai)*. Barnaul: ASU Press, 1998. P. 5–24 (in Russian).

Поляков 2005 – *Polyakov A. V. Grebni iz kompleksov karasukskoy kul'tury' (Combs from the Karasuk culture assemblages) // Tishkin A. A. et al. (eds.). Zapadnaya i Yujnaya Sibir' v drevnosti (West and South Siberia in ancient times): Festschrift for the 60th birthday of Yu. F. Kiryushin*. Barnaul: ASU Press, 2005. P. 102–111 (in Russian).

Поляков 2012 – *Polyakov A. V. Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov Staraya Kop' na pravom beregu r. Amyl (Complex of archaeological sites of Staraya Kop' on the right bank of the Amyl river) // Alekshin V. A. et al. (eds.). Kul'tury' stepnoy Evrazii i ih vzai-modeystvie s drevnimi civilizაციями (Cultures of the Steppe Eurasia and their interaction*

with ancient civilizations). St. Petersburg: IHMC RAS, «Periphery», 2012. Book 2. P. 258–263 (in Russian).

Савинов 2012 – Savinov D. G. Pamyatniki tagarskoy kul'tury' mogil'noy stepi (po rezul'tatam issledovaniy 1986–1989 gg.) (*Tagar culture sites in the grave steppe [based on the results of 1986–1989 explorations]*). St. Petersburg: ElecSys, 2012. 180 p. (in Russian).

Савинов, Бобров 1983 – Savinov D. G., Bobrov V. V. Ustinkinskiy mogil'nik (*Ustinkinsky cemetery*) // *Arheologiya Yujnoy Sibiri (Archaeology of South Siberia)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 1983. Vol. 12. P. 34–71 (in Russian).

Членова 1967 – Chlenova N. L. Proishozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kul'tury' (*Origins and early history of the Tagar culture tribes*). Moscow: Nauka, 1967. 300 p. (in Russian).

Чугунов 2005 – Chugunov K. V. Uzdechny'e komplekty' aldy'-bel'skoy kul'tury' v kontekste razvitiya konskogo snaryajeniya (*Bridle assemblages of the Aldy-Bel culture in the context of the horse harness evolution*) // Tishkin A. A. (ed.). *Snaryajenie kochevnikov Evrazii (Munitions of the nomads of Eurasia)*. Barnaul: ASU Press, 2005. P. 103–108 (in Russian).

Чугунов 2011 – Chugunov K. V. Arjan-2: rekonstrukciya e'tapov funkcionirovaniya pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa i nekotory'e voprosy' ego hronologii (*Funeral and memorial complex of Arzhan-2: its building history and chronology*) // *Rossiyskiy arheologicheskiy ežegodnik (RAY)*. 2011. No. 1. P. 262–335 (in Russian).

Шульга 2013 – Shulga P. I. Konskoe snaryajenie rannih kochevnikov Minusinskoj kotloviny' (po materialam Minusinskogo muzeya im. N. M. Mart'yanova) (*Horses harness of the early nomads of the Minusinsk depression [with special reference to the materials of N. M. Martianov Minusinsk Museum]*). Novosibirsk: NSU Publishing Center, 2013. 149 p. (in Russian).

SCYTHIAN PERIOD SETTLEMENT OF STARAYA KOP'-1 ON THE EASTERN PERIPHERY OF THE MINUSINSK STEPPES

P. B. Amzarakov, O. V. Kovaleva, I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov

The paper presents the results of excavations at the Scythian period settlement of Staraya Kop'-1 (Karatuz district of the Krasnoyarsk region). The settlement can be dated to the Podgornovo and early Saragash stages of the Tagar culture. Of considerable interest is the presence of numerous fragments of grinding stones and the fact that the paleozoological collection is dominated by remains of wild animals. The settlement belongs to a particular group of sites of the Early Scythian period, situated along the Tuba river, which is distinct for its ornamental patterns consisting of pearl-like motifs. The discovery of a bridle-bit with stirrup-shaped ends and an additional small hole allows reliable dating of numerous finds of analogous bridles from the Minusinsk depression, which can now be safely associated with the Podgornovo stage of the Tagar culture.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ АРТЮЩЕНКО-1 И АРТЮЩЕНКО-2)¹

А. В. БАТАСОВА

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, Таманский п-ов, античные сельские поселения.*

Keywords: *North Black Sea region, Taman' peninsula, classical antiquity rural settlements.*

Изучение сельских поселений Европейского и Азиатского Боспора является одним из активно развивающихся направлений в классической археологии. В отличие от городов, сельские поселения представляют собой многочисленную категорию археологических памятников, что позволяет значительно обогатить наше понимание процессов формирования, функционирования и развития системы греческого расселения в этом регионе. Данная статья посвящена поселениям Артющенко-1 и Артющенко-2,² расположенным в юго-восточной части Таманского п-ова, на расстоянии всего 2 км друг от друга. Оба памятника сравнительно хорошо исследованы, материалы их представлены в целой серии публикаций (Виноградов 2002а; 2006; 2011; 2013; Кашаев 2009а; 2009б; Стоянов 2009 и др.). На сегодняшний день результаты археологических раскопок позволяют составить картину динамики жизни на Артющенко-1 и Артющенко-2, выявить их характерные черты. Нашей задачей является детальное рассмотрение этих памятников, находящихся в одинаковых топографических условиях, и определение ключевых моментов сходства и различий между ними.

Поселение Артющенко-1 расположено в 3–3,5 км к ЮВ от пос. Артющенко, на высоком берегу Черного моря, к западу от оз. Соленого (Паромов 1992: 497). Его площадь, по оценкам Я. М. Паромова, составляет 6 га (Там же). Это поселение известно довольно давно. Памятник был отмечен на картах В. В. Соколова, В. Ф. Войцеховского, А. А. Миллера (Там же: 495).

Первые раскопки памятника, получившего название «Бугазское», были предприняты в 1950–1951 гг. Синдской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством В. Д. Блаватского. На территории поселения был собран подъемный материал – фрагменты керамики античного и средневекового времени, в том числе немногочисленные фрагменты амфор конца VI–начала V в. до н. э. (Блаватский 1953: 149). Также были определены границы памятника: южная – по

---

¹ Выражаю искреннюю благодарность Ю. А. Виноградову и С. В. Кашаеву за помощь в подготовке данной публикации.

² В литературе встречается различное обозначение этих памятников: Артющенко I, Артющенко 1 и т. д. В данной статье в целях единообразия принято обозначение Артющенко-1 и Артющенко-2.

краю плато, восточная отмечалась глубокой балкой, северная и западная – по распространению материала (Там же).

На территории памятника было заложено четыре раскопа: три – вдоль южной границы памятника³ и один – к западу от края поселения (Там же: 150–153). Материалы из двух раскопов (площади I и IV по терминологии автора раскопок) полностью относились к средневековому (салтово-маяцкому) времени. На втором раскопе (площади II и III) помимо средневековых были выявлены более ранние культурные слои первых веков нашей эры, в том числе остатки каменных фундаментов построек II–III вв. н. э. (Там же: 152). Первыми веками нашей эры датировалось и погребение с конем, открытое к западу от границы поселения (площадь V) (Там же: 153). Материалы рубежа эр и эллинистического времени были представлены отдельными фрагментами керамики.

В 1985 г. в ходе сплошных разведок на Таманском п-ове памятник был обследован Я. М. Паромовым. Поселение получило название Артющенко-1. Исследователем были уточнены его размеры, отмечены особенности микрорельефа. Границы поселения, определенные Я. М. Паромовым, в целом соответствовали наблюдениям В. Д. Блаватского (Паромов 1992: 497). Собранный подъемный материал в основном относился к последним векам до нашей эры – первым векам нашей эры, раннесредневековому и средневековому времени. Керамика IV–III вв. до н. э. была представлена единичными фрагментами (Там же: 497–498). В целом (с учетом материалов раскопок) памятник был датирован Я. М. Паромовым VI в. до н. э.–IX в. н. э. и интерпретирован как сельское поселение античного и средневекового времени (Там же: 498).

В 1998 г. раскопки Артющенко-1 были начаты отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН под руководством Ю. А. Виноградова. Результаты этих работ значительно изменили представление о памятнике и его хронологии. В 1998 г. был заложен раскоп I на западной окраине поселения. На площади около 300 м² были обнаружены 5 строительных комплексов типа полуземлянок, относящихся к салтово-маяцкому времени, и несколько ям римского времени (Виноградов 1998: 2). Отдельно стоит отметить, что на раскопе I была открыта хорошо сохранившаяся полуземлянка (пом. XIV) IV в. н. э. (Виноградов 2011). Материал из раскопов III и IV, расположенных в западной части поселения, также относился к первым векам нашей эры (Виноградов, Кашаев 2003: 233; Виноградов и др. 2009: 351).

С 1999 г. работы велись на раскопе II, заложенном в восточной части поселения, к востоку от балки. Картина жизни на поселении, представленная в результате этих раскопок, оказалась прямо противоположной сложившейся ранее: были выявлены слои и комплексы, относящиеся к архаическому, классическому и эллинистическому времени; материал позднее рубежа эр здесь полностью отсутствовал.

Позднеархаическим временем были датированы 5 строительных комплексов типа полуземлянок и около 30 хозяйственных ям. Котлованы всех полуземлянок имели прямоугольную или квадратную форму. Их размеры варьируют от

---

³ Раскопанные площади, обозначенные в публикации номерами II и III, находились вплотную друг к другу и могут рассматриваться как один раскоп.

2,15 × 2,0 м при глубине 0,15 м (пом. XI) (Виноградов, Лебедева 2007: 302) до 5 × 3 м при глубине 0,4 м (пом. V) (Виноградов 2001а: 8) и 2,8 × 2,75 м при глубине 1,25 м (пом. VI) (Виноградов, Кашаев 2003: 233). В некоторых случаях в конструкции полуземлянок были зафиксированы приступки (пом. VI), «лежанки» (пом. V), а также развал глинобитного очага (пом. XII) (Виноградов, Кашаев 2003: 233; Виноградов 2002б: 258; Виноградов, Лебедева 2007: 302).

Отличительной чертой архаических комплексов поселения Артюшенко-1 является большое количество лепной керамики, произведенной в традициях местного варварского населения. Она составляет около половины керамического материала (без учета амфорной тары), что является очень высоким показателем для памятников Северного Причерноморья (Виноградов 2006: 70). О хозяйственной деятельности населения Артюшенко-1 свидетельствуют находки в ряде ям обгоревших зерен злаковых (Виноградов, Лебедева 2005: 270; 2007: 302).

К классическому времени (IV в. до н. э.) относятся 4 строительных комплекса типа полуземлянок и 6 ям (Виноградов 2001б; Виноградов, Кашаев 2003: 233; Виноградов и др. 2009: 351). Исследованные полуземлянки имеют в основном прямоугольную форму. Размеры трех объектов очень близки друг к другу и составляют в среднем 5,3 × 3,2 м при глубине 0,5 м. От них несколько отличается полуземлянка XIII, котлован которой представлял собой квадрат с сильно скругленными углами, размерами 3 × 3 м и глубиной 1 м (Виноградов и др. 2009: 351). Комплексы классического времени на поселении Артюшенко-1 насыщены материалом в гораздо меньшей степени по сравнению с предшествующим периодом. В качестве исключения можно отметить ямы 26 и 27, в которых был обнаружен набор очень редкой на поселении чернолаковой и краснофигурной посуды (Виноградов, Кашаев 2003: 233).

В эллинистическое время на исследованном участке располагался производственный комплекс по первичной переработке железной руды и получению железа. От него сохранились фрагменты каменных стен, вымостки, развал глинобитной печи, несколько ям, скопления камней и железной руды (Виноградов 2001а: 142; 2002б: 257; Виноградов, Лебедева 2004: 246; 2005: 270). С железоделательной мастерской было связано святилище, датированное второй половиной III–первой половиной II в. до н. э. В комплекс святилища входили две ямы и землянка VIII с двумя коридорами. Один из коридоров соединялся с ямой (Виноградов, Лебедева 2004: 246). В землянке около северо-восточного борта был обнаружен специально уложенный набор терракотовых статуэток, что и позволило предложить интерпретацию данного комплекса как святилища (Там же: 245).

По результатам археологического изучения поселения Артюшенко-1 были выделены несколько этапов его заселения: последняя треть VI–первая треть V в. до н. э.; короткий период в середине IV в. до н. э.; середина III–первая половина II в. до н. э.; I–III вв. н. э.; IV в. н. э.; салтово-маяцкое время (VIII–IX вв.).

На раннем этапе Артюшенко-1 представляло собой сезонное поселение сельскохозяйственного типа, на котором в основном проживали выходцы из местных племен (Виноградов 2002а: 67; 2006: 75). Вопрос о местном населении на Таманском п-ове в первой половине I тыс. до н. э. пока не имеет однозначного ответа. Отметим, что в последнее время появилась обобщающая работа,

позволяющая все более уверенно говорить о варварском присутствии накануне и, непосредственно, во время греческой колонизации (Иванов, Сударев 2013).

В эллинистическое время на рассматриваемом поселении изменился состав жителей и основной характер их производства – на смену земледелию пришла деятельность по добыче и обработке железной руды (Стоянов 2009: 276). Важно еще раз подчеркнуть, что комплексы, относящиеся к позднеархаическому, классическому и эллинистическому времени, были обнаружены к востоку от балки, которая, как уже говорилось, ранее считалась восточной границей памятника. Комплексы римского и раннесредневекового времени выявлены к западу от балки. В таком случае можно говорить, что Артющенко-1 представляет собой два одновременных памятника, первый из которых относится к последней трети VI–первой половине II вв. до н. э., а второй включает в себя поселения первых веков нашей эры и раннего средневековья. Границей между этими памятниками является балка.

Поселение Артющенко-2 находится в 4 км к ЮВ от пос. Артющенко, в 15 км к ЮВ от пос. Тамань. В 250 м к В от границы поселения выявлен принадлежавший ему некрополь (Кашаев 2009а: 213). Поселение расположено на высоком обрывистом берегу Черного моря, который интенсивно разрушается, в результате чего ежегодно утрачиваются значительные участки культурного слоя. Сохранившаяся площадь поселения оценивается в 20 га (Кашаев 2009б: 188).

Артющенко-2 открыто в 1997 г. Я. М. Паромовым и Е. Я. Роговым в ходе разведок (Стоянов 2010: 218). Раскопки поселения проводились Боспорской экспедицией ИИМК РАН с 1998 по 2002 г., а позднее исследования сконцентрировались на его некрополе (Кашаев 2009а: 213). В 2011, 2013–2014 гг. работы на поселении Артющенко-2 были возобновлены. В общей сложности было заложено 7 раскопов.

Первый из них (раскоп I) располагался примерно по центру поселения на морском берегу. Всего с 1998 по 2000 г. в ходе его исследования было обнаружено 23 ямы, относящиеся к VI–III вв. до н. э. (Кашаев 2002: 6). Их основную часть составляют комплексы конца VI–IV вв. до н. э. Позднеархаическим временем также был датирован обнаруженный на этом раскопе развал наземной турлучной постройки (Рогов 1999: 14; 2001а: 164). Материалы III в. до н. э. встречались здесь значительно реже и преимущественно в верхних слоях (Кашаев 2000: 5–6).

Раскоп II, заложенный на западной окраине поселения, содержал материал второй половины VI–первой трети V в. до н. э.; строительные комплексы на этом участке не были выявлены (Рогов 2001: 164). На раскопе III (восточная окраина поселения) была обнаружена хозяйственная яма, датированная началом IV в. до н. э. В целом керамика из культурного слоя на этом раскопе относилась к концу VI–началу IV вв. до н. э. Е. Я. Роговым было высказано предположение, что в позднеархаическое время восточная часть поселения была освоена сравнительно слабо и основные хозяйственные процессы протекали на ней во второй половине V–начале IV в. до н. э. (Рогов 1999: 15).

Раскоп IV располагался южнее раскопа I на склоне (Рогов 2001: 164; Кашаев 2000: 3). В 2000 г. здесь было выявлено наличие мешаного культурного слоя и фрагментов сырцовых стен (Кашаев 2002: 8). Тогда же в осыпи склона была обнаружена яма (№ 22), материал из которой относился к третьей четверти III в.

до н. э. (Кашаев 2000: 9). В 2002 г. на раскопе IV был исследован хозяйственный комплекс конца VI–первой половины V в. до н. э., включавший в себя две хозяйственные ямы и очаг (Виноградов, Кашаев 2003: 234).

В 2011, 2013–2014 гг. в разных частях поселения были заложены еще три раскопа (V–VII). Материал из них также относится к VI–первой половине II вв. до н. э. На раскопе V были зафиксированы следы деятельности, предположительно связанные с добычей железной руды (Виноградов 2013: 147). Там же была обнаружена редкая для Северного Причерноморья находка бронзового кимвала (Там же: 146).

В составе керамического комплекса с поселения Артюшенко-2 лепная керамика занимает значительное место. Однако ее содержание все же меньше показателей, характерных для Артюшенко-1, что может указывать на несколько иной в количественном отношении состав населения на Артюшенко-2.

Результаты проведенных работ позволяют сделать вывод о том, что поселение Артюшенко-2 возникло в конце VI–начале V в. до н. э. и существовало до начала III в. до н. э. Материалы из некрополя Артюшенко-2 синхронны материалам поселения. Около 78 погребений (56 % от общего числа погребений) относятся к концу VI–V в. до н. э., что, по всей видимости, соответствует времени наиболее интенсивной жизни на рассматриваемом поселении. К IV в. до н. э. относятся 10 погребений (7 %), к III и II вв. до н. э. – 9 (7 %) и 3 (2 %) погребения соответственно (Кашаев 2013: 84–85).

По мнению С. В. Кашаева, это было большое сельское поселение с хуторной системой застройки, т. е. оно состояло из нескольких домохозяйств, удаленных друг от друга на некоторое расстояние (Кашаев 2002: 9). В пользу трактовки этого памятника как большого поселения, население которого (по меньшей мере в конце VI–V в. до н. э.) проживало здесь постоянно, на наш взгляд, свидетельствуют большая сохранившаяся площадь памятника (20 га), значительная мощность культурного слоя и отсутствие хронологических лагун в керамическом материале. Кроме того, учитывая степень интенсивности береговой абразии и тот факт, что максимальная мощность культурного слоя (более 2 м) зафиксирована в центральной, прибрежной части памятника, можно предположить, что основная территория античного поселения в настоящее время разрушена.

Выводы. На основании сопоставления двух памятников – Артюшенко-1 и Артюшенко-2 прослеживается следующая картина динамики жизни в этом микрорайоне. В последней трети VI в. до н. э. возникло поселение Артюшенко-1, на котором, вероятно сезонно, проживало преимущественно варварское население. Во второй трети V в. до н. э. это поселение временно прекратило свое существование. Следующий эпизод его заселения пришелся на середину IV в. до н. э. Артюшенко-2, возникнув на рубеже VI–V вв. до н. э., существовало без каких-либо перерывов в течение V–IV вв. до н. э. Однако в III в. до н. э. на поселении Артюшенко-2 жизнь угасла, в то время как Артюшенко-1 было заселено уже иным населением, занятым не сельским хозяйством, а обработкой железной руды. Примерно к середине II в. до н. э. и Артюшенко-1 оказалось заброшенным. В первых веках нашей эры рядом с ним, но уже с другой стороны балки, было основано совершенно новое поселение, а затем, в VIII–IX вв., – салтовомаяцкое поселение.

Таким образом, изучение Артюшенко-1 и Артюшенко-2 показало, что античные поселения, расположенные на сельскохозяйственных территориях Таманского п-ова, представляли собой различные по облику и функциям населенные пункты. Выявление внутренней дифференциации этой совокупности археологических памятников может значительно дополнить наше понимание динамики хозяйственных процессов и освоения территорий, происходивших на азиатской стороне Боспора в разные исторические эпохи.

Литература и источники

Блаватский 1953 – *Блаватский В. Д.* Второй год работ Синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 149–156.

Виноградов 1998 – *Виноградов Ю. А.* Отчет о работе археологического отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН на поселении Артюшенко I в 1998 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, 1998 г., д. 1.

Виноградов 2001а – *Виноградов Ю. А.* Отчет о работе Бугазского отряда Боспорской экспедиции Института истории материальной культуры РАН на поселении Артюшенко I в 2001 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, 2001 г., д. 1.

Виноградов 2001б – *Виноградов Ю. А.* Раскопки на поселении Артюшенко I // АО 1999 года. 2001. С. 142.

Виноградов 2002а – *Виноградов Ю. А.* Архаические комплексы поселения Артюшенко I // Таманская старина. 2002. № 4. С. 63–68.

Виноградов 2002б – *Виноградов Ю. А.* Раскопки поселения Артюшенко I // АО 2001 года. 2002. С. 257–258.

Виноградов 2006 – *Виноградов Ю. А.* Лепная керамика архаического времени с поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // ЗИИМК. 2006. № 1. С. 69–76.

Виноградов 2011 – *Виноградов Ю. А.* Комплекс IV в. н. э. на поселении Артюшенко I (Таманский полуостров) // Мачинский Д. А. (ред.) Европейская Сарматия: Сб., посвящ. М. Б. Шукину. СПб.: Несгор-История, 2011. С. 314–320.

Виноградов 2013 – *Виноградов Ю. А.* Кимвал из раскопок поселения Артюшенко-2 на Таманском полуострове // Коваленко А. Н. (отв. ред.). Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. тр., посвящ. 65-летию проф. В. П. Копылова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 146–148.

Виноградов и др. 2009 – *Виноградов Ю. А., Стоянов Р. В., Терещенко А. Е.* Исследования поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // АО 2006 года. 2009. С. 350–351.

Виноградов, Кашаев 2003 – *Виноградов Ю. А., Кашаев С. В.* Боспорская экспедиция ИИМК РАН // АО 2002 года. 2003. С. 233–235.

Виноградов, Лебедева 2004 – *Виноградов Ю. А., Лебедева Е. В.* Исследования поселения Артюшенко I // АО 2003 года. 2004. С. 245–246.

Виноградов, Лебедева 2005 – *Виноградов Ю. А., Лебедева Е. В.* Исследования на античном поселении Артюшенко I // АО 2004 года. 2005. С. 269–270.

Виноградов, Лебедева 2007 – *Виноградов Ю. А., Лебедева Е. В.* Раскопки поселения Артюшенко 1 на Таманском полуострове // АО 2005 года. 2007. С. 302.

Иванов, Сударев 2013 – *Иванов А. В., Сударев Н. И.* Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. М.: ИА РАН, 2013. Т. 17. С. 176–185.

Кашаев 2000 – *Кашаев С. В.* Отчет о полевых археологических исследованиях Черноморского отряда Боспорской археологической экспедиции в 2000 году. Поселение Артюшенко-2 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, 2000 г., д. 7.

Кашаев 2002 – *Кашаев С. В.* Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2002 году // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, 2002 г., д. 10.

Кашаев 2009а – *Кашаев С. В.* Исследования на Таманском полуострове Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2003–2006 гг. // Die Griechen und ihre Nachbarn. Beiträge des Internationalen archäologischen Kolloquiums. Münster, 2001. Münster: Ugarit Verlag, 2009. S. 213–217 (Eikon. Bd 9).

Кашаев 2009б – *Кашаев С. В.* Некрополь Артюшенко-2 // БИ. 2009. Вып. 22. С. 188–267.

Кашаев 2013 – *Кашаев С. В.* О хронологии погребальных комплексов некрополя Артюшенко-2 // Вахтина М. Ю., Грицик Е. В., Жижина Н. К. и др. (ред.). Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы Междунар. науч. конф. (С.-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 82–86.

Паромов 1992 – *Паромов Я. М.* Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992 (депонирована в РА ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.).

Рогов 1999 – *Рогов Е. Я.* Отчет о полевых археологических исследованиях Таманского отряда Боспорской археологической экспедиции в 1999 году // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, 1999 г., д. 7.

Рогов 2001 – *Рогов Е. Я.* Работы на юге Таманского полуострова // АО 1999 года. 2001. С. 163–165.

Стоянов 2009 – *Стоянов Р. В.* Лепная керамика второй половины III–первой половины II в. до н. э. из раскопок поселения Артюшенко 1 (1999–2006 гг.) // БИ. 2009. Вып. 22. С. 268–276.

Стоянов 2010 – *Стоянов Р. В.* Материалы конца VI–начала III вв. до н. э. из раскопок поселения Артюшенко 2 в южной части Таманского полуострова // Античный мир и археология. Саратов, 2010. № 14. С. 218–237.

Literature and archive sources

Блаватский 1953 – *Blavatsky V. D.* Vtoroy god rabot Sindskoy e'kspedicii (The second year of works of the Sindian Expedition) // *Kratkie soobsch'eniya Instituta istorii material'noy kul'tury'* (*Brief communications of the Institute for the History of Material Culture*). 1953. Vol. 51. P. 149–156 (in Russian).

Виноградов 1998 – *Vinogradov Yu. A.* Otchet o rabote arheologicheskogo otryada Bosporskoy e'kspedicii ИИМК РАН na poselenii Artyusch'enko I v 1998 g. (*Report of the works of the*

Bosporus Expedition of IHMC RAS at the settlement of Artyushchenko I in 1998) // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 1998, doc. 1 (in Russian).

Виноградов 2001a – *Vinogradov Yu. A. Otchet o rabote Bugazskogo otryada Bosporskoy e'kspedicii Instituta istorii material'noy kul'tury' RAN na poselenii Artyusch'enko I v 2001 g. (Report of the works of the Bugaz Detachment of the Bosporus Expedition of IHMC RAS at the settlement of Artyushchenko I in 2001)* // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 2001, doc. 1 (in Russian).

Виноградов 2001b – *Vinogradov Yu. A. Raskopki na poselenii Artyusch'enko I (Excavation at the settlement of Artyushchenko I)* // *Arheologicheskie otkry'tiya 1999 goda (AD of 1999)*. 2001. P. 142 (in Russian).

Виноградов 2002a – *Vinogradov Yu. A. Arhaicheskie komplekсы' poseleniya Artyusch'enko I (Archaic assemblages of the Artyushchenko I settlement)* // *Tamanskaya starina*. 2002. No. 4. P. 63–68 (in Russian).

Виноградов 2002b – *Vinogradov Yu. A. Raskopki poseleniya Artyusch'enko I (Excavation at the settlement of Artyushchenko I)* // *Arheologicheskie otkry'tiya 2001 goda (AD of 2001)*. 2002. P. 257–258 (in Russian).

Виноградов 2006 – *Vinogradov Yu. A. Lepnaya keramika arhaicheskogo vremeni s poseleniya Artyusch'enko I na Tamanskom poluostrove (Hand modeled pottery of the archaic period from the settlement of Artyushchenko I on the Taman' peninsula)* // *Zapiski IIMK (Transactions of IHMC)*. 2006. No. 1. P. 69–76 (in Russian).

Виноградов 2011 – *Vinogradov Yu. A. Kompleks IV v. n. e'. na poselenii Artyusch'enko I (Tamanskiy poluostrov) (Complex of the IV century AD at the settlement of Artyushchenko I [Taman' peninsula])* // *Machinsky D. A. (ed.). Evropeyskaya Sarmatiya (European Sarmatia): Collection of papers dedicated to M. B. Shchukin*. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2011. P. 314–320 (in Russian).

Виноградов 2013 – *Vinogradov Yu. A. Cymbal from the excavations of the Artyushchenko-2 settlement on the Taman' peninsula* // *Kovalenko A. N. (ed.). Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya (Black Sea region in the ancient and early medieval time): Festschrift for the 65th birthday of V. P. Kopylov*. Rostov-upon-Don: SSC of RAS, 2013. P. 146–148 (in Russian).

Виноградов и др. 2009 – *Vinogradov Yu. A., Stoyanov R. V., Tereshchenko A. E. Issledovaniya poseleniya Artyusch'enko I na Tamanskom poluostrove (Explorations at the settlement of Artyushchenko I on the Taman' peninsula)* // *Arheologicheskie otkry'tiya 2006 goda (AD of 2006)*. 2009. P. 350–351 (in Russian).

Виноградов, Кашаев 2003 – *Vinogradov Yu. A., Kashaev S. V. Bosporskaya e'kspediciya IIMK RAN (Bosporan Expedition of IHMC RAS)* // *Arheologicheskie otkry'tiya 2002 goda (AD of 2002)*. 2003. P. 233–235 (in Russian).

Виноградов, Лебедева 2004 – *Vinogradov Yu. A., Lebedeva E. V. Issledovaniya poseleniya Artyusch'enko I (Explorations at the settlement of Artyushchenko I)* // *Arheologicheskie otkry'tiya 2003 goda (AD of 2003)*. 2004. P. 245–246 (in Russian).

Виноградов, Лебедева 2005 – *Vinogradov Yu. A., Lebedeva E. V. Issledovaniya na antichnom poselenii Artyusch'enko I (Explorations at the ancient settlement of Artyushchenko I)* // *Arheologicheskie otkry'tiya 2004 goda (AD of 2004)*. 2005. P. 269–270 (in Russian).

Виноградов, Лебедева 2007 – *Vinogradov Yu. A., Lebedeva E. V. Raskopki poseleniya Artyusch'enko 1 na Tamanskom poluostrove (Excavations of the settlement of Artyushchenko 1 on the Taman peninsula) // Arheologicheskie otkry'tiya 2005 goda (AD of 2005). 2007. P. 302 (in Russian).*

Иванов, Сударев 2013 – *Ivanov A. V., Sudarev N. I. Ob avtohtonnom naselenii Tamani nakanune kolonizatsii (About the autochthonous population of Taman' on the eve of colonization) // Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosporus). Moscow: IA RAS, 2013. Vol. 17. P. 176–185 (in Russian).*

Кашаев 2000 – *Kashaev S. V. Otchet o polevy'h arheologicheskikh issledovaniyakh Chernomorskogo otryada Bosporskoj arheologicheskoy e'kspeditsii v 2000 godu. Poselenie Artyusch'enko-2 (Report of field archaeological explorations of the Black Sea Detachment of the Bosporan Expedition in 2000. The Artyushchenko-2 settlement) // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 2000, doc. 7 (in Russian).*

Кашаев 2002 – *Kashaev S. V. Otchet o rezul'tatah arheologicheskikh issledovaniy Tamanskogo otryada Bosporskoj e'kspeditsii IIMK RAN v 2002 godu (Report of the results of archaeological explorations of the Taman' Detachment of the Bosporan Expedition IHMC RAS in 2002) // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 2002, doc. 10 (in Russian).*

Кашаев 2009a – *Kashaev S. V. Issledovaniya na Tamanskom poluostrove Bosporskoj e'kspeditsii IIMK RAN v 2003–2006 gg. (Explorations of the Bosporan Expedition of IHMC RAS on the Taman' peninsula in 2003–2006) // Die Griechen und ihre Nachbarn. Beitrage des Internationalen archaologischen Kolloquiums. Münster, 2001. Münster: Ugarit Verlag, 2009. S. 213–217 (Eikon. Bd 9) (in Russian).*

Кашаев 2009б – *Kashaev S. V. Nekropol' Artyusch'enko-2 (Necropolis of Artyushchenko-2) // Bosporskie issledovaniya (Bosporan studies). 2009. Vol. 22. P. 188–267 (in Russian).*

Кашаев 2013 – *Kashaev S. V. O hronologii pogrebal'ny'h kompleksov nekropolya Artyusch'enko-2 (On the chronology of burial assemblages of the necropolis of Artyushchenko-2) // Vakhtina M. Yu. et al (eds.). Bosporskiy fenomen: Greki i varvary' na Evraziyskom perekrestke (Bosporan phenomenon: Greeks and barbarians at the crossroads of Eurasia): Materials of the International Conference (St. Petersburg, 19–22 November, 2013). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2013. P. 82–86 (in Russian).*

Паромов 1992 – *Paromov Ya. M. Arheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova (Archaeological map of the Taman' peninsula). Moscow, 1992 (deposited at the Institute of Scholarly Information for Humanities RAS. No. 47103 from 01.10.1992) (in Russian).*

Рогов 1999 – *Rogov E. Ya. Otchet o polevy'h arheologicheskikh issledovaniyakh Tamanskogo otryada Bosporskoj arheologicheskoy e'kspeditsii v 1999 godu (Report of field archaeological explorations of the Taman Detachment of the Bosporan Archaeological Expedition in 1999) // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 1999, doc. 7 (in Russian).*

Рогов 2001 – *Rogov E. Ya. Raboty' na yuge Tamanskogo poluostrova (Works in the south of the Taman' peninsula) // Arheologicheskie otkry'tiya 1999 goda (AD of 1999). 2001. P. 163–165 (in Russian).*

Стоянов 2009 – *Stoyanov R. V. Lepnaya keramika vtoroy poloviny' III–pervoy poloviny' II v. do n. e'. iz raskopok poseleniya Artyusch'enko 1 (1999–2006 gg.) (Hand modeled pottery of the second half of the III–first half of the II c. BC from the excavations at the settlement of*

Artyushchenko 1 [1999–2006]) // Bosporskie issledovaniya (*Bosporan studies*). 2009. Vol. 22. P. 268–276 (in Russian).

Стоянов 2010 – *Stoyanov R. V. Materialy' konca VI–nachala III vv. do n. e'. iz raskopok poseleniya Artyusch'enko 2 v yujnoy chasti Tamanskogo poluostrova (Materials of the late VI–early III cc. BC from the excavations at the settlement of Artyushchenko 2 in the southern part of the Taman' peninsula)* // *Antichny'y mir i arheologiya (Classical ancient world and archaeology)*. Saratov, 2010. No. 14. P. 218–237 (in Russian).

**COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF RURAL SETTLEMENTS
OF THE ASIAN BOSPORUS
(WITH SPECIAL REFERENCE TO THE ARTYUSHCHENKO-1
AND ARTYUSHCHENKO-2 SITES)**

A. V. Batasova

The paper presents and summarizes the evidence about two settlements on the Taman peninsula. The results of long-term studies indicate that the dynamics of life on the two sites was different. In the archaic period, the Artyushchenko-1 site represented a seasonal rural settlement inhabited mostly by barbarians, while Artyushchenko-2, founded by Greek colonists, continuously existed from the turn of the VI–V cc. BC to at least the end of the IV c. BC. Both settlements were fully abandoned in the III–first half of the II c. BC. In the first centuries AD a new settlement was founded within the area occupied by Artyushchenko-1, which, in its turn, was replaced by a site of the Saltovo-Mayaki.

МЕОТСКИЕ МОГИЛЬНИКИ: ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ И КРАНИОЛОГИЯ

А. В. ГРОМОВ, А. А. КАЗАРНИЦКИЙ, М. Ю. ЛУНЁВ

Ключевые слова: *физическая антропология, палеодемография, краниология, меоты, античность.*

Keywords: *physical anthropology, paleodemography, craniology, Meotes, Classical Antiquity.*

Введение

Небольшое число публикаций по физической антропологии меотского населения, несмотря на обилие исследованных памятников и опубликованных археологических материалов, связано, прежде всего, с плохой сохранностью костей в меотских могильниках. Исследования по палеодемографии меотов сравнимы по своему количеству с работами по краниологии, ведь зачастую, кроме половозрастных определений, никакой другой информации о погребенных получить не удастся.

Данные о половозрастной структуре погребенных в меотских могильниках до последнего времени представлялись довольно противоречивыми. Так, в могильнике Лебеди III было обнаружено очень большое количество пожилых людей (Романова 1986), что нехарактерно для палеопопуляций того времени. С другой стороны, М. Б. Медникова, исследовавшая материалы из Цемдолинского и Тенгинского некрополей, констатирует отсутствие в обеих сериях людей старшей возрастной когорты (старше 50 лет). По ее мнению, Цемдолинский могильник был оставлен военизированным отрядом, «базировавшимся в Цемеской долине и контролирувавшим подступы к поселениям Боспора, располагавшимся на Черноморском побережье» (Медникова 2008: 244). Этот вывод сделан на основании не только палеодемографических характеристик серии, но и данных археологии (Малышев, Медникова 1995). По всей видимости, здесь речь идет не о популяции в строгом понимании этого термина. Данный случай не является уникальным: сравнительный анализ палеодемографических характеристик сарматских памятников разных хронологических периодов, проведенный М. А. Балабановой, продемонстрировал, что только ранние и часть средних сарматов могут быть отнесены к «нормальным популяциям» (Балабанова 2009: 9). Она же опубликовала представительные данные по палеодемографии Прикубанского меотского могильника (Балабанова 2005), для которого характерно столь же малое количество детей, что и для Цемдолинского, при этом средний возраст смерти выше, хотя и не достигает величин, отмеченных в серии из могильника Лебеди III. Тем не менее автор делает вывод о «незначительных расхождениях в уровнях смертности и режимах вымирания между группами» из могильников Прикубанский и Лебеди III (Там же: 6), объясняя это синхронностью (IV в. до н. э.) и сходством природных условий.

Обширный материал по палеодемографии оседлого и кочевого населения Нижнего Дона опубликован Е. Ф. Батиевой, в том числе из предположительно меотских по происхождению могильников – Кобяковского, Нижнегниловского и Темерницкого (Батиева 2011). Подводя итоги своего исследования, она отметила более благополучные показатели у оседлого населения середины I тыс. до н. э. по сравнению с кочевым. В более позднее время эта разница уменьшается, что, по ее мнению, связано с включением части кочевых групп в состав городского населения.

На протяжении более чем 30 лет единственным специальным исследованием морфологических особенностей черепов из меотских могильников Прикубанья была статья М. М. Герасимовой, в которой обсуждались краниологические материалы (Герасимова 1976), отчасти известные в литературе с середины XX в. (Дебец 1948; Бунак 1953). Краниология меотов оказалась разнообразной: это и массивные, долихокраничные, широколицые черепа из Николаевского могильника; и мезокраничные, с узким и средневысоким лицом – из могильников возле Усть-Лабинского и Моздока; грацильные и лептоморфные – из Воронежского могильника. Позднее эта статья была включена как самостоятельный раздел в более масштабное исследование по палеоантропологии Боспорского царства (Герасимова и др. 1987: 43–82). Тот же материал был привлечен в обзорном очерке об антропологическом составе населения Северного Кавказа в эпоху раннего железного века (Герасимова 2004). Лишь недавно опубликованы новые представительные данные о жителях Старокорсунского городища № 2, для которых наиболее характерным оказалось сочетание лептоморфности и клиногнатности лицевого отдела и долихокрании (Балабанова 2013).

В результате раскопок, проведенных в последние годы Западно-Кавказской археологической экспедицией под руководством М. Ю. Лунёва на меотских некрополях Новосёловского и Елизаветинского II городищ, были получены новые данные по демографии и пригодные для измерений краниологические материалы (Громов, Казарницкий 2014; Казарницкий 2015). Количество имеющихся в распоряжении авторов данных позволяет провести обобщающее исследование по краниологии и палеодемографии меотов, чему посвящена данная статья.

Материалы и методы

В палеодемографической части работы использованы 7 основных характеристик: средний возраст смерти мужчин и женщин (AAm и AAf), процент детской смертности (PCD), процент мужчин и женщин в группе взрослого населения (PSRm и PSRf), процент мужчин и женщин в финальной возрастной когорте ($dx50 + m$ и $dx50 + f$). Данные по меотским группам (табл. 1) происходят из упомянутых выше источников. Серия из Елизаветинского II несколько уменьшена за счет исключения отдельных погребений, датируемых первыми веками до нашей эры. В многомерном анализе не рассматривается серия из Темерницкого некрополя из-за малой численности, которая, видимо, является причиной сильной асимметрии полового состава этой группы.

В качестве сравнительного материала были привлечены серии скифского происхождения из Николаевки (Казацкого), Золотой Балки, Терновки I–Колбино I, Чертомлыка и Неполя Скифского (Восточный могильник, Мавзолей

Таблица 1

Палеодемографические характеристики погребенных в меотских могильниках

Памятник	Датировка	N	AAm	AAf	PCD	PSRm	PSRf	dx50+m	dx50+f
Лебеди III	IV в. до н. э.	211	38,2	36,2	26,1	62,6	37,4	26,3	29,4
Прикубанский могильник	IV в. до н. э.	285	40,1	32,8	15,1	60,7	39,3	14,7	2,3
Новосёловское городище	I в. до н. э.	38	37,5	31,7	26,3	59,1	40,9	7,7	1,4
Елизаветинское II	I–II вв. н. э.	172	41,2	38,5	16,3	44,1	55,9	14,5	14,2
Цемдолинский могильник	I–III вв. н. э.	53	31,3	28,8	7,6	52,5	47,5	0,0	0,0
Тенгинский могильник	IV–II вв. до н. э.	97	31,6	29,9	21,6	58,6	41,4	0,0	0,0
Кобяковское городище	I–III вв. н. э.	572	37,8	33,9	27,3	39,4	60,6	9,4	6,3
Нижнегниловское городище	I–III вв. н. э.	347	34,4	32,1	26,0	47,9	52,1	8,4	8,2
Темерницкий некрополь	I–III вв. н. э.	27	39,0	33,8	14,8	26,3	73,7	10,0	1,8

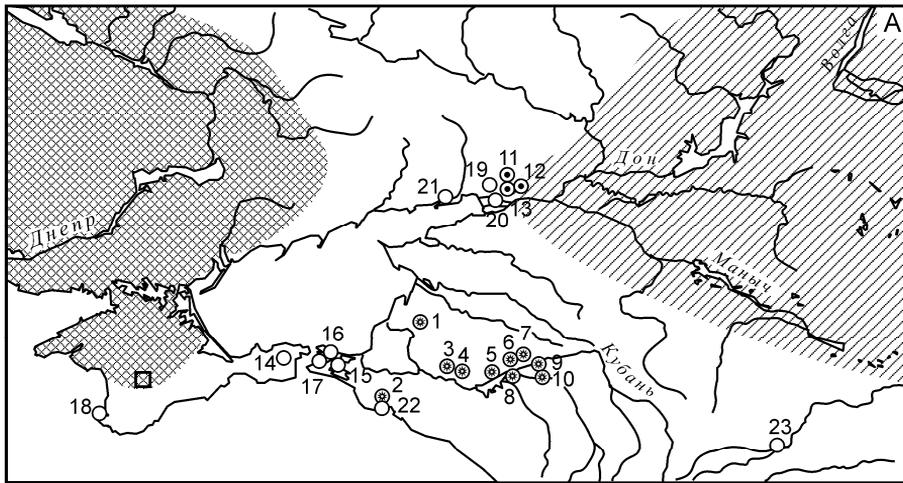
и Грунтовый могильник) (Алексеева и др. 2003); группы оседлого населения античного времени – Елизаветовский могильник, Танаис (Батиева 2011); Херсонес (грунтовый могильник), Новозаведённое 2 (Алексеева и др. 2003); Широкая Балка (Медникова 2008); ряд раннесарматских групп: Первомайский, Калиновка, Перегрузное I, Старица (Балабанова 2009), Подгорненский (I, IV, V, VI суммарно), а также три среднесарматские серии – из могильников Новый раннего и позднего периодов (Батиева 2011) и Бережновка (Балабанова 2009). В тех случаях, когда это было необходимо, оригинальные данные были пересчитаны для построения таблиц смертности с финальной возрастной когортой 50+. Для изучения межгрупповой изменчивости был использован метод главных компонент и канонический дискриминантный анализ по 6 признакам (AAm, AAF, PCD, PSRm, dx50 + m и dx50 + f) в пакете программ Statistica 12.0. Географическое положение обсуждаемых памятников представлено на рис. 1А.

Таблица 2

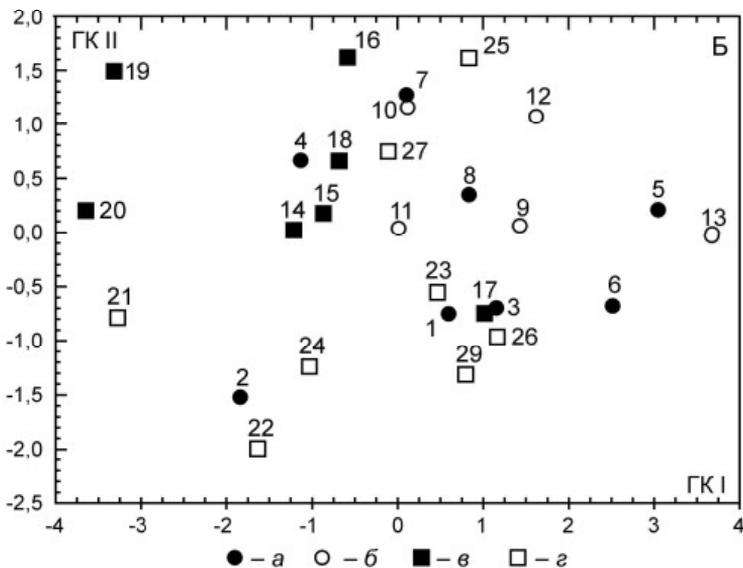
**Краниометрическая характеристика материалов
из могильника Елизаветинского городища II**

Признак		Мужчины			Женщины		
		<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
1.	Продольный диаметр	4	196,3	3,1	3	174,7	13,3
8.	Поперечный диаметр	4	143,9	4,5	3	132,0	3,5
17.	Высотный диаметр	1	140,0	–	–	–	–
20.	Ушная высота	1	122,0	–	–	–	–
9.	Наименьшая ширина лба	13	100,0	5,0	6	93,7	3,9
45.	Скуловой диаметр	2	136,5	4,9	–	–	–
48.	Верхняя высота лица	3	73,0	6,9	1	67,0	–
43.	Верхняя ширина лица	11	109,5	3,7	5	101,4	2,9
55.	Высота носа	4	51,3	5,1	–	–	–
54.	Ширина носа	5	25,1	2,5	2	23,0	2,8
51.	Ширина орбиты	4	41,4	1,8	2	36,8	1,1
52.	Высота орбиты	3	31,8	1,4	1	32,0	–
77.	Назюмальный угол	2	138,1	1,3	4	139,8	4,7
$\angle zm'$	Зигмаксиллярный угол	1	122,0	–	–	–	–
SC.	Симотическая ширина	4	10,0	1,8	2	9,7	1,9
SS.	Симотическая высота	4	4,8	0,6	2	4,1	0,1
8:1	Черепной указатель	4	73,3	1,5	3	75,8	5,7
48:45	Верхний лицевой указатель	2	50,6	1,8	–	–	–
52:51	Орбитный указатель	3	76,8	4,1	1	85,3	–
54:55	Носовой указатель	4	50,1	4,9	–	–	–
SS:SC	Симотический указатель	4	48,5	8,4	2	43,5	10,1

Костные останки из Новосёловского и Елизаветинского II имели чрезвычайно плохую сохранность. Почти из 40 погребений в Новосёловском удалось отреставрировать и измерить лишь два мужских и два женских черепа (Казарницкий 2015), из более чем 200 захоронений Елизаветинского II измерены по очень ограниченной программе 14 мужских и 11 женских фрагментированных черепов (табл. 2). Межгрупповое краниометрическое сопоставление проводилось при помощи канонического анализа в пакете программ Б. А. Козинцева по средним групповым данным. Анализировались 37 мужских краниологических серий оседлого и кочевого населения Прикубанья, Приазовья и степной периферии (рис. 1А). Перечень использованных серий представлен в соответствующем разделе статьи.

⊙ - а ⊙ - б ○ - в ◻ - г ◻ - д ◻ - е

● - а ○ - б ◻ - в ◻ - г

Рис. 1. А – географическое расположение памятников, представленных краниологическими и/или палеодемографическими материалами: *a* – меотские могильники Прикубанья (1 – Лебеди III; 2 – Цемдолинский; 3 – Прикубанский; 4 – Елизаветинское II; 5 – Старокорсунское II; 6 – Воронежский; 7 – Усть-Лабинский; 8 – Николаевский; 9 – Новосёловское; 10 – Тенгинский); *b* – могильники донских меот (11 – Темерницкий; 12 – Кобяковский; 13 – Нижнегниловский); *в* – могильники оседлого населения античного времени (14 – население Керченского п-ова суммарно; 15 – население Таманского п-ова суммарно; 16 – Фанагория; 17 – Гермонасса; 18 – Херсонес; 19 – Танаис; 20 – Елизаветовский; 21 – Беглицкий; 22 – Широкая Балка; 23 – Новозаведенное-II); *г* – Неаполь Скифский; *д* – скифские могильники Крыма и Северного Причерноморья; *е* – могильники ранне- и среднесарматской культур Подонья и Поволжья

Б – Распределение краниологических серий античного времени юга Восточной Европы в пространстве I и II ГК, рассчитанных на основании 6 палеодемографических характеристик: *a* – меотские могильники (1 – Прикубанский; 2 – Лебеди III; 3 – Новосёловское; 4 – Елизаветинское II; 5 – Цемдолинский; 6 – Тенгинский; 7 – Кобяковское; 8 – Нижнегниловское); *b* – некрополи оседлого населения античного времени (9 – Елизаветовский; 10 – Танаис; 11 – Херсонес; 12 – Широкая Балка; 13 – Новозаведенное-II); *в* – скифские могильники (14 – Неаполь Скифский, Восточный могильник; 15 – Неаполь Скифский, Мавзолей; 16 – Неаполь Скифский, Грунтовый могильник; 17 – Терновка I–Колбино I; 18 – Чертомлык; 19 – Золотая Балка; 20 – Николаевка [Казакское]); *г* – могильники ранне- и среднесарматской культур (21 – Первомайский; 22 – Калиновка; 23 – Старица; 24 – Перегрузное I; 25 – Подгорненский; 26 – Новый [ранний]; 27 – Новый [поздний])

Fig. 1. A – geographic location of sites that have yielded craniological and/or paleodemographic materials: *a* – Meotic cemeteries of the Kuban river region (1 – Lebedi III; 2 – Tsemdolinsky; 3 – Prikubansky; 4 – Elizavetinskoe II; 5 – Starokorsunskoe II; 6 – Voronezhsky; 7 – Ust-Labinsky; 8 – Nikolaevsky; 9 – Novoselovskoe; 10 – Tenghinsky); *b* – Meotic cemeteries of the Don (11 – Temernitsky; 12 – Kobyakovsky; 13 – Nizhnegnilovskyy); *в* – cemeteries left by the sedentary populations of Classical Antiquity (14 – Kerch peninsula; 15 – Taman' peninsula; 16 – Phanagoria; 17 – Hermonassa; 18 – Chersonesos; 19 – Tanais; 20 – Elizavetovskyy; 21 – Beglitsky; 22 – Shirokaya Balka; 23 – Novozavedennoe 2); *г* – Scythian Neapolis; *д* – Scythian cemeteries of the Crimea and North Black Sea region; *е* – cemeteries of the Early and Middle Sarmatian cultures in the Don and Volga regions. Б – distribution of craniological series of Classical Antiquity from the south of East Europe in the space of principal components I and II, calculated on the basis of six paleodemographic characteristics: *a* – Meotic cemeteries (1 – Prikubansky; 2 – Lebedi III; 3 – Novoselovskoe; 4 – Elizavetinskoe II; 5 – Tsemdolinsky; 6 – Tenghizsky; 7 – Kobyakovsky; 8 – Nizhnegnilovskyy); *b* – cemeteries left by the sedentary populations of Classical Antiquity (9 – Elizavetovskyy; 10 – Tanais; 11 – Chersonesos; 12 – Shirokaya Balka; 13 – Novozavedennoe 2); *в* – Scythian cemeteries (14 – Scythian Neapolis, eastern cemetery; 15 – Scythian Neapolis, mausoleum; 16 – Scythian Neapolis, burial ground; 17 – Ternovka I–Kolbino I; 18 – Chertomlyk; 19 – Zolotaya Balka; 20 – Nikolaevka [Kazatskoe]); *г* – cemeteries of the Early and Middle Sarmatian cultures (21 – Pervomaisky; 22 – Kalinovka; 23 – Staritsa; 24 – Peregruznoe I; 25 – Podgornensky; 26 – Novyi [early]; 27 – Novyi [late])

Результаты и обсуждение

Палеодемография. Основные палеодемографические характеристики в масштабе меотских групп обнаруживают довольно значительную вариабельность. Сильно варьирует количество пожилых людей (от 0 до 26–29 %), достаточно изменчивы средний возраст смерти у обоих полов и процент детской смертности. Определенная закономерность наблюдается только в случае процентного соотношения полов в группах. В ранних могильниках существенно больше мужчин, в поздних – либо больше женщин, либо отношение полов близко к равному. На основании изучения половозрастной структуры могильника городища Елизаветинское II мы уже высказывали предположение, что малое количество мужчин в погребениях может быть связано с участием в военных конфликтах с Римом (Громов, Казарницкий 2014). Указанные военные действия приходится на начало нашей эры, и именно в поздних меотских выборках имеет место преобладание женщин.

Изменчивость основных палеодемографических характеристик античного населения юга Восточной Европы была исследована с помощью анализа главных компонент. Коэффициенты корреляции (табл. 3) заслуживают рассмотрения, прежде всего, потому, что они демонстрируют независимость процентного соотношения полов от всех остальных признаков. Количество пожилых людей ожидаемо связано со средним возрастом смерти. Такая же корреляция наблюдается между количеством пожилых мужчин и женщин. Интересна положительная связь процента детской смертности со средним возрастом смерти женщин и количеством пожилых женщин: чем больше в могильнике детских погребений, тем выше средний возраст смерти женщин и больше женщин пожилого возраста. Это обстоятельство свидетельствует в пользу мнения, что большое количество детских погребений связано с высокой рождаемостью, т. е. скорее с благополучным существованием популяции. Более определенно можно было бы высказаться на основании изучения структуры детской смертности, однако данные о ней для большинства исследованных серий отсутствуют.

Т а б л и ц а 3

Коэффициенты корреляции основных палеодемографических признаков для серий кочевого и оседлого населения античного времени юга Восточной Европы*

Признак	AAm	AAf	PCD	PSRm	dx50 + m
AAm	–	–	–	–	–
AAf	0,588	–	–	–	–
PCD	0,264	0,517	–	–	–
PSRm	–0,171	–0,036	–0,109	–	–
dx50 + m	0,790	0,548	0,278	–0,136	–
dx50 + f	0,528	0,732	0,382	–0,127	0,714

* Жирным шрифтом выделены статистически значимые величины коэффициентов корреляции при $p < 0,05$.

В результате анализа главных компонент (ГК) были выделены три ГК, из которых только первая имеет собственное число более единицы (табл. 4). Она описывает около половины изменчивости, большие нагрузки здесь несут все признаки, кроме PSRm. Вторая ГК определяется единственным признаком – PSRm, ее собственное число мало отличается от единицы. Таким образом, первые две ГК довольно полно описывают изменчивость палеодемографических признаков в исследованных группах. На отрицательном полюсе по ГК 1 (рис. 1Б) располагаются группы, характеризующиеся большим возрастом смерти, большим количеством пожилых людей и большим количеством детских погребений. Меоты и группы оседлого населения тяготеют к правой части графика, а скифские и сарматские серии – к левой. Трансгрессия довольно велика, однако наиболее полярное положение среди меотских серий занимают Лебеди III, сильно отличающиеся по своим характеристикам от остальных меотов (см. табл. 1). Вторая ГК разделяет скифов и сарматов. У первых мужчин обычно меньше, чем женщин, у вторых – наоборот.

Т а б л и ц а 4

Элементы первых трех ГК для серий кочевого и оседлого населения античного времени юга Восточной Европы по шести основным палеодемографическим характеристикам

Признак	ГК 1	ГК 2	ГК 3
AAm	-0,818	0,102	0,346
AAf	-0,846	-0,223	-0,176
PCD	-0,560	-0,125	-0,752
PSRm	0,206	-0,953	0,194
dx50 + m	-0,860	0,050	0,358
dx50 + f	-0,859	-0,075	0,023
Собственные числа	3,22	0,99	0,88
Доля в общей дисперсии (%)	53,63	16,55	14,72

Содержание третьей ГК также представляет интерес. Она разделяет группы с большим количеством пожилых мужчин и малым числом детских погребений и группы с противоположным сочетанием признаков. Эти два показателя не скоррелированы, поэтому можно сделать вывод, что третья ГК отражает не палеодемографические, а иные закономерности – исторические или влияние погребального обряда на половозрастной состав.

Если учесть координаты серий в пространстве трех ГК, то можно выделить ядро, формируемое рядом групп, вариации палеодемографических характеристик которых можно считать типичными для античного времени на юге Восточной Европы. Это средний возраст смерти мужчин от 31 до 41 года (среднее – 36,7 лет), женщин – от 30 до 38,5 лет (среднее – 33,7 лет); PCD от 10 до 34 % (среднее – 21,4 %); PSRm – от 36 до 63 % (среднее – 50 %); dx50 + у мужчин – от 0 до 27 % (среднее – 13,2 %), у женщин – от 1 до 20 % (среднее – 9,3 %). Показатели, связанные с возрастом, у мужчин варьируют сильнее, чем у женщин.

Чтобы выявить палеодемографические особенности разных культурно-хозяйственных групп, все использованные серии были подвергнуты каноническому анализу. Для этого они были объединены в четыре группы: меоты, сарматы, скифы и оседло-земледельческие памятники античного времени. Последняя группа культурно и хронологически разнородна.

Первый канонический вектор (КВ) описывает 67,1 % изменчивости (табл. 5) и наиболее скоррелирован с числом пожилых мужчин в погребениях. Вторым КВ – «женский», здесь основную роль играют показатели AАf и dx50 + f (26 % изменчивости). В КВ III наиболее значимым оказывается средний возраст смерти мужчин, но этот вектор описывает менее 7 % изменчивости. При сопоставлении культурно-хозяйственных групп наблюдаются иные закономерности варьирования признаков, по сравнению с анализом отдельных памятников. Здесь основными дифференцирующими признаками являются возрастные характеристики (AАm, AАf, dx50 + m и dx50 + f). Соотношение полов и процент детской смертности слишком вариабельны в пределах каждой из рассматриваемых групп, чтобы играть существенную роль на межгрупповом уровне.

Т а б л и ц а 5

Элементы первых трех КВ для серий кочевого и оседлого населения античного времени юга Восточной Европы по шести основным палеодемографическим характеристикам

Признак	КВ I	КВ II	КВ III
AАm	-0,258	-0,212	-0,501
AАf	-0,002	-0,813	-0,282
PCD	0,205	-0,453	0,443
PSRm	0,266	-0,007	-0,333
dx50 + m	-0,539	-0,472	-0,201
dx50 + f	-0,204	-0,785	-0,274
Доля в общей дисперсии (%)	67,1	26,0	6,9

В пространстве I и II КВ (более 93 % изменчивости) видна дифференциация античного населения в соответствии с культурно-хозяйственными группами (рис. 2). По КВ I скифские группы имеют минимальные значения. У них выше средний возраст смерти мужчин и значительно больше пожилых мужчин в погребениях, чем у остальных. КВ II разделяет оседлое и кочевое население: меотам и другим оседлым группам свойственны меньший средний возраст смерти женщин и меньшее количество пожилых женщин в погребениях. Кроме того, стоит отметить, что у сарматов в среднем больше детских погребений.

Краниометрия. Несмотря малочисленность новых материалов из некрополей Елизаветинского II и Новосёловского городищ, они могут быть интересны как повод обратиться к вопросам о популяционной краниологической изменчивости меотского населения и его взаимодействии с жителями боспорских городов и номадами юга Восточной Европы.

Для межгруппового сравнительного анализа были использованы значения 10 линейных признаков мозгового и лицевого отделов черепа: продольный,

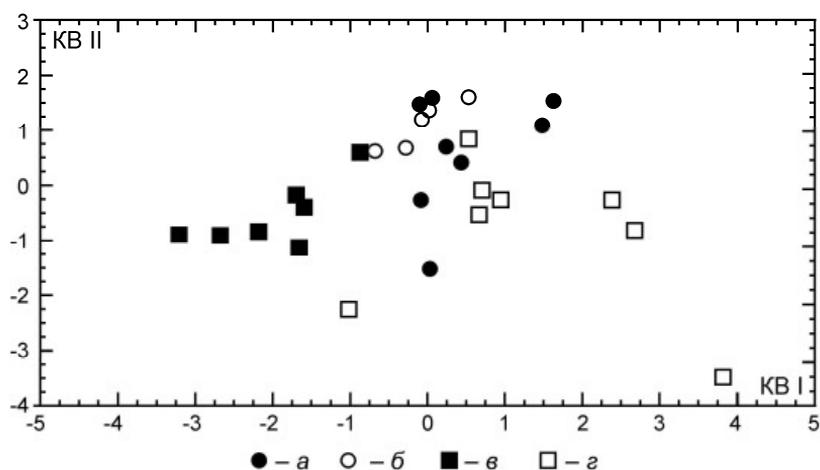

Рис. 2. Распределение культурно-хозяйственных групп античного времени юга Восточной Европы в пространстве I и II КВ: *a* – меотские могильники; *б* – некрополи оседлого населения античного времени; *в* – скифские могильники; *д* – могильники ранне- и среднесарматской культуры

Fig. 2. Distribution of cultural-economic groups of Classical Antiquity from the south of East Europe in the space of canonical vectors I and II: *a* – Meotic cemeteries; *б* – cemeteries left by the sedentary populations of Classical Antiquity; *в* – Scythian cemeteries; *д* – cemeteries of the Early and Middle Sarmatian cultures

поперечный, высотный диаметры черепа, наименьшая ширина лба, скуловая ширина, верхняя высота лица, высота и ширина орбиты и грушевидного отверстия. Не учтены обычно привлекаемые в таких случаях горизонтальные лицевые углы, угол выступания носа и высота переносья, так как для меотских групп они почти неизвестны. По-видимому, это не влияет на степень дифференциации исследуемых популяций. Доказательством тому служит предварительный анализ серий черепов из некрополей античных городов Северного Причерноморья, нижнедонских городищ и степных курганных могильников (табл. 6), проведенный в двух вариантах: по 14 параметрам (рис. 3А) и по сокращенной программе (рис. 3Б). Коэффициенты корреляции краниометрических признаков и наиболее информативных канонических векторов представлены в таблице 7.

Т а б л и ц а 6

Мужские краниологические серии, используемые в межгрупповом анализе

№	Серия	Источник
1	Население Керченского п-ова, VI в. до н. э.–III в. н. э.	Герасимова и др. 1987
2	Население Таманского п-ова, III в. до н. э.–IV в. н. э.	Там же
3	Фанагория, могильник, III в. до н. э.–IV в. н. э.	Там же
4	Гермонасса, могильник, III в. до н. э.–IV в. н. э.	Там же
5	Танаис, III–I вв. до н. э.	Герасимова и др. 1987; Батиева 2011

Окончание табл. 6

№	Серия	Источник
6	Танаис, I–III вв. н. э.	Батиева 2011
7	Скифы, Николаевка-Казачкое, I в. до н. э.–III в. н. э.	Кондукторова 1979
8	Скифы, Золотая Балка	Кондукторова 1971
9	Скифы, Среднее Приднепровье	Кондукторова 1979
10	Скифы, Причерноморские степи	Там же
11	Скифы, Молдавия, Николаевка, IV–III вв. до н. э.	Великанова 1975
12	Скифы Крыма, Заветное, I в. до н. э.–III в. н. э.	Зіневич 1971
13	Неаполь Скифский, III в. до н. э.–III в. н. э.	Кондукторова 1964
14	Ранние сарматы, Нижнее Поволжье	Балабанова 2000
15	Ранние сарматы, донские	Там же
16	Ранние сарматы, астраханские	Там же
17	Ранние сарматы, заволжские	Там же
18	Ранние сарматы, приуральские	Там же
19	Средние сарматы, заволжские	Там же
20	Средние сарматы, калмыцкие	Там же
21	Средние сарматы, донские	Там же
22	Средние сарматы, украинские	Там же
23	Сарматы Ростовской обл., III–I вв. до н. э.	Батиева 2011
24	Сарматы Ростовской обл., I в. до н. э.–I в. н. э.	Там же
25	Сарматы Ростовской обл., I–II вв. н. э.	Там же
26	Сарматы Ростовской обл., III–IV вв. н. э.	Там же
27	Елизаветовское городище, первые века до нашей эры	Герасимова и др. 1987; Батиева 2011
28	Кобяковское городище, I–III вв.	Батиева 2011
29	Нижнегниловское городище, I–III вв.	Там же
30	Старокорсунское городище 2, IV–III вв. до н. э.	Балабанова 2013
31	Старокорсунское городище 2, II в. до н. э.– I в. н. э.	Там же
32	Старокорсунское городище 2, I–III вв. н. э.	Там же
33	Усть-Лабинский могильник VI в. до н. э.–II в. н. э.	Герасимова 1976
34	Воронежский могильник, VI в. до н. э.–II в. н. э.	Там же
35	Николаевский могильник, VII в. до н. э.	Там же
36	Новосёловское городище	Казарницкий 2015
37	Елизаветинское городище II	Там же

Таблица 7

**Элементы первых канонических векторов
для всех этапов межгруппового анализа**

Признак	Предварительный анализ А		Предварительный анализ Б		Этап I		Этап II	
	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II
1.	–0,66	–0,31	–0,64	–0,30	–0,66	0,68	–0,67	–0,10
8.	0,91	–0,30	0,94	–0,22	–0,13	0,60	0,80	0,21
17.	–0,61	0,24	–0,65	0,28	–0,49	0,91	–0,64	0,47
9.	0,35	0,14	0,33	0,15	0,03	0,39	0,25	0,14
45.	0,66	–0,44	0,70	–0,35	0,28	0,41	0,64	–0,20
48.	–0,13	–0,49	–0,08	–0,40	–0,51	0,67	–0,19	–0,13

Окончание табл. 7

Признак	Предварительный анализ А		Предварительный анализ Б		Этап I		Этап II	
	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II
55.	-0,10	0,11	-0,07	0,24	-0,16	0,33	-0,21	0,16
54.	-0,05	-0,42	-0,01	-0,46	-0,54	-0,35	-0,14	-0,11
51.	0,82	0,13	0,81	0,26	0,31	0,27	0,69	0,49
52.	0,25	0,47	0,22	0,53	0,74	0,15	0,34	0,25
77.	0,66	0,43	–	–	–	–	–	–
$\angle zm'$.	0,70	0,21	–	–	–	–	–	–
SS:SC.	0,38	-0,60	–	–	–	–	–	–
75(1).	-0,25	-0,54	–	–	–	–	–	–
% изменчивости	45,2	14,6	50,6	15,3	46,2	16,7	48,9	13,2

На рис. 3А первый канонический вектор (КВ I) отражает межгрупповую изменчивость диаметров мозгового отдела черепа, скуловой ширины, ширины орбит и углов горизонтальной профилированности лица, разделяя лептоморфные клиногнатные скифские и эуриморфные, с менее высоким сводом мозговой коробки и некоторой уплощенностью лица, сарматские серии. Второй вектор (КВ II) демонстрирует различия между степным скотоводческим и оседлым земледельческим населением преимущественно по высоте переноса и углу выступания носа – в сериях из некрополей античных городов и нижнедонских поселений значения этих признаков имеют достоверно меньшие значения.

Аналогичное расположение серий наблюдается и по результатам анализа по сокращенному набору измерений (рис. 3Б). На этот раз в КВ I представлены только диаметры нейрокраниума, скуловая ширина и ширина орбит без назомялярного и зигомаксиллярного углов, а в КВ II и вовсе иной, чем в предыдущем варианте, набор признаков – верхняя высота лица, высота орбиты и ширина носа. Оседлому населению свойственно в целом менее высокое лицо с более узким носом и более высокими орбитами, чем в среднем у кочевников. Таким образом, дифференциацию скифского, сарматского и оседло-земледельческого населения можно провести как с применением угловых параметров и симотического указателя, так и без них.

Далее мужские краниологические выборки из Прикубанья, из нижнедонских меотских памятников Кобяковское и Нижнегниловское и из соседнего с ними городища Елизаветовское были сопоставлены с выборками боспорского городского населения (рис. 4А). В КВ I наибольшую нагрузку получили продольный и высотный диаметры, ширина носа, высота лица и орбиты, в КВ II – продольный, поперечный, высотный диаметры и высота лица. Меотские и боспорские группы различаются по координатам в обоих канонических векторах: первым в среднем свойственны более крупные и чаще долихокраничные, чем мезокраничные мозговые коробки, более высокое лицо, менее узкий нос и более низкие орбиты. Различия имеют клинальный характер, подтверждающий, по-видимому, долговременное смещение городского и сельского меотского населения. Дополнительным отличием меотских серий является их большая изменчивость, заметная как по координатам серий в пространстве векторов-дискриминаторов на

рис. 4А, так и при проверке среднего квадратического отклонения значений признаков критерием Фишера: у меотов значимо выше вариабельность поперечного и скулового диаметров ($p < 0,01$), высоты черепа и ширины орбиты ($p < 0,05$).

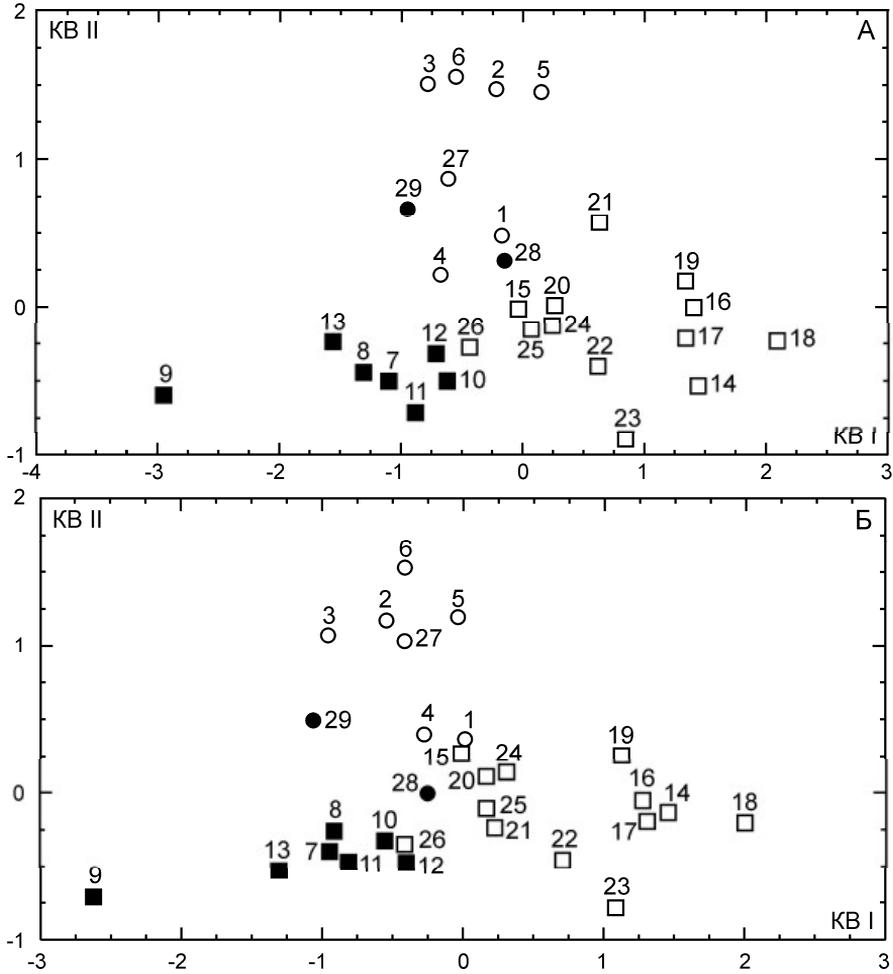

Рис. 3. Результаты предварительного межгруппового анализа мужских краниологических серий по 14 линейным и угловым признакам (А) и по 10 линейным признакам (Б). Здесь и далее номера серий см. в табл. 6; условные обозначения – в подписи к рис. 2

Fig. 3. Results of a preliminary intergroup analysis of male craniological series according to 14 linear and angular characteristics (A) and 10 linear characteristics (B). Here and elsewhere the numbers of series are shown in table 6; and the legend is given in the caption to fig. 2

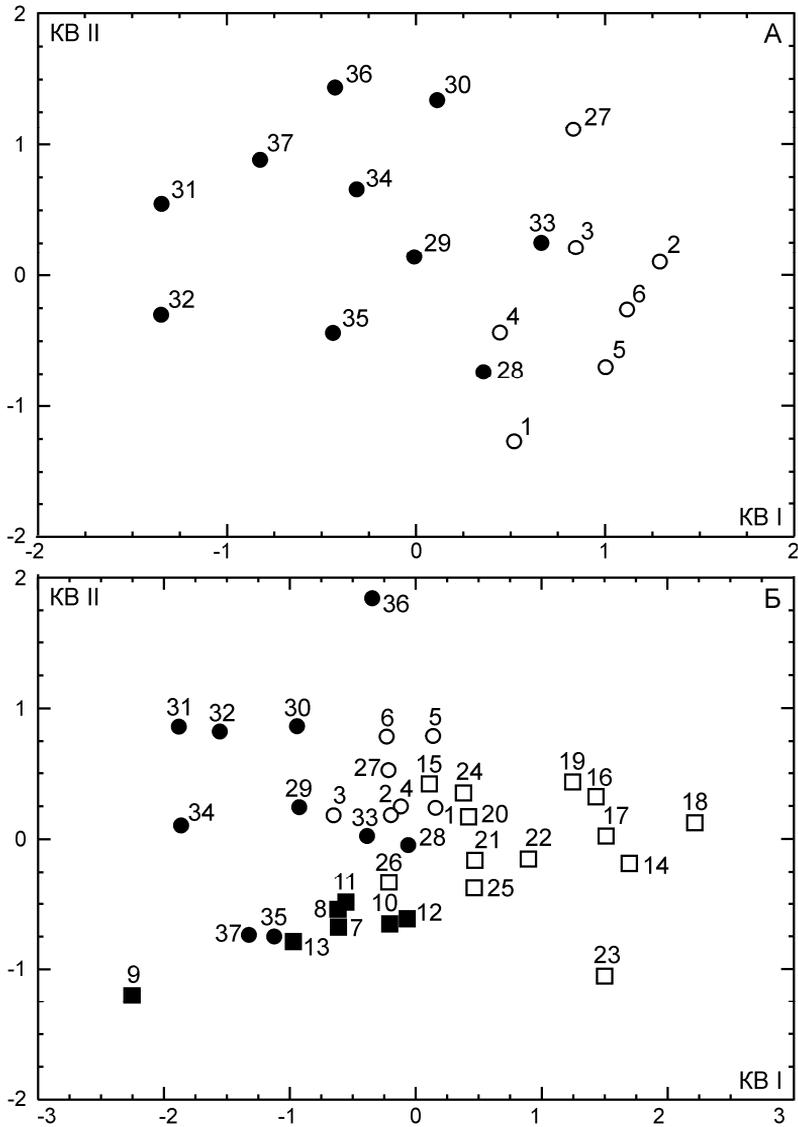

Рис. 4. А – мужские краниологические серии оседло-земледельческого населения и Б – мужские краниологические серии кочевого и оседлого населения античного времени юга Восточной Европы в пространстве I и II КВ

Fig. 4. A – male craniological series of sedentary farmers and B – male craniological series of nomadic and sedentary groups of Classical Antiquity from the south of East Europe in the space of canonical vectors I and II

На следующем этапе в межгрупповой анализ были добавлены хронологически близкие серии населения степей Северного Причерноморья и Крыма и носителей ранне- и среднесарматской культур Подонья и Поволжья, для краткости именуемые здесь скифами и сарматами (рис. 4Б) соответственно. Результаты анализа во многом совпали с предварительным сопоставлением кочевых и оседлых групп (см. рис. 3А; 3Б). Сарматские серии имеют почти исключительно положительные значения в КВ I: в среднем для них характерны широкий и невысокий мозговой отдел черепа, сравнительно широкое лицо и наиболее широкая орбита. Скифские серии, самые лептоморфные и долихокраничные, расположились преимущественно в левом нижнем квадранте. В третью группу популяций, получивших наибольшие значения координат в КВ II, вошло большинство серий оседло-земледельческого населения – в основном столь же лептоморфного, как и скифы, но с более широкими орбитами и более высоким сводом черепа. Все выявленные направления различий не позволяют провести четкие границы между обсуждаемыми популяциями на основе их краниологических особенностей. Несколько серий оказались в трудно интерпретируемой зоне трансгрессии трех краниологических комплексов признаков – сарматского, скифского и оседло-земледельческого.

В данном сравнительном масштабе различия между жителями боспорских городов и нижнедонских поселений исчезли, что еще раз подтверждает систематическое включение последних в состав городского населения. При этом меоты Прикубанья хотя и отличаются от степных кочевников в том же направлении, что и иные оседло-земледельческие группы, но морфологически очень разнообразны. По сравнению со скифами они достоверно более вариабельны по среднегрупповым значениям скулового диаметра и ширины грушевидного отверстия ($p < 0,01$); высотного диаметра, верхней высоты лица и высоты носа ($p < 0,05$); по сравнению с ранними и средними сарматами – по продольному диаметру и ширине носа ($p < 0,01$), скуловому диаметру и ширине орбиты ($p < 0,05$). О статистически значимо повышенной изменчивости меотов по сравнению с городским населением уже шла речь выше. Вероятным объяснением этому может быть случайный разброс значений признаков в малочисленных сериях, однако новые данные о разнообразии митохондриальной ДНК, извлеченной из костных останков погребенных в меотских захоронениях, позволяют предположить и иную трактовку.

Недавние генетические исследования образцов из некрополя Нижнегниловского городища выявили неожиданно высокое разнообразие меотских линий митохондриальной ДНК (Рычков и др. 2013; Морозова и др. 2013). Это интерпретировано авторами исследования как возможное свидетельство глубокой древности генофонда оседлого населения Восточного Приазовья, восходящей к общеиндоиранскому или даже еще более раннему генетическому пласту, хотя предложено и более осторожное альтернативное объяснение – следствие систематической метисации меотов с пришлыми популяциями разного происхождения. Результаты представленного здесь краниологического исследования свидетельствуют скорее в пользу первого варианта интерпретации.

Отдельно стоит отметить различия в краниологии носителей ранне- и среднесарматских культур. Более поздние выборки средних сарматов демонстриру-

ют некоторое сходство с боспорскими и меотскими группами, что для ранне-сарматских коллективов, наоборот, не характерно (они занимают наиболее обособленное положение в правой части графика). Причина этого, по-видимому, в регулярных контактах и смешении отдельных коллективов кочевников донских и поволжских степей с оседлым населением в период существования среднесарматской культуры.

Заключение

Палеодемографические характеристики античного населения юга Восточной Европы сильно варьируют в масштабе отдельных памятников. Однако при рассмотрении большого количества серий обнаруживаются существенные различия между культурно-хозяйственными группами в среднем возрасте смерти и количестве пожилых людей. Процентное соотношение полов в данном случае существенной роли не играет, но в пределах меотских серий оно варьирует в зависимости от датировки могильника. По краниометрическим данным меотские серии имеют несомненное сходство с другими оседло-земледельческими группами античного времени, однако отличаются высокой степенью межгрупповой изменчивости, что коррелирует с результатами анализа митохондриальной ДНК.

Литература

Алексеева и др. 2003 – *Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В.* Власти. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мисти-хали). М.: Научный мир, 2003. 132 с.

Балабанова 2000 – *Балабанова М. А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. М.: Наука, 2000. 136 с.

Балабанова 2005 – *Балабанова М. А.* Половозрастная структура Прикубанского меотского могильника IV в. до н. э. // Марченко И. И. (отв. ред.). Четвертая Кубанская археол. конф.: Тез. и докл. Краснодар: Департамент культуры Краснодарского края; НИИ археологии и этнографии Кубанского ГУ; гос. унитар. предпр. «Наследие Кубани»; Краснодарский гос. ист.-арх. музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, 2005. С. 4–9.

Балабанова 2009 – *Балабанова М. А.* Хронологические особенности половозрастной структуры сарматских групп Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского ГУ. Серия. 4. История. 2009. № 1 (15). С. 5–12.

Балабанова 2013 – *Балабанова М. А.* Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2) // Марченко И. И. (отв. ред.). Шестая междунар. Кубанская археол. конф.: Материалы конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 21–25.

Батиева 2011 – *Батиева Е. Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н. э.–IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.

Бунак 1953 – *Бунак В. В.* Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сб. МАЭ. М.; Л., 1953. Т. 14. С. 306–419.

Великанова 1975 – *Великанова М. С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 284 с.

Герасимова 1976 – *Герасимова М. М.* Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья // СЭ. 1976. № 5. С. 107–113.

Герасимова 2004 – *Герасимова М. М.* Население Северного Кавказа в раннем железном веке // Вестник антропологии. 2004. № 11. С. 76–86.

Герасимова и др. 1987 – *Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 254 с.

Громов, Казарницкий 2014 – *Громов А. В., Казарницкий А. А.* К палеодемографии меотов (по материалам могильника городища Елизаветинское II) // Чистов Ю. К. (отв. ред.). Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 10–18.

Дебец 1948 – *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 4).

Зіневич 1971 – *Зіневич Г. П.* До антропології могильника біля с. Завітне в Криму // МАУ. 1971. Вип. 5. С. 111–121.

Казарницкий 2015 – *Казарницкий А. А.* Палеоантропологические материалы античного и нового времени из Новосёловского городища (Краснодарский край) // ЗИИМК. 2015. № 11. С. 109–124.

Кондукторова 1964 – *Кондукторова Т. С.* Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними // МАУ. 1964. Вип. 3. С. 32–71.

Кондукторова 1971 – *Кондукторова Т. С.* Пізні скіфи на Нижньому Дніпрі (за антропологічними матеріалами Золотобалківського могильника) // МАУ. 1971. Вип. 5. С. 60–71.

Кондукторова 1979 – *Кондукторова Т. С.* Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казачское). М.: Наука, 1979. 127 с.

Мальшев, Медникова 1995 – *Мальшев А. А., Медникова М. Б.* Население Цемесской долины в римское время по данным археологии и палеодемографии // Российская археология. 1995. № 4. С. 125–135.

Медникова 2008 – *Медникова М. Б.* Данные антропологии к реконструкции образа жизни древнего населения Цемесской долины // Мальшев А. А. (ред.). Аспургинане на Юго-Востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.: Гриф-К, 2008. С. 244–253.

Морозова и др. 2013 – *Морозова И. Ю., Батиева Е. Ф., Грошева А. Н., Ковалевская В. Б., Рычков С. Ю.* Особенности митохондриального генофонда меотов в свете их связи с кочевым населением приазовских степей // Генетика. 2013. Т. 49. № 9. С. 1114–1120.

Романова 1986 – *Романова Г. П.* Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Каменецкий И. С. (отв. ред.). Археологические открытия на новостройках. Вып. 1: Древности Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 195–203.

Рычков и др. 2013 – *Рычков С. Ю., Морозова И. Ю., Батиева Е. Ф., Кулланда С. В., Ковалевская В. Б., Шевченко Н. Ф., Грошева А. Н., Жукова А. В.* Степь на переломе эр: наброски к генетическому портрету // Проблемы генетики населения и этнической ан-

тропологии: Материалы конф. памяти Ю. Г. Рычкова. Москва, 19–21 ноября 2013 г. М.: Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова РАН, 2013. С. 10.

Literature

Алексеев 1974 – *Alexeev V. P.* Proishozhdenie narodov Kavkaza (*Origins of the peoples of the Caucasus*). Moscow: Nauka, 1974. 317 p. (in Russian).

Алексеева и др. 2003 – *Alexeeva T. I., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V.* Vlahi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistihali) (*Vlahi: An anthropo-ecological study [based on the materials of the medieval necropolis of Mistikhali]*). Moscow: Nauchnyi mir, 2003. 132 p. (in Russian).

Балабанова 2000 – *Balabanova M. A.* Antropologiya drevnego naseleniya Yujnogo Priural'ya i Nijnego Povolj'ya (*Anthropology of ancient populations of the Southern Cisurals and Lower Volga*). Moscow: Nauka, 2000. 133 p. (in Russian).

Балабанова 2005 – *Balabanova M. A.* Polovozrastnaya struktura Prikubanskogo meotskogo mogil'nika IV v. do n. e'. (*Sex-age structure of the Kuban Meotic cemetery of the IV c. BC*) // Marchenko I. I. (ed.). Chetvertaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya (*The 4th KAS*): abstracts and papers. Krasnodar: Krasnodar Regional Department of Culture, etc. 2005. P. 4–9 (in Russian).

Балабанова 2009 – *Balabanova M. A.* Hronologicheskie osobennosti polovozrastnoy struktury sarmatskih grupp Nijnego Povolj'ya (*Chronological peculiarities of the sex-age structure of the Sarmatian groups in the Lower Volga region*) // Vestnik Volgogradskogo universiteta (*Herald of Volgograd State University*). Series 4. History. 2009. No. 1 (15). P. 5–12 (in Russian).

Балабанова 2013 – *Balabanova M. A.* Antropologiya meotskogo naseleniya Kubani (po materialam mogil'nika Starokorsunskogo gorodisch'a № 2) (*Anthropology of the Meotic population of Kuban [with particular reference to the materials from the cemetery of the Starokorsunsky settlement No. 2]*) // Marchenko I. I. (ed.). Shestaya mejdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferenciya (*The 6th International KAS*): Materials. Krasnodar: Ecoinvest, 2013. P. 21–25 (in Russian).

Батиева 2011 – *Batieva E. F.* Naselenie Nijnego Dona (paleoantropologicheskoe issledovanie) (*Population of the Lower Don region [a paleoanthropological study]*). Rostov-upon-Don: SSC of RAS, 2011. 160 p. (in Russian).

Бунак 1953 – *Bunak V. V.* Cherepa iz sklepov gornogo Kavkaza v sravnitel'no-antropologicheskom osvesch'enii (*Skulls from the ossuaries of the Mountainous Caucasus in a comparative-anthropological perspective*) // Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (*Collection of research papers of the Museum of Anthropology and Ethnography*). Moscow; Leningrad, 1953. Vol. 14. P. 306–419 (in Russian).

Великанова 1975 – *Velikanova M. P.* Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mejdurech'ya (*Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluve*). Moscow: Nauka, 1975. 284 p. (in Russian).

Герасимова 1976 – *Gerasimova M. M.* Kraniologicheskie materialy' iz meotskih mogil'nikov Prikuban'ya (*Craniological materials from the Meotic cemeteries of the Kuban*

region) // *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*. 1976. No. 5. P. 107–113 (in Russian).

Герасимова 2004 – *Герасимова М. М. Naselenie Severnogo Kavkaza v rannem jeleznom veke (Early Iron Age population of the Northern Caucasus) // Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)*. 2004. No. 11. P. 76–86 (in Russian).

Герасимова и др. 1987 – *Gerasimova M. M., Rud' N. M., Yablonsky L. T. Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy' (Anthropology of the ancient and medieval populations of East Europe)*. Moscow: Nauka, 1987. 254 p. (in Russian).

Громов, Казарницкий 2014 – *Gromov A. V., Kazarnitsky A. A. K paleodemografii meotov (po materialam mogil'nika gorodisch'a Elizavetinskoe II) (To the paleodemography of Meotes [with particular reference to the materials of the Elizavetinskoe II cemetery]) // Chistov Yu. K. (red.). Radlovskiy sbornik: Nauchny'e issledovaniya i muzeyny'e proekty' MAE' RAN v 2013 g. (Radlow Collection of papers: Scholarly studies and museum projects of the MAE RAS in 2013)*. St. Petersburg: MAE RAS, 2014. P. 10–18 (in Russian).

Дебец 1948 – *Debetz G. F. Paleoantropologiya SSSR (Paleoanthropology of the USSR)*. Moscow; Leningrad: AS of the USSR, 1948. 392 p. (Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series. Vol. 4) (in Russian).

Зіневич 1971 – *Zinevich G. P. Do antropologii mogil'nika bilya s. Zavitne v Krimu (To the anthropology of a cemetery near the village of Zavitne in Crimea) // Materialy' po antropologii Ukrainy' (MAU)*. 1971. Vol. 5. P. 111–121 (in Ukrainian).

Казарницкий 2015 – *Kazarnitsky A. A. Paleoantropologicheskie materialy' antichnogo i novogo vremeni iz Novoselovskogo gorodisch'a (Krasnodarskiy kray) (Paleoanthropological materials of the Classical Antiquity and Early Modern periods from the fortified settlement of Novosyolovo [Krasnodar region]) // Zapiski IIMK (Transactions of IHMC)*. 2015. No. 11. P. 109–124.

Кондукторова 1964 – *Konduktorova T. S. Naselennya Neapolya Skifs'kogo za antropologichnimi danimi (Population of Scythian Neapolis according to anthropological data) // Materialy' po antropologii Ukrainy' (MAU)*. 1964. Vol. 3. P. 32–71 (in Ukrainian).

Кондукторова 1971 – *Konduktorova T. S. Pizni skifi na Nijn'omu Dnipri (za antropologichnimi materialami Zolotobalkivs'kogo mogil'nika) (Late Scythians on the Lower Dnieper [based on the anthropological materials of the Zolotaya Balka cemetery]) // Materialy' po antropologii Ukrainy' (MAU)*. 1971. Vol. 5. P. 60–71 (in Ukrainian).

Кондукторова 1979 – *Konduktorova T. S. Fizicheskiy tip lyudey Nijnego Pridneprov'ya na rubeje nashey e'ry' (po materialam mogil'nika Nikolaevka-Kazackoe) (Physical type of people of the Lower Dnieper region at the turn of the modern era [based on the materials of the Nikolaevka-Kazatskoe cemetery])*. Moscow: Nauka, 1979. 127 p. (in Russian).

Мальшев, Медникова 1995 – *Malyshev A. A., Mednikova M. B. Naselenie Cemesskoy doliny' v rimskoe vremya po danny'm arheologii i paleodemografii (The Roman time population of the Tseme valley as evidenced by archaeological and paleodemographic materials) // Rossiyskaya arheologiya (RA)*. 1995. No. 4. P. 125–135 (in Russian).

Медникова 2008 – *Mednikova M. B. Danny'e antropologii k rekonstrukcii obraza jizni drevnego naseleniya Cemesskoy doliny' (Anthropological evidence to the reconstruction of lifeways of ancient inhabitants of the Tseme valley) // Malyshev A. A. (ed.). Aspurgiane na*

Yugo-Vostoke Aziatskogo Bospora: po materialam Cemdolinskogo nekropolya (*Aspurgians in the south-east of Asian Bosphorus: with special reference to the materials of the Tsemdolinsky necropolis*). Moscow: Grif-K, 2008. P. 244–253 (in Russian).

Морозова и др. 2013 – *Morozova I. Yu., Batiyeva E. F., Grosheva A. N., Kovalevskaya V. B., Rychkov S. Yu.* Osobennosti mitohondrial'nogo genofonda meotov v svete ih svyazi s kochevy'm naseleniem priazovskih stepey (*Peculiarities of the mitochondrial genome of Meotes in the light of their contacts with the nomadic people of the Azov Sea steppes*) // *Genetics*. 2013. Vol. 49. No. 9. P. 1114–1120 (in Russian).

Романова 1986 – *Romanova G. P.* Demograficheskiy analiz paleoantropologicheskikh materialov mogil'nika Lebedi III (*Demographic analysis of paleoanthropological materials from the cemetery of Lebedi III*) // *Kamenetsky I. S.* (ed.). Arheologicheskie otkry'tiya na novostroykah (*Archaeological discoveries in new-construction areas*). Vol. 1. Drevnosti Severnogo Kavkaza (*Antiquities of the Northern Caucasus*). Moscow: Nauka, 1986. P. 195–203 (in Russian).

Рычков и др. 2013 – *Rychkov S. Yu., Morozova I. Yu., Batiyeva E. F., Kullanda S. V., Kovalevskaya V. B., Shevchenko N. F., Grosheva A. N., Zhukova A. V.* Step' na perelome e'r: nabroski k geneticheskomu portretu (*Steppe at the turn of eras: sketches to a genetic portrait*) // (Редактор!) *Problemy' genetiki naseleniya i e'nicheskoy antropologii (Problems of population genetics and ethnical anthropology)*: Materials of the conference dedicated to the memory of Yu. G. Rychkov. Moscow, 19–21 November, 2013. Moscow: N. I. Vavilov Institute of General Genetics RAS, 2013. P. 10 (in Russian).

MEOTIC CEMETERIES OF THE EAST AZOV SEA AND KUBAN' REGIONS: PALEODEMOGRAPHY AND CRANIOLOGY

A. V. Gromov, A. A. Kazarnitsky, M. Yu. Lunev

The paper analyzes and summarizes all the available paleodemographic and craniological evidence related to the Meotic populations of the East Azov Sea and Kuban' regions. The demographic characteristics of Meotes are highly variable, but the wide scale analysis of data for different cultural-economic groups reveals differences in the average age of death and number of elderly people between the farming groups of the Azov and Kuban regions, including Meotes, on one hand, and the Scythian groups of the North Black Sea and Crimea, as well as early Sarmats of the Volga and Don regions, on the other hand. The craniological characteristics of people buried on the Meotic cemeteries are broadly similar to that of other sedentary populations, but show a high degree of intergroup variation which seems to have formed as a result of their long habitation in this region.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ РАННЕЙ ИСТОРИИ СЮННУ

А. А. КОВАЛЕВ

Ключевые слова: *сюнну, Ли Му, «Чжаньго цэ», «Ши цзи», «Шо юань», Янь, Чжао, период Чжаньго.*

Keywords: *Xiongnu, Li Mu, «Shi ji», «Zhanguo ce», «Shuo yuan», Yan, Zhao, Zhanguo (Warring States) period.*

В одном из выпусков «Записок ИИМК РАН» была опубликована статья С. С. Миняева «Чжаоский полководец Ли Му и его борьба с „сюнну“» (Миняев 2014), в которой вновь поставлена под сомнение возможность использования китайских нарративных источников для реконструкции начальных этапов формирования сюннуской «державы» (ср. Миняев 1990). В работе были проанализированы несколько отрывков из сочинений «Ши цзи», «Чжаньго цэ» и «Шо юань», содержащие упоминания народа «сюнну», которые признаются исследователем не заслуживающими доверия. Однако при последовательном и внимательном подходе к толкованию этих источников с опорой на оригиналы ситуация выглядит не так однозначно, как полагает С. С. Миняев. Кроме того, историография вопроса гораздо обширнее. Вызывает сожаление, что внимание исследователя не привлекли, в частности, новые переводы, датировки и толкования вышеуказанных отрывков, приведенные в моей статье, опубликованной в «Записках ИИМК РАН» несколькими годами ранее (Ковалев 2008).

В своей статье С. С. Миняев акцентировал вопрос о позднейших вставках в текст «Ши цзи» и на «не всегда обоснованном редактировании» оригинального текста. В то же время не приведено должных доказательств неаутентичности разбираемого им отрывка из цзюаня 81 о полководце Ли Му (ШЦ: 2449–2450), за исключением возможного противоречия в датировке событий его противостояния с варварами. В представлении автора статьи события, связанные с Ли Му, *последовательно излагаются* таким образом: сначала говорится о его назначении предводителем армии Чжао в войне с Янь, затем идет повествование о его службе на северной границе, а вслед за этим – почему-то опять идет рассказ о назначении Ли Му командующим армией и о его дальнейшей судьбе. Это очевидная ошибка исследователя (см. по переводу: Сыма Цянь 1996: 257–258). Цитируемый отрывок «первого» упоминания о назначении Ли Му командующим чжаоской армией относится к совершенно другому рассказу – биографии попавшего в то время в опалу чжаоского полководца Лянь По. После пассажа о назначении Ли Му и его победах над царством Янь здесь говорится о «долгой жизни» Лянь По после его отставки в вэйском Даляне, затем приводится анекдот о попытке его возвращения на службу, затем о приглашении в царство Чу, службе там военачальником и, наконец, о смерти Лянь По в чуской столице. В этой связи «первое» упоминание о назначении Ли Му не имеет никакого от-

ношения к биографии собственно Ли Му. Рассказ о Ли Му начинается именно с его продолжительной службы на северной границе Чжао, которая проходила до назначения Ли Му командующим в войне против Янь. Затем упоминается отставка Лянь По, назначение Ли Му, захват им яньских городов и далее – последующие события в жизни этого последнего вплоть до его казни в 229 г. до н. э. Такое изложение показывает, что отсутствуют противоречия и «повторы» в изложении событий, тем более нет никакой «некорректности» в позиции Сюн Цюньжюя (Сюн Цуньжуй 1983: 111), который в полном согласии с текстом «Ши цзи» датировал столкновения Ли Му с кочевниками периодом до его назначения командующим в 244/43 г. до н. э.

В рассматриваемой статье С. С. Миняева не проводится сравнительного текстологического исследования корреспондирующих текстов о борьбе Ли Му с варварами из цзюаней 81 и 102 «Ши цзи», а также игнорируется наличие еще одного варианта этого рассказа, о котором мной уже было упомянуто (см. Ковалев 2008: 189). А ведь именно сравнение всех трех отрывков приводит к выводу об их заимствовании из раннего источника (источников?).

Цзюань 294 танской энциклопедии «Тайпин юйлань» содержит практически тот же текст о кампании Ли Му против «варваров», что и цзюань 81 «Ши цзи», однако с указанием, что отрывок взят из состава «Чжаньго цэ» (впоследствии утраченная часть, см. Ян Куань 2001: 1066–1067). Как известно, текст «Чжаньго цэ» понес большие потери в период династии Сун (Tsuen-hsiun Tsien 1993: 6), поэтому нет ничего странного, что в «Тайпин юйлань» цитируется не вошедший в позднейшие редакции фрагмент. Разночтения текстов «Ши цзи» и «Тайпин юйлань» показывают, что они воспроизводят один и тот же источник, причем «Чжаньго цэ» более точно.

Так, в тексте из «Тайпин юйлань» нет стилистически недопустимого повторения подряд иероглифов 出战 в предложении о вторжениях сюнну и ответных действиях китайских пограничных войск. Фраза из «Ши цзи» 馘者十万人 – о ста тысячах, «натягивающих [лук, арбалет]» (это значение 馘 см. ГХЮДЦД: 1841), где слова «лук, арбалет» только подразумевались, дополнена в «Чжаньго цэ» иероглифами «лук, арбалет»: 馘(弓弩)者十万人. Во фразе 单于闻之, 大(喜)率众来入 в редакции «Ши цзи», где иероглиф 喜 отсутствует, слово 大 («большой», «великий», «сильный» (о чувствах) – ГХЮДЦД: 718) оказывается определением к конструкции 率众 «вести [за собой] толпу (массу)» (см. ГХЮДЦД: 356, 413). Очевидная несообразность этого не отражена переводчиками и комментаторами. В упомянутом переводе Р. В. Вяткина (Сыма Цянь 1996: 258) мы видим произвольное отнесение слова 大 к самому слову 众 («толпа, масса»): «с огромной массой своих войск вторгся», хотя по правилам грамматики слово «огромный» должно было быть определением к последующему слову «вести»: переводчик разрубил «гордиев узел» решительным ударом, мысленно переставив иероглифы местами. Однако добавление в «Чжаньго цэ» после знака 大 иероглифа 喜 («радость» – ГХЮДЦД: 623) придает однозначный смысл всем элементам предложения, которое в этом случае можно перевести

так: «Шаньюй, узнав [об этом], сильно обрадовался и ведя за собой массу [воинов] вторгся».

В цзюани 102 «Ши цзи» о победе Ли Му над шаньюем, ссылаясь на рассказы своего дедушки, лично знакомого с Ли Му, говорит императору мудрый чиновник Фэн Тан: «遣选车千三百乘，馱骑万三千，百金之士十万，是以北逐单于，破东胡，灭澹林» (ШЦ: 2758; см. Сыма Цянь 2002: 226).

Рассказ Фэн Тана составлен из сокращенных фраз и перетасованных иероглифов другого варианта текста того же источника, к которому восходят тексты «Ши цзи» и «Чжаньго цэ». Фраза о войске Ли Му начинается теми же словами, что и в «Ши цзи»: 选车千三百乘 «отобрал 1300 штук колесниц...», затем речь идет о тех же 骑万三千 «тринадцати тысячах всадников». Стоящее между этими пассажами слово 馱 «натягивающие лук» осталось из пропущенной здесь фразы о «ста тысячах натягивающих лук»; зато эти «сто тысяч» вместо «пятидесяти тысяч» даны как число 百金之士 «воинов стоимостью в 100 золотых каждый». Фраза о разгроме племени дунху дана без разночтений с другими текстами 破东胡, зато вместо «уничтожения» племени даньлань и «покорения» линьху 灭襜褕 ... 降林胡 мы видим 灭澹林 «уничтожение дань-линь». Очевидно, что слово «дань-линь» появилось в результате сокращения всей фразы о разгроме даньлань и линьху (кстати, поэтому народа «даньлинь», вопросом о локализации которого занимались некоторые китайские ученые, вовсе не существовало!). А вот разнопись иероглифов 襜-澹 может говорить о давнем расхождении текста источника рассказа Фэн Тана с источником текста «Чжаньго цэ». О расхождении текстов говорит и оригинальная редакция фразы о «шаньюе» (北逐单于 – «на севере прогнал шаньюя»), что, по сути, соответствует тексту «Ши цзи» (单于奔走 – «шаньюй бежал»). Кстати, упоминание «шаньюя» подтверждает наличие в источнике Фэн Тана также сведений и о сюнну (ведь именно предводитель сюнну звался таким образом).

Рассказ о Ли Му, судя по его содержанию и дате описываемых событий, включенный как в цзюань 81 «Ши цзи», так, как было показано выше, в «Чжаньго цэ», мог быть заимствован Сыма Цянем и Лю Сянем из одного из хранившихся в императорских книгохранилищах сборников исторических анекдотов, записанных не позже конца III в. до н. э.: «Го ши», «Го бе», «Го цэ», «Ши юй» и т. п. (Васильев 1968: 45; Кроль 1970: 237–243). Беседы Фэн Тана с императором Вэнь-ди, происходившие в 160-е гг. до н. э., должны были быть тогда же зафиксированы в хрониках придворной жизни типа «Хань чжу цзи» («Ханьских произведенных записей»), текстом которых пользовался Сыма Цянь (Кроль 1970: 218–225). К тому времени, как мы показали, текст источника Фэн Тана уже разошелся с хранившимся в императорской библиотеке текстом источника «Чжаньго цэ». Таким образом, еще до рождения Сыма Цяня (145 г. до н. э.) существовали несколько версий текста о кампании Ли Му против шаньюя.

С. С. Миняев пишет о «вторичности» текста «Чжаньго цэ» по отношению к тексту «Ши цзи», исходя только лишь из последовательности составления этих сочинений. Однако сам Лю Сян в предисловии к «Чжаньго цэ» дает обзор источников своего труда (см. Васильев 1968: 45). Естественно, в этом перечне нет упоминания «Ши цзи», а говорится о старинных сочинениях, хранящихся в дворцовой библиотеке. Точка зрения о независимом использовании Сыма Цянем и Лю Сяном одних и тех же источников изложена в работах К. В. Васильева и Ю. Л. Кроля (Васильев 1968: 7–31, 88–96; Кроль 1970: 237–243). К. В. Васильев, разбирая методы работы Лю Сяна, приходит к выводу о высокой степени достоверности воспроизведения компилируемых им текстов (Васильев 1968: 7–9, 45). Как отмечает исследователь, Лю Сян, имея доступ к дворцовым книгохранилищам, использовал тексты хранящихся там «в беспорядке» ранних сочинений, которые стремился упорядочить и передать без повторов и ошибок. Ученый уделял большое внимание аутентичности воспроизведения текстов более ранних источников, входящих в его книги. В сохранившихся до наших дней цитатах из его труда «Бе лу» описываются методы «двойного сличения» древних текстов, в котором принимают участие два человека, взаимно проверяющих текст оригинала и копии: «Двойное сличение. Один человек читает книгу и сличает ее. Сличение заключается в нахождении сомнительных и ошибочных мест [при просмотре текста] сверху донизу. Один человек держит оригинал, другой читает книгу [в копии], подобно соперникам они выступают друг против друга» («雠校, 一人读书,校其上下, 得误缪为校», «一人持本,一人读书, 若怨家相对, 故曰雠也.»): Ци люэ бе лу фу вэнь 1899: л. 4Б–5А; перевод Васильев 1968: 7). Посредством этого метода Лю Сяном были составлены не только «Чжаньго цэ», но и сборники «Шо юань», «Ле ньюй чжуань», «Синь суй», трактат «Гуань цзы» и т. д. В предисловии к «Чжаньго цэ» Лю Сян в качестве использованных источников называет хранившиеся в дворцовых книгохранилищах труды «Го цэ», «Го ши», «Дуань чан», «Ши юй», «Чан шу», «Сю шу» (Там же: 45). В аннотации к «Шо юань» Лю Сян сообщает, что источниками для этой компиляции послужили книга «Шо юань цза шу», а также «книги» (书) из его собственной библиотеки и иных частных собраний (Ци люэ бе лу фу вэнь 1899: л. 18Б; Knechtges 1993: 443). В 1973 г. в могиле западноханьского времени в Мавандуй (Чанша, провинция Хубэй) был найден текст, получивший условное название «Чжаньго цзунхэн цзя шу» («Книга школы цзунхэн эпохи Чжаньго») (ЧГЦ: 1337–1366) – сборник историко-политических анекдотов, относящихся к эпохе Чжаньго, содержание которого частично совпадает с «Чжаньго цэ» и эпизодами «Ши цзи». Редакция сборника отличается от тех, которыми мог пользоваться Лю Сян при составлении «Чжаньго цэ» и Сыма Цянь при создании «Ши цзи», что открывает широкие возможности для реконструкции первоначального облика этих текстов (Tsuen-hsien Tsien 1993: 8–9).

Еще одним основанием для сомнений в достоверности упоминания «сюнну» в повествовании о событиях доханьского времени для С. С. Миняева послужило внешнее «сходство» сообщений двух источников: «Шо юань» – о нападениях сюнну на дружественных Янь лоуфаней и «Чжаньго цэ» – о нападении на «яньские уезды» лоуфаней неких варваров «ху» (Миняев 2014: 128–129). Автор ста-

ть предполагает, что речь идет об одном и том же событии, и слово «сюнну» появилось в ходе редакции источника, замены слова «ху» в ханское время. Однако он не учитывает контекст соответствующих рассказов, включенных в «Шо юань» и «Чжаньго цэ», а именно этот контекст однозначно указывает на временной разрыв между первым и вторым событиями.

В тексте «Шо юань» (цзюань 1 «Цзюнь дао») говорится: «燕昭王问於郭隗曰：“寡人地狭人寡，齐人削取八城，匈奴驱驰楼烦之下...”» (ШЮ: 33). «Яньский Чжао-ван, спрашивая Го Вэя, сказал: “Мои земли утеснены, населения мало. Цисцы отобрали и уничтожили восемь [моих] крепостей, сюнну изо всех сил стремятся покорить лоуфаней”» (перевод уточнен по сравнению с приведенным в моей статье – ср. Ковалев 2002: 153).

Отрывок взят из диалога яньского Чжао-вана и мудреца Го Вэя. Чжао-ван сокрушается о потерях, понесенных Янь вследствие нашествия войск царства Ци, и вопрошает мудреца о способах восстановить утраченное положение. Го Вэй в ответ предлагает вану созвать ко двору мудрецов со всех концов Поднебесной. По приглашению Чжао-вана в Янь действительно прибыли вскоре Юэ И, Цзоу Янь, Цзи Синь. Сообщения об этом событии и «записи» бесед на эту тему Чжао-вана и Го Вэя содержатся также в «Ши цзи» (цзюань «Янь шицзя»), «Чжаньго цэ» (цзюань «Янь цэ 1»), «Синь сюй» (цзюань «Цза ши 3»), «Шо юань» (цзюань «Цзуньсянь»). Судя по контексту, совещания Чжао-вана с Го Вэем на эту тему имели место сразу после воцарения вана, т. е. в 312 г. до н. э. (см. Чэнь Пин 1995, т. 2: 2–4). Согласно рассматриваемому отрывку из «Шо юань» (ШЮ: 33), эти мудрецы собрались в Янь через три года после рассматриваемого диалога. Захват восьми крепостей, о котором идет речь, таким образом мог иметь место в 314–312 гг. до н. э., когда циские войска, воспользовавшись смутой в Янь, вторглись в это княжество, убив его правителя Цзы Чжи (ШЦ: 732–733, 1556–1557, 2268; Сыма Цянь 1987: 87–89; 1996: 113–114).

В «Чжаньго цэ», цзюань 12 «Ци 5. Су Цинь шуй Ци Минь-ван» («Су Цинь, увещевая циского Минь-вана, сказал...») контекст совершенно иной: «昔者齐、燕战於桓之曲，燕不胜，十万之众尽。胡人袭燕楼烦数县，取其牛马...» (ЧГЦ: 434). «Однажды Ци, [и] Янь сражались в извилинах Хуань, Янь не справилось [с Ци], потеряло сто тысяч рядовых. Хусцы напали на несколько яньских узлов лоуфаней, угнали их быков и лошадей».

Столь масштабное сражение в «извилинах Хуань» между Ци и Янь не могло случиться во время войны 314 г. до н. э., т. е. в период, о котором говорится в вышеуказанном отрывке из «Шо юань», – в то время циские войска прошли территорию Янь совершенно беспрепятственно: «Командиры и воины [Янь] не сражались, городские ворота не закрывались... армия Ци одержала полную победу над Янь», – так описывается ход военных действий в «Ши цзи» (цит. по Сыма Цянь 1987: 88–89).

Согласно мнению Сюй Чжуншу, которому следует и ряд современных специалистов (Сюй Чжуншу 1964: 147–150; Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 294; Ян Куань 2001: 695), битва между Янь и Ци, в которой Янь проиграло и понесло значительные потери, имела место гораздо позже – непосредственно перед тем, как Чжао в 296 г. до н. э. окончательно захватило Чжуншань.

О том, что «Ци и Янь сражались, а род Чжао захватил Чжуншань», говорится далее в рассматриваемом параграфе «Чжаньго цэ» (ЧГЦ: 431). Тому же конфликту, вероятно, посвящен и пассаж «Су Дая» (возможно, самого Су Циня – см. Чэнь Пин 1995: т. 1: 24), обращенный к яньскому правителю, который приведен в цююани «Янь цэ 1» «Чжаньго цэ» (пар. «Су Цинь сы, ци гэ Су Дай юй ци чжи») и 69 цююани «Ши цзи»: «В Ци ван уже взрослый, он действует самостоятельно. На юге он в течение пяти лет воевал с Чу, истощил свои запасы; на западе в течение трех лет находится в сложных отношениях с Цинь, его командиры и солдаты утомились; на севере он воевал с Янь, разгромил три ваших армии и пленил двух военачальников. Затем циский правитель, собрав оставшиеся войска, повернул на юг и напал на сильное княжество Сун...» (ЧГЦ: 1056, ШЦ: 2267, цит. по Сыма Цянь 1996: 112). Контекст, в котором Су Дай упоминает о военной кампании циского вана, говорит о том, что столь внушительные победы над Янь были одержаны Ци в период до ликвидации царства Сун (286 г. до н. э.), но после войны с Чу (303–299 г. до н. э.) и до третьего года с начала кампании против Цинь (298–296 г. до н. э.), что относит это столкновение с Янь к периоду 298–297/96 гг. до н. э. (Сюй Чжуншу 1964: 148; Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 768–770).

В цююанях «Ци 2» и «Янь 1» «Чжаньго цэ» говорится о военных действиях Янь в неких «цююаньских трудностях» (权之难) (ЧГЦ: 358, 1044). В первом из указанных параграфов говорится о том, что противником в этой войне у Янь было Ци, а Чжао побуждали помочь Янь, во втором – что Чжао сначала отказалось поддержать Янь, а затем все же выслало войска ему на помощь (см. перевод: Васильев 1968: 49–50; Crump 1970: 156–157, 507). Оба эпизода относятся к одному и тому же военному столкновению. Сюй Чжуншу обращает внимание на то, что при этом начало отрывка из цююани «Янь 1» аналогично конструкции из рассматриваемого предложения в цююани «Ци 5» «桓之曲, 燕不胜» («Ци 5») и «权之难, 燕再战不胜» («Янь 1»). 桓之曲 («извилины Хуань»), по его мнению, может быть калькой 权之难 («трудностей Цююань»). Слова 桓 и 权 созвучны («рифмуются») и, по общепринятому мнению, взаимозаменяемы. Слово 曲 в сочетании 桓之曲 интерпретируется Сюй Чжуншу также как «трудности» – извилистая теснина, выход из которой сильно затруднен, полностью 曲逆 («щюйни»). Это слово – как раз наименование пункта, который, согласно упомянутому отрывку из цююани «Ци 2», царство Чжао могло бы без труда захватить после битвы Ци и Янь в «трудностях Хуань» 权之难, воспользовавшись истощением сил Ци и Янь: «Если [Ци] одержит победу в войне, то его войска будут измотаны, и Чжао сможет приобрести Тан и Цюйни» (перевод по Васильев 1968: 49). Поскольку Цюйни и Тан в то время принадлежали царству Янь или царству Чжуншань, а никак не Ци (ЧГЦ: 359, примеч. 10; Чжэн Шаоцзун 1992: 135), то предложение завладеть этими землями, воспользовавшись тем, что войска Ци в результате победы над Янь будут обескровлены, скорее всего, означает, что именно эти места должны были быть захвачены Ци в результате войны с Янь. Так что во всех трех отрывках речь, скорее всего, идет об одной и той же

кампании, в которой принимали участие все три государства: Янь, Ци и Чжао. Необходимо отметить, что ранние (около 334 г. до н. э.) датировки рассматриваемых эпизодов «Ци 2» и «Янь 1», приведенные в книге К. В. Васильева, основаны на признанной ныне недостоверной хронологии деятельности Су Циня и ряда других исторических лиц той эпохи (Сюй Чжуншу 1964: 133–147; Чэнь Пин 1995, т. 2: 9–26; Ян Куань 2001: 8–17).

Таким образом, рассматриваемая битва в «извилинах Цюань» и нападение «ху» на подведомственные царству Янь уезды могли произойти в 298–296 гг. до н. э., когда приграничные с царством Чжуншань государства Янь и Ци вступили в конфликт между собой. В результате этой войны Янь потерпело поражение, Ци было обескровлено, а Чжао воспользовалось чужой распрей и в 296 г. до н. э. полностью овладело чжуншаньскими территориями (обзор представлений современных авторов об этой войне см. Чэнь Пин 1995, т. 2: 88–91).

Текст источников показывает, что Цюйни 曲逆 (Цюй 曲?) и Цюань 权 – наименования географических пунктов, относящиеся к одной и той же местности на границе Янь, Чжуншань, Чжао и Ци, переходившей на рубеже IV–III вв. до н. э. из рук в руки. Это обстоятельство существенно подкрепляет гипотезу Сюй Чжуншу.

В вышеупомянутом мавандуйском манускрипте «Чжаньго цзунхэн цзя шу» Цюйни определен как географический объект, принадлежащий Янь («燕阳曲逆»; см. ЧГЦ: 1359); в корреспондирующем тексте «Чжаньго цэ» вместо Цюйни 曲逆 поставлено Цюйу 曲吾 («Яо бэнь») или Цюйюй 曲遇 («Бао бэнь») (ЧГЦ: 608, 610). Разнобой в употреблении второго знака показывает, что Сюй Чжуншу был прав, еще до обнаружения этого источника рассматривая иероглиф Цюй (曲) как сокращение географического названия. Кстати, за несколько столетий до обнаружения мавандуйского списка «Чжаньго цзунхэн цзя шу» У Шидао (1283–1344) уже предлагал исправить 曲吾 (曲遇) на 曲逆 (см. ЧГЦ: 610–611, примеч. 15). Корреспондирующий указанным текстам «Чжаньго цзунхэн цзя шу» и «Чжаньго цэ» отрывок, в котором название конкретного яньского пункта вообще убрано, включен в состав цзюаня 43 «Ши цзи» за шестнадцатым годом чжаоского Хуй-вэнь-вана, т. е. 283 г. до н. э. (ШЦ: 741, 1818; см. Сыма Цянь 1992: 71).

В тексте «Бамбуковых анналов» словом «Цюйни» (曲逆) назван пункт на границе Янь, который был укреплен вэйским Инь Чэнем и чжаоским Гунсунь Ай'ем в ходе кампании против этого государства в 350 г. до н. э.; при этом упоминается еще и о взятии крепости Сяу (см. ЧШЦН: 133). По данным «Шуй цзин чжу» (ШЦЧ: 1078–1081), использованным в комментариях Яо Хуна (ЧГЦ: 359, примеч. 10), Цюйни и Сяу должны были находиться на территории восточноханьского уезда Пуинь (который до 86 г. н. э. назывался именно Цюйни – см. ЧГЛШДМДЦД: 2658), т. е. близ центра нынешнего уезда Шуньпин провинции Хэбэй (Сюй Чжуншу 1964: 148; ЧГЛШДМДЦД: 982). Кроме того, в 40 км к югу от предполагаемого Цюйни в циньское время был учрежден существующий по сей день уезд под названием Цюйян (曲阳) (ЧГЛШДМДЦД: 982), т. е. «южный склон» Цюй. По землям уездов Шуньпин и Тансян, на левобережье р. Танхэ (от

района расположения Цюйни на юг вплоть до уезда Цюйян), проходила пограничная стена царства Чжуншань, руины которой выявлены археологами провинции Хэбэй (Ли Вэньлун 2001). Это показывает, что под наименованием Цюй 曲 могла подразумеваться достаточно обширная территория на границе Чжуншань и Янь.

С другой стороны, согласно данным источников, Цюань 权 – это название административной единицы царства Чжуншань, занимавшей север современного уезда Чжэндин провинции Хэбэй, в 20–30 км к югу от вышеуказанного Цюйяна (Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993: 238–239; ЧГЛШДМДЦД: 912). Чжуншаньский Цюань 权, таким образом, был расположен в нескольких десятках километров на юг от Цюй/Цюйни/Цюйян, по линии тех же чжуншаньских пограничных стен.

Приведенные примеры, как и ряд разбираемых мною в других работах текстов (Ковалев 2002; 2008; 2012; Кэвалёфу 2009), наглядно показывают большие возможности использования исторических источников в реконструкции событий на северных рубежах китайских государств. Появление этнонима «сюнну» в китайских текстах относится к доханьскому времени, что может помочь в локализации территории расселения хунну в период до возвышения Маодуня, выделения «собственно хуннских» маркеров материальной культуры.

Литература

Васильев 1968 – *Васильев К. В.* «Планы сражающихся царств» (исследование и переводы). М.: Наука, ГРВЛ, 1968. 260 с.

Ковалев 2002 – *Ковалев А. А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Шевченко Ю. Ю. (сост.), Лебедев Г. С. (отв. ред.). Европа – Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб.: МАЭ РАН; Изд-во ЛЕМА, 2002. С. 150–194.

Ковалев 2008 – *Ковалев А. А.* Локализация народов VI–III веков до н. э. на северных границах китайских государств (по археологическим и письменным источникам) // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 181–202.

Ковалев 2012 – *Ковалев А. А.* Модун шаньюг хаан ширээнд суухас өмнөх үийн хүннү (сюнну) нарын тухай сурвалжийн мэдээний тухайд (Сообщения письменных источников о племени хунну [сюнну] до воцарения Модэ шаньюя) // Хүннүгийн эзэнт улс ба монголын эртний түүхийн судалгаа (Империя хунну и исследования по древней монгольской истории). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. С. 44–73 (на монг. яз.).

Кроль 1970 – *Кроль Ю. Л.* Сыма Цянь – историк. М.: Наука, ГРВЛ, 1970. 447 с.

Миняев 1990 – *Миняев С. С.* «Сюнну-лечжуань» и проблема ранней истории сюнну // Хохлов А. Н. (отв. ред.). XXI науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. М.: ИВ АН СССР, 1990. Ч. 2. С. 149–153.

Миняев 2014 – *Миняев С. С.* Чжаоский полководец Ли Му и его борьба с «сюнну» // ЗИИМК. 2014. № 9. С. 123–131.

Сыма Цянь 1987 – *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи) / Вступ. ст., пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. Т. 5. 364 с. (ППВ. Т. 32, 5).

Сыма Цянь 1992 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 1992. Т. 6. 483 с. (ППВ. Т. 32, 6).

Сыма Цянь 1996 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. Р. В. Вяткина; коммент. Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина. М.: Восточная литература, 1996. Т. 7. 462 с. (ППВ. Т. 32, 7).

Сыма Цянь 2002 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца; коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца; вступ. ст. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 2002. Т. 8. 510 с. (ППВ. Т. 32, 8).

Crump 1970 – Chan-Kuo Ts'e / Translated by J. I. Crump. Oxford: Clarendon Press, 1970. 602 p.

Knechtges 1993 – *Knechtges D. R. Shuo yuan* // Loewe M. (ed.). *Early Chinese Texts: a Bibliographical Guide*. Berkeley: Society for the Study of Early China; Institute of East Asian Studies, University of California Berkeley, 1993. P. 443–445 (Early China special monographs series. No. 2).

Tsuen-hsiun Tsien 1993 – *Tsuen-hsiun Tsien. Chan kuo ts'e* // Ibid. P. 1–11.

ГХЮДЦД – Гу хань ю да цыдянь (Большой словарь древнего китайского языка) / Сюй Фу и др. (сост.). Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2001. 2613 с. (на кит. яз.).

Кэвалёфу 2009 – *Кэвалёфу А. А. Гуньюань цян 4 – цян 2 шици лоуфань дэ фанвэй цзи ци дуй Чжуньюань хэ Наньфан дицю дэ инсян* (Локализация лоуфаней в 4–2 веках до н. э. и их влияние на культуру Центральной Равнины и Юга) // Ээрдуси цинтун ци гоци сюэшу яньтао хуй луньвэнь цзи (Сб. ст. международного симпозиума по ордосским бронзам). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2009. С. 395–414 (на кит. яз.).

Ли Вэньлун 2001 – *Ли Вэньлун*. Баодин цзин нэй Чжаньго Чжуншань чанчэн дяоча цзи (Очерк разведки длинных стен [царства] Чжуншань [периода] Чжаньго в границах [городского округа] Баодин) // Вэньу чуньцю. 2001. № 1. С. 44–52, 58 (на кит. яз.).

Сюн Цуньжуй 1983 – *Сюн Цуньжуй*. Сянь Цинь сюнну цзи ци юй гуань дэ цзигэ вэньти (Сюнну в доциньское время, а также некоторые имеющие касательство к этому вопросы) // Шэхуй кэсюэ чжаньсянь. 1983. № 1. С. 110–113 (на кит. яз.).

Сюй Чжуншу 1964 – *Сюй Чжуншу*. Лунь «Чжаньго цэ» дэ бьяньсе цзи югуань Су Цинь чжу вэньти (О составлении «Чжаньго цэ», а также вопросы, касающиеся Су Циня) // Лиши яньцзю. 1964. № 1. С. 133–150 (на кит. яз.).

Ци люэ бе лу фу вэнь 1899 – Ци люэ бе лу фу вэнь / Лю Сян – автор, Яо Чжэньцзун – сост. 1899 (на кит. яз.).

ЧГЛШДМДЦД – Чжунго лиши ди мин да цыдянь (Большой словарь исторических географических названий Китая) / Ши Вэйлэ (ред.). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2005. 2554 с. (на кит. яз.).

ЧГЦ – Чжаньго цэ (Планы сражающихся царств) / Лю Сян – автор. Т. 1–3. 4-е изд. Шанхай: Шанхай гу цзи чубаньшэ, 1995. 1390 с. (на кит. яз.).

Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993 – *Чжан Циньчан, Ван Яньдун*. Чжаньго цэ цзяньчжу (Толкование «Чжаньго цэ»). Тяньцзинь: Нанькай дасюэ чубаньшэ, 1993. 919 с. (на кит. яз.).

Чжэн Шаоцзун 1992 – *Чжэн Шаоцзун*. Люэ тань Чжаньго шици Чжуншань го дэ цзянчэн вэньти (Обзорное изложение вопросов, касающихся пограничных укреплений царств)

ва Чжуншань в период Чжаньго) // Ляохай вэньу сюэкань. 1992. № 2 (14). С. 128–138 (на кит. яз.).

ЧШЦН – Гу бэнь Чжу шу цзи нянь цзи цзяо. Цзи бэнь Чжу шу цзи нянь шу чжэн (Древний текст «Бамбуковых анналов», собранный и прокомментированный. Современный текст «Бамбуковых анналов», прокомментированный со ссылками на источники) / Ван Говэй – сост., коммент. Шэньян: Ляонин цзяою чубаньшэ. 1997. 127 с. (на кит. яз.).

Чэнь Пин 1995 – *Чэнь Пин*. Янь ши цзи ши бянь нянь хуй ань (Распределенное по годам собрание материалов по зафиксированным событиям истории Янь). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1995. Т. 1: 375 с.; Т. 2: 365 с. (на кит. яз.).

ШЦ – Ши цзи (Записи историографа) / Сыма Цянь – авт. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ – коммент. 14-е изд. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1996. 3322 с., 56 с. прил. (на кит. яз.).

ШЦЧ – Шуй цзин чжу шу (Комментированный «Речной канон с разъяснениями») / Ли Даюань – автор; Ян Шоуцзин, Сюн Хуйчжэнь – коммент. «шу». 2-е изд. Нанкин: Цзянсу гуцзи чубаньшэ, 1999. 3508 с. (на кит. яз.).

ШЮ – Шо юань (Сад высказываний) / Лю Сян – автор. Пекин, 1976 (Чжунго цзысюэ минчжу цзи чэн. 26) (на кит. яз.).

Ян Куань 2001 – Ян Куань. Чжаньго шилиао бянь нянь цзи чжэн (Распределенное по годам собрание исторических источников по периоду Чжаньго). Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 2001. 1195 с. (на кит. яз.).

Literature

Васильев 1968 – *Vasiliev K. V.* «Plany' srajayusch'ih sya carstv» (issledovanie i perevody') («Plans of the Warring States» [a study and translations]). Moscow: Nauka, 1968. 260 p. (in Russian).

Ковалев 2002 – *Kovalev A. A.* Proishojdenie hunnu soglasno danny'm istorii i arheologii (Xiongnu origins according to historical and archaeological evidence) // Shevchenko Yu. Yu. (comp.), Lebedev G. S. (ed.). Evropa–Aziya: problemy' e'tnokul'turny'h kontaktov (Europe–Asia: problems of ethnocultural contacts). St. Petersburg: MAE RAS; LEMA publishers, 2002. P. 150–194 (in Russian).

Ковалев 2008 – *Kovalev A. A.* Lokalizaciya narodov VI–III vekov do n. e'. na severny'h granicah kitajskih gosudarstv (po arheologicheskim i pis'menny'm istochnikam) (Localization of some peoples of the VI–III cc. BC on the northern borders of Chinese Statelets [on the basis of archaeological and written records]) // Zapiski IIMK (Transactions of IHMC). 2008. No. 3. P. 181–202 (in Russian).

Ковалев 2012 – *Kovalev A. A.* Modun shan'yug haan shire'e'nd suuhas omnoh yiyin hynny (syunnu) nary'n tuhay survaljiyn me'de'e'niy tuhayd (Written records about the Xiongnu tribes before the enthronement of Modu Chanyu) // Hynnygiyn e'ze'nt uls ba mongoly'n e'rtnei tyhiyn (Xiongnu empire and the studies in early history of Mongols). Ulaanbaatar: Soembo printing, 2012. P. 44–73 (in Mongolian).

Кроль 1970 – *Krol Yu. L. Sy'ma Cyan' – istorik (Sima Qian – a historian)*. Moscow: Nauka, 1970. 447 p. (in Russian).

Миняев 1990 – *Minyaev S. S. «Syunnu-lechjuan'» i problema ranney istorii syunnu («Xiongnu-Zezhuan» and the problem of the early history of Xiongnu)* // Khokhlov A. N. (ed.). XXI scholarly conference «Obsch'estvo i gosudarstvo v Kitae» («The society and state in China»): abstracts of papers. Moscow: Institute of Oriental Studies of the AS of the USSR, 1990. Pt. 2. P. 149–153 (in Russian).

Миняев 2014 – *Minyaev S. S. Chjaoskiy polkovodec Li Mu i ego bor'ba s «syunnu» (Zhao military leader Li Mu and his struggle against «Xiongnu»)* // Zapiski IIMK (Transactions of IHMC). 2014. No. 9. P. 123–131 (in Russian).

Сыма Цянь 1987 – *Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi czi) (Records of the Grand Historian [Shiji])* / Introductory article, translation from Chinese and comments by R. V. Vyatkin. Moscow: Nauka, 1987. Vol. 5. 364 p. (WMO. Vol. 32, 5) (in Russian).

Сыма Цянь 1992 – *Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi czi) (Records of the Grand Historian [Shiji])* / Translation from Chinese and comments by R. V. Vyatkin. Moscow: Oriental literature, 1992. Vol. 6. 483 p. (WMO. Vol. 32, 6) (in Russian).

Сыма Цянь 1996 – *Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi czi) (Records of the Grand Historian [Shiji])* / Translation from Chinese and comments by R. V. Vyatkin. Moscow: Oriental literature, 1996. Vol. 7. 462 p. (WMO. Vol. 32, 7) (in Russian).

Сыма Цянь 2002 – *Sima Qian. Istoricheskie zapiski (Shi czi) (Records of the Grand Historian [Shiji])* / Translation from Chinese by R. V. Vyatkin and A. M. Karapet'yantz, comments by R. V. Vyatkin, A. R. Vyatkin and A. M. Karapet'yantz, introductory article by R. V. Vyatkin. Moscow: Oriental literature, 2002. Vol. 8. 510 p. (WMO. Vol. 32, 8) (in Russian).

ГХЮДЦД – *Gu han yu da cidian / Xu Fu et al. (comp.)*. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 2001. 2613 p. (in Chinese).

Кэвалёфу 2009 – *Kewaliefu A. A. Gongyuan qiang 4 – qiang 2 shiji loufan de fangfei ji qi dui Zhongyuan he Nanfang diqu de yinxiang* // Eerduosi qingtong qi guoji xueshu yantao hui lunwen ji. Beijing: Kexue chubanshe, 2009. P. 395–414 (in Chinese).

Ли Вэньлун 2001 – *Li Wenlong. Baoding jing nei Zhanguo Zhongshan changcheng diaocha ji* // Wenwu chunqiu. 2001 (1). P. 44–52, 58 (in Chinese).

Сюн Цуньжуй 1983 – *Xiong Cunrui. Xian Qin xiongnu ji qi yu guan de jige wenti* // Shehui kexue zhanxian. 1983 (1). P. 110–113.

Сюй Чжуншу 1964 – *Xu Zhongshu. Lun «Zhanguo ce» de bianche ji youguan Su Qin zhu wenti* // Lishi yanjiu. 1964 (1). P. 133–150 (in Chinese).

Ци люэ бе лу фу вэнь 1899 – *Qi lue bie lu fu wen / Liu Xiang – author, Yao Zhenzong – comp.* 1899 (in Chinese).

ЧГЛШДМДЦД – *Zhongguo lishi di ming da cidian / Shi Weile (ed.)*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2005. Vol. 1–2. 2554 p. (in Chinese).

ЧГЦ – *Zhanguo ce / Liu Xiang – author*. Vol. 1–3. Shanghai: Shanghai gu ji chubanshe, 1995. 1390 p. (in Chinese).

Чжан Циньчан, Ван Яньдун 1993 – *Zhang Qinchang, Wang Yandong. Zhanguo ce jianzhu*. Tianjin: Nankai daxue chubanshe, 1993. 919 p. (in Chinese).

Чжэн Шаоцзун 1992 – *Zheng Shaozong*. Lue tan Zhanguo shiqi Zhongshan guo de jiang cheng wenti // Liaohai wenwu xuekan. 1992 (2). P. 128–138 (in Chinese).

ЧШЦН – Gu ben Zhu shu ji nian ji jiao. Ji ben Zhu shu ji nian shu zheng / Wang Guowei – comp., comment. Shenyang: Liaoning jiaoyu chubanshe. 1997. 127 p. (in Chinese).

Чэнь Пин 1995 – *Chen Ping*. Yan shi ji shi bian nian hui an. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 1995. Vol. 1: 375 p.; Vol. 2: 365 p. (in Chinese).

ШЦ – Shi ji / Sima Qian – author; Pei Yin, Sima Zheng, Zhang Shouze – comment. Beijing: Zhonghua shujiu, 1996. 3322 p., app. (in Chinese).

ШЦЧ – Shui jing zhu shu / Li Daoyuan – author; Yang Shoujing, Xun Huizhen – comment. Nanjing: Jiansu guji chubanshe, 1999. 3508 p. (in Chinese).

ШЮ – Shuo yuan / Liu Xiang – author. Beijing, 1976 (*Zhongguo zixue mingzhu ji cheng*. 26) (in Chinese).

Ян Куань 2001 – *Yang Kuan*. Zhanguo shiliao bian nian ji zheng. Shanghai: Renmin chubanshe, 2001. 1195 p. (in Chinese).

ON THE POSSIBILITIES TO APPLY CHINESE WRITTEN SOURCES TO THE RECONSTRUCTING OF EARLY HISTORY OF XIONGNU

A. A. Kovalev

The author criticizes S. S. Minyaev's paper «Zhao military leader Li Mu and his struggle against Xiongnu», published in issue 9 of this periodical. An attempt is made to show that there are no «contradictions» in the chronology of the narration devoted to Li Mu. Three versions of the story of Li Mu's struggle against northern barbarians are analyzed (two fragments of «Shi ji» and one fragment from «Zhanguo ce») to substantiate the idea that the narration about Li Mu could have been independently borrowed by the authors of both texts from an earlier source, where «Xiongnu» and their «Shanyu» are mentioned. The fragments concerning the attack of «Xiongnu» and «Hu» on the Yan kingdom, considered by S. S. Minyaev as reports of one and the same event, appear to belong to different periods of time. Hence, it follows that the word «Xiongnu» existed in the original text and could not have been used instead of the word «hu» («the nomads»). The author holds the opinion, that the study of Chinese narrative sources can give a lot of authentic information on the localization of Xiongnu before the creation of their «Empire».

«ТАТИНГСКИЕ» СОСУДЫ НИЖНЕГО ПОВОЛХОВЬЯ (ДАТИРОВКА И РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОМЕТРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

А. В. ПЛОХОВ, Я. В. ФРЕНКЕЛЬ

Ключевые слова: *Старая Ладога, могильник Плакун, Сен-Дени, «татингские» сосуды, археометрические исследования.*

Keywords: *Staraya Ladoga, Plakun cemetery, Saint Denis, Tating-type vessels, archaeometric studies.*

В ходе изучения раннесредневековых напластований Земляного городища Старой Ладоги собраны огромные керамические коллекции, преимущественно состоящие из обломков довольно грубых лепных и гончарных кухонных горшков местного изготовления. На этом фоне выделяется небольшая серия черепков от изделий типа «Татинг». Такая керамика встречается и в кургане 7 могильника Плакун, расположенного на противоположном берегу Волхова.

Самой известной и наиболее распространенной формой «татингской» посуды являются кувшины (типа рис. 1, 1). Обычно они имеют чернолощеную поверхность, украшенную геометрическим зональным орнаментом, выполненным оловянной фольгой. По такому кувшину из погребения в Татинге (Шлезвиг-Гольштейн) была названа вся рассматриваемая группа керамика. Форма и размеры кувшинов довольно устойчивы, хотя встречаются и различия. Так, известны аналогичные по форме сосуды без фольги, с нелощеной, матовой, слегка песчанистой на ощупь поверхностью, коричневого или серого цвета, украшенные рельефным орнаментом и белой краской. Но именно чернолощенные кувшины с оловянным декором относятся к «классическим татингским» сосудам и являются олицетворением изделий этого типа. Кроме кувшинов к группе «татингской» керамики относится немногочисленная посуда иных форм, украшенная фольгой и имеющая как «классическую» черную, так и серую или коричневую поверхности, и разную текстуру. Иногда металлический декор совмещен с рельефным или пролощенным.

Находки «татингской» керамики, обычно малочисленные, зафиксированы более чем в 60 пунктах в регионе Балтийского и Северного морей от Майнца и Лорша (Германия) до Борга на Лофотенских о-вах (Северная Норвегия), от Саутгемптона, Йорка (Англия) и Сен-Дени (Франция) до Старой Ладоги.

С первой публикации этих сосудов (Arne 1914: 198, fig. 333) прошел уже век, но основные связанные с ними проблемы далеки от решения. Одной из них является датировка. После ряда находок из Англии, Германии и Франции третья четверть VIII в. как нижняя дата бытования такой керамики выглядит убедительно (Brorsson 2010: 90; Hurst, Hodges 1976: 249; Meyer-Rodrigues 1993: 271; Winkelmann 1972: 38, 46, Abb. 2). Но верхняя дата окончательно не определена. Большинство ученых не выводит ее за пределы IX в. Писали о возможном существовании таких сосудов и в X в., опираясь на мнение В. Хюбенера, датиро-

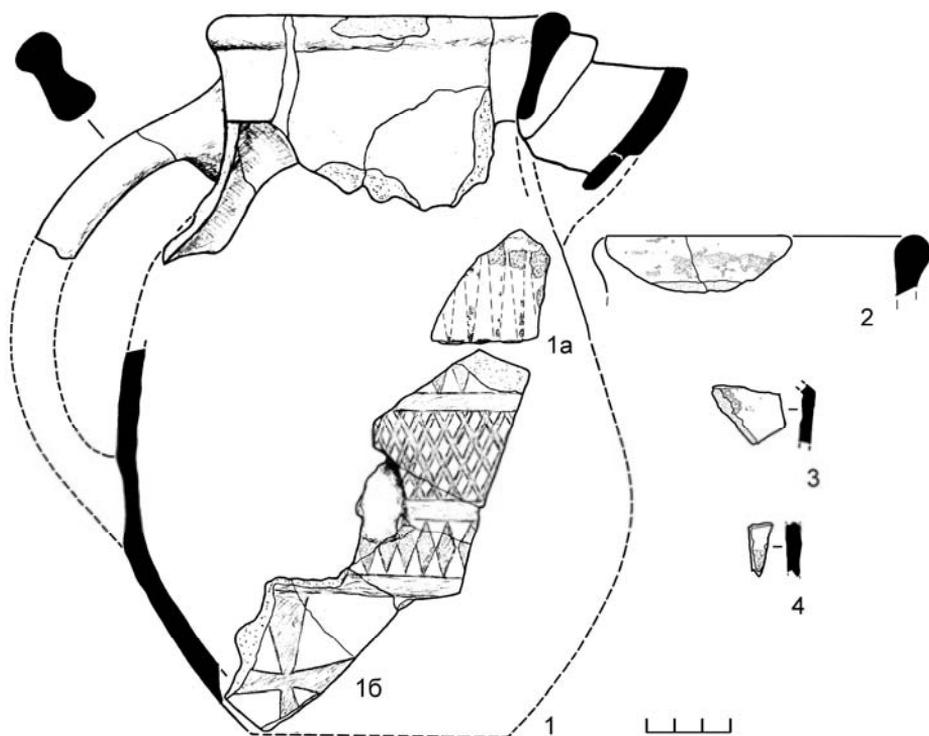

Рис. 1. Керамика типа «Татинг» из кургана 7 могильника Плакун (1, 2) и Сен-Дени (3, 4)
 Fig. 1. Tating-type pottery from barrow 7 of the Plakun cemetery (1, 2) and from Saint Denis (3, 4)

вашего погребение 1158 Бирки IX в., допуская, впрочем, и X в. (Hübener 1959: 135), а также на находки «татингских» черепков в культурных слоях поселений, датирующихся IX–X вв. (Arents, Eisenschmidt 2010: 154; Hübener 1959: 135; Janssen 1987: 46; Müller 2002: 10; Schoknecht 1977: 112).

Сейчас опубликованы достоверные данные в пользу длительного бытования «татингских» изделий. Некоторые находки обломков таких сосудов в торговом поселении Девентер (Голландия) позволили авторам раскопок предполагать их использование в течение какого-то времени в X в. (Mittendorff 2007: 193, 208; Mittendorff, Vermeulen 2004: 39, 45, 51, 69, afb. 40, 44). При раскопках в 1969–1971 гг. так называемой Черной земли в Бирке «татингские» черепки найдены в отложениях конца IX–второй половины X в. (Ambrosiani 1992: 77). В Волине фрагмент такого кувшина встречен в слое с дендродатами 942–981 гг. (Stanisławski 2012: 40, 95). Это не помешало Б. М. Станиславскому использовать другой «татингский» черепок в качестве хронологического репера при определении времени формирования напластований раскопа в районе Старого города (Stare Miasto) Волина. Исследователь исходил из датировки этого типа керамики (конец VIII–начало IX в.), данной И. Габрилем в 1988 г. (Stanisławski 2012: 102).

Для определения верхней даты «татингской» посуды важны ее находки в стратифицированных и дендродатированных отложениях Земляного городища Старой Ладogi. Первая находка происходит из раскопок Н. И. Репникова в 1913 г. (рис. 2, 13; *кат. 1*). В этот сезон последовал до материка участок 1912 г. и изучалась церковь Св. Климента. Находки 1913 г. оказались перемешаны и частично утрачены, так что стратиграфическая позиция черепка неизвестна (см.: Репников 1948: 36–37; Гроздилов, Третьяков 1948: 105–107; Френкель 2009). Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков отнесли его к находкам из «развалин церкви Климента» (Гроздилов, Третьяков 1948: 107).

В 1939 г. (раскопки В. И. Равдоникаса) при разборке комплекса «Г» встречена ручка «татингского» кувшина (рис. 2, 6; *кат. 2*). Комплекс (сгоревшая жилая постройка) залегал в нижнем ярусе горизонта Д, датированном, по схеме С. Л. Кузьмина, 920–950-ми гг. (Кузьмин 2000: 53, табл. 11).

В 1958 г. найдены два фрагмента такой керамики. Придонная часть кувшина (рис. 2, 15; *кат. 3*) происходит из отложений ниже пешеходных мостков горизонта Д. Небольшой обломок, по-видимому, от горловины (рис. 2, 3; *кат. 4*)

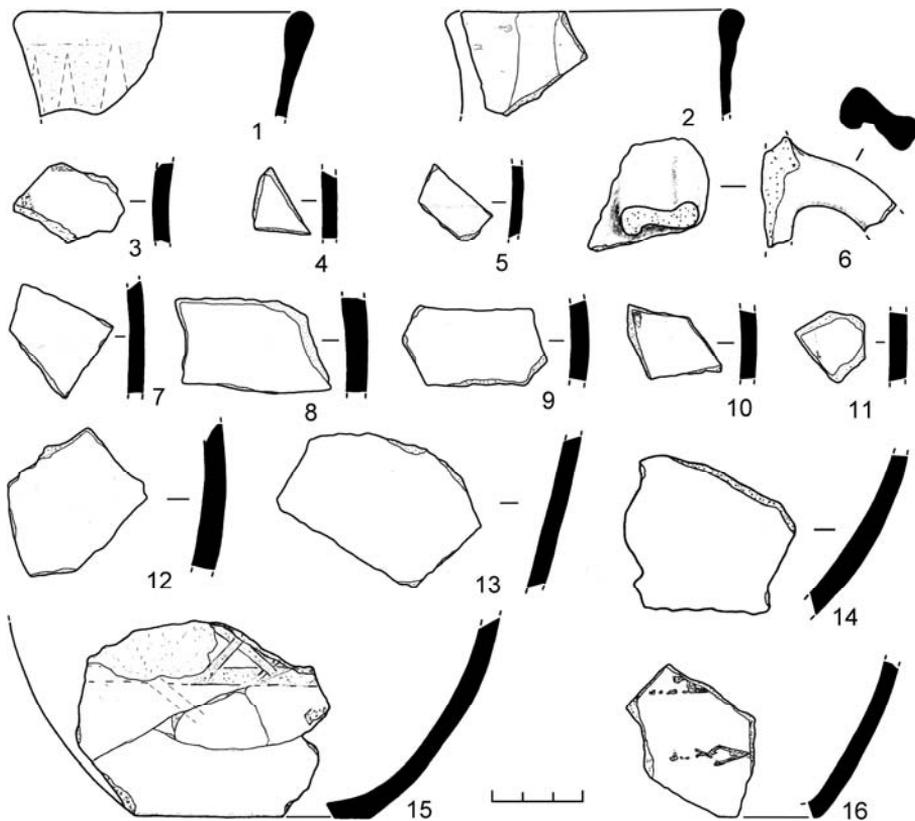

Рис. 2. Старая Ладога, керамика типа «Татинг» из культурного слоя Земляного городища
Fig. 2. Staraya Ladoga, Tating-type pottery from the cultural layer of the Zemlyanoe settlement

обнаружен в культурном слое между постройками микрогоризонта $E_{1-верхнее}$. Таким образом, депозицию обоих черепков можно отнести к 890–920-м гг. (Френкель 2008: 247–248).

«Татингский» обломок, происходящий из раскопок 1959 г. (рис. 2, 11; *кат.* 5), найден в напластованиях микрогоризонта $E_{3-верхнее}$ у восточного окончания южной завалинки сруба, расположенного сразу под горизонтом E_2 . С. Л. Кузьмин отнес эту постройку к ярусу, датируемому 810–830-ми гг. (Кузьмин 2000: 59).

Остальные черепки происходят из раскопок Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством А. Н. Кирпичникова в южной части Земляного городища.¹ Верхняя часть кувшина (рис. 2, 1; *кат.* 6) найдена в 2003 г. на раскопе 3, на уровне условного горизонта A^2 с дендродатами 880-х гг. (Кирпичников 2004: 266–267), но время рубки деревьев из нижележащих отложений горизонта Б отнесено к 890-м гг. (Там же: 266, 278). Иными словами, время попадания в слой этого обломка – конец IX–начало X в.

В 2008 г. на раскопе 4 собраны 7 небольших «татингских» черепков. Фрагмент стенки (рис. 2, 4; *кат.* 7) происходит из отложений, залегающих над остатками «большого дома» горизонта Г-2007–2008, сооруженного около 930–931 гг. (Кирпичников 2012б: 42). Три обломка стенок (рис. 2, 8, 10, 11; *кат.* 8–10) найдены в культурном слое, залегающем между этим сооружением и подстилающими его остатками другого большого дома, обозначенного как «постройка 1» (горизонт А-2008). Еще 2 фрагмента стенок (рис. 2, 7, 9; *кат.* 11, 12) обнаружены на уровне нижней части этой постройки. Спилы, взятые в 2008 г. с наружных стен галереи и внутренней камеры «постройки 1», позволили А. Н. Кирпичникову писать, что «дерево для строительства дома было взято не позже 920 г., но при строительстве использовались также материалы от более старых построек» (Там же: 51). В 2009 г. в горизонте Б-2009 были исследованы другие деревянные конструкции «постройки 1», в том числе бревна настила и обноски. Даты спилов – 899–900, 904, 913, 914 гг. (Кирпичников 2009: 123–124) позволили скорректировать время возведения этого сооружения – «вряд ли позднее 910 г.» (Там же: 10–11). Таким образом, дом функционировал, по-видимому, во втором–третьем десятилетии X в.

Последний из зафиксированных в 2008 г. обломков – верхняя часть кувшина (рис. 2, 2; *кат.* 13) – залегал в напластованиях горизонта В-2008, на уровне верхней части деревянных конструкций «постройки 5», спилы с которой датированы 864–889 гг. Это сооружение исследовалось в 2004 г. («постройка 1»), в 2008 г. («постройка 5») и в 2009–2010 гг. («постройка 2»). Порубочные даты определены по спилам, полученным в 2004 и 2010 гг. (Кирпичников 2009: 15–16; 2012б: 56).

В 2012 г. в раскопе 5 встречены два «татингских» черепка (Кирпичников 2012а: 125, рис. 84, 30). Обломок придонной части кувшина (рис. 2, 16; *кат.* 14)

¹ Благодарим А. Н. Кирпичникова за возможность работы с материалами раскопок.

² Во избежание путаницы традиционной стратиграфической номенклатуры Земляного городища, введенной Репниковым – Равдоникасом и выражаемой литерами А, Б, ... Е, с выделяемыми А. Н. Кирпичниковым условными стратиграфическими горизонтами здесь и далее, говоря о его раскопках, мы добавляем к литере год полевых работ. В данном случае речь идет о горизонтах А-2003, Б-2003.

обнаружен на уровне горизонта Г-низ-2012. Так как находка залегала в культурном слое выше упомянутых «больших» построек, очевидно, что данный черепок попал в слой после первой трети X в.

Второй черепок (рис. 2, 5; *кат. 15*) найден в напластованиях горизонта Е-2012, несколько восточнее уровня основания «постройки 9». Основная часть этой постройки изучалась в 2009–2010-х гг. («постройка 3», горизонты А-2009–2010 гг.). По-видимому, дом был построен в конце IX в.³

Последний в серии «татингский» обломок (рис. 2, 12; *кат. 16*) обнаружен на раскопе 5 в 2013 г. при разборке бровки и не имеет точной стратиграфической привязки. Черепок находился на уровне горизонтов Г-низ/Д-2012, отложившихся не ранее второй трети X в. (Там же: 13, 24).

Итак, в культурном слое Земляного городища зафиксированы 16 чернолощенных «татингских» черепков IX–X вв. Наибольшее расстояние между местами находок фрагментов – свыше 40 м. Древнейший обломок, происходящий из микрогоризонта Е_{3-верхнее}, имеет более качественно лощеную поверхность, чем заметно отличается от прочих фрагментов. Другие находки, имеющие стратиграфическую привязку, зафиксированы в отложениях Е₁ и Д: один фрагмент (*кат. 13*) относится к напластованиям микрогоризонта Е_{1-нижнее}, 9 (*кат. 3, 4, 6, 8–12, 15*) – к Е_{1-верхнее}, а 4 (*кат. 2, 7, 14, 16*) – к горизонту Д. Один обломок (*кат. 2*) отмечен в постройке, относящейся к микрогоризонту Д_{нижнему}, возможно, и остальные фрагменты происходят из этого же микрогоризонта (рис. 3). Учитывая возможность постдепозиционных перемещений,⁴ нельзя исключать, что эти обломки принадлежали сосудам одной «партии», поступившей на поселение в 890–920-х гг. «Татингские» черепки Земляного городища имеют черную и светло-коричневую окраску внутренней поверхности, что, видимо, свидетельствует о применении разных способов химико-термической обработки (Плохов, Хаврин 2011). Исходя из этого, можно предполагать принадлежность найденных обломков не менее чем двум разным сосудам.

Обнаружение «татингских» черепков в стратифицированных культурных напластованиях первой половины X в. является важным аргументом, доказывающим длительное бытование этих изделий, хотя производство в течение более века таких однообразных по форме и орнаментации сосудов вызывает известные сомнения. Видимо, прав И. Янссен, объяснявший этот факт тем, что имеются по-разному датирующиеся варианты такой посуды (Janssen 1987: 46). Возможно также, что, как писал Х. Арбман, эти красивые изделия могли долго сохраняться в обиходе после завершения их производства (Arbman 1937: 104).

³ При раскопках 2009–2010 гг. на одном месте были зафиксированы остатки нескольких домов со следами отопительных устройств в центре, обозначенных как «постройка 3». По результатам дендроанализа спилов этих сооружений были датированы в пределах 859–880 гг. В 2012 г., при исследовании оставшейся части самого позднего дома, возведенного на этом участке («постройка 9»), было определено, что два бревна из нее срублены в 884 и 893 гг. (Кирличников 2009: 13–16, 124; 2010: 13–17, 31, 46, 113; 2012а: 14).

⁴ О значительном горизонтальном перемещении черепков в культурном слое Новгородского городища писал И. В. Волков: по его наблюдениям, разброс фрагментов одного сосуда составляет в среднем 4–6 пластов, в которых заключены напластования, сформировавшиеся приблизительно за полвека (Волков 2005: 146).

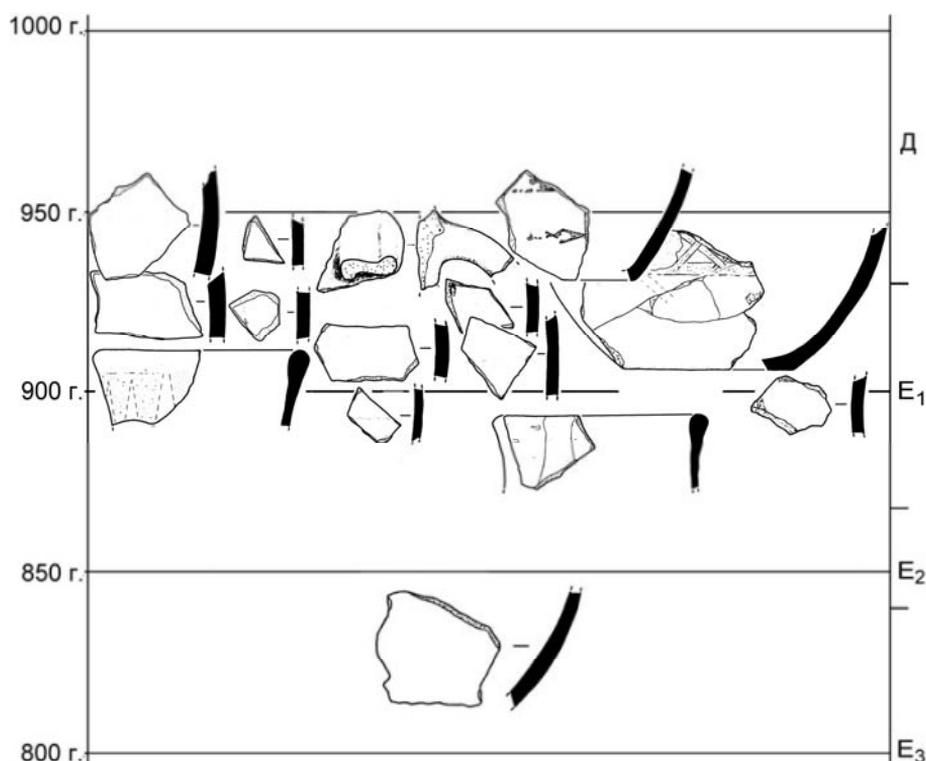

Рис. 3. Хронологическое распределение обломков «татингской» керамики в культурном слое Земляного городища

Fig. 3. Chronological distribution of «Tating» pottery fragments in the cultural layer of the Zemlyanoe settlement

Второй проблемой, активно обсуждающейся в литературе, является определение места/мест производства «татингской» посуды (Плохов 2007; Плохов, Кулькова 2010). Большинство исследователей в последнее время говорит о существовании нескольких центров изготовления этой керамики, расположенных на территории от Северной Франции до Западной Германии (Brorsson 2010: 78, 83; Coutts 1991: 121, 145, 164, 191; Grothe 1999: 210–211; Hodges 1981: 66; Meyer-Rodrigues 1993: 267–268; Wamser 1999: 210–215).

Сравнению встреченных в низовьях Волхова «татингских» черепков, установлению технологии их изготовления и сопоставлению этих находок с аналогичной керамикой из других регионов Европы посвящены работы последних лет, проводившиеся с использованием естественно-научных методов (Кулькова, Плохов 2013; Плохов, Кулькова 2010; Плохов, Френкель 2012; Плохов, Хаврин 2011). Данная работа продолжает эти исследования. Нами были изучены все найденные на Земляном городище фрагменты «татингских» сосудов, кроме двух черепков (кат. 9, 11), утраченных в ходе предшествующих естественно-научных исследований, а также четыре образца из кургана 7 могильника Пла-

кун⁵ (рис. 1, 1, 2) и 2 взятых для сравнения образца таких изделий с территории поселения при аббатстве Сен-Дени, Франция⁶ (рис. 1, 3, 4). В исследованную серию включен также черепок из раскопок Н. И. Репникова (кат. 1). Таким образом, общее число изученных обломков составило 20 единиц.⁷

Керамическая масса изучалась методом неразрушающего рентгенофлюоресцентного анализа (далее – РФЛА) по отработанной схеме (Френкель 2007; Френкель, Хаврин 2012) с учетом того, что тесто «татингских» изделий однородно, но содержит много Fe и Ti. РФЛА уже применялся при рассмотрении сосудов этого типа из Нижнего Поволжья (Плохов, Хаврин 2011: 365–366, рис. 5), но керамическая масса не анализировалась, ее спектры использовались как «фон» для выявления следов металлического декора. Измерения производились С. В. Хавриным и Я. В. Френкелем в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ (прибор ArtTAX, используемый режим: 50 kV, 700 mA, время экспозиции – 40 сек.). Для каждого образца снятие спектра проводилось 3–10 раз. Анализировались поверхности свежих изломов черепка.

В трехмерной системе координат рассматривались отношения интенсивностей РФл-излучения калия и кальция, железа и марганца, рубидия и стронция. По осям откладывались отношения интенсивностей пар элементов. Усредненные результаты представлены в табл. 1. Отметим, что в публикации (Плохов, Френкель 2012) базовыми были Fe, Ti и Mn, но присутствие Ba в образцах № 1, 12 и 13 осталось незамеченным. Это не влияло на правильность группировки, но привело к путанице в обозначениях.

Т а б л и ц а 1

**Отношения интенсивностей РФл-излучения исследованных образцов
«татингских» сосудов**

№ п/п	№ по Каталогу или шифр	K/Ca	Fe/Ti	Fe/Mn	Mn/Ti	Rb/Sr	Примечание	Усред.
1	8	0,89	13,13	27,82	0,47	0,56	–	4
2	6	0,69	8,02	15,78	0,51	0,62	–	3
3	12	0,63	8,58?	13,35	0,65?	0,69	барий	3
4	10	0,94	12,35	19,53	0,63	0,67	–	3

⁵ ОАВЕС, оп. хр. 65-VII. Были взяты фрагменты от разных частей кувшина, как вторично обожженные в погребальном костре, так и сохранившие первоначальный цвет поверхности.

⁶ Фрагменты Ville de Saint-Denis-93, 18-468-7 и 22-256-1 (в табл. 1 – Сен-Дени-1 и Сен-Дени-2 соответственно). Благодарим Н. Мейер-Родригес (N. Meyer-Rodrigues) за предоставление этих образцов. Контекст некоторых черепков украшенных фольгой сосудов с этого памятника позволил отнести их к третьей четверти VIII в. (Meyer-Rodrigues 1993: 271).

⁷ В таблице 1 указаны результаты обсчета РФЛА 21 объекта. Один черепок из могильника Плакун проанализирован дважды (№ 9 и 10, каждый заход – по 5 измерений), с интервалом в несколько месяцев. Результаты не усреднялись по 10 измерениям, а приводятся раздельно, усредненные по 5 измерениям. Это сделано для контроля надежности археометрической методики, на основании которой проведена группировка. На рис. 4 два значка, отвечающих этому образцу, соединены стрелкой.

Окончание табл. 1

№ п/п	№ по КATALOGу или шифр	K/Ca	Fe/Ti	Fe/Mn	Mn/Ti	Rb/Sr	Примечание	Усред.
5	7	0,80	12,76	20,93	0,61	0,61	–	3
6	13	0,59	6,88?	13,59	0,51?	0,54	барий	3
7	Сен-Дени-1	1,38	13,71	61,23	0,23	0,71	–	3
8	Сен-Дени-2	1,67	10,18	59,22	0,17	0,91	–	5
9	Плакун	3,05	14,18	59,1	0,24	1,39	–	5
10	Плакун-3-2014	3,27	15,04	65,64	0,23	1,55	–	5
11	3	1,39	?	28,37	?	0,91	барий	5
12	2	1,21	14,14	27,59	0,52	0,72	–	4
13	4	1,01	13,43	21,46	0,56	0,97	–	4
14	5	0,99	11,73	18,75	0,63	0,61	–	5
15	1	0,77	11,18?	19,91	0,57	0,59?	барий	5
16	Плакун-1-2014	2,51	13,35	66,93	0,20	1,20	–	5
17	Плакун-2-2014	1,98	12,00	63,61	0,19	1,19	–	5
18	Плакун-4-2014	2,63	15,46	64,45	0,24	1,14	–	5
19	16	0,83	?	22,57	?	0,53	барий	6
20	14	0,85	?	29,03	?	0,59	барий	6
21	15	0,49	?	14,69	?	0,53	барий	6

На графике (рис. 4) «татингские» черепки разделились на три группы: группа 1 включает 10 образцов с городища (№ 1–5, 7, 8, 10, 14, 16); группа 2 – 4 фрагмента того же памятника (№ 6, 12, 13, 15), а группа 3 – обломки из Сен-Дени и образцы из могильника Плакун.⁸

Элементы (Fe, Mn, K, Ca, Rb, Sr) характеризуют керамическую массу «татингской» посуды. Развернутое изучение геохимического состава теста не было нашей целью. Это отдельная задача, реализация которой методом РФЛА освещена в литературе (Холл, Миняев 2003). Мы же искали признаки, позволяющие разделить рассматриваемую серию образцов на группы, соответствующие разным керамическим технологиям.

«Татингские» черепки Земляного городища оказываются в группах 1⁹ и 2 (рис. 6).¹⁰ Каждая из групп объединяет обломки не менее чем двух сосудов,

⁸ Опубликованное заключение о присутствии в кургане 7 могильника Плакун черепков одного «татингского» кувшина (Плохов 2007) выглядит теперь не столь однозначным.

⁹ Внутри группы 1 как будто обнаруживаются две автономные подгруппы. Но разница между сериями результатов анализов, отвечающих таким подгруппам, соотносима с разбросом данных для дважды обчисленного черепка кургана 7 могильника Плакун (рис. 5А). Соответственно выделять подгруппы внутри группы 1 пока преждевременно.

¹⁰ Распределение образцов на основании факторного анализа их химического состава, выполненное М. А. Кульковой, в целом не противоречит такой группировке (Кулькова, Плохов 2013: 146, рис. 5, 1). Две группы, выявленные исследовательницей, неплохо соответствуют нашим. Одно скопление составляют образцы № 127 (16/6778), 144 (ЛД-39), 232 (САЭ-08-29) и 231 (САЭ-08-73); первые два входят в нашу группу 1, два других нами не анализировались. Вторая группа М. А. Кульковой представлена образцами 230 (САЭ-08-96) и 233 (САЭ-08-92), относящимися к нашей группе 2. Образец № 145 (ЛД-62), вхо-

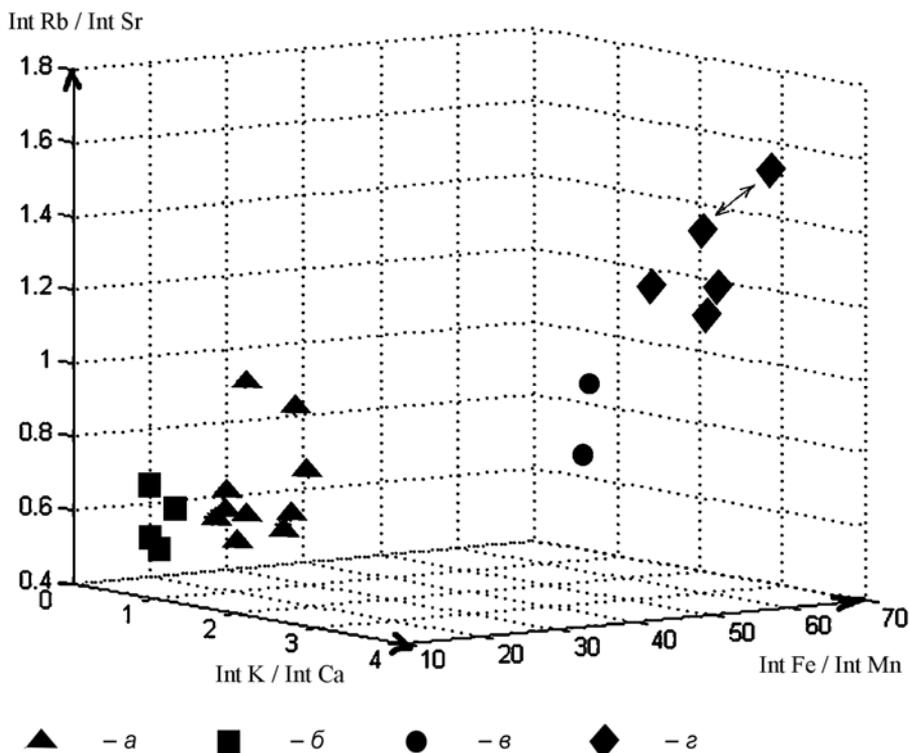

Рис. 4. Отношение интенсивностей РФл-излучения К, Са, Rb, Sr, Fe и Mn в керамической массе «татингских» черепков (трехмерная система координат): а – группа 1; б – группа 2; в – группа 3 (Сен-Дени); з – группа 3 (могильник Плакун)

Fig. 4. Relative intensity of X-ray emission of K, Ca, Rb, Sr, Fe and Mn in clay paste of the «Tating» shards (3D coordinate system): а – groupe 1; б – groupe 2; в – groupe 3 (Saint Denis); з – groupe 3 (Plakun cemetery)

отличающихся по содержанию в тесте микропримеси Ва. Таким образом, в культурном слое поселения РФЛА выявляет не менее четырех «татингских» изделий.

Отметим бóльшую близость плакунских образцов не черепкам с Земляного городища, а фрагментам «татингских» сосудов, полученных из Франции,¹¹ что коррелирует с данными по изучению фольги декора: металл плакунского сосуда по примесям ближе металлу образцов из Сен-Дени, а не старолadoжскому (Плохов, Хаврин 2011: 365–366). Иначе выглядит один из опубликованных М. А. Кульковой обчетов, по которому к французским образцам ближе не об-

дящий в нашу группу 1, по М. А. Кульковой, занимает «промежуточное положение между двумя главными выделенными группами» (Там же: 146), а отнесенный нами к группе 2 образец № 151 (САЭ-03-42) исследовательница объединила с объектами, входящими в первое скопление.

¹¹ Внутри группы 3 плакунские фрагменты дистанцированы от обломков из Сен-Дени.

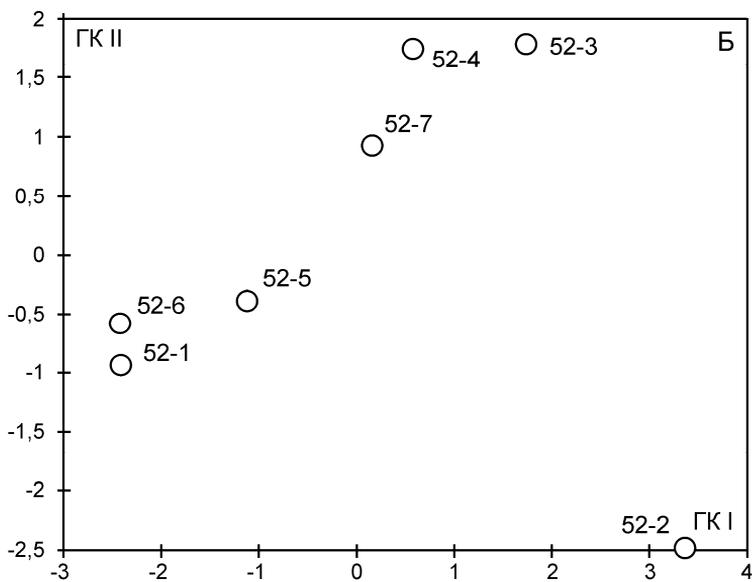
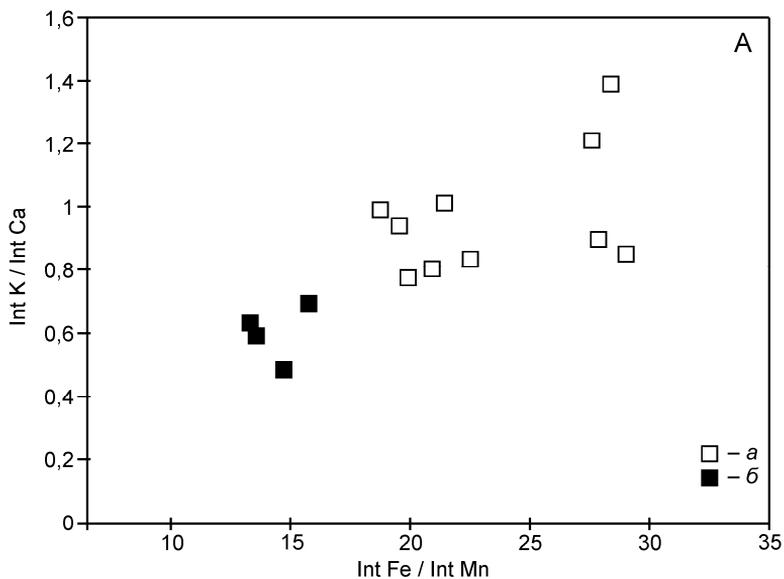

Рис. 5. А – отношение интенсивностей РФл-излучения К, Са, Fe и Mn в керамической массе «татингских» черепков (двумерная система координат): *a* – группа 1; *b* – группа 2. Б – распределение «татингской» керамики по особенностям химического состава керамической массы (обсчет методом главных компонент)

Fig. 5. A – relative intensity of X-ray emission of K, Ca, Fe and Mn in clay paste of the «Tating» shards (two-dimensional coordinate system): *a* – group 1; *b* – group 2. Б – distribution of the «Tating» pottery according to the chemical composition of clay paste (principal components analysis)

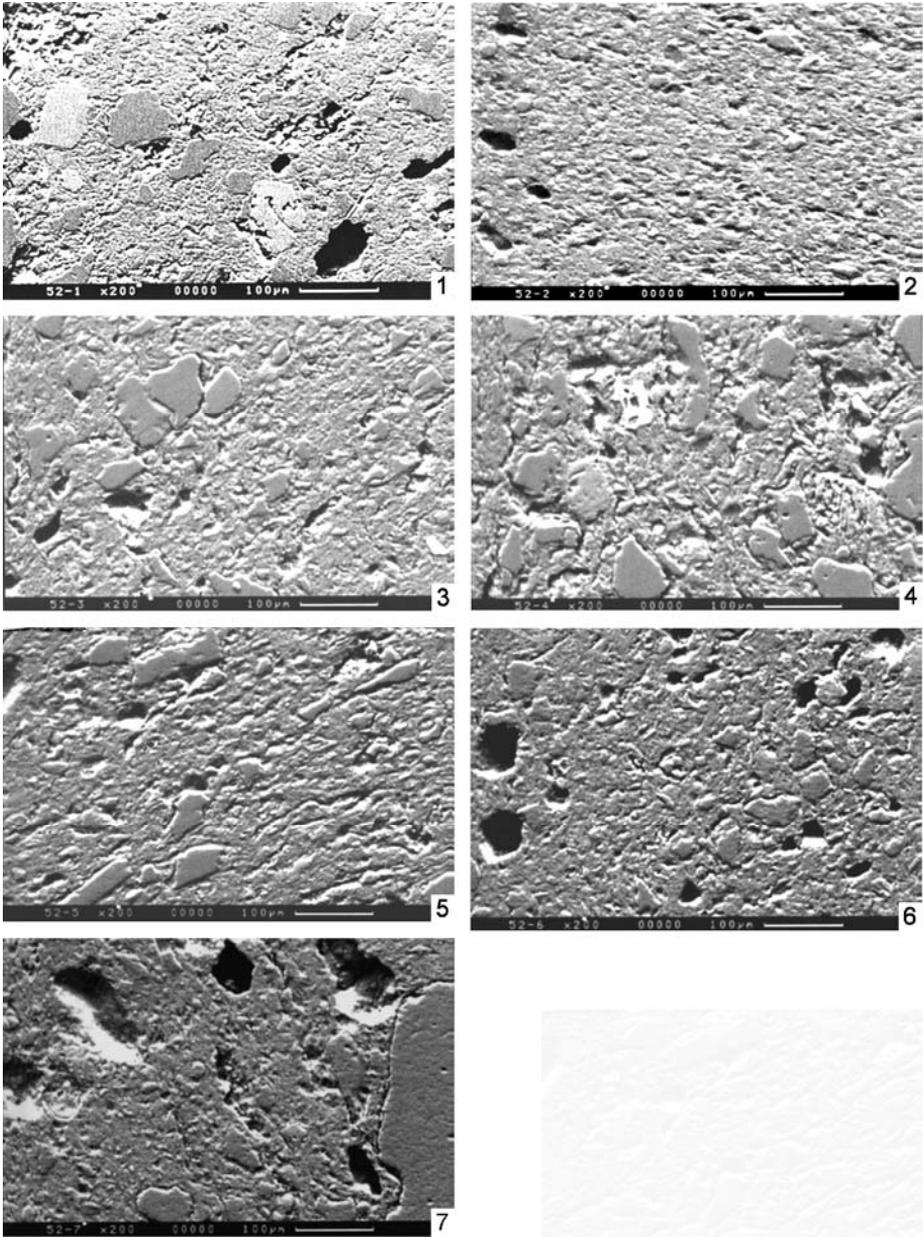

Рис. 6. Фотографии микрошлифов «татингской» керамики из Земляного городища Старой Ладogi (1, 3–7) и Сен-Дени (2)

Fig. 6. Photographs of micro-sections of the «Tating» pottery from the Zemlyanoe settlement of Staraya Ladoga (1, 3–7) and Saint Denis (2)

разцы из курганного могильника, а два фрагмента (№ 12, 13) с Земляного городища (Кулькова, Плохов 2013: 146, рис. 5, 1).¹²

В изучении «татингских» изделий использовался также рентгеноспектральный микроанализ. Измерения проводились в Радиовом институте им. В. Г. Хлопина (СПб) на сканирующем электронном микроскопе CAMSCAN-4DV с полупроводниковым спектрометром для количественного определения макроэлементов AN-10000 (используемый режим: ускоряющее напряжение 20 кВ, ток образца 1 нА; аналитик Ю. Л. Крецер).

Исследовались 6 черепков из раскопок А. Н. Кирпичникова и образец из Сен-Дени (табл. 2).¹³ Предусмотренное методикой «прицеливание» позволяло выбирать на шлифе микроишень в виде однородного участка керамической массы, избегая кластических включений. Результаты анализа обсчитывались методом главных компонент (Principal Component Analysis). Рассмотренная серия фрагментов распадалась на три группы (рис. 5Б): в группу 1 попадают образцы 52-1, 5, 6, в группу 2 – образцы 52-3, 4, 7 (все черепки происходят с Земляного городища), а в группу 3 – образец 52-2 из Сен-Дени. Такая группировка совпадает с полученной РФЛ-методом. Рентгеноспектральный микроанализ позволяет говорить об обломках не менее чем двух «татингских» сосудов с Земляного городища.

Т а б л и ц а 2

**Результаты рентгеноспектрального микроанализа образцов
«татингских» сосудов**

№ по Каталогу (лаборат. шифр)	SiO ₂	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	FeO	MnO	TiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃
Сен-Дени-1 (52-2)	60,0	3,5	1,2	0,8	29,6	2,8	–	1,1	0,8	nd ¹⁴
6 (52-3)	63,9	3,0	2,4	1,2	20,4	2,8	+	1,7	3,8	nd
8 (52-1)	56,5	4,3	3,1	1,8	21,9	3,5	–	1,1	6,6	0,75
10 (52-5)	59,4	4,7	2,6	1,8	21,6	3,5	–	1,5	3,8	0,40
7 (52-6)	57,7	4,1	3,3	1,9	20,9	3,5	0,2	1,0	6,0	1,33
13 (52-7)	60,4	2,8	3,0	1,7	22,2	2,8	+	1,3	5,0	0,30
12 (52-4)	62,0	3,1	2,6	1,7	20,7	3,0	–	1,8	4,0	nd

Подготовка образцов для этого метода включала изготовление микрошлифов. На электронно-микроскопических фотографиях (увеличение в 200 раз; рис. 6) видно, насколько шлифы черепков различны. Даже без специального петрогра-

¹² Сопоставление этих данных с опубликованными результатами нейтронно-активационного анализа изделий майенских мастерских и «классических татингских» кувшинов позволило М. А. Кульковой предложить и иную группировку: объекты из Сен-Дени обнаружили сходство с плакунским экземпляром и с одним из черепков Земляного городища (Кулькова, Плохов 2013: рис. 5, 2). Разница группировок, отраженная в этой работе, не позволяет нам корректно сделать выбор в пользу одной из них.

¹³ Каждый приведенный результат является усреднением 3 измерений.

¹⁴ nd – не диагностирован.

фического анализа очевидно, что шлиф черепка из Сен-Дени (рис. 6, 2) отличается от обломков Земляного городища.¹⁵ Пропорции и ориентация кластических включений черепка 52-5 (№ 10) выделяются (рис. 6, 5),¹⁶ что позволяет связать его с отдельным изделием. Т. е. из облика шлифов следует принадлежность шести рассмотренных черепков городища по крайней мере двум «татингским» сосудам.

Сопоставление данных всех примененных подходов позволяет заключить, что 14 найденных на городище фрагментов происходят не менее чем от 6 изделий типа «Татинг» (табл. 3). Анализ расположения черепков в культурных напластованиях памятника уточняет такой вывод. Черепок № 5 по морфологии и стратиграфической позиции отличается от других образцов группы 1. Тогда минимальное число «татингских» сосудов городища возрастает до 7.

Т а б л и ц а 3

**Основания выделения минимального числа «татингских» сосудов
из культурного слоя Земляного городища Старой Лалогии
в соответствии с археометрическими признаками**

№ п/п	№ по Каталогу (лаборат. шифр)	Основания
1	10 (52-5) – группа 1	визуальный анализ шлифа
2	12 (52-4); 15 – группа 2	РФл-анализ
3	3; 14; 16 – группа 1	РФл-анализ
4	6 (52-3) – группа 2	РФл-анализ; рентгеноспектральный микроанализ; визуальный анализ шлифа
5	13 (52-7) – группа 2	РФл-анализ; рентгеноспектральный микроанализ
6	2; 4; 7; 8 – группа 1	РФл-анализ

Отметим, что распределение образцов групп 1 и 2, выделенных с помощью РФЛА, по горизонтам Е₁ и Д неравномерно: первые зафиксированы в напластованиях Д и Е_{1-верхнее}, вторые – только в напластованиях горизонта Е₁. Т. е. в тенденции группа 2 несколько древнее.

Археометрические исследования показали схожесть, но не идентичность глин «татингских» черепков групп 1 и 2. Так как Ва в заметной концентрации обнаруживается в составе керамической массы образцов обеих групп, можно говорить о геолого-географической близости сырья.

Фрагменты кувшина из кургана 7 могильника Плакун по составу керамической массы заметно отличаются от «татингских» черепков городища. Петрографический и количественный рентгено-флюоресцентный анализы, выполненные М. А. Кульковой, подтвердили этот вывод и показали, что его тесто не схо-

¹⁵ Заметно сходство между черепками 52-3 и 52-4 (рис. 6, 3, 4). Археометрические методы относят их к группе 2. Ранее мы писали о возможной принадлежности этих фрагментов одному сосуду (Плохов, Френкель 2012: 290). Разница в содержании Ва заставляет отбросить это предположение.

¹⁶ В нашей статье 2012 г. (Плохов, Френкель 2012: 290, рис. 8, 6) ссылка на фотографию этого шлифа сделана неверно.

же и с образцами из Сен-Дени (Кулькова, Плохов 2013: 140–148), с которыми его объединяют выявленные нами геохимические признаки. Все это говорит о различном происхождении «татингской» посуды с противоположных берегов Волхова. Такой вывод важен для решения вопроса о датировке кургана 7: следует опираться не на находки обломков сосудов этого типа с Земляного городища, а исходить из времени бытования изделий наиболее близких как по морфологии, так и по происхождению.

Итак, наши исследования «татингской» керамики подтвердили мнение ряда европейских ученых о существовании нескольких гончарных центров в Западной Европе, где такая посуда производилась. Распределение находок черепков в культурном слое Земляного городища указывает на то, что поступление этой эффективной посуды в Нижнее Поволжье не было постоянным и отличалось по интенсивности. Большинство таких изделий попало на Русь на заключительном этапе их бытования в Европе.

Приложение

Каталог находок черепков сосудов типа «Татинг» с Земляного городища¹⁷

1. Стенка (рис. 2, 13). *Происх.*: раскопки 1913 г. *Хр.*: ОАВЕС, оп. хр. 3793-193/3. *Примеч.*: в описи 1913 г. отмечено три чернолощенных гончарных черепка, но в настоящее время имеется только один.

2. Ручка кувшина (рис. 2, 6). *Происх.*: раскопки 1939 г., полевой № 16/6778. *М. н.*: кв. Б_{2,3}, В_{1,3}, Г_{1,2}, Д_{1,2}, комплекс «Г» (остатки сгоревшей жилой постройки). *Хр.*: ОАВЕС, оп. хр. 273: 1828.

3. Придонная часть кувшина (рис. 2, 15). *Происх.*: раскопки 1958 г., полевой № ЛД-39. *М. н.*: кв. АФ_{X-XI}, гл. –0,68-0,85, слой щепы с навозом под пешеходными мостками горизонта Д. *Хр.*: ОАВЕС, оп. хр. 71: 39.

4. Фрагмент горловины кувшина (?) (рис. 2, 3). *Происх.*: раскопки 1958 г., полевой № ЛД-137. *М. н.*: кв. ПР_{VIII}, гл. –0,92-1,00, гор. Е_{1-верхнее}, между постр. 2в и 3б. *Хр.*: ОАВЕС, оп. хр. 71: 137.

5. Стенка (рис. 2, 11). *Происх.*: раскопки 1959 г., полевой № ЛДГ-62. *М. н.*: кв. ОХIII, гл. –178, гор. ЕЗ-верхнее. *Хр.*: ОАВЕС, оп. хр. 85: 67.

6. Верхняя часть кувшина (рис. 2, 1). *Происх.*: раскопки 2003 г., полевой № САЭ-03-42. *М. н.*: р. 3, кв. Е_{XVII}, гл. –0,83, усл. гор. А-2003. *Хр.*: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. *Рентгеноспектр.*: 52-3.

7. Стенка (рис. 2, 4). *Происх.*: раскопки 2008 г., полевой № САЭ-08-81. *М. н.*: р. 4, кв. МО_{XV}, гл. +15 см, разборка бровки. *Хр.*: ИИМК. *Рентгеноспектр.*: 52-6.

8. Стенка (рис. 2, 8). *Происх.*: раскопки 2008 г., полевой № САЭ-08-18. *М. н.*: р. 4, кв. Л_{XIV}, гл. –14, усл. гор. А-2008. *Хр.*: ИИМК. *Рентгеноспектр.*: 52-1.

9. Стенка (рис. 2, 10). *Происх.*: раскопки 2008 г., полевой № САЭ-08-29. *М. н.*: р. 4, кв. Л_{XIV}, гл. –15, усл. гор. А-2008. *Хр.*: ИИМК.

¹⁷ Сокращения: *М. н.* – место находки; *Оп. хр.* – опись хранения; *Происх.* – происхождение; *Р.* – раскоп; *Рентгеноспектр.* – лабораторный шифр рентгеноспектрального микроанализа; усл. гор. – условный горизонт; *Хр.* – место современного хранения.

10. Стенка (рис. 2, 11). *Происх.*: раскопки 2008 г., полевой № САЭ-08-32. *М. н.*: р. 4, кв. М_{XIV}, гл. –25, усл. гор. А-2008. *Хр.*: ИИМК. *Рентгеноспектр.*: 52-5.
11. Стенка (рис. 2, 7). *Происх.*: раскопки 2008 г., полевой № САЭ-08-73. *М. н.*: р. 4, кв. Н_{XVIII}, гл. –40, усл. гор. А-2008. *Хр.*: ИИМК.
12. Стенка (рис. 2, 9). *Происх.*: раскопки 2008, полевой № САЭ-08-96. *М. н.*: р. 4, кв. Н_{XVII}, гл. –55, усл. гор. А-2008. *Хр.*: ИИМК. *Рентгеноспектр.*: 52-4.
13. Верхняя часть кувшина (рис. 2, 2). *Происх.*: раскопки 2008 г., полевой № САЭ-08-92. *М. н.*: р. 4, кв. Е_{XIV}, гл. –77, усл. гор. В-2008. *Хр.*: ИИМК. *Рентгеноспектр.*: 52-7.
14. Придонная часть кувшина (рис. 2, 16). *Происх.*: раскопки 2012 г., полевой № САЭ-12-30. *М. н.*: р. 5, кв. Р_{XVIII}, гл. +13 – +15, усл. гор. Г-низ-2012. *Хр.*: ИИМК.
15. Стенка (рис. 2, 5). *Происх.*: раскопки 2012 г., полевой № САЭ-12-8. *М. н.*: р. 5, кв. Р_{XV}, гл. –45, усл. гор. Е-2012. *Хр.*: ИИМК.
16. Стенка (рис. 2, 12). *Происх.*: раскопки 2013 г., полевой № САЭ-13-4. *М. н.*: р. 5, кв. С_{XVI}, гл. +20 – –20, разборка бровки. *Хр.*: ИИМК.

Литература и источники

Волков 2005 – Волков И. В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // ННЗИА. 2005. Вып. 19. С. 145–163.

Гроздилов, Третьяков 1948 – Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. Описание находок из раскопок в Старой Ладогe, произведенных Н. И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Равдони-кас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога. Л.: ГМЭ, 1948. С. 71–107.

Кирпичников 2004 – Кирпичников А. Н. Раскопки Староладожского «Земляного горо-дища» в 2003 г. // Старая Ладога: Первая международная археологическая экспедиция-школа. Ученые и писатели о культуре, истории, археологии, искусстве, языке, литерату-ре и политике. СПб.: Государственное предприятие «Издательско-полиграфический комплекс “Вести”», 2004. С. 251–284.

Кирпичников 2009 – Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Староладожской ар-хеологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2009 году. Т. 1 // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 2009 г., д. 28.

Кирпичников 2010 – Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Староладожской археоло-гической экспедиции ИИМК РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинград-ской области в 2010 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 2010 г., д. 21.

Кирпичников 2012а – Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Староладожской археоло-гической экспедиции ИИМК РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинград-ской области в 2012 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 2012 г., д. 40.

Кирпичников 2012б – Кирпичников А. Н. Раскопки в Старой Ладогe в 2008 г. // Кир-пичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.: Не-стор-История, 2012. Вып. 3. С. 37–58.

Кузьмин 2000 – Кузьмин С. Л. Стратиграфия и некоторые проблемы истории Старо-ладожского поселения VIII–X вв. // STRATUMplus. 2000. № 5. С. 50–69.

Кулькова, Плохов 2013 – *Кулькова М. А., Плохов А. В.* Сосуды типа «Татинг» из Нижнего Поволжья и Сен-Дени по данным естественно-научных исследований // АВ. 2013. № 19. С. 139–149.

Плохов 2007 – *Плохов А. В.* О связи нижнего Поволжья с Западной Европой по керамическим материалам // Носов Е. Н. (отв. ред.). Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 18–44 (Тр. ИИМК РАН. Т. 24).

Плохов, Кулькова 2010 – *Плохов А. В., Кулькова М. А.* Новые данные о «фризских» кувшинах Нижнего Поволжья // Пескова А. А., Щеглова О. А., Мусин А. Е. (ред.-сост.). Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 516–529.

Плохов, Френкель 2012 – *Плохов А. В., Френкель Я. В.* «Фризские» кувшины Нижнего Поволжья (к вопросу о датировке и происхождении) // ННЗИА. 2012. Вып. 26. С. 274–293.

Плохов, Хаврин 2011 – *Плохов А. В., Хаврин С. В.* Результаты исследования декора «татингских» сосудов из Нижнего Поволжья и Сен-Дени // Мачинский Д. А. (отв. ред.). Европейская Сарматия: Сб., посвящ. М. Б. Щукину. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 360–367.

Репников 1948 – *Репников Н. И.* Раскопки в городище Старой Ладogi // Равдоникас В. И. (отв. ред.). Старая Ладога. Л.: ГМЭ, 1948. С. 11–69.

Френкель 2007 – *Френкель Я. В.* Опыт атрибуции археологического фарфора XVIII века (предварительные результаты и методические замечания) // АИППЗ: Материалы 52 семинара, посвящ. памяти проф. А. Р. Артемьева. Псков: ИА РАН, ПАЦ, 2007. С. 353–361.

Френкель 2008 – *Френкель Я. В.* Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // АИППЗ: Материалы 53 заседания (10–13 апреля 2007 г.). Псков: ИА РАН, ПАЦ, 2008. С. 228–252.

Френкель 2009 – *Френкель Я. В.* Стратиграфическая схема раскопок Н. И. Репникова на центральном участке Земляного городища Старой Ладogi и источниковедческий потенциал коллекции бус из этих раскопок // Селин А. А. (отв. ред. и сост.). Староладожский сборник. Старая Ладога; СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 7. С. 49–122.

Френкель, Хаврин 2012 – *Френкель Я. В., Хаврин С. В.* Опыт культурно-хронологической атрибуции китайского фарфора рентгенофлюоресцентным методом // Арапова Т. Б. (науч. ред.). Керамика и фарфор Дальнего востока: Проблемы стиля и взаимовлияний. СПб.: ГЭ, 2012. С. 160–176 (Тр. ГЭ. Т. 59).

Холл, Миняев 2003 – *Холл М., Миняев С. С.* Рентгеновский флуоресцентный анализ керамики сюнну // АВ. 2003. № 10. С. 80–89.

Ambrosiani 1992 – *Ambrosiani B.* Excavations in the Black Earth harbor 1969–71 // Ambrosiani B., Clarke H. (eds.). Early Investigations and Future Plans. Stockholm: RAÄ-SHMM. 1992. P. 71–82 (Birka studies. 1).

Arbman 1937 – *Arbman H.* Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts. Stockholm: Wahlström and Widstrand, 1937. 274 s. (Kungl. Viterhets Historie och Antikvitets Akademiens handlingar. 43).

Arents, Eisenschmidt 2010 – *Arents U., Eisenschmidt S.* Die Gräber von Haithabu. Neumünster: Wachholtz, 2010. 368 S. (AHa. 15).

Arne 1914 – *Arne T. J.* La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala: K. W. Appelbergs Boktryckeri, 1914. 242 p. (Archives d'études orientales. 8).

Brorsson 2010 – *Brorsson T.* The Pottery from the Early Medieval Trading Site and Cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg. Wiesbaden: Reichert, 2010. 121 p., 26 pl. (Frühmittelalterliche Archäologie zwischen Ostsee und Mittelmeer. Bd 1).

Coutts 1991 – *Coutts C. M.* Pottery and the Emporia: Imported pottery in Middle Saxon England with particular reference to Ipswich. A thesis submitted to the Faculty of Arts of the University of Sheffield for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Archaeology and Prehistory. October 1991. URL: <http://etheses.whiterose.ac.uk/1867/1/DX181290.pdf> (дата обращения: 16.05.2014 г.)

Grothe 1999 – *Grothe A.* Zur karolingischen Keramik der Pfalz Paderborn // von Stiegemann C., Wemhoff M. (Hrsg.). 799. Kunst und Kultur der Karolingerzeit: Karl der Große und Papst Leo III in Paderborn: Beiträge zum Katalog der Ausstellung, Paderborn, 1999. Mainz: Philipp von Zabern, 1999. S. 207–211.

Hodges 1981 – *Hodges R.* The Hamwih pottery: The local and imported wares from 30 years' excavations at Middle Saxon Southampton and their European context. London, 1981. 108 p. (The Council for British Archaeology. Research Report. No. 37).

Hübener 1959 – *Hübener W.* Die Keramik von Haithabu. Neumünster: Karl Wachholtz, 1959. 203 S. (AHa. 2).

Hurst, Hodges 1976 – *Hurst J. G., Hodges R.* A Tating-type ware sherd from Wharram Rercy, North Yorkshire // *The Antiquaries Journal*. 1976. Vol. 56 (2). P. 249–250.

Janssen 1987 – *Janssen W.* Die Importkeramik von Haithabu. Neumünster: Karl Wachholtz, 1987. 201 S. (AHa. 9).

Meyer-Rodrigues 1993 – *Meyer-Rodrigues N.* Tessons de céramique dite «de Tating» découverts à Saint-Denis // Piton D. (ed.). La céramique du Vème au Xème siècle dans l'Europe du Nord-Ouest. Actes du colloque d'Outreau (10–12 avril 1992). Arras: Groupe de Recherches et d'Études sur la Céramique dans le Nord, 1993. P. 267–274.

Mittendorff 2007 – *Mittendorff E. S.* Huizen van Heren. Archeologisch onderzoek naar het proces van verstedelijking en vorming van een stedelijke elite in het Polstraatkwartier te Deventer, ca. 800–1250. Deventer: Gemeente Deventer, 2007. 304 p. (RAD. 20).

Mittendorff, Vermeulen 2004 – *Mittendorff E. S., Vermeulen B.* Ambachtslieden, arme vrouwen en arbeiders. Archeologisch onderzoek naar de Vroegmiddeleeuwse ambachtswijk en latere periodes aan de Bruynsstee 6–10 te Deventer. Deventer: Gemeente Deventer, 2004. 120 p. (RAD. 14).

Müller 2002 – *Müller U.* Tatinger Ware im Gebiet des Mare Balticum // Mangelsdorf G. (Hrsg.). Aus der Frühgeschichte des südwestlichen Ostseegebietes. Frankfurt a/M; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: P. Lang, 2002. S. 9–24 (Greifswalder Mitteilungen. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie. 5).

Schoknecht 1977 – *Schoknecht U.* Menzlin. Ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1977. 215 S. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostock, Schwerin und Neubrandenburg. 10).

Stanislawski 2012 – *Stanislawski B. M.* Garncearstwo wczesnośredniowiecznego Wolina. Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2012. 254 s.

Wamser 1999 – *Wamser L.* Zu einer Tatinger Kanne und ausgewählten Kleinfunden aus Karburg am Main Anmerkungen zu Handel und Verkehr, Weinbau und Missionierung im Nordosten der Karolingerreiches // Zahlhaas G. (Hrsg.). *Dedicato Hermann Dannheimer zum 70. Geburtstag.* München; Kallmünz: M. Lassleben, 1999. S. 207–242 (Kataloge der Prähistorischen Staatssammlung. 5).

Winkelmann 1972 – *Winkelmann W.* Liturgisches Gefäß der Missionszeit aus Paderborn. Zur Verbreitung und Deutung der Tatinger Kanne // Scheele P.-W. (Hrsg.). *Paderbornensis Ecclesia. Beiträge zur Geschichte des Erzbistums Paderborn. Festschrift für Lorenz Kardinal Jäger zum 80. Geburtstag am 23. September 1972.* München; Wien; Paderborn: F. Schöningh, 1972. S. 37–47.

Literature and archive sources

Волков 2005 – *Volkov I. V.* Amfory' Novgoroda: hronologiya i raspredelenie v sloe (Amphorae of Novgorod: chronology and distribution in the layer) // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: istoriya i arheologiya (NNLHA).* 2005. Vol. 19. P. 145–163 (in Russian).

Гроздилов, Третьяков 1948 – *Grozdilov G. P., Tretiakov P. N.* Opisanie nahodok iz raskopok v Staroy Ladoge, proizvedenny'h N. I. Repnikovy'm v 1909–1913 gg. (*Description of finds from N. I. Repnikov's excavations at Staraya Ladoga in 1909–1913*) // Ravdonikas V. I. (ed.). *Staraya Ladoga.* Leningrad: State Museum of Ethnography, 1948. P. 71–107 (in Russian).

Кирпичников 2004 – *Kirpichnikov A. N.* Raskopki Staroladojskogo «Zemlyanogo gorodisch'a» v 2003 g. (*Excavations of the Zemlyanoe settlement at Staraya Ladoga in 2003*) // *Staraya Ladoga. The First International Archaeological Expedition-School. Scholars and writers about culture, history, archaeology, art, language, literature and politics.* St. Petersburg: Publishing-printing complex «Vesti», 2004. P. 251–284 (in Russian).

Кирпичников 2009 – *Kirpichnikov A. N.* Otchet o raskopkah Staroladojskoy arheologicheskoy e'kspedicii ИМК РАН v poselke Staraya Ladoga Volhovskogo rayona Leningradskoy oblasti v 2009 godu (*Report of the excavations of the Staroladozhskaya Archaeological Expedition of IHMC RAS at Staraya Ladoga, Volkhov district, Leningrad region, in 2009*). Vol. 1 // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 2009, doc. 28 (in Russian).

Кирпичников 2010 – *Kirpichnikov A. N.* Otchet o raskopkah Staroladojskoy arheologicheskoy e'kspedicii ИМК РАН v s. Staraya Ladoga Volhovskogo rayona Leningradskoy oblasti v 2010 godu (*Report of the excavations of the Staroladozhskaya Archaeological Expedition of IHMC RAS at Staraya Ladoga, Volkhov district, Leningrad region, in 2009*) // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 2010, doc. 21 (in Russian).

Кирпичников 2012a – *Kirpichnikov A. N.* Otchet o raskopkah Staroladojskoy arheologicheskoy e'kspedicii ИМК РАН v s. Staraya Ladoga Volhovskogo rayona Leningradskoy oblasti v 2012 g. (*Report of the excavations of the Staroladozhskaya Archaeological Expedition of IHMC RAS at Staraya Ladoga, Volkhov district, Leningrad region, in 2012*) // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 35, inv. list 1, 2012, doc. 40 (in Russian).

Кирпичников 2012б – *Kirpichnikov A. N. Raskopki v Staroy Ladoge v 2008 g. (Excavations at Staraya Ladoga in 2008) // Kirpichnikov A. N. (ed.). Ladoga i Ladojskaya zemlya v e'pohu srednevekov'ya (Ladoga and Ladoga land in the Middle Ages). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2012. Vol. 3. P. 37–58 (in Russian).*

Кузьмин 2000 – *Kuzmin S. L. Stratigrafiya i nekotory'e problemy' istorii Staroladojskogo poseleniya VIII–X vv. (Stratigraphy and some problems of the history of the Staraya Ladoga settlement in the VIII–X cc.) // STRATUMplus. 2000. No. 5. P. 50–69 (in Russian).*

Кулькова, Плохов 2013 – *Kulkova M. A., Plokhov A. V. Sosudy' tipa «Tating» iz Nijnego Povolhov'ya i Sen-Deni po dannym estestvennonauchny'h issledovaniy («Tating» type vessels from the Lower Volkhov area and Saint Denis in the light of natural-science investigations) // Arheologicheskie Vesti (Archaeological News). 2013. No. 19. P. 139–149 (in Russian).*

Плохов 2007 – *Plokhov A. V. O svyazi nijnego Povolhov'ya s Zapadnoy Evropoy po keramicheskim materialam (On the ties between the Lower Volkhov region and West Europe as reflected in ceramic materials) // Nosov E. N. (ed.). Severnaya Rus' i narody' Baltiki (Northern Rus and the peoples of the Baltic region). St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2007. P. 18–44 (in Russian).*

Плохов, Кулькова 2010 – *Plokhov A. V., Kulkova M. A. Novy'e dannye o «frizskih» kuvshinah Nijnego Povolhov'ya (New data about the «Frisian» jars from the Lower Volkhov region) // Peskova A. A., Shcheglova O. A., Musin A. E. (eds.). Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki (Slavonic-Russian jewelry and its sources): Materials of the International Scholarly Conference dedicated to the 100th birth anniversary of G. F. Korzukhina (St. Petersburg, 10–16 April of 2006). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2010. P. 516–529 (in Russian).*

Плохов, Френкель 2012 – *Plokhov A. V., Frenkel Ya. V. Frizskie» kuvshiny' Nijnego Povolhov'ya (k voprosu o datirovke i proishojdenii) («Frisian» jars from the Lower Volkhov region [to the question of their dating and origins]) // Novgorod i Novgorodskaya zemlya: istoriya i arheologiya (NNLHA). 2012. Vol. 26. P. 274–293 (in Russian).*

Плохов, Хаврин 2011 – *Plokhov A. V., Khovrin S. V. Rezul'taty' issledovaniya dekora «tating» sosudov iz Nijnego Povolhov'ya i Sen-Deni (Findings from the study of the décor of the Tating-type vessels from the Lower Volkhov region and Saint Denis) // Machinsky D. A. (ed.). Evropeyskaya Sarmatiya (European Sarmatia): Collection of papers dedicated to M. B. Shchukin. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2011. P. 360–367 (in Russian).*

Репников 1948 – *Repnikov N. I. Raskopki v gorodisch'e Staroy Ladogi (Excavations at the fortified settlement of Staraya Ladoga) // Ravdonikas V. I. (ed.). Staraya Ladoga. Leningrad: State Museum of Ethnography, 1948. P. 11–69 (in Russian).*

Френкель 2007 – *Frenkel Ya. V. Opy't atribucii arheologicheskogo farфора XVIII veka (predvaritel'ny'e rezul'taty' i metodicheskie zamechaniya) (Attribution of archaeological porcelain of the XVIII century: a trial [preliminary results and methodological notes]) // Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli (AHPPL): Materials of the 52nd seminar dedicated to the memory of Professor A. R. Artemiev. Pskov: IA RAS, PAC, 2007. P. 353–361 (in Russian).*

Френкель 2008 – *Frenkel Ya. V. Skandinavskiy mogil'nik Plakun: vremya pervy'h pogrebeniy i problema sopostavimosti hronologicheskikh shkal (The Scandinavian cemetery of Pla-*

kun: the age of the first burials and the problem of compatibility of different chronological scales // *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli (AHPPL): Materials of the 53rd session (10–13 April of 2007)*. Pskov: IA RAS, PAC, 2008. P. 228–252 (in Russian).

Френкель 2009 – *Frenkel Ya. V. Stratigraficheskaya shema raskopok N. I. Repnikova na central'nom uchastke Zemlyanogo gorodisch'a Staroy Ladogi i istochnikovedcheskiy potencial kollektsii bus iz e'tih raskopok (Stratigraphic scheme of N. I. Repnikov's excavations in the central area of the Zemlyanoe settlement of Staraya Ladoga, and the information potential of the collection of beads from these excavations)* // Selin A. A. (ed.). *Staroladojskiy sbornik (Staroladozhsky collection of research papers)*. Staraya Ladoga; St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2009. Vol. 7. P. 49–122 (in Russian).

Френкель, Хаврин 2012 – *Frenkel Ya. V., Khavrin S. V. Opy't kul'turno-hronologicheskoy atributsii kitayskogo farfora rentgenoflyuorescentny'm metodom (Cultural and chronological attribution of Chinese porcelain by means of X-ray fluorescence: a trial)* // Арапова Т. В. (ed.). *Keramika i farfor Dal'nego vostoka: Problemy' stilya i vzaimovliyaniy (Ceramics and porcelain of the Far East: Problems of style and mutual influences)*. St. Petersburg: State Hermitage, 2012. P. 160–176 (Proceedings of the State Hermitage. Vol. 59) (in Russian).

Холл, Миняев 2003 – *Hall M., Minyaev S. S. Rentgenovskiy fluorescentny'y analiz keramiki syunnu (X-ray fluorescence analysis of the Xiongnu pottery)* // *Arheologicheskie Vesti (Archaeological News)*. 2003. No. 10. P. 80–89 (in Russian).

Ambrosiani 1992 – *Ambrosiani B. Excavations in the Black Earth harbor 1969–71* // Ambrosiani B., Clarke H. (eds.). *Early Investigations and Future Plans*. Stockholm: RAÄ-SHMM. 1992. P. 71–82 (Birka studies. 1).

Arbman 1937 – *Arbman H. Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts*. Stockholm: Wahlström and Widstrand, 1937. 274 s. (Kungl. Viterhets Historie och Antikvitets Akademiens handlingar. 43).

Arents, Eisenschmidt 2010 – *Arents U., Eisenschmidt S. Die Gräber von Haithabu*. Neumünster: Wachholtz, 2010. 368 S. (Анн. 15).

Arne 1914 – *Arne T. J. La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings*. Uppsala: K. W. Appelbergs Boktryckeri, 1914. 242 p. (Archives d'études orientales. 8).

Brorsson 2010 – *Brorsson T. The Pottery from the Early Medieval Trading Site and Cemetery at Groß Strömkendorf, Lkr. Nordwestmecklenburg*. Wiesbaden: Reichert, 2010. 121 p., 26 pl. (Frühmittelalterliche Archäologie zwischen Ostsee und Mittelmeer. Bd 1).

Coutts 1991 – *Coutts C. M. Pottery and the Emporia: Imported pottery in Middle Saxon England with particular reference to Ipswich: A thesis submitted to the Faculty of Arts of the University of Sheffield for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Archaeology and Prehistory. October 1991*. URL: <http://etheses.whiterose.ac.uk/1867/1/DX181290.pdf> (дата обращения: 16.05.2014 г.).

Grothe 1999 – *Grothe A. Zur karolingischen Keramik der Pfalz Paderborn* // von Stiegemann C., Wemhoff M. (Hrsg.). 799. *Kunst und Kultur der Karolingerzeit: Karl der Große und Papst Leo III in Paderborn: Beiträge zum Katalog der Ausstellung*, Paderborn, 1999. Mainz: Philipp von Zabern, 1999. S. 207–211.

Hodges 1981 – *Hodges R.* The Hamwih pottery: The local and imported wares from 30 years' excavations at Middle Saxon Southampton and their European context. London, 1981. 108 p. (The Council for British Archaeology. Research Report. No. 37).

Hübener 1959 – *Hübener W.* Die Keramik von Haithabu. Neumünster: Karl Wachholtz, 1959. 203 S. (AHa. 2).

Hurst, Hodges 1976 – *Hurst J. G., Hodges R.* A Tating-type ware sherd from Wharram Rercy, North Yorkshire // *The Antiquaries Journal*. 1976. Vol. 56 (2). P. 249–250.

Janssen 1987 – *Janssen W.* Die Importkeramik von Haithabu. Neumünster: Karl Wachholtz, 1987. 201 S. (AHa. 9).

Meyer-Rodrigues 1993 – *Meyer-Rodrigues N.* Tessons de céramique dite «de Tating» découverts a Saint-Denis // Piton D. (ed.). La céramique du Vème au Xème siècle dans l'Europe du Nord-Ouest. Actes du colloque d'outreau (10–12 avril 1992). Arras: Groupe de Recherches et d'Études sur la Céramique dans le Nord, 1993. P. 267–274.

Mittendorff 2007 – *Mittendorff E. S.* Huizen van Heren. Archeologisch onderzoek naar het proces van verstedelijking en vorming van een stedelijke elite in het Polstraatkwartier te Deventer, ca. 800–1250. Deventer: Gemeente Deventer, 2007. 304 p. (RAD. 20).

Mittendorff, Vermeulen 2004 – *Mittendorff E. S., Vermeulen B.* Ambachtslieden, arme vrouwen en arbeiders. Archeologisch onderzoek naar de Vroegmiddeleeuwse ambachtswijk en latere periodes aan de Bruynsstee 6–10 te Deventer. Deventer: Gemeente Deventer, 2004. 120 p. (RAD. 14).

Müller 2002 – *Müller U.* Tatinger Ware im Gebiet des Mare Balticum // Mangelsdorf G. (Hrsg.). Aus der Frühgeschichte des südwestlichen Ostseegebietes. Frankfurt a/M; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: P. Lang, 2002. S. 9–24 (Greifswalder Mitteilungen. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie. 5).

Schoknecht 1977 – *Schoknecht U.* Menzlin. Ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1977. 215 S. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostock, Schwerin und Neubrandenburg. 10).

Stanislawski 2012 – *Stanislawski B. M.* Garncearstwo wczesnośredniowiecznego Wolina. Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2012. 254 s.

Wamser 1999 – *Wamser L.* Zu einer Tatinger Kanne und ausgewählten Kleinfunden aus Karburg am Main Anmerkungen zu Handel und Verkehr, Weinbau und Missionierung im Nordosten der Karolingerreiches // Zahlhaas G. (Hrsg.). Dedicato Hermann Dannheimer zum 70. Geburtstag. München; Kallmünz: M. Lassleben, 1999. S. 207–242 (Kataloge der Prähistorischen Staatssammlung. 5).

Winkelmann 1972 – *Winkelmann W.* Liturgisches Gefäß der Missionszeit aus Paderborn. Zur Verbreitung und Deutung der Tatinger Kanne // Scheele P.-W. (Hrsg.). Paderbornensis Ecclesia. Beiträge zur Geschichte des Erzbistums Paderborn. Festschrift für Lorenz Kardinal Jäger zum 80. Geburtstag am 23. September 1972. München; Wien; Paderborn: F. Schöningh, 1972. S. 37–47.

**TATING-TYPE VESSELS FROM THE LOWER VOLKHOV REGION
(THEIR DATING AND THE RESULTS
OF ARCHAEOMETRIC STUDIES)**

A. V. Plokhov, Ya. V. Frenkel

The paper deals with the finds of the early medieval ware of the Tating-type, known from more than 60 localities in the Baltic and Northern Sea basins. In the lower reaches of the Volkhov this type of pottery was found at the Zemlyanoe (Earthen) settlement of Staraya Ladoga (fig. 2) and the Plakun cemetery (fig. 1, 1, 2). Most Tating ware fragments found at the settlement come from horizons E₁ and Д_{lower}. The fragments found in the sediments of the first half of the X c. mark the upper chronological boundary for this type of pottery. A series of the Tating-type shards from the Lower Volkhov (18 fragments) and two such shards from Saint Denis (fig. 1, 3, 4) were subject to scientific analyses. As a result, the fragments found at the settlement were divided into two groups, while the fragments from Plakun and Saint Denis formed the third group (fig. 4–5). An attempt has been made to use the analysis of the composition of clay paste and visual comparison of microsections (fig. 8) to determine the minimum number of the Tating vessels on the settlement. Archaeometric data testify that the Tating vessels from the settlement and the cemetery had different origins. Our studies confirm the view held by some European scholars that there were several pottery-making centers in West Europe where the Tating-type vessels were produced. The distribution of the shards in the cultural layer shows that the influx of these vessels in our region differed in intensity. Most of the vessels arrived to Rus at the final stage of the Tating ware existence.

ПОДВЕСКИ-ОБРАЗКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГОМАТЕРИ ВОПЛОЩЕНИЕ

А. Ю. КОНОНОВИЧ

Ключевые слова: *иконография, Древняя Русь, христианская пластика из металла, подвески-образки, Богоматерь.*

Keywords: *iconography, Old Rus, Christian metal plastics, pendants-icons, Our Lady.*

Подвески-образки – небольшие металлические подвески с изображением христианских святых или библейских и евангельских сюжетов. Подобные изделия и формы для их изготовления найдены в культурном слое древнерусских городов, а также в составе погребального инвентаря деревенских могильников. Несмотря на то что подвески-образки не столь многочисленны находки, как нательные кресты, они являются важным информативным источником для уточнения хронологии памятников, для изучения древнерусского ювелирного производства, воссоздания процесса распространения христианства, исследования иконографии изображений святых и композиций.

Подвески-образки объединяет их небольшой размер (все известные нам экземпляры не превышают $2,5 \times 3$ см) и наличие ушка. Последнее свидетельствует о том, что образки не могли служить вставками в иконы или медальонами для выносных или процессионных крестов, а использовались в качестве подвесок, в том числе – в составе ожерелий.

Комплексов с образками известно немного, однако они давно привлекают внимание исследователей. А. Е. Мусин отмечает, что древнерусские погребения с находками предметов личного благочестия выделяются из числа прочих богатством состава инвентаря, хотя и не отличаются по его набору (Мусин 2000: 14). Так, в кургане у д. Мятино и Зворыкино (Вологодская обл.) в составе ожерелья были найдены 17 крестиков и 10 иконок-подвесок, среди которых 3 – с изображением св. Николы, одна – с изображением Богоматери с Младенцем и 6 – со сценой Успения Богородицы (Седова 1974: 194). В Костромских курганах (Ярославское Поволжье) в 19 женских погребениях было найдено 26 бронзовых образков (Рябинин 1986: 75). 11 образков обнаружено в погребениях хорошо изученного сельского могильника Нефедьево в Вологодской обл. (Макаров 1991). Отдельные находки образков в составе инвентаря древнерусских погребений встречаются и в других памятниках, расположенных, как правило, на территории Новгородской и Владимиро-Суздальской Руси – Которск III, Раглицы (Соболев 1995: 74), Мутакюля (Спицын 1896), Ненашевское, Студенец (Седова 1988: 274). Что же касается более южных территорий, то, несмотря на большое количество случайных или депаспортизованных находок, происходящих из грабительских раскопок, подвески-образки на этих территориях в документированных погребальных комплексах практически неизвестны.

В этой связи особый интерес представляют находки подвесок-образков в курганах Гочевского могильника, расположенного в верхнем течении р. Псёл на юго-восточной окраине Древнерусского государства (Курская обл.). Могильник, который по данным начала XX в. насчитывал более 3500 насыпей, входит в состав археологического комплекса, памятники которого взаимосвязаны и отражают этапы развития одного поселения в период с X по конец XIV в. Гочевский могильник изучается с начала XX в. К настоящему времени раскопано более 650 курганов XI–XII вв. Подвески-образки были найдены в трех погребениях, исследованных П. С. Рыковым (1912) и В. Н. Глазовым (1915).

Опираясь на данные рукописных отчетов авторов раскопок, историк курских древностей С. П. Щавелёв предположил, что находка в могильнике двух серий образков домонгольского времени с изображением Богоматери не случайна, поскольку «появившаяся» на рубеже XVI–XVII вв. самая известная икона Курского края – Коренная принадлежала к варианту того же иконографического типа «Богоматерь Воплощение или Знаменье», и это могло быть отражением определенной традиции регионального особого почитания соответствующего праздника. На этом основании исследователь полагал, что один из первых храмов домонгольского Курска был посвящен Богоматери и изначально строился как Знаменский (Щавелёв А., Щавелёв С. 2011: 205).

Эти предположения были сделаны исключительно на основании определения находок первыми исследователями могильника, сами же вещи до сих пор специально не изучались.¹ Из всех образков, найденных в Гочевском могильнике, в археологической литературе опубликован один – с изображением св. Георгия (Шинаков 1980: табл. СXXXVII; 1982: 94). Кроме того, в научно-популярном издании в составе ожерелья воспроизведены 5 образков из кургана № 85: четыре – с изображением Богоматери Знамение и один – с изображением конного Святого воина (Томсинский и др. 2007: 20, рис. 14).

Хронология Гочевского могильника в деталях не разработана. Однако по погребальному обряду, а также по наличию во всех погребениях с образками узкорогих лунниц (в том числе – прорезных) и характерного набора бус (бипирамидальные сердоликовые, круглые хрустальные, ложные золото- и серебро-стеклянные, мелкие желтые и зеленые) исследователи относят рассматриваемые погребения к одной из последних фаз существования могильника, т. е. – к XII в. (Стародубцев 1999: 254).

Несмотря на то что часть материала в фондах отсутствует, очевидно преобладание на образках из Гочевского могильника изображения Богоматери Воплощение.² Четыре образка найдены в кургане № 85, исследованном В. Н. Гла-

¹ Образки находятся в ОАВЭС ГЭ, колл. 816, 819.

² В настоящее время в искусствоведческой литературе существуют два взгляда на различие иконографических типов «Знамение» и «Воплощение», сформировавшиеся на основании изучения, в основном, русского лицевого шитья, специально разобранные в работе Ю. Г. Гридневой. Согласно первому, наиболее распространенному, различие состоит в том, что в иконографии «Знамения» Младенец изображается в медальоне, а в иконографии «Воплощения» – без него (Маясова 2004: 94). Согласно второму, различие между иконографическими изводами определяется положением рук Спасителя: «Знамение» – со свитком в левой руке, а «Воплощение» – с обеими руками в благословляющем

зовым в 1913 г. (Глазов 1915: 19), иконографическая схема представлена в двух вариантах исполнения.

Первый и наиболее многочисленный вариант представляет собой изображение Воплощения, напоминающее змеевики с аналогичным сюжетом. Черты Богородицы и Младенца, а также линии мафория схожи на всех экземплярах (рис. 1, 1). Нам известно 12 экз. данного типа, происходящих из культурного слоя поселений и инвентаря погребений (Томсинский и др. 2007: рис. 14; Власова 1962: рис. 7, 4; Гаврилюк, Ягодинская 2005: рис. 9, 6; Спицын 1896: 57; Південноруське село IX–XIII ст. 1997: рис. 53, 22; Самойлович и др. 2014: рис. 3, 23). Отличия состоят в украшении поля между каймой и валиком, обрамляющим образок. Часть известных экземпляров украшена гладким валиком, часть – орнаментом в виде гладких треугольников, часть – орнаментом в виде треугольников с имитацией зерна. Чаще всего встречается орнаментация в виде гладких треугольников. Помимо образков круглой формы из Гочевского могильника происходит образок с аналогичной иконографической схемой, но арочной формы. Образки данного типа в основном локализируются на юго-востоке Древнерусского государства (рис. 2).

Несомненно, догматическая и философская глубина понимания христианских образов, кроющаяся в различиях иконографии, вряд ли могла быть понятна или даже просто отмечена владельцами гочевских образков. Почему тогда это представляется важным? Нам кажется, что точная фиксация изображений позволяет найти для них наиболее полные аналогии и установить через иконографические и функциональные прототипы происхождение ожерелий с образками как категории древнерусских украшений и одновременно как предметов личного благочестия.

Очевидно, что непосредственным источником для изображения на образках с Богоматерью Воплощение не могла послужить ни новгородская икона «Знамение», ни, тем более, Курская Коренная икона Божией Матери «Знамение», уже по одному тому, что легендарное известие о ее чудесном обретении привязывает это событие к 1295 г. (Повесть о явлении... 2004: 572). Однако наборы образков с устоявшимися иконографическими типами, являющиеся продуктом серийного производства, должны были иметь определенный прототип, который следует искать среди изделий более близких им по размерам, форме и функции.

Широкая распространенность иконографического типа «Знамение» в широком понимании (т. е. – включая «Воплощение») характерна для древнерусских печатей в целом – ему принадлежит около 75 % всех известных Богородичных печатей (Чукова 2006: 35). Названный тип уходит корнями в Византию (Богоматерь Эпискеписис), где на памятниках сфрагистики и нумизматики он не встречается ранее XI в. (Шандровская 1999: 198). На древнерусских печатях погрудно-поясное «Знамение» появляется с начала XII в., причем старшие печати связаны с Киевом. Многообразие вариантов Богородичных печатей позволяет подобрать изображение на них, наиболее близкое Богоматери «Воплощение» на гочевских образках с учетом не только общей иконографической схемы, но и мелких деталей, в частности, соотношения головы и корпуса Богоматери.

жесте (Гриднева 2006: 36). Мы будем следовать терминологии, где на образках с иконографической схемой «Воплощение» Младенец изображен без медальона, а с иконографической схемой «Знамение» – в медальоне.

Рис. 1. Подвески-образки (1–4) и актовые печати (5–7) с изображением Божией Матери Воплощение: 1–4 – Государственный Курский музей, Курская обл. (по Томсинский и др. 2007); 5–7 – актовые печати епископа Нифонта (типы 54–55; по Янин 1970)

Fig. 1. Pendants-icons (1–4) and seals (5–7) with the image of Our Lady of Incarnation: 1–4 – Kursk region (after Томсинский и др. 2007); 5–7 – seals of Nifont, the bishop of Novgorod (types 54–55; after Янин 1970)

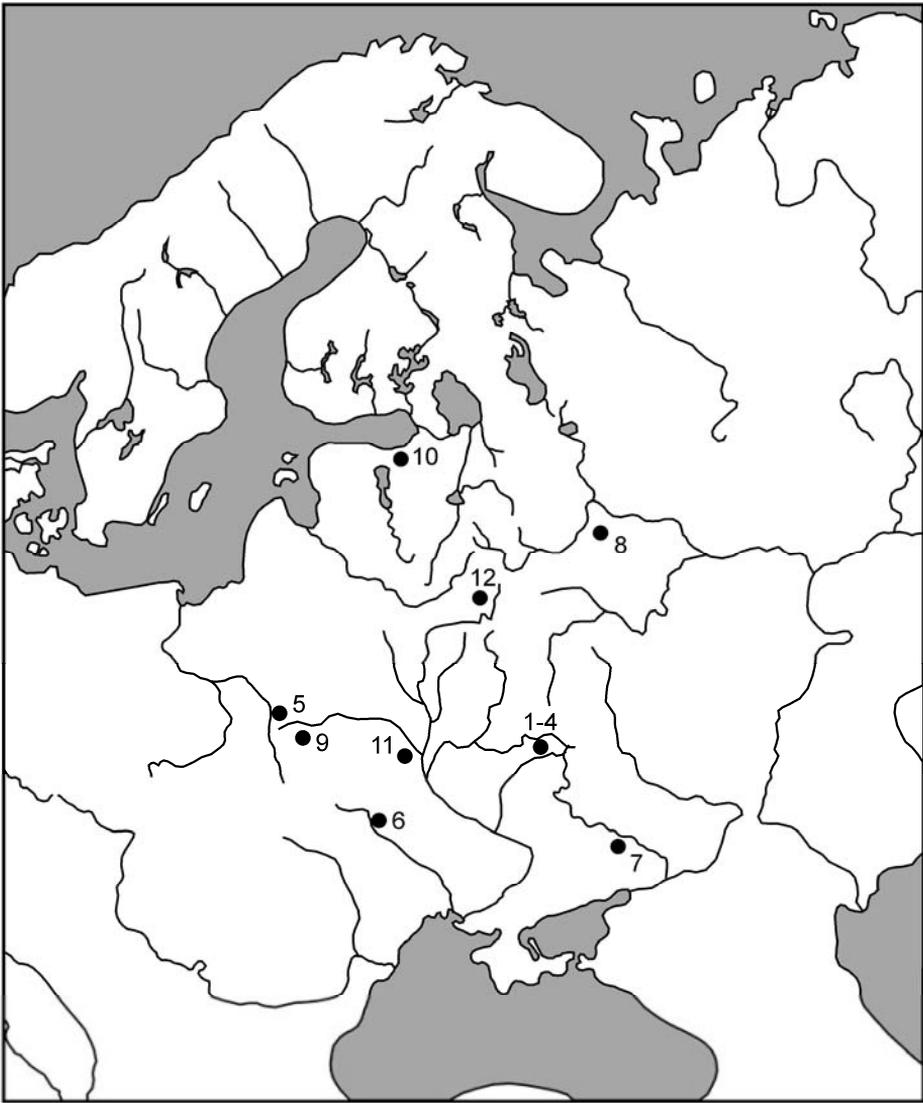

Рис. 2. Распространение подвесок-образков с изображением Божией Матери Воплощение на территории Древнерусского государства: 1–4 – Гочевский могильник (Курская обл.); 5 – Берестье (Белоруссия); 6 – сел. Зеленче (Тернопольская обл., Украина); 7 – Донецкое городище; 8 – Ростов Великий; 9 – Капустинцы (Тернопольская обл., Украина); 10 – Матакюля (Ленинградская обл.); 11 – Григоровка (Черкасская обл., Украина); 12 – Смоленск

Fig. 2. Distribution of pendants-icoms with the image of Our Lady of Incarnation on the territory of Old Rus: 1–4 – Gochevo cemetery (Kursk region); 5 – Berestie (Byelorussia); 6 – Zelenche village (Ternopol region of Ukraine); 7 – Donetz settlement; 8 – Rostov Veliky; 9 – Kapustintsy (Ternopol region of Ukraine); 10 – Matakuylya (Leningrad region); 11 – Grigorovka (Cherkassy region of Ukraine); 12 – Smolensk

Собранные и систематизированные В. Л. Яниным и П. Г. Гайдуковым (Янин 1970; Янин, Гайдуков 1998) древнерусские актовые печати были рассмотрены с точки зрения анализа иконографии изображений, предложенного Т. А. Чуковой (Чукова 2002; 2006). Используя ее наблюдения и следуя за М. В. Седовой, мы пытались обнаружить аналогии гочевским образкам в первую очередь среди древнерусских актовых печатей.

Аналогия данной иконографической схеме представлена на актовых печатях из Новгорода, принадлежавших епископу Нифонту (1131–1156 гг., № 54–55³) и епископу Аркадию (1156–1158 гг., № 56). Обратная сторона печати Нифонта (№ 55) и Аркадия (№ 56) оттискивались одной матрицей. Печати совпадают с образками не только по сюжету изображения на оборотной стороне, но и по размеру: № 54 – 2,0 см, 1,9 см, 2,2 см; № 55 – 2,1 см (Янин 1970: 176, 177). На фотографиях видно лучше, чем на прорисовках, что по пропорциям поясная фигура Богоматери (с небольшой относительно корпуса головой и пропорциональными ладонями на уровне шеи) ближе всего к образкам печати № 55–56 (Там же: 254, табл. 6, 54–56; 287, табл. 39, 54–56). Т. А. Чукова не выделяет иконографический тип «Воплощение», однако, отмечая отсутствие медальона, пишет: «протографом для епископской печати послужила не чудотворная Знаменская икона, почитавшаяся главной святыней Новгорода, а некое другое изображение Богоматери Знамение, возможно, привезенное Нифонтом из Византии» (Чукова 2002: 124). Интересно, что найденные в археологических контекстах на более близких к Великому Новгороду территориях подвески с изображением Богоматери относятся к другому типу поясного изображения (без Младенца). Данный иконографический сюжет присутствует только на змеевиках, происходящих из самого Новгорода или из Новгородской земли, однако датируются они более поздним временем.

Подводя итог анализу изображений на образках из погребений Гочевского могильника, отметим, что обращение, вслед за М. В. Седовой (Седова 1988: 278), к поиску прототипов в сфрагистических материалах оказалось достаточно плодотворным.⁴ В случае с изображением Богоматери Воплощение для подвесок удалось подобрать близкие и достаточно хорошо датированные аналогии (1130–1150-е гг.). Это, в свою очередь, позволяет несколько удревнить появление образков с изображением св. воина – всадника с копьем, развернутого влево. Если опираться на древнерусские сфрагистические материалы, то изображение конного воина появляется только с начала XIII в., а в комплексе кургана 85 Гочевского могильника (Глазов 1915) образец со св. всадником найден вместе с серией образков с изображением Богоматери Воплощение.

В то же время древнерусские печати ни в коей мере не могут являться единственным источником для выявления прототипов подвесок – наряду с ними должен быть рассмотрен огромный пласт византийских печатей, произведений художественной мелкой пластики и других произведений прикладного искусства.

³ Здесь и далее: номера печатей соответствуют номерам в каталоге В. Л. Янина (Янин 1970).

⁴ Пользуемся случаем поблагодарить А. Е. Мусина за указанное направление исследования и А. А. Пескову и С. В. Белецкого за советы и консультации.

Должны ли отражать преимущественное распространение почитания определенного святого или праздника сюжеты на образках? Для территории Владимиро-Суздальской Руси этот тезис был доказан М. В. Седовой картированием находок: 11 двусторонних экземпляров с изображениями Богоматери Умиление и Успения Богоматери, происходящие из 7 комплексов, оказались найденными в пределах одной исторической территории. В случае с находками на юго-востоке Руси, где расположен Гочевский могильник, ситуация другая – существует только один пункт, где обнаружены две серии образков с изображением Богоматери с Младенцем, причем только в одном случае мы можем точно сказать, что они принадлежат к типу «Воплощение», а образки из другого комплекса не сохранились. По всей видимости, для юго-восточной периферии Древнерусского государства справедливо высказывание В. Ю. Соболева: «В уборе, судя по всему, не делается заметной разницы между иконками-привесками, подвесками с изображениями креста и монетообразными и прорезными привесками с крестовидными композициями. Все они могут встречаться в одном ожерелье как друг с другом, так и с привесками, напрямую с христианством не связанными... Сюжеты иконок-привесок довольно разнообразны, примечателен тот факт, что все они представлены одним-двумя экземплярами из одного погребения... Очевидно, сюжеты иконок достаточно случайны и не отражают преимущественного почитания какого-либо святого или праздника» (Соболев 1995: 75).

В городской княжеской культуре золотые или позолоченные, богато украшенные зернью или эмалью подвески-образки входят в состав барм, монисто и других украшений. В частности, известна миниатюрная резная византийская икона на сапфирине Богородица Воплощение (XI–XII вв.), впоследствии помещенная в драгоценную оправу, свидетельствующая о том, что изображения, встречающиеся на подвесных иконках в провинциальном курганном могильнике, в конечном счете подражали наперсным иконам древнерусских княгинь. В некоторых случаях монисто называлась подвеска-украшение к иконе. В более позднее время подвеска к иконе называется цатой, под этим же термином – цата в Древней Руси понимали шейное украшение с круглыми подвесками (Лукина 1974: 251–252). Таким образом, присутствие в составе монисто из средневековых курганных могильников подвесок-иконок с изображением святых находится в общем русле вхождения христианской символики в идеологию и быт Древней Руси.

Литература и источники

Власова 1962 – *Власова Г. М.* Бронзовые изделия XI–XIII вв. из с. Зеленче // Карышковский П. О. (ред.). Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Одесское книжное изд-во, 1962. Вып. 4. С. 246–258.

Гаврилюк, Ягодинская 2005 – *Гаврилюк О. Н., Ягодинская М. А.* Древнерусские предметы христианского культа западной Подолии и юго-западной Волыни // АВ. 2005. Вып. 12. С. 131–140.

Глазов 1915 – *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках Гочевских курганов в Обоянском уезде Курской губернии // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1915 г., д. 93. 26 л.

Гриднева 2006 – *Гриднева Ю. Г.* Эволюция византийской традиции в изображении Богоматери Знамение на позднесредневековых покровцах (из музеев России) [электронный ресурс] // *Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв.* 2006. № 10. С. 20–39. <http://www.nbu.gov.ua/articles/2006/06gygmor.pdf> (дата обращения: 11.12.2011).

Лукина 1974 – *Лукина Г. Н.* Названия предметов украшения в языке памятников древнерусской письменности XI–XIV веков // *Аванесов Р. И.* (ред.). *Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка.* М.: Наука, 1974. С. 246–261.

Макаров 1991 – *Макаров Н. А.* К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // *КСИА.* 1991. Вып. 205. С. 11–21.

Маясова 2004 – *Маясова Н. А.* Древнерусское лицевое шитье. М.: Изд-во «Красная площадь», 2004. 496 с.

Мусин 2000 – *Мусин А. Е.* О распространении христианства в Древней Руси IX–XIV веков на основе данных археологии и письменных источников // *Исторический вестник.* 2000. № 6. С. 4–17.

Південноруське село IX–XIII ст. 1997 – *Моця О. П., Коваленко В. П., Петрашенко В. О.* (ред.). *Південноруське село IX–XIII ст.* Київ: Інститут змісту і методів навчання, 1997. 174 с.

Повесть о явлении... 2004 – *Повесть о явлении чудотворной иконы Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Знаменія, еже нарицается Курская, и о зачале града Курска* (перевод и коммент. Д. М. Буланина) // *Д. М. Буланин* (ред.). *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3 (XVII в.), ч. 4: Т–Я. Дополнения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 570–597.

Рыков 1912 – *Рыков П. С.* Дневник раскопок 1912 г. в Гочеве // *НА ИИМК РАН, РА,* ф. 1, 1912 г., д. 116.

Рыков 1913 – *Рыков П. С.* Отчет о раскопках, произведенных бл. с. Гочева Курской губ. Обоянского уезда П. С. Рыковым в июне–июле 1912 г. // *НА ИИМК РАН, РА,* ф. 1, 1913 г., д. 386, л. 26–42.

Рябинин 1986 – *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

Самойлович и др. 2014 – *Самойлович Н. Г., Кашкин А. В., Орлов В. Н.* Охранные исследования в Ростове Великом в 2012 г. // *Леонтьев А. Е.* (ред.). *Археология: история и перспективы.* VI межрегиональная конф. 18–19 октября 2014 г. в Ярославле. Ярославль: Ремдер, 2014. С. 156–164.

Седова 1974 – *Седова М. В.* О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // *Кирпичников А. Н., Раппопорт П. А.* (ред.). *Культура средневековой Руси.* Л.: Наука, 1974. С. 191–194.

Седова 1988 – *Седова М. В.* Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // *Тимошук Б. А.* (отв. ред.). *Древности славян и Руси.* М.: Наука, 1988. С. 272–279.

Соболев 1995 – *Соболев В. Ю.* Подвески с христианской символикой в погребальных памятниках Северо-Запада Новгородской земли // *Церковная археология: Материалы 1-й*

Всеросс. конф., Псков, 20–24 ноября 1995 г. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. СПб.; Псков: ИИМК РАН, 1995. С. 74–76 (Археологические изыскания. Вып. 26).

Спицын 1896 – *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л. К. Ивановского. М.; СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1896. 123 с. (Материалы по археологии России. Вып. 20).

Станюкович 2011 – *Станюкович А. К.* Неизвестные памятники русской металлопластики: Миниатюрные иконки-подвески XI–XVI веков. М.: Группа «Искатели», 2011. 224 с.

Стародубцев 1999 – *Стародубцев Г. Ю.* Погребальная обрядность в Посемье в конце X–XIII вв. (по материалам Гочевского могильника) // Канторович А. Р., Попова Е. А. и др. (ред.). 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 231–235.

Томсинский и др. 2007 – *Томсинский С. В., Чукова Т. А., Климовцева Е. С.* Древняя Русь // Вилинбахов Г. В. (ред.). Твой Эрмитаж. СПб.: Изд-во ГЭ; «Арс», 2007. 144 с.

Чукова 2002 – *Чукова Т. А.* Новгородские печати X–XV вв. с изображением Богоматери // Кирпичников А. Н. (ред.). Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб: ИИМК РАН; «Бизнес-Элита», 2002. С. 122–134.

Чукова 2006 – *Чукова Т. А.* Иконография Христа, Божией Матери и Святых на древнерусских металлических актовых печатях X–XV вв. (фрагменты книги) // Носов Е. Н. (ред.). Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии: Памяти Татьяны Чуковой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 28–57.

Шандровская 1999 – *Шандровская В. С.* Печати и монеты византийских императоров с изображением Богоматери // ВВ. 1999. Т. 58. С. 194–211.

Шинаков 1980 – *Шинаков Е. А.* Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X–начале XIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1980. 237 с.

Щавелёв А., Щавелёв С. 2011 – *Щавелёв А. С., Щавелёв С. П.* Первые иконы Курского края // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Тр. III (XIX) ВАС. Великий Новгород–Старая Русса. 2011 г. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 2. С. 204–205.

Янин 1970 – *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X–начала XIII вв. М.: Наука, 1970. 326 с.

Янин, Гайдуков 1998 – *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XII вв. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 505 с.

Literature and archive sources

Власова 1962 – *Vlasova G. M.* Bronzovy'e izdeliya XI–XIII vv. iz s. Zelenche (*Bronze articles of the XI–XIII cc. from the Zelenche village*) // Karyshkovsky P. O. (ed.). Materialy' po arheologii Severnogo Prichernomor'ya (*Archaeological materials of the North Black Sea region*). Odessa: Odessa book publishers, 1962. Vol. 4. P. 246–258 (in Russian).

Гаврилюк, Ягодинская 2005 – *Gavrilyuk O. N., Yagodinskaya M. A.* Drevnerusskie predmety' hristianskogo kul'ta zapadnoy Podolii i yugo-zapadnoy Voly'ni (*Old Russian Christian*

cult objects from western Podolia and southwestern Volyn') // Arheologicheskie Vesti (Archaeological News). 2005. Vol. 12. P. 131–140 (in Russian).

Глазов 1915 – *Glazov V. N. Otchet o raskopkah Gochevskih kurganov v Oboyanskom uезде Kurskoy gubernii (Report of the excavations of the Gochevo barrows in the Oboyan' district, Kursk province) // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 1, 1915, doc. 93 (in Russian)*.

Гриднева 2006 – *Gridneva Yu. G. E`volyuciya vizantiyskoy tradicii v izobrazhenii Bogomateri Znamenie na pozdnesrednevekovy`h pokrovcah (iz muzeev Rossii) (Evolution of the Byzantine tradition in depicting the Mother of God of the sign on the late medieval shrouds stored in Russian museums [electronic resource]) // Vi`snik Harki`vs`koi` derjavnoi` akademi`i` dizaynu i` mistectv (Herald of the Kharkiv State Academy of Design and Arts)*. 2006. No. 10. P. 20–39. <http://www.nbu.gov.ua/articles/2006/06gygvmor.pdf> (accessed date: 11.12.2011) (in Russian).

Лукина 1974 – *Lukina G. N. Nazvaniya predmetov ukrasheniya v yazy`ke pamyatnikov drevnerusskoy pis`mennosti XI–XIV vekov (Names of decorative objects in the language of the Old Russian written monuments of the XI–XIV centuries) // Avanesov R. I. (ed.). Voprosy` slovoobrazovaniya i leksikologii drevnerusskogo yazy`ka (Questions of wordformation and lexicology of the Old Russian language)*. Moscow: Nauka, 1974. P. 246–261 (in Russian).

Макаров 1991 – *Makarov N. A. K ocenke hristianizacii drevnerusskoy derevni v XI–XIII vv. (pogrebeniya s krestami i obrazkami v mogil`nikah Belozer`ya i Kargopol`ya) (To the assessment of Christianization of the Old Russian village in the XI–XIII cc. [burials with crosses and icons in the cemeteries of Belovodie and Kargopol]) // Kratkie soobsch`eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1991. Vol. 205. P. 11–21 (in Russian).

Маясова 2004 – *Mayasova N. A. Drevnerusskoe licevoe shit`e (Old Russian pictorial needlework)*. Moscow: «Krasnaya plosch`ad'», 2004. 496 p.

Мусин 2000 – *Musin A. E. O rasprostranении hristianstva v Drevney Rusi IX–XIV vekov na osnove danny`h arheologii i pis`menny`h istochnikov (About the distribution of Christianity in Old Rus of the IX–XIV centuries as reflected in archaeological and written records) // Istoričeskij vestnik (Historical herald)*. 2000. No. 6. P. 4–17 (in Russian).

Південноруське село IX–XIII ст. 1997 – *Motzya O. P., Kovalenko V. P., Petrashenko V. O. (eds.). Pivdenorus`ke selo IX–XIII st. (The South Russian village of the IX–XIII centuries)*. Kiev: Institute of the Content and Methods of Teaching, 1997. 174 p. (in Ukrainian).

Повесть о явлении... 2004 – *Povest' o yavlenii chudotvorny`ya ikony` Prechisty`ya Bogorodicy`, chestnago i slavnago Eya Znameniya, eje naricaetsya Kurskaya, i o zachale grada Kurska (Story of the appearance of the miracle-working icon of the Blessed Virgin, and its glorious sign, which is called Kursk icon, and about the beginning of the town of Kursk [translation and comments by D. M. Bulanin]) // D. M. Bulanin (ed.). Slovar` knijnikov i knijnosti Drevney Rusi (Dictionary of scribes and bookishness of Old Rus)*. Vol. 3 (XVII c.), Pt. 4: Т–Я. Additions. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2004. P. 570–597 (in Russian).

Рыков 1912 – *Rykov P. S. Dnevnik raskopok 1912 g. v Gocheve (Field notes of 1912 excavations at Gochevo) // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 1, 1912, doc. 116 (in Russian)*.

Рыков 1913 – *Rykov P. S. Report of P. S. Otchet o raskopkah, proizvedenny`h bl. s. Gocheva Kurskoy gub. Oboyanskogo uезда P. S. Ry`kovy`m v iyune-iyule 1912 g. (Rykov's*

excavations near the village of Gochevo, Kursk region, Oboyan' district, carried out in June–July of 1912 // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, f. 1, 1913, doc. 386, sheets 26–42 (in Russian).

Рябинин 1986 – *Ryabinin E. A. Kostromskoe Povolj'e v e'pohu srednevekov'ya (Kostroma part of the Volga region in the medieval time)*. Leningrad: Nauka, 1986. 160 p. (in Russian).

Самойлович и др. 2014 – *Samoilovich N. G., Kashkin A. V., Orlov V. N. Ohranny'e issledovaniya v Rostove Velikom v 2012 g. (Salvation explorations in Rostov Veliky in 2012)* // Leontiev A. E. (ed.). *Arheologiya: istoriya i perspektivy' (Archaeology: history and perspectives)*. Yaroslavl: Remder, 2014. P. 156–164 (in Russian).

Седова 1974 – *Sedova M. V. O dvuh tipah privesok-ikonok Severo-Vostochnoy Rusi (About two types of icons-appendages in North-Eastern Rus)* // Kirpichnikov A. N., Rappoport P. A. (eds.). *Kul'tura srednevekovoy Rusi (Culture of Medieval Rus)*. Leningrad: Nauka, 1974. P. 191–194 (in Russian).

Седова 1988 – *Sedova M. V. Slojenie mestnoy ikonografii mednogo lit'ya vo Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi (Formation of local iconography of copper casting in Vladimir-Suzdal Rus)* // Timoshchuk B. A. (ed.). *Drevnosti slavyan i Rusi (Antiquities of Slavs and of Russia)*. Moscow: Nauka, 1988. P. 272–279 (in Russian).

Соболев 1995 – *Sobolev V. Yu. Podveski s hristianskoy simbolikoy v pogrebal'ny'h pamyatnikah Severo-Zapada Novgorodskoy zemli (Pendants with Christian symbolism in burial sites from the northwest of the Novgorod land)* // *Cerkovnaya arheologiya (Church archaeology): Materials of the 1st All-Russia Conference, Pskov, 20–24 November of 1995. Pt. 2. Hristianstvo i drevnerusskaya kul'tura (Christianity and Old Russian culture)*. St. Petersburg; Pskov: IHMC RAS, 1995. P. 74–76 (Archaeological explorations. Vol. 26) (in Russian).

Спицын 1896 – *Spitsyn A. A. Kurgany' S.-Peterburgskoy gub. v raskopkah L. K. Ivanovskogo (Barrows of the St. Petersburg region excavated by L. K. Ivanovsky)*. Moscow, St. Petersburg: Typography of the Senior Management of the Domains, 1896. 123 p. (Materials on the archaeology of Russia. Vol. 20) (in Russian).

Станюкович 2011 – *Stanyukovich A. K. Neizvestny'e pamyatniki russkoy metalloplastiki: Miniaturny'e ikonki-podveski XI–XVI vekov (Unknown monuments of Russian metal plastics: Miniature icons-pendants of the XI–XVI centuries)*. Moscow: Group «Iskateli», 2011. 224 p. (in Russian).

Стародубцев 1999 – *Starodubtsev G. Yu. Pogrebal'naya obryadnost' v Posem'e v konce X–XIII vv. (po materialam Gochevskogo mogil'nika) (Burial rites in the Seim basin at the late X–XIII c. [based on the materials of the Gochevo cemetery])* // Kantorovich A. R., Popova E. A. et al. (eds.). *60 years to the Cathedra of Archaeology of MSU*. Moscow: MSU Press, 1999. P. 231–235 (in Russian).

Томсинский и др. 2007 – *Tomsinsky S. V., Chukova T. A., Klimovtseva E. S. Drevnyaya Rus' (Old Rus)* // Vilinbakhov G. V. (ed.). *Tvoy E'rmitaj (Your Hermitage)*. St. Petersburg: State Hermitage, 2007. 144 p. (in Russian).

Чукова 2002 – *Chukova T. A. Novgorodskie pečhati X–XV vv. s izobraženiem Bogomateri (Novgorod seals of the X–XV cc. with the image of Our Lady)* // Kirpichnikov A. N. (ed.).

Ladoga i ee sosedi v e'pohu srednevekov'ya (*Ladoga and its neighbors in the Middle Ages*). St. Petersburg: IHMC RAS, 2002. P. 122–134 (in Russian).

Чукова 2006 – *Chukova T. A. Ikonografiya Hrista, Bojiej Materi i Svyaty'h na drevnerusskikh metallicheskih aktovy'h pechatyah X–XV vv. (fragmenty' knigi) (Iconography of Christ, Our Lady and Saints on Old Russian metal seals of the X–XV cc. [fragments of a book])* // Nosov E. N. (ed.). *Hristianskaya ikonografiya Vostoka i Zapada v pamyatnikah material'noy kul'tury' Drevney Rusi i Vizantii (Christian iconography of the East and the West in the monuments of material culture of Old Rus and Byzantine): to the memory of Tatiana Chukova*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. P. 28–57 (in Russian).

Шандровская 1999 – *Shandrovskaya V. S. Pechati i monety' vizantiyskikh imperatorov s izobrazeniem Bogomateri (Seals and coins of Byzantine emperors with the image of Our Lady)* // *Vizantiisky vremennik*. Moscow: Nauka, 1999. Vol. 58. P. 194–211 (in Russian).

Шинаков 1980 – *Shinakov E. A. Naselenie mejdurech'ya Desny' i Vorskly' v konce X–nachale XIII vv. (Population of the Desna-Vorskla interfluves in the late X–early XIII c.)*: Ph. D. dissertation. Moscow: MSU, 1980. 237 p. (in Russian).

Щавелёв А., Щавелёв С. 2011 – *Shchavelev A. S., Shchavelev S. P. Pervy'e ikony' Kurskogo kraja (First icons of the Kursk land)* // Makarov N. A., Nosov E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo Arheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the III [XIX] All-Russia Archaeological Meeting)*. Veliky Novgorod; Staraya Russa. 2011. St. Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod: IHMC RAS, 2011. Vol. 2. P. 204–205 (in Russian).

Янин 1970 – *Yanin V. L. Aktovy'e pechati Drevney Rusi X–XV vv. (Seals of Old Rus of the X–XV cc.)*. Vol. 1: *Pechati X–nachala XIII vv. (Seals of the X–early XIII c.)*. Moscow: Nauka, 1970. 326 p. (in Russian).

Янин, Гайдуков 1998 – *Yanin V. L., Gaidukov P. G. Aktovy'e pechati Drevney Rusi X–XII vv. (Seals of Old Rus of the X–XII cc.)*. Vol. 3: *Pechati, zaregistrirrovanny'e v 1970–1996 gg. (Seals registered in 1970–1996)*. Moscow: Intrada, 1998. 505 p. (in Russian).

PENDANTS-ICONS BEARING THE IMAGE OF OUR LADY OF INCARNATION

A. Yu. Kononovich

Pendants-icons are small metal pendants with images of Christian saints or biblical and evangelical subjects. Among their common features are their small size and the presence of a lug for suspension. They were worn as appendages, sometimes as parts of necklaces. Assemblages with such icons are rather rare. Most of them are known in the northwest and northeast of Rus, while further to the south such pendants are mainly represented by isolated accidental finds. A particular group of the objects in question consists of icons bearing the image of Our Lady of Incarnation. They mostly come from the southeast of the Old Russian state. The closest analogy to the image on these pendants is the depiction of Our Lady on the seals of Nifont, the bishop of Novgorod (1131–1156). In the urban princely culture, gold or gilded pen-

---

dants-icons richly decorated with granulation or enamel, were used as constituent parts of shoulder-mantles, necklaces and other adornments. One cannot rule out that the icons-pendants found in provincial burial mounds imitated the pectoral icons worn by Old Russian princesses.

ХРОНИКА

ВРУЧЕНИЕ В. П. ЛЮБИНУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАГРАДЫ РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ

Многолетний поиск старейшего сотрудника нашего Института, доктора исторических наук, профессора Василия Прокофьевича Любина охватил практически все уголки Кавказа. Не составила исключения территория Ингушетии – небольшой республики, расположенной в северо-восточной части горной страны. Начиная с 1960-х гг. В. П. Любин неоднократно обследовал Ингушетию, открыв здесь ряд мустьерских местонахождений, среди которых по выразительности находок выделялся расположенный в окрестностях Назрани пункт Гамурзиево.

Вручение В. П. Любину высшей награды Республики Ингушетия
Awarding V. P. Liubin with the highest order of the Republic of Ingushetia

В 2003 г. после длительного перерыва В. П. Любин и Е. В. Беляева вместе с Б. Ж. Мальсаговым из Археологического центра республики провели более тщательную разведку территории – их маршруты пролегали как в предгорьях, так и в горных ущельях вблизи границы с Грузией. В результате в районе Большой Назрани, в бассейне р. Сунжи, было обнаружено несколько местонахождений со среднепалеолитическими изделиями из камня (Плиево, Назрановская крепость и др.). К сожалению, военные действия помешали обследованию пещерных комплексов в Джейрахском ущелье. Полученные материалы позволили связать историю расселения древнего человека со сложной четвертичной палеогеографией региона, особенностями доступных источников каменного сырья.

Принимая во внимание вклад исследователя в дело воссоздания древнейшей истории края, В. П. Любину была присуждена высшая награда Ингушетии – орден «За заслуги». На состоявшемся 13 ноября 2014 г. в ИИМК РАН совместном заседании Ученого совета Института и Отдела палеолита представитель Ингушетии в Санкт-Петербурге и Ленинградской обл. Ю. С. Хаутиев вручил награду и огласил поздравления от руководства республики. Затем В. П. Любин выступил с докладом «Палеолитический человек на территории Ингушетии».

С. А. Васильев

AD MEMORIA

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА ЛОЗОВСКОГО (28.05.1968–31.07.2015)

Отдел палеолита ИИМК РАН постигла трагическая утрата – в возрасте 47 лет внезапно ушел из жизни один из наиболее энергичных и ярких сотрудников неолитической группы Отдела – Владимир Михайлович Лозовский. Сердечный приступ сразил его 31 июля 2015 г.

В. М. Лозовский родился в 1968 г. в Москве. Он рано начал ездить в экспедиции. Начиная с 1982 г. он принимал участие в работах А. Е. Кравцова в Мещере. Азы первобытной археологии В. М. Лозовский осваивал под руководством столь опытных наставников, как Д. А. Крайнов и М. Д. Гвоздовер. После окончания в 1992 г. исторического факультета Российского государственного

гуманитарного университета он продолжил начатые еще в 1989 г. исследования уникальной многослойной стоянки Замостье 2 в Подмосковье. Полевые работы велись вначале в рамках Подмосковной экспедиции Института археологии АН СССР, а затем, с 1995 г., как экспедиция Сергиево-Посадского музея-заповедника, где В. М. Лозовский проработал долгие годы. Многие отечественные и зарубежные археологи помнят блестяще организованную и проведенную в 2001 г. на базе музея-заповедника в Сергиевом Посаде конференцию «Каменный век Европейских равнин». Помимо основных полевых работ В. М. Лозовский неизменно принимал активное участие в деятельности экспериментально-трассологических полевых школ.

Живя и работая в Москве и Подмосковье, В. М. Лозовский всегда тянулся к петербургской археологии, был частым и желанным гостем в ИИМК РАН, окруженным здесь многочисленными друзьями. Именно в нашем Институте он успешно защитил в 2003 г. кандидатскую диссертацию, озаглавленную «Переход от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье по материалам стоянки Замостье 2» (научный руководитель В. И. Тимофеев). Наконец в 2012 г. В. М. Лозовский становится полноправным членом нашего коллектива, заняв должность старшего научного сотрудника в Отделе палеолита.

Помимо основной научной проблематики (мезолит и генезис неолитической культуры на Русской равнине) В. М. Лозовский интересовался широким кругом проблем изучения каменного века, включая палеоэкологию и методику полевых исследований торфяниковых стоянок Центра и Северо-Запада Европейской России, технологию каменных индустрий верхнего палеолита–мезолита. Разнообразие научных интересов и высокий методический уровень исследований неизменно привлекали к В. М. Лозовскому многочисленных коллег из России, ближнего и дальнего зарубежья. Ему удалось установить тесные связи с рядом ведущих научных центров Франции, Испании, Швеции, Швейцарии, Германии, Украины.

Последние годы ознаменовались необычайным всплеском научной и организационной деятельности В. М. Лозовского. В 2013 г. свет увидел внушительный сборник статей по материалам стоянки Замостье 2. В 2014 г. совместно с Гос. Эрмитажем и Кунсткамерой В. М. Лозовским были организованы и проведены две представительные международные конференции «Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы» и «Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы». Наконец, весной 2015 г. практически все специалисты по неолиту Европейской России собрались в Дубовом зале ИИМК, где проходила конференция «Неолит Восточной Европы», посвященная памяти В. П. Третьякова.

Впереди намечались большие планы – монографическая публикация обширных материалов стоянки Замостье 2, организация международной конференции по новейшим методам изучения древней керамики, подготовка к очередному конгрессу по европейскому мезолиту в Белграде. Предполагалось активное участие В. М. Лозовского в работах нашего Института по мезолиту и неолиту Северо-Запада России. Был составлен план написания докторской диссертации с предстоящей в ближайшие годы защитой. Увы, этим проектам так и не суждено сбыться...

С. А. Васильев

Список сокращений

- АВ – Археологические Вести. СПб.
- АГУ – Алтайский ГУ. Барнаул.
- АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. акад. В. В. Седова.
- АН – Академия наук.
- АО – Археологические открытия. М.: Наука.
- БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
- БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
- БМАК – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.
- ВАС – Всероссийский археологический съезд.
- ВВ – Византийский временник. М.
- ГИН – Геологический институт РАН. М.
- ГК – главная компонента.
- ГМЭ – Государственный музей этнографии. Л. (ныне Российский этнографический музей. СПб.)
- ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы.
- ГУ – Государственный университет.
- ГЭ – Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
- ЗИИМК – Записки ИИМК РАН. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН.
- ИА – Институт археологии АН СССР/РАН. М.
- ИБ – Институт востоковедения АН СССР/РАН. М.
- ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб.
- ИНИОН – Институт научной информации по общественным наукам АН СССР/РАН. М.
- КВ – канонический вектор.
- КД – Каракумские древности / Массон В. М. (отв. ред.). Ашхабад: Ылым.

- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.; Л.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАУ – Матеріали з антропології України. Київ: Наукова думка.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
МГУ – Московский ГУ им. М. В. Ломоносова.
НА (НОА) – Научный (научно-отраслевой) архив.
НГУ – Новосибирский ГУ.
НИИ – Научно-исследовательский институт.
ННЗИА – Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород.
НЦ – Научный центр.
ОАВЕС – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ.
ПАЦ – Псковский археологический центр.
ППВ – Памятники письменности Востока.
РА – Рукописный архив.
РАЕ – Российский археологический ежегодник. СПб.: Изд-во СПбГУ.
РАН – Российская Академия наук.
РФЛА – Рентгено-флюоресцентный анализ.
РФФИ – Российский Фонд фундаментальных исследований. М.
СА – Советская археология. М.
СЭ – Советская этнография. М.
ТМАЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции.
Тр. – Труды.
УМС – ускорительная масс-спектрометрия.
ЮНЦ – Южный научный центр РАН. Ростов н/Д.
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
AD – Archaeological discoveries: Moscow: Nauka.
АНРРЛ – Archaeology and history of Pskov and Pskov land.
АНа – Die Ausgrabungen von Haithabu.
АЖА – American Journal of Archaeology.
АЖРА – American Journal of Physical Anthropology.

- AS – Academy of Sciences.
- ASOR – American Schools of Oriental Research.
- ASU – Altai State University.
- BCIA – Brief communications of the Institute of Archaeology of AS of USSR/RAS. Moscow; Leningrad.
- BEUP – The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania.
- IA – Institute of Archaeology.
- IHMC – Institute for the History of Material Culture RAS. Sankt-Petersburg.
- IsIAO – Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente. Roma.
- JAA – Journal of Anthropological Archaeology.
- JAS – Journal of Archaeological Science.
- KA – Karakum antiquities / Masson V. M. (ed.). Ashgabat: Ylym.
- KAS – Kuban Archaeological Conference.
- KPP – Keban Project Publications. Ankara.
- KSC – Kola Science Center.
- MAE – Museum of Anthropology and Ethnography RAS Sankt-Petersburg.
- MAU – Materials on the Anthropology of Ukraine. Kiev: Naukova dumka.
- MD – Manuscript division.
- MSU – Moscow State University.
- NNLHA – Novgorod and Novgorod land: history and archaeology.
- NSU – Novosibirsk State University.
- OIC – Oriental Institute Communications. Chicago.
- PAC – Pskov Archaeological Center.
- QI – Quaternary International.
- RA – Russian archaeology. Moscow.
- RAD – Rapportages Archeologie Deventer.
- RAS – Russian Academy of Sciences.
- RAY – Russian Archaeological Yearbook. St. Petersburg.
- SSC – Southern Science Center of RAS.
- STACA – South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition.
- WMO – Written monuments of the Orient. Moscow: Nauka; Oriental literature.

**Список авторов статей, опубликованных
в «Записках ИИМК РАН», № 12**

Амзараков Петр Борисович	– Россия, 665017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Сектор археологии.
Батасова Анжела Владимировна	– Россия, 191011, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4/1. Российский этнографический музей, Отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана.
Бахшалиев Вели Бахшали оглы	– Азербайджан, Нахичевань, ул. Г. Алиева, 76. Нахичеванское отделение НАН Азербайджана.
Бурлаку Виталий Анатольевич	– Молдова, MD-2012, Кишинев, пр. Штефана Чалмаре, 1. Институт культурного наследия АН Молдовы, Центр археологии.
Васильев Сергей Александрович	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
Вишняцкий Леонид Борисович	– Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
Воскресенская Екатерина Владимировна	– Россия, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29. Институт географии РАН, Лаборатория эволюционной географии.
Громов Андрей Викторович	– Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии РАН, Отдел антропологии.
Казарницкий Алексей Александрович	– 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5. Институт истории СПбГУ, Кафедра этнографии и антропологии.

- Кирчо Любовь Борисовна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Ковалев Алексей Анатольевич – Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН.
- Ковалева Ольга Витальевна – Россия, 665017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Сектор археологии.
- Кононович Александра Юрьевна – Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел истории русской культуры.
- Лазаретов Игорь Павлович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.
- Лунёв Михаил Юрьевич – Россия, 350000, Краснодар, ул. Красноармейская, 90. «Западно-Кавказская археологическая экспедиция».
- Нехорошев Павел Евгеньевич – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Очередной Александр Константинович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Павлова Елена Юрьевна – Россия, 199397, Санкт-Петербург, ул. Беринга, 38. Арктический и антарктический НИИ, Отдел географии полярных стран.
- Питулько Владимир Викторович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.
- Плохов Алексей Вячеславович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.
- Поляков Андрей Владимирович – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

- Редина-Томас Мари-на Андреевна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт восточных рукописей РАН, Отдел Древнего Востока.
- Сатаев Роберт Мидхатович – Россия, 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН.
- Сатаева Лилия Вакиловна – Россия, 450001, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34. Башкирский государственный аграрный университет.
- Соловьева Наталья Федоровна – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел охранной археологии.
- Френкель Яков Викторович – Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Сектор архитектурной археологии.
- Холлидэй Вэнс Т. (Holliday Vance) – Университет Аризоны. 1401 E University, Tucson, Arizona 85721-0066, USA.
- Хоффекер Джон Ф. (Hoffecker John) – Университет Колорадо. Boulder, Colorado, 80309, USA.

Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»

Уважаемые авторы! Обращаем ваше внимание, что с 2014 г. в соответствии с требованиями систем цитирования РИНЦ и SCOPUS правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН» существенно изменились!

Все поступающие статьи проходят независимое рецензирование. После решения о принятии статей к публикации авторам высылаются для подписания лицензионный договор на право использования научного произведения в периодическом издании.

1. Статьи должны представляться в электронном варианте (желательно файл RTF). К статье обязательно должны быть приложены:

– данные об авторе (авторах) – фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, ученые степени и должности всех авторов, полные почтовые адреса учреждений, номера телефона и факса, адреса электронной почты;

– фамилия, имя автора (авторов), название статьи и специальные термины на английском языке;

– резюме (до 2000 знаков) со ссылками на иллюстрации;

– ключевые слова (не более 15);

– список всех сокращений, включая сокращения в названиях издательств;

– иллюстрации – не более 5 (не ксерокопии, желательно оригиналы). Для электронного варианта – разрешение 600 dpi на дюйм в формате TIF для черно-белых иллюстраций (сканировать в режиме Line Art) или не менее 300 dpi на дюйм в формате TIF или JPEG (сканировать в режиме Gray Scale). Каждый файл должен содержать только 1 иллюстрацию;

– подписи к иллюстрациям должны содержать все использованные условные обозначения и даются либо в конце статьи, либо в отдельном текстовом файле.

Если в статье приводятся таблицы или диаграммы, то они должны быть даны отдельным файлом.

2. Объем статей:

а) статьи: текст – до 25 000 символов, включая резюме и ключевые слова (0,6 а. л.);

б) заметки о конференциях, обзоры литературы, информация о научно-организационной деятельности и т. д.: текст до 10 000 символов вместе с пробелами (до 0,25 а. л.).

3. Оформление библиографии:

в тексте статей ссылки на литературу приводятся в круглых скобках (фамилия автора, год, стр.). Например: (Анисюткин 2000: 12–19).

Общий список работ оформляется следующим образом:

– **монографии**

Смекалова, Дюков 2001 – *Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 204 с.

– **сборники статей**

Проблемы археологии Евразии / Мунчаев Р. М. (ред.). Тула: Гриф и К°, 2002. 356 с.

– *статьи в сборниках статей или периодических изданиях*

Моргунова 2002 – *Моргунова Н. Л.* Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии / Мунчаев Р. М. (ред.). Тула: Гриф и К°, 2002. С. 104–116.

Корзухина 1958 – *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси: По материалам медного литья // ВВ. 1958. № 14. С. 129–137.

Черных, Орловская 2004 – *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // Российская археология. 2004. № 1. С. 84–99.

– *авторефераты*

Моргунова 1997 – *Моргунова Н. Л.* Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита–энеолита–ранней бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 1997. 32 с.

– *тезисы научных конференций*

Черленок, Осташицкий 2013 – *Черленок Е. А., Осташицкий С. М.* Раскопки навеса Мешоко в 2011–2012 гг.: задачи, методы, предварительные результаты // Алёшкин В. А., Бессуднов А. А. (ред.). Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: Тезисы науч. конф. молодых ученых Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 44–45.

– *рецензии*

Курбатов 2004 – *Курбатов А. В.* Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Рец. на: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. London, 1998. 105 p., 22 ill. // АВ. 2004. № 11. С. 350–357.

– *архивные материалы*

экспедиционные отчеты или рукописи работ:

Шумкин 1994 – *Шумкин В. Я.* Отчет о работах Кольской экспедиции за 1994 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 22.

Кирчо 1980 – *Кирчо Л. Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении (вопросы происхождения по материалам керамических комплексов): Дис. ... канд. ист. наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-д, д. 271.

прочие архивные материалы:

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 60.

РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1528.

4. Перевод и транслитерация библиографии:

в соответствии с международными требованиями вся библиография на кириллице дополнительно дается в латинской транслитерации и переводе на английский язык. При наличии у цитируемой работы (статьи, книги, сборника) английского (французского, немецкого) названия (резюме) необходимо приводить такие названия и ФИО авторов в круглых скобках после названия на кириллице.

5. Оформление датировок:

при приведении радиоуглеродных и иных датировок следует указывать материал, по которому они были получены. Радиоуглеродные датировки даются в следующем формате: измеренное значение возраста ± стандартное отклонение (код лаборатории–номер образца) единицы времени. Знак ± должен быть отделен пробелом с обеих сторон. Необходимо оговаривать, указан ли возраст в радиоуглеродных годах либо приведено калиброванное значение. В последнем случае в скобках после кода лаборатории и номера образца должно быть указано название калибровочной программы. В тексте должен быть также указан доверительный интервал калиброванной датировки – 1σ (68 %) или 2σ (95 %).

«Записки ИИМК РАН» – 10 лет успешной работы

Институт истории материальной культуры РАН выпускает «Записки ИИМК РАН» с 2006 г. Начиная с 2014 г. выходят два номера журнала ежегодно. Основная задача издания – оперативное введение в научный оборот информации о новейших полевых открытиях, аналитических исследованиях и разработках в области археологии, древней истории России и зарубежных стран, антропологии и применении естественно-научных методов. В специальном разделе постоянно публикуются материалы по истории науки – как по истории самого Института, так и очерки, посвященные выдающимся российским археологам старшего поколения. В разделе «Хроника» представлена информация о заседаниях Ученого совета, Методического семинара ИИМК РАН и проводимых Институтом международных и региональных конференциях. В журнале публикуются статьи российских ученых и специалистов из стран ближнего и дальнего зарубежья (Азербайджан, Молдова, Польша, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Япония). Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2006. № 1. 176 с. ISBN 5-86007-525-1.

Открывают «Записки ИИМК РАН» № 1 серия статей В. П. Любина с соавторами, Вл. А. Семенова, С. А. Васильева и М. Е. Килуновской, а также П. Е. Нехорошева, посвященная исследованиям памятников каменного века Ингушетии, Тувы и Юга Западной Сибири. Материалы новых раскопок погребений неолита–раннего металла на Большом Оленьем острове в Баренцовом море представлены в статье В. Я. Шумкина, Е. М. Колпакова и А. И. Мурашкина. В работах С. В. Красниенко и Ю. А. Виноградова публикуется керамика из поселений раннего бронзового века Южной Сибири и архаического времени на Тамани. В. А. Завьялов рассматривает семантику изображений на терракотовой плитке кушанского времени из Южного Узбекистана, а С. С. Миняев и Л. М. Сахарновская реконструируют ритуальный обряд кургана сюнну в Забайкалье. П. Е. Сорокин впервые вводит в научный оборот новые материалы из могильников древней ижоры XII–XIII вв. в бассейне Невы. Обзор фонда Императорской Археологической комиссии в фотоархиве ИИМК проведен в работе Г. В. Длужневской. В разделе «Хроника» подводятся некоторые итоги деятельности структурных подразделений Института в 2001–2005 гг.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2007. № 2. 295 с. ISBN 978-5-86007-559-7.

Основу «Записок ИИМК РАН» № 2 составили две обширные работы, положившие начало разработке будущей истории Института. Это статья В. А. Алёшкина, посвященная истории Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, который является самым крупным научным подразделением ИИМК РАН, и очерк Г. И. Зайцевой о зарождении, становлении и достижениях радиоуглеродной группы ИИМК РАН, входящей в Лабораторию археологической технологии. В рамках подготовки к юбилею Императорской Археологической комиссии (основана в 1859 г.) следует рассматривать статью А. Е. Му-

сина, посвященную начальным этапам ее существования и сложным взаимоотношениям первых организаторов отечественной археологии. Остальные включенные в сборник статьи представляют результаты исследований, ведущихся в различных подразделениях Института.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2008. № 3. 264 с. ISBN 978-5-86007-603-7.

В «Записках ИИМК РАН» № 3 в разделе «Из истории ИИМК РАН» представлены две большие работы – в статье С. А. Васильева и М. Н. Желтовой освещены этапы развития Отдела палеолита — формирование и развитие научной проблематики, основные экспедиционные проекты, применение новаторских для своего времени методов изучения остатков культуры древнего человека. Ю. А. Виноградов в очерке «Вспоминая Е. Г. Кастанаян» особое внимание уделяет не только научным достижениям исследовательницы, но и огромному человеческому влиянию на коллектив, творческой рабочей атмосфере, которую создавала эта скромная и обаятельная женщина. Статьи М. В. Аниковича, Г. В. Григорьевой, В. В. Питулько и И. В. Верещагиной посвящены новым исследованиям памятников каменного века. Ю. Е. Вострецов анализирует реконструктивные возможности методов изучения раковинных отложений Приморья. Г. Ф. Коробкова приходит к выводу о функционировании в древнейшей культурной общности сложной социальной организации. Различные аспекты культурных взаимодействий на территории Центральной и Восточной Азии рассмотрены в статьях В. М. Массона, Ю. Г. Кутимова и А. А. Ковалева. Работа С. В. Белецкого посвящена анализу так называемых «знаков Рюриковичей» X–XIII вв., а статья А. В. Курбатова – датировке кожаных изделий Пскова рубежа XV–XVI вв. В разделе «Хроника» представлен краткий обзор трех наиболее значимых юбилейных научных мероприятий, прошедших в ИИМК РАН в первой половине 2008 г. В разделе «Международное сотрудничество» публикуется информация Г. И. Зайцевой, П. М. Долуханова и А. Е. Мусина о работе в рамках международных программ, а также очерк Н. В. Хвошинской о новом этапе в развитии археологии Эстонии.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2009. № 4. 264 с. ISBN 978-5-86007-631-0.

В «Записках ИИМК РАН» № 4 в разделе «Из истории ИИМК РАН» публикуются очерк Ю. А. Виноградова и справочный материал С. В. Кашаева по истории становления и развития Отдела истории античной культуры – старейшего Отдела Института. В разделе «Статьи» представлены работы В. И. Ташак, Г. Н. Поплевко и В. Я. Шумкина с соавторами, посвященные исследованиям памятников каменного века Забайкалья, Карелии и Кольского п-ова. А. Д. Резепкин и Г. Н. Поплевко предложили классификацию мисок майкопской культуры Северного Кавказа. В работах А. В. Полякова, Н. Ю. Смирнова, Т. Е. Хахоной и Л. В. Вакуленко рассмотрены вопросы межкультурных контактов в эпоху бронзы и раннего железа, а также артефакты античного времени. Проблемам архитектурной археологии раннего средневековья посвящены статьи Д. Д. Ёлшина и И. С. Никитенко, М. В. Малевской, А. Буко и И. В. Антипова. А. В. Курбатов исследует технические традиции древнерусского кожевенного ремесла. В разделе «Хроника» публикуются доклады сотрудников ИИМК и других научных учреждений Санкт-Петербурга, прочитанные на расширенном заседании Отдела истории античной культуры, посвященном памяти И. Б. Брашинского.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. № 5. 240 с. ISBN 978-5-86007-640-2.

Основой издания «Записки ИИМК РАН» № 5 стали статьи Н. И. Платоновой, А. Н. Кирпичникова и А. А. Песковой, освещающие сложную историю Отдела славяно-финской археологии и яркие личности ученых, составивших научную славу этого подразделения

в разные годы. В разделе «Статьи» публикуются работы, отражающие аналитические разработки, новые открытия и исследования. В статье В. В. Питулько на материалах верхнего палеолита Сибири показано, что распространение микропластинчатых технологий связано не только с изменением основного объекта охоты, но и с изготовлением орудий из кости и рога. Анализируя данные курганов Ноин-Улы, С. С. Миняев и Ю. И. Елихина приходят к выводу о необходимости корректировки общепринятых представлений о хронологии суннуского культурного комплекса в сторону его омоложения. Несколько работ — В. А. Алёкшина, Л. Б. Кирчо, М. Ю. Вахтиной, С. А. Скорого, В. А. Ромашко и С. В. Кашаева посвящены ярким артефактам эпохи энеолита–бронзы и античного времени. В статьях В. Я. Стеганцевой, Н. А. Сутягиной, И. Ю. Шауба и Д. Абдуллоева на материалах катакомбной культуры, античного Боспора, захоронений железного века центральноазиатских кочевников и могильников Средней Азии исследуются особенности ритуальных и погребальных комплексов. Новые данные о кожаных изделиях Мангазеи как источнике реконструкции культуры и ремесла заполярного города вводит в научный оборот А. В. Курбатов.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. № 6. 259 с. ISBN 978-5-86007-680-8.

«Записки ИИМК РАН» № 6 открывают статьи В. Е. Щелинского и Т. А. Шаровской, освещающие предысторию, становление, развитие и нынешние реалии Экспериментально-трасологической лаборатории, яркие личности ученых, составивших научную славу этого подразделения в разные годы. В разделе «Статьи» публикуются работы, отражающие аналитические разработки, новые открытия и исследования. В статьях Е. В. Беляевой, В. Е. Щелинского, В. В. Питулько, С. Н. Лисицына рассмотрены материалы памятников каменного века, полученные в последние годы. В работах Н. А. Дубовой и А. А. Казарницкого освещены проблемы состава населения эпохи бронзы на юге Средней Азии и в Северо-Западном Прикаспии по данным антропологии. Статьи В. А. Алёкшина, С. В. Кашаева и Е. В. Лебедевой посвящены артефактам эпохи энеолита–бронзы и керамике античного времени. Теоретические аспекты сериационного метода как основы археологической хронологии рассматривает Ю. М. Лесман. Статья С. Г. Попова посвящена типологии и хронологии насыпей культуры длинных курганов. В работах В. М. Федорова, Т. С. Матехиной, Д. О. Осипова и А. В. Курбатова анализируются археологические объекты, отражающие особенности соколиной охоты и традиции закладных жертв при строительстве. Наконец, В. И. Кильдюшевский и В. Я. Стеганцева публикуют новые находки, обнаруженные при охранных раскопках в Санкт-Петербурге, которые позволяют детализировать и дополнить данные исторических источников XIX в. В разделе «Хроника» приводится информация о расширенных заседаниях Отделов, посвященных памяти крупных ученых или дискуссионным проблемам.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. № 7. 248 с. ISBN 978-5-86007-714-0.

«Записки ИИМК РАН» № 7 открывает статья Л. Б. Вишняцкого и В. В. Питулько, освещающая дискуссионный вопрос о северной границе неандертальского ареала в Европе. Основная масса работ, публикуемых в разделе «Статьи», отражает аналитические разработки, новые открытия и исследования. В статье Е. Л. Лычагиной и Г. Н. Поплевко проведен комплексный анализ инвентаря неолитической стоянки Восточного Предуралья. Работы Н. Мусейбли, А. Д. Резепкина, А. М. Бианки, Ф. А. Раззокова, Н. Н. Скакун с соавторами, Вл. А. Семенова посвящены новым материалам памятников эпохи энеолита–раннего средневековья Украины, Северного Кавказа и Закавказья, Тувы и Таджикистана. В статье А. А. Казарницкого освещены проблемы формирования степного и лесостепного населения эпохи бронзы Восточной Европы. В статьях А. В. Курбатова, М. И. Васильева и А. Е. Мусина отражены различные аспекты развития технологии и торговых

отношений Древней Руси. Работа Г. П. Визгалова и О. В. Кардаша представляет собой опыт этнической идентификации населения сибирских городов XVIII в. Наконец, В. И. Кильдюшевский и В. Я. Стеганцева публикуют новые данные о системах водоотведения Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. В разделе «Хроника» приводится информация о деятельности научных подразделений ИИМК РАН в 2006–2010 гг., а также о расширенных заседаниях Ученого совета и Отделов, посвященных крупным ученым.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. № 8. 216 с. ISBN 978-5-86007-714-0.

В № 8 «Записок ИИМК РАН» публикуются статьи В. Е. Щелинского, А. А. Зейналова, В. В. Питулько, А. Э. Басилян, Е. Ю. Павловой, Е. Ю. Гири, Х. Кимура, И. И. Разгильдеевой и Г. В. Григорьевой, которые посвящены материалам памятников каменного века и новым методикам их изучения. В работах М. Б. Рысина и М. Т. Кашубы на широком культурно-историческом фоне проведен систематический анализ важных категорий артефактов эпохи бронзы и раннего железа. В. А. Алёшкин подробно рассмотрел стратиграфию Намазга-депе периода поздней бронзы. В статье Д. Абдуллоева прослежено развитие структуры домовладения средневековой Средней Азии по данным археологии, этнографии и письменных источников. Работа А. Н. Егорькова подводит итоги многолетнему изучению роли свинцово-оловянных сплавов в производстве ювелирных изделий у ранних славян. А. В. Курбатов и А. К. Каспаров впервые вводят в научный оборот новейшие или ранее не публиковавшиеся материалы по кожевенному ремеслу и скотоводству средневековых Новогрудка и Выборга. Антропологический состав позднесредневекового населения Терского берега Белого моря рассмотрен в статье И. Г. Ширококова и М. М. Шахновича (по материалам раскопок некрополя Свято-Никольской церкви с. Варзуга). В разделе «Хроника» приводится информация о расширенных заседаниях Отдела палеолита, посвященных юбилеям В. П. Любина и С. Н. Астахова.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014. № 9. 208 с. ISSN 2310-6557; ISBN 978-5-86007-773-7.

В № 9 «Записок ИИМК РАН» в статьях Л. Б. Вишняцкого, Н. Ф. Соловьевой, Е. Г. Старковой, Е. В. Галищевой и К. А. Глазова, А. З. Бейсенова, В. И. Распоповой, А. В. Курбатова и С. В. Бельского впервые вводятся в научный оборот новые или ранее не опубликованные материалы памятников Средней Азии, Северного Кавказа, Центрального Казахстана, Западной Украины и Северо-Запада России разных эпох – от древнего каменного века до средневековья. В статьях А. А. Малотиной и М. В. Саблина, А. М. Гасановой и А. Батасовой с помощью трасологического, спектрально-аналитического и статистического методов получены новые данные об обработке кости в неолите, металлообработке эпохи бронзы и структуре пространственного распределения сельских поселений античного времени. Историографии западного ареала трипольской энеолитической культуры посвящена обширная статья В. В. Терехиной, Н. Н. Скакун и Е. В. Цвек. Находки степной керамики периода поздней бронзы на древнеземледельческих поселениях подгорной полосы Копетдага подробно рассмотрел В. А. Алёшкин. В работах К. К. Шилика и С. С. Миняева затронуты проблемы соотношения сведений исторических источников и данных археологии. С. В. Воронятов продолжил дискуссию о постзарубинецких хронологических горизонтах, а А. Е. Мусин проанализировал возможные византийские импульсы в культуре раннесредневековой Западной Европы. В разделе «Хроника» приводится информация о международной трасологической конференции, а также о расширенных заседаниях Ученого совета Института, проведенных совместно с Отделом палеолита и Отделом истории античной культуры и посвященных научному вкладу крупных зарубежных и отечественных исследователей – Х. Кимуры, Е. Г. Кастанаян и Е. И. Леви.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2014. № 10. 208 с. ISSN 2310-6557; ISBN 978-5-86007-781-2.

В № 10 «Записок ИИМК РАН» в статье В. В. Питулько и Е. Ю. Павловой рассмотрены новые свидетельства расселения человека в Сибирской Арктике в финальном плейстоцене. В. Б. Бахшалиев, Т. И. Ахундов, А. Д. Резепкин, В. А. Трифонов, Д. Абдуллоев, Р. В. Стоянов и А. Эрим-Оздоган впервые вводят в научный оборот новые материалы из памятников Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии и Пропонтиды разных эпох – от энеолита до средневековья. К. Н. Степанова с помощью трасологического метода изучила терочные плитки позднепалеолитической стоянки Чулатово 2. В статье Е. Ю. Захаровой показаны значение и роль Костёнковской экспедиции ЛОИА АН СССР в становлении археологии в Воронежском университете. Л. Б. Кирчо систематизировала данные о стратиграфии Ак-депе – одного из ключевых поселений эпохи энеолита–бронзы в Южном Туркменистане. М. Т. Кашуба рассмотрела проблему воинских захоронений в среде оседлого населения на примере погребений с копьями культуры Шолдэнешть на Среднем Днестре. Уникальной находке бронзового котла в Пенджикенте (древний Согд) посвящена работа В. И. Распоповой. В разделе «Хроника» приводится информация о расширенных заседаниях Ученого совета Института, проведенных совместно с Отделом Центральной Азии и Кавказа и Отделом истории античной культуры и посвященных памяти крупных отечественных исследователей – А. М. Беленицкого и И. Г. Шургая.

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015. № 11. 192 с. ISSN 2310-6557; ISBN 978-5-86007-809-3.

В № 11 «Записок ИИМК РАН» в статье К. Н. Степановой разработана основа классификации ударно-абразивных инструментов эпохи верхнего палеолита. Е. М. Колпаков проанализировал сцены морского промысла в наскальном искусстве Фенноскандии. Н. Н. Скакун и В. В. Терехина систематизировали данные об использовании костного сырья на трипольском поселении Бодаки. В статье С. Бобомуллоева, Н. М. Виноградовой и Б. Бобомуллоева впервые вводятся в научный оборот материалы нового могильника эпохи бронзы в Юго-Западном Таджикистане, а в работе А. А. Казарницкого – палеоантропологические материалы античности и нового времени из Новосёловского городища в Краснодарском крае. Уточнению хронологии и типологии ряда археологических категорий раннего железного века, античности и Древней Руси посвящены работы М. Т. Кашубы, В. А. Горончаровского и А. Е. Терещенко, а также К. В. Горлова. В статье Ю. А. Виноградова проведен анализ внутренней структуры царского склепа конца II–начала III в. н. э. на Карантинном мысу в Керчи. Использование вьючного транспорта в древнем Согде на основе изображений в живописи Пенджикента освещено В. И. Распоповой. А. В. Курбатов проследил своеобразие традиции использования кожи для письма в древнерусских городах. В разделе «Из истории науки» публикуется дискуссионная статья Л. С. Клейна, критикующего современную концепцию культурогенеза. В разделе «Хроника» приводится информация о расширенном заседании Ученого совета Института, проведенном совместно с Отделом истории античной культуры и посвященном юбилею В. А. Горончаровского.

Научное издание

**ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
№ 12**

Редактор *Е. А. Гольдич*
Корректор *Е. А. Гольдич*
Верстка *Н. В. Коробовой*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 18.11.2015. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 12,5. Печ. л. 15.
Тираж 300 экз. Заказ 111

Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86
Тел.: (812) 322-6843
e-mail: biont11@mail.ru

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга – почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>